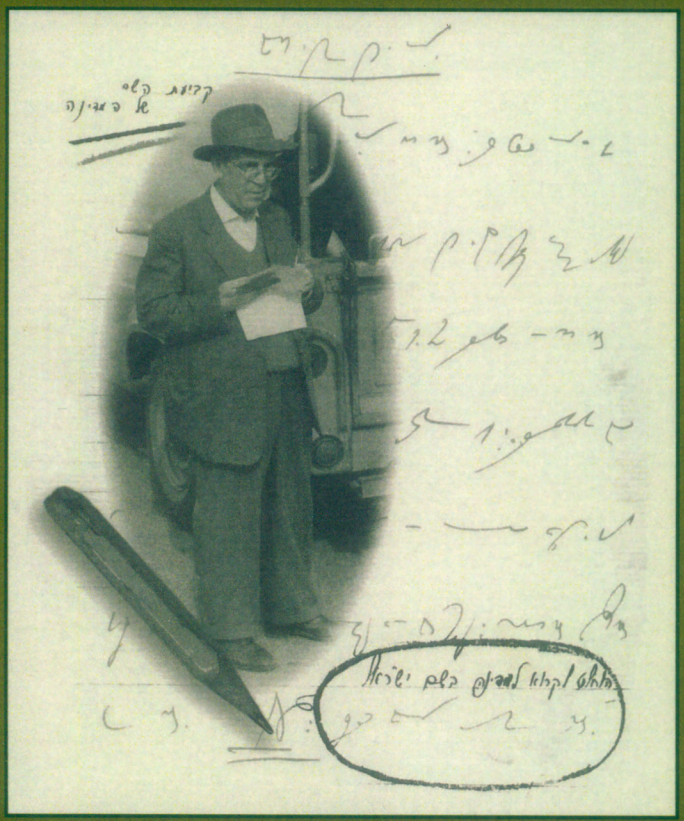
ИДЕМТЕ ЖЕ ОТСТРОИМ СТЕНЫ ЙЕРУШАЛАИМА

Кн.2. Они создавали историю

ИЕРУСАЛИМ
2006

RUSSIAN JEWRY ABROAD. Vol. 14

LET US BUILD THE WALL OF JERUSALEM

JEWS FROM RUSSIA IN PALESTINE / ISRAEL

Book 2. They made history

Compiled and edited by
Rena PARKHOMOVSKAYA

Editorial Board:
Dan Haruv, Masha Nadra, Abram Solomonik

Jerusalem
2006

РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ. Том 14

ИДЕМТЕ ЖЕ ОТСТРОИМ СТЕНЫ ЙЕРУШАЛАИМА

ЕВРЕИ ИЗ РОССИИ В ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ И ГОСУДАРСТВЕ ИЗРАИЛЬ

Книга 2. Они создавали историю

Редактор-составитель
Рена Пархомовская

Редакционный совет:
Маша Надра, Абрам Соломоник, Дан Харув

Иерусалим,
2006

Научно-исследовательский центр
РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ
Научный руководитель *Михаил Пархомовский*

Том 14

ИДЕМТЕ ЖЕ ОТСТРОИМ СТЕНЫ ЙЕРУШАЛАИМА
(ЕВРЕИ ИЗ РОССИИ, СССР и СНГ
В ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ И ГОСУДАРСТВЕ ИЗРАИЛЬ)
Кн.2. Они создавали историю
Редактор-составитель:
Рена Пархомовская

Редакционный совет:
Маша Надра, Абрам Соломоник, Дан Харув

Иерусалим, 2006

© НИ центр Русское еврейство в зарубежье
mipar@barak-online.net
© Авторы статей

НИЦ РЕВЗ и редактор-составитель сердечно благодарят Ефима Михайловича Гуревича за помощь в издании книги.

Research Centre for RUSSIAN JEWRY ABROAD
Director for Scholarly Works *Mikhail Parkhomovsky*

Volume 14

LET US BUILD THE WALL OF JERUSALEM
RUSSIAN JEWS IN PALESTINE / ISRAEL
Book 2. They made history. Jerusalem, 2006

Compiled and edited by
Rena Parkhomovskaya

Editorial Board: *Dan Haruv, Masha Nadra, Abram Solomonik*

RC RJA and compiler-editor are grateful to mr. Yefim Mikhailovich Gurevich for his help in publishing of this book

ISBN 965-222-911-3

На обложке: Яков Маймон на фоне стенограммы решения о принятии названия Государства Израиль.

Несколько вступительных строк

Эта книга посвящена евреям из России, приехавшим в Эрец-Исраэль, или уже в Израиль, которые внесли большую лепту в политическую и культурную жизнь страны, а то и определили ее современные черты. Некоторые из наших героев недостаточно известны или уже полузабыты, и мы пытаемся поднять их из небытия.

Большое спасибо руководителю Центра – моему мужу Михаилу Пархомовскому за его помощь в создании книги – кропотливую работу при ее редактировании, построении и оформлении. Без его участия книга вряд ли бы состоялась.

Рена Пархомовская

Всё начинали с нуля

Рассказ о братьях Цви и Якове Маймонах

Из истории создания ивритской стенографии и добровольческого движения

Рут Корецки-Маймон (Киббуц Цор'а)
Перевод с иврита Рены Пархомовской

Яков и Цви родились в городе Либава (теперь Лиепая) Курляндской губернии России. После Первой мировой войны эта часть Российской империи стала самостоятельной Латвией.

В семье Беллы и Элияху Цадока Вассерманов было девять детей – семь сыновей и две дочери. Яков и Цви – из младших. Яков родился 25 июля 1902 года, Цви – в 1903 году, 26 ноября.

Все дети получили традиционное еврейское образование. Дедушка со стороны отца, Нафтали Беньямин Бейнуш Вассерман, и дед со стороны матери, Гилель Боркум, обучали маленьких детей со всем пылом верующих хасидов. Гилель Боркум был вообще очень одаренным человеком, его работы по стеклу и дереву, сохранившиеся в семьях близких, вызывают восхищение нестандартностью замысла и виртуозностью исполнения.

Отец, рав Элиягу, много времени проводил в синагоге и на занятиях в Бейт-Мидраш[1], поэтому основные заботы по обеспечению семьи и домашние хлопоты легли на мать. Источником дохода был маленький тесный магазинчик по продаже продуктов и мелких бытовых предметов, и старшие дети помогали матери.

Несмотря на изнурительные заботы о хлебе насущном, родители старались дать детям хорошее образование.

Отец учил малышей грамоте по молитвеннику («Сидур»), а в шесть лет они поступали в хедер[2] и начинали серьезно учить Тору.

Каждую субботу отец разбирал с детьми, в основном с сыновьями, недельную главу Торы и разделы из Танаха. Иногда к ним присоединялись девочки и тоже знакомились с Торой. Когда детям исполнялось восемь лет, их переводили в обычную школу, где учились по утрам. Таким образом, у них получалась двойная нагрузка: по утрам занятия в светской школе, вечером – в хедере.

---

[1] Бейт-Мидраш (Дом ученья) – место изучения Торы и раввинистической литературы.

[2] Хедер – еврейская школа для мальчиков, в младшей группе которой дети обучались, начиная с трех лет.

В августе 1914 года началась Первая мировая война, и через несколько месяцев немцы вошли в Либаву. В течение полугода школы были закрыты. Во время вынужденного безделья дети не только играли, ссорились, мирились, но и овладели игрой в шахматы.

Когда школы открылись, они вновь начали учиться, но теперь преподавание велось на немецком языке.

Среди военных, находившихся в Либаве, был сержант-еврей, который добровольно проводил по вечерам уроки по ведению бухгалтерского учета и немецкой стенографии. Братья Яков и Цви вместе с сестрами Иоанной и Линой стали посещать эти занятия.

Преподавание немецкой стенографии ограничивалось в основном теорией, но Якову это занятие очень пришлось по душе, и он начал практиковаться в записи текстов и даже достиг неплохой скорости в написании. И так как из-за войны в школах не хватало учебников, Яков старался во время уроков стенографировать рассказы учителей.

Война сократила и без того небогатые доходы Вассерманов, поэтому после окончания семилетки дети не смогли дальше учиться, а вынуждены были помогать семье. Через год старшая сестра Лина получила работу в аптеке и взяла на себя заботу о продолжении учебы младших братьев.

В это время в среде еврейской молодежи начал пробуждаться сионизм. В средней школе было несколько учителей, понимавших смысл и значение этого течения. Так в Либаве появилась группа хе-Халуц[3]. Сионистские настроения увлекли и братьев Вассерманов, и они начали осознавать свою связь с Эрец-Исраэль. Незадолго до провозглашения независимости Латвии, 2 ноября 1917 года была принята Декларация Бальфура о воссоздании еврейского национального очага в Палестине – Эрец-Исраэль. Говорили о возможном появлении еврейского правительства и назначении министрами Хаима Вейцмана[4], Менахема Усышкина[5], Нахума Соколова[6], а

---

[3] Халуц – пионер, первопроходец, активист движения за возвращение в Эрец-Исраэль, заселение и освоение древней земли, создание научных и культурных структур.

[4] Хаим Вейцман (1874, Мотол, Могилевской губернии, – 1952, Реховот), первый президент Государства Израиль, президент Всемирной сионистской организации, ученый-химик.

[5] Менахем Усышкин (1863, Дубровна, Могилевской губернии, – 1941, Иерусалим) – известный лидер сионистского движения, противник создания еврейского государства в Уганде, президент Еврейского нацио-

юноши, полные надежд, открыто прикалывали к лацканам своих пиджаков бело-голубые ленточки – символ флага будущего государства.

Давид Бен-Гурион и Цви Маймон

Семья Вассерманов перебралась в Ригу. Здесь Цви закончил Еврейский педагогический институт, здесь познакомился с Диной Тух, которая в 1925 году стала его женой. У Дины и Цви родились в Риге двое детей – Рут и Арнон. Молодые люди работали учителями в 6-ой городской еврейской школе Риги, – в Латвии, отделившейся от России, еврейские школы входили в общую систему образования. Преподавание велось на иврите, а Дина и Цви воспитывали своих учеников в духе еврейской культуры, преданности сионизму и осуществления «халуцианства». Дома с детьми они тоже говорили на иврите, а на стене висела синяя коробочка Керен Каемет[7] для сбора пожертвований. Много времени занимало у родителей участие в

нального фонда Керен Каемет ле-Исраэль, один из инициаторов создания Еврейского университета в Иерусалиме.

[6] Нахум Соколов (1859, Вышегрод, близ Плонска, Польша, – 1936, Лондон), один из ведущих лидеров сионизма, возглавлял комиссию, которая работала над наиболее благоприятными для евреев формулировками будущей Декларации Бальфура, в двадцатые годы и начале тридцатых годов – президент Всемирной сионистской организации и председатель Еврейского Агентства (Сохнут), осуществляющего связи с евреями диаспоры для привлечения их в Израиль.

[7] Керен Каемет ле-Исраэль (Еврейский национальный фонд) – фонд сионистского движения для приобретения и освоения земли в Эрец-Исраэль. Основан на 5-м Сионистском конгрессе в Базеле.

сионистском движении, которым буквально была «заражена» еврейская молодежь Риги.

В 1922 году Яков получил разрешение на отъезд в Палестину, став первым репатриантом в семье. Уехал он с группой товарищей-халуцим на пароходе и там, в дороге, изменил фамилию Вассерман на Маймон. Все братья, приехавшие затем в Палестину, – Цви, Натан и Моше тоже приняли эту фамилию. В Иерусалиме Яков встретил девушку, уроженку Хеврона, из семьи восточных евреев, по имени Эстер. В 1925 году они поженились, от этого брака родилось четверо детей – Бенцион, Эмануэль, Рахель и Арье.

Третья волна алии (1919 – 1923) принесла в страну много молодых, образованных специалистов. Всего за это время приехало 35 тысяч человек, 53% из них – из России. К 1925 году по сравнению с 1919-м, то есть началом третьей алии[8], еврейское население страны увеличилось вдвое и составило 108 тысяч человек. Рабочих мест не хватало, найти подходящую работу было очень сложно.

Яков обратился в бюро по трудоустройству. Когда его спросили, что он умеет делать, сказал, что лучше всего знает немецкую стенографию. На это служащий ответил ему: *«Сейчас чрезвычайно нужна ивритская стенография, в частности, для заседаний в Асефат ха-нивхарим (Собрание народных депутатов евреев Подмандатной Палестины) и Ваад Леумми*[9]*. Идите и учите ивритскую стенографию».*

Яков пошел в Национальную библиотеку и занялся изучением имеющихся пособий. До Якова Маймона три человека делали попытку составить учебник стенографии: Темес, Бен-Исраэль и Шаргородская. Книги давали лишь теоретическую основу; попытки применить стенографию на практике оказались безрезультатными, – этот способ не обеспечивал скорости, необходимой для записи лекций, речей и докладов. Поэтому на съездах и заседаниях секретари успевали записать на иврите только суть выступления, да и то при размеренном темпе речи. Яков решил попробовать, насколько возможно применить в иврите хорошо известный ему метод немецкой стенографии.

---

[8] Алия – переселение евреев в Израиль на постоянное жительство. Отсюда «олим» – репатрианты.

[9] Ваад Леумми (Национальный комитет) – исполнительный орган Асефат ха-нивхарим (Собрание народных депутатов евреев Подмандатной Палестины). Ведал внутренними делами ишува, представлял его в отношениях с британскими властями и арабскими лидерами.

Различия языков, конечно же, смущали Якова, и порой такая идея казалась ему самому неосуществимой. Но в процессе записей, проверок их качества и скорости выяснилось, что этот способ значительно эффективнее. Яков начал совершенствовать свой метод и технику стенографии и расшифровок.

Речь израильтян, как правило, эмоциональная и быстрая. Чтобы «набить руку», Яков начал тренироваться на совещаниях в различных учреждениях, проверяя полноценность и скорость записи. Он постоянно посещал заседания иерусалимского отделения Гистадрута[10] и партии Ахдут ха-авода (Единство труда)[11], к которой затем примкнул.

Судьбоносным в его эксперименте стала запись речи Шломо Капланского[12], лидера оппозиции в партии Ахдут ха-авода. Капланский говорил размеренно, и Якову удалось полностью записать его выступление.

Председатель правления Еврейского Агентства (Сохнут)[13] Бен-Гурион, бывший в это время в отъезде, по возвращении в Эрец-Исраэль хотел узнать, о чем говорил на заседании Капланский. Ему сказали, что какой-то юноша, увлекающийся стенографией, записывал это выступление. Бен-Гурион запросил письменные материалы и получил стенограмму и расшифровку речи Капланского. Его поразил этот отлично записанный полный текст, и он предложил Якову быть его постоянным стенографом. Понятно, что от такого предложения Яков не отказался…

Это было очень хорошим началом для новорожденной иврит-ской стенографии по методу Маймона. Через некоторое время

---

[10] Гистадрут – Всеобщая федерация еврейских трудящихся, основанная в декабре 1920 года представителями второй и третьей алии.

[11] Ахдут ха-авода – сионистско-социалистическое движение в Эрец-Исраэль, ставшее затем частью социал-демократической рабочей партии в Эрец-Исраэль.

[12] Шломо Капланский (1884, Белосток, – 1950, Хайфа) – руководитель отдела поселенческой деятельности в правлении сионистской организации в Иерусалиме, советник по экономическим вопросам при Гистадруте, с 1932 года – директор Хайфского Техниона.

[13] Сохнут (Еврейское Агентство) – международная организация, осуществляющая связь между евреями Израиля и стран рассеяния. Цели этой организации были установлены в период Британского мандата – развитие и заселение Эрец-Исраэль для создания еврейского национального очага.

Якову удалось записать выступление Берла Кацнельсона[14], говорившего со скоростью 140 слов в минуту. Это был уже *высший пилотаж*.

Со временем к Якову все чаще обращались с просьбами записывать выступления ведущих сионистских, общественных деятелей, писателей – Хаима Вейцмана, Нахума Соколова, Хаима Нахмана Бялика[15] и других. Он также стенографировал передачи подпольной радиостанции Коль ха-Хагана[16], которую удавалось «ловить» только в редких местах.

Яков ощущал особую ответственность за эти стенограммы, имевшие историческое значение, – без его записей многие выступления «учителей поколения» наверняка были бы безвозвратно утеряны.

Слухи о возможности овладеть ивритской стенографией распространились по ишуву[17], и к Якову стали обращаться люди с просьбами обучить их этой специальности. Яков пришел к мысли о необходимости издания руководства по практической стенографии. Но личных денег не было, а издать книгу на общественные средства не представлялось возможным. Яков решил выпустить эту книгу в Германии. Феликс фон Коновский, автор немецкого способа стенографирования, который Яков использовал для иврита, обещал свою помощь.

В 1929 году, перед Сионистским конгрессом, который должен был состояться в Цюрихе, Яков предложил свои услуги в качестве стенографа на немецком и иврите. Конгресс, думал он, это не только престижное место и возможность заработать. Цюрих находится рядом с Германией, может быть, удастся поехать к Коновскому и заняться изданием Руководства по ивритской стенографии в соответствии с новой методикой.

---

[14] Берл Кацнельсон (1887, Бобруйск, – 1944, Иерусалим) – руководитель и идеолог рабочего сионистского движения в Палестине, вместе с Бен-Гурионом возглавил движение в партии Мапай против мандатных властей.

[15] Хаим Нахман Бялик (1873, Рады, Волынь, – 1934, Вена) – выдающийся еврейский поэт и переводчик, положивший начало современной еврейской народной песне на иврите.

[16] Коль ха-Хагана (Голос Обороны) – радиостанция подпольных вооруженных сил, созданных еврейским ишувом в 1920 году и ставших основой Армии Обороны Израиля.

[17] Ишув – собирательное название еврейского населения в Эрец-Исраэль.

Глава канцелярии Сионистского конгресса доктор Хуго Герман воспротивился приему Якова на работу. Он не знал ни Якова, ни уровня его подготовки, а все предыдущие попытки стенографирования речей на иврите в конгрессах были неудачными. В итоге Якова все-таки приняли, но лишь как стенографа на одном языке – иврите. И так как количество речей на нем предполагалось быть ограниченным, доктор Герман предупредил Якова, что канцелярия не покроет расходы на его поездку, а ограничится оплатой работы на заседаниях.

הסוכנות היהודית לארץ-ישראל
מחלקת העליה והעבודה
ירושלים
JEWISH AGENCY FOR PALESTINE
DEPARTMENT OF IMMIGRATION AND LABOUR
JERUSALEM
Palestine Office Riga משרד א"י
תעודת-עליה
PALESTINE IMMIGRANT CERTIFICATE
No. 719 מס'
Cat. C סוג
השם (בעברית)
(בכתב לטיני) Name
Palestine
18 VI 35 נתנה ביום

Удостоверение репатриантов – Цви Вассерман с семьей. Девочка на фотографии – Рут, автор статьи

Основным языком дискуссий на 16-м конгрессе был немецкий, иврит практически не звучал, и у Якова сложилось ощущение, что он так и останется невостребованным. К счастью Якова, нагрузка на немецких стенографов была так велика, что они не справлялись и обратились к нему за помощью.

К большому удивлению коллеги обнаружили, что стенограф Маймон работает очень хорошо и включили его в группу стенографистов-германистов.

Берл Кацнельсон, который должен был подняться на трибуну, знал за собой недостаток – торопливую речь и решил говорить на идиш. Тогда обратились за помощью к Якову, который согласился записать выступление Кацнельсона на иврите. Яков вновь доказал свои способности и возможности ивритской стенографии.

Доктор Хуго Герман, убедившись в отличной работе стенографа, поблагодарил Якова Маймона и извинился за то, что

отказывался принимать его на работу. Отмечая качество записанных речей, председатель конгресса сказал, что до сих пор даже не представлял таких возможностей ивритской стенографии, однако расходы на проезд оплатить отказался, так как бюджет по этому разделу был исчерпан. Зато пообещал, что, ввиду большой нужды в стенографистах на иврите, поможет компенсировать часть расходов по изданию книги.

Учебник ивритской стенографии, составленный и подготовленный к печати Яковом Маймоном, вышел в свет только в 1938 году.

Успехи Якова на Сионистском конгрессе во многом способствовали известности его методики. Для внедрения и практического применения нового способа стенографирования Якову нужен был помощник, энтузиаст, который поддержал бы его дело и был бы уже достаточно знаком с методом Маймона, – человек, который мог быть практическим стенографом и, одновременно, преподавателем. Он пришел к выводу, что лучшего помощника, чем брат Цви, ему не найти. Но Цви пока еще жил в Латвии.

Цви хорошо знал иврит с детства, даже преподавал иврит в еврейской школе, он изучал немецкую стенографию вместе с Яковом и хотел уехать в Палестину. Во время переписки с Яковом Цви ознакомился с его методом и продолжительное время практиковался в записях стенограмм. Когда Яков предложил ему участвовать в совместной работе, Цви отнесся к этому очень серьезно и стал усиленно тренироваться, чтобы достичь нужной скорости.

Единственным препятствием в плане братьев оставалось получение разрешения на репатриацию Цви с семьей в Эрец-Исраэль.

Для получения права на въезд в Палестину нужно было иметь специальность, востребованную в стране. В своем прошении Яков подчеркнул, что Цви может сразу приступить к работе. Место ему обеспечено, а уровень подготовки известен Якову, и он не сомневается, что брат быстро зарекомендует себя в качестве стенографа, необходимого на заседаниях общественных организаций и самого Сохнута. Яков обратился за поддержкой к видным деятелям ишува: судье доктору Моше Змора, который после создания Государства Израиль стал первым председателем Верховного суда, Берлу Кацнельсону и другим. Он просил поддержать его ходатайство, объяснить важность стенографии и рекомендовать в качестве первого кандидата в помощники его брата Цви, тогда еще Вассермана. Но и именитым просителям ничего не удалось.

Убедившись, что дело «застряло», Яков продолжил свое давление и известил Еврейское Агентство, что в случае отказа в его просьбе прекратит работать стенографом на всех заседаниях и пленумах, включая Сохнут, а все свое время посвятит совершенствованию существующих разработок и преподаванию методики. Он отказался также от участия в Сионистском конгрессе, которому подчинялся Сохнут. Конгресс должен был состояться в сентябре 1935 года. Вот текст его письма:

Яков Маймон на фоне стенограммы заседания 12 мая 1948 года, где было принято название Государства Израиль

26. 5. 1935, 23 ияра 5595, Иерусалим.

Уважаемое руководство Еврейского Агентства (Сохнут) – (алеф-юд)

В соответствии с извещением, полученным мною в отделе репатриации, господин Гринбойм ни в коем случае не согласен дать разрешение на репатриацию моему брату, Цви Вассерману, стенографу и специалисту в данной области. Господин Гринбойм мотивирует свой отказ тем, что вслед за Цви приедет также наш брат Моше. Свою просьбу о репатриации Цви я подавал год и четыре месяца тому назад. Обдумав сложившуюся ситуацию, я пришел к выводу, что все свободное время должен посвятить преподаванию ивритской стенографии и ее распространению. Учитывая свою занятость, к сожалению, не смогу больше отзываться на просьбы различных организаций, в ущерб преподавательской и практической работе. Не могу также откликнуться на просьбу руководства сионистского движения приехать в Лондон для участия в работе на ближайшем конгрессе.

С уважением Я.Маймон.

Обращает на себя внимание указание в обращении букв *алеф-юд*. В подмандатной Палестине британские власти разрешили в

документах на иврите обозначать эти буквы в качестве аббревиатуры слов «Страна Израиль», тем самым выражая свое согласие на создание национального очага еврейского народа в Палестине.

В итоге Цви с семьей получил разрешение на репатриацию в 1935 году.

Сразу же по приезде Цви присоединился к Якову и стал ему помогать. Он оправдал надежды брата, и его работа в качестве практического стенографа получила высокую оценку.

Семья Цви обосновалась в Иерусалиме, где его жена начала работать с «трудными» детьми, помогать им в учебе и морально поддерживать. Многие ученики Дины обязаны ей своими жизненными и профессиональными успехами. Пройдя нелегкое детство, они научились сопереживать другим людям и помогать им состояться.

В январе 1936 года Цви начал работать в Иерусалимском отделении Сохнута и продолжал оставаться там до мая 1948 года. В это время у него сложились хорошие отношения с Бен-Гурионом. В 1942 году Цви был назначен его личным секретарем и выполнял эту работу до момента создания Государства, а затем перешел в Канцелярию главы правительства, вначале, как стенограф при Временном государственном совете, а затем в Кнессете.

12 мая 1948 года ему посчастливилось записывать обсуждение названия провозглашенного государства, получившего имя – Государство Израиль.

Цви сохранил страницу стенограммы и добавил расшифровку на обычном иврите: «Определение названия Государства». И далее: «Решено дать название Государству – Израиль».

В период работы Цви с Бен-Гурионом их отношения стали дружескими. Когда Бен-Гурион ушел в отставку и переехал в Сде-Бокер, Цви написал ему прощальное письмо с лучшими пожеланиями и признанием, что работа рядом с таким руководителем в течение восемнадцати лет была для него большой радостью.

Бен-Гурион ответил ему:

1.2. 1954, Сде-Бокер.

Дорогой Цви!

Я получаю сейчас много писем, полных восхвалений. Но среди них почти нет таких, которым бы я так радовался, как твоему. Я хорошо узнал тебя во время нашей совместной работы, чувствовал твою искренность и преданность, прямоту и чистосердечность. Слова таких людей дороги мне.

Поля присоединяется к моим лучшим пожеланиям.
Твой Бен-Гурион.

Сердечные отношения между Цви и Бен-Гурионом продолжались в переписке. Цви, будучи знатоком иврита, не раз указывал Бен-Гуриону на его ошибки, извиняясь при этом, что утруждает придирками такого большого человека.

Бен-Гурион отвечал ему: *«Чтение твоих замечаний – это не беспокойство, это удовольствие и польза... Вторая поправка абсолютно справедлива, что же касается первой, – то она вызывает у меня сомнения в твоей правоте...»*

Яков в это время продолжал работать в Керен ха-Иесод[18]. Параллельно он преподавал стенографию в школе Слиосберг и в качестве стенографа принимал участие в различных совещаниях и конференциях.

В конце 1950 года Яков начал работать в среде новых репатриантов. С 1948 по 1951 год в страну приехали 684 тысячи олим, на одну треть больше, чем за семьдесят лет, предшествовавших созданию государства. Если учесть, что на 8 ноября 1948 года численность еврейского населения в стране была 716,7 тысяч человек, то получается, что на каждого старожила приходился почти один вновь прибывший. Алия начала 50-х годов с Востока привела в страну много неграмотных людей, особенно среди женщин старшего возраста, обремененных большими семьями. Надо было дать им хотя бы начальное образование – научить чтению и письму на иврите и арифметике.

Новых граждан селили в палаточных городках, в барачных домиках из жести, где летом была страшная духота, а зимой холод. Положение было удручающим.

Понять ситуацию помогла Якову его жена, Эстер, которая представляла «Иргун имахот овдот» («Организация работающих матерей»). Побывав в олимовских поселках, Яков решил привлечь добровольцев, – никакие общественные организации просто были не в состоянии принять нахлынувший поток репатриантов.

Яков и Эстер работали совместно и, по существу, дали толчок добровольческому движению. У добровольцев был лозунг: «Присоединяйся к нам и внеси свою лепту в строительство нации и страны». Маймону с группой энтузиастов удалось подключить к

---

[18] Керен ха-Иесод – основной финансовый орган Всемирной сионистской организации и финансовый фонд Еврейского Агентства. Основан в Лондоне в 1920 году.

движению сотни и тысячи людей различного возраста из всех слоев общества – членов молодежного движения, студентов, учеников, пенсионеров, солдат-резервистов и ответственных работников. Приезжали и добровольцы из-за границы, говорившие, что эта работа – самое лучшее, что было у них во время пребывания в Израиле. Добровольцы из США помогали детям изучать английский язык. Объездив многие поселки, Яков пришел к выводу, что важнее всяких официальных встреч личные беседы, которые помогут старожилам лучше понимать и принимать новых жителей страны. Большой проблемой было овладение ивритом. Далеко не все могли приходить на курсы, созданные Министерством просвещения и общественными организациями, особенно это касалось женщин, имеющих детей. Яков организовал группы добровольцев, которые ходили по домам и обучали репатриантов ивриту, к большому удивлению людей, привыкших, что о них вспоминают лишь по политическим соображениям… Появление добровольцев не было эпизодическим, они приходили каждую неделю, помогая не только в учебе.

Первыми районами волонтерской работы стали Иерусалим и его пригороды. Связь между поселками не была налажена, и всякий раз нужно было добиваться транспорта для доставки добровольцев.

Постепенно министерства и общественные организации начали понимать важность затеянного в Иерусалимском округе движения. Однажды президент Эфраим Кацир[19] побывал на уроках Якова и его помощников в палаточном городке в Мевассерет-Цион и беседовал там с репатриантами на иврите, идиш, английском и русском… 27 лет занимался Яков Маймон добровольческой деятельностью в среде репатриантов, видя в алие будущее страны. В письме от 12 июля 1966 г. Давид Бен-Гурион писал ему: *«Дорогой Яков Маймон! Продолжайте свою благословенную работу – пусть увеличится число таких "сумасшедших", как Вы».*

Цви, постоянный сподвижник Якова, занимался тогдашним пригородом Иерусалима Тальпиотом, где размещался палаточный городок. Он организовывал помощь олим вплоть до своей внезапной кончины в 1965 году. Ему было всего 62 года. Бен-Гурион, узнав о его смерти, послал семье такое письмо.

---

[19] Эфраим Кацир (Качальский; 1916, Киев) – 4-ый президент Государства Израиль.

13. 1. 1965, Тель-Авив.

Дорогая семья Цви Маймона!

Утром был ошеломлен известием, что Цви Маймона больше нет с нами. Это страшная боль и потрясение не только для вас, членов семьи, но и для его товарищей и друзей, особенно – для меня, который удостоился работать с ним в тесной связи и абсолютном доверии до и после создания Государства. Я знал его замечательные качества, его безграничную преданность, такую редкую в жизни. Он был человеком, которому можно было доверять строжайшие секреты с полной уверенностью в его надежности. Всю жизнь он посвятил одной задаче, – преданно служить возрождению нашего народа, его языка, собиранию евреев в Израиле, созданию государства. Все годы, что я его знал, Цви был скромным человеком, искренним, сердечным и правдивым. И вот, внезапно, его отняли у нас. Чем я могу вас утешить?

Ваш Д. Бен-Гурион.

На траурной церемонии, через два года после смерти Цви, Бен-Гурион сказал:

Яков Маймон занимается ивритом с семьей йеменских репатриантов

Я имел честь работать с Цви Маймоном с момента основания государства, все время, что я находился в правительстве, и до того более десяти лет в Еврейском Агентстве. На правительственных заседаниях еженедельно или, как минимум, раз в две недели, возникали споры, каким образом просочилась информация, которая должна была оставаться в тайне. И лишь один человек в стране оставался вне подозрений, хотя знал государственные секреты, не известные даже всем членам правительства, ибо не все постоянно приходили на заседания или

присутствовали там... Цви бывал на всех совещаниях от начала до конца. Он не мог отвлечься даже на секунду или не обратить внимание на то, что говорилось, так как должен был все стенографировать и расшифровывать. Он один знал все государственные тайны, но каждый понимал, что от него невозможно услышать, что происходит в правительстве.

Бен-Гурион.

Вскоре после смерти Цви Маймона Керен Каемет посадил в его честь участок леса возле киббуца Цор'а.

Газета «Ле мирхав» («На просторах») по этому поводу писала:

Сосновая роща в честь Цви Маймона, (да будет благословенна его память), правительственного стенографа, посажена работниками Керен Каемет на возвышенности, с которой открывается вид на киббуц Цор'а и поселок Бейт-Шемеш. На церемонии посадки присутствовали представители Керен Каемет ле Исраэль, члены киббуца Цор'а, семья, близкие друзья и представители общественности. Церемонию открыл член Кнессета[20] Бен-Гурион, который специально приехал из Сде-Бокер и сказал в числе прочего: «Покойному было известно больше правительственных секретов, чем любому министру...» Затем Бен-Гурион обратил внимание на его работу воспитателя и учителя: «Если мы гордимся победой нашей молодежи в Шестидневной войне, подобно которой не было у нашего народа тысячелетия, то наша благодарность и признательность полагается воспитателям поколения».

С момента основания киббуца Цор'а Цви и его жена Дина были тесно связаны с ним. Их интересовало все, что там происходит, и они любовно следили за развитием киббуцного хозяйства. У Цви, «книжника» и знатока иврита, была в доме отличная библиотека, которую после его смерти унаследовали близкие, проживавшие в этом киббуце, ныне покойный сын Арнон и дочь Рут с семьями.

Книги, собранные Цви, стали основой фундаментальной библиотеки-читальни, которая по сей день является достоянием киббуца и носит имя Цви Маймона.

---

[20] Кнессет (на иврите – собрание), высший законодательный орган Израиля, однопалатный парламент, состоящий из 120 представителей, избираемых на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Добровольческая деятельность Якова по интеграции репатриантов, начатая в Иерусалиме, расширялась по всей стране и достигла поселений Хевель Лахиш на юге, Хацор в Галилее, Авивим и Довев на северной границе.

Яков продолжал свою работу среди олим до последнего дня, он умер в 1977 году в возрасте 75 лет.

Помощь новым репатриантам в первый период адаптации в стране, основы которой заложили братья Маймоны, стала естественным явлением в стране, параллельным помощи государства. Сейчас во главе этого движения стоит Йоэль Доркам, товарищ и помощник Цви, член киббуца Цор'а.

Во время своей многолетней работы волонтером Яков приобрел многочисленных друзей в разных общинах Израиля. Он находил тропинку к людям, чью речь не понимал, и, тем не менее, становился близким человеком, потому что говорил с ними *на языке сердца*.

В знак признания и уважения к его деятельности Яков получил множество премий, и главная из них – Государственная премия Израиля в 1976 году.

Диплом Государственной премии Якову Маймону

Жизни братьев Якова и Цви были тесно связаны.

В первую очередь – это совместная профессиональная работа – стенография, в которой они оба состоялись, благодаря настойчивости и упорству, и за которой проводили вместе часы и дни. Оба организовывали добровольческое движение, вытекавшее из любви к человеку, к языку иврит, к Стране и к ее народу, движение, помогавшее врасти в новую среду множеству людей. Они объединили семьи Маймонов и Вассерманов,

разбросанные по Израилю и всему миру, в единое *Колено Израилево*, в котором есть место взаимной любви и поддержке между всеми кланами этого многочисленного рода.

Методика ивритской стенографии, созданная Яковом Маймоном и углубленная им совместно с братом Цви, используется и по сей день на всех ответственных заседаниях и совещаниях, невзирая на высокий уровень звукозаписи.

Сейчас стенографом Кнессета работает внучка Якова, носящая имя своей бабушки Эстер и фамилию Маймон.

И, вместо послесловия, – оценка труда братьев Маймон, данная еще в 1949 году в письме Якову, когда оба брата были достаточно молоды и далеки от завершения своих замыслов:

Сегодня исполнилось 25 лет с того дня, как Вы записали мою речь на иврите... В данном случае, это была не просто запись, а стенограмма на иврите. И это была не просто техническая новинка, а культурное явление, чрезвычайно важное для сохранения ценных документов рабочего и сионистского движения. Я не уверен, что будущие поколения оценят стенографию за сохраненные материалы, так же как [предыдущие] не поблагодарили за изобретение печати и за книги, изданные благодаря ей. Мир не потерял бы ничего, кроме 90 или более процентов книг, которые никогда бы не появились. Но достаточно 50 бесценных книг, которые будут сохраняться еще многими поколениями, чтобы быть благодарными за изобретение печати. То же самое о стенографии. Нет вины стенографов, благодаря которым сохранились слова и речи, вовсе этого не заслуживающие. Но если стенография поможет сохранить 10 или даже 5 стоящих речей – это будет большой вклад в наши культурные ценности. Что бы мы ни дали за стенограмму беседы Моше рабейну[21] *с Всевышним на горе Синай, или собрания старейшин Израиля в Хевроне, помазавших на царство Давида, или разговора Маттитьяху Хасмонея с сыновьями, которые решили бороться с греками и ассимиляцией в греческой культуре! Трудно сосчитать уникальные вещи, которые стенография смогла бы сохранить для истории, если бы она существовала 2000 лет тому назад. Но не будем плакать о былом. Будем благодарны истории хотя бы за то, что*

[21] Моше рабейну (иврит) – Моисей, в еврейской традиции – основоположник иудаизма, сплотивший израильские племена в единый народ, пророк и законодатель, получивший от Бога Синайское откровение – Скрижали Завета.

наше поколение удостоилось появления таких людей, как Маймон и его ученики... Вы и Ваш брат Цви создали, усовершенствовали и распространили ивритскую стенографию в стране, и поэтому Ваше имя будет навеки связано с историей и культурой Израиля.

С уважением и дружескими пожеланиями,

Давид Бен-Гурион.[22] *25.12.1949*

Фотографии и тексты писем, копии документов из семейного архива, приведенные в статье, любезно предоставлены г-жой Рут Корецки, дочерью Цви Маймона.

Литература:

Рут Кац-Ярдени. Ми ха мешуга ха-зе (Кто этот сумасшедший). Изд-во Ярон Голан, 1990.

Рахель Маймон-Маринов. Шалом лах, Лина ха-йакара! (Здравствуй, дорогая Лина). Типография «Ахава». Иерусалим, 2002.

[22] *Бен-Гурион Давид.* Письмо Цви Маймону от 1949 г. // *Рахель Маймон-Маринов.* Шалом лах, Лина ха-икара! С.168-169.

Его девиз: «Иудаизм и человечность»
Штрихи к портрету Иосефа Клаузнера

Виктор Радуцкий (Иерусалим)

Есть в Иерусалиме улица Клаузнера. Маленькая улочка в районе Тальпиот. Большинство из тех, кому приходилось бывать здесь в наши дни, попадали сюда потому, что на этой улице находится дом-музей прославленного еврейского писателя Агнона. И мало кому известно, что некогда напротив этого дома стоял другой, над входом в который был выгравирован на медной дощечке девиз: «Иудаизм и человечность». Жил в этом доме человек, именем которого и названа улица, – выдающийся ученый, историк, филолог, литературный критик, публицист, политик Иосеф Гедалия Клаузнер.

Иосеф Клаузнер родился в 1874 году в Литве, в деревне Олькеники Виленской губернии. Там будущий ученый сделал свои первые шаги к знаниям – в традиционном хедере, еврейской начальной школе, где детей обучали грамоте с трехлетнего возраста. Через несколько лет семья переехала в Одессу, и Иосеф продолжил свое образование в реформированной иешиве, в которой преподавались и светские науки. А затем – Гейдельбергский университет, где Клаузнер изучал историю, философию, литературу, востоковедение, языки (впоследствии, по свидетельству близко знавших его людей, он владел пятнадцатью языками, в том числе санскритом, арабским, греческим, латинским, арамейским, персидским, амхарским).

Иосеф Гедалия Клаузнер рано вступил на поприще общественной и научной деятельности. Ему было семнадцать, когда вместе с шестнадцатилетним Шаулем Черниховским, будущим великим ивритским поэтом, и двадцатилетним Нахумом Слущем, который войдет в историю еврейской культуры как талантливый гебраист и археолог, они создали в Одессе общество «Сфатейну итану» («Наш язык с нами»), целью которого было возрождение иврита в качестве разговорного языка.

Молодые энтузиасты не были первопроходцами. К тому времени в России уже существовала периодическая печать на иврите. Одно из важнейших мест в еврейской интеллектуальной жизни за-

нимал журнал «Ха-шахар», начавший выходить в 1868 году и прекративший свое существование в 1885 году (со смертью своего издателя и редактора Переца Смоленскина). Именно на страницах этого журнала в 1879 году увидела свет статья Элиэзера Бен-Иехуды, пионера возрождения иврита как разговорного языка. Статья называлась «Жгучий вопрос», и в ней опровергался расхожий тезис о том, что евреи не готовы к самостоятельной жизни, поскольку нет у них единого, общего языка. У нас есть иврит, утверждал Бен-Иехуда, наш древний язык, на котором уже теперь можно писать обо всем, на котором мы сможем даже говорить, если только проявим свою волю. Иначе представлял себе ситуацию Теодор Герцль. Через семнадцать лет в своей основополагающей книге «Еврейское государство» он тоже затронет проблему языка, еще не представляя, что иврит сможет стать языком общения еврейского народа: *«Может быть, кто-нибудь полагает, что затруднение представится от того, что у нас нет общего, единого для всех языка. На древнееврейском языке мы не можем изъясняться. Кто из нас хоть настолько владеет этим языком, чтобы на нем потребовать билет у железнодорожной кассы? Все-таки дело обстоит очень просто. Всякий сохраняет тот язык, на котором он мыслит и говорит. Лучшим примером разноязычности в государстве служит Швейцария. Мы "там" останемся тем, что мы теперь, точно так же мы не перестанем любить, хотя и не без горечи, своей прежней родины, из которой нас вытеснили.*

Мы отучимся от всех жалких жаргонов, которые мы приобрели в гетто. Они напоминают собою конспиративные языки заключенных. Наши народные учителя обратят уже на это свое внимание, и главным языком сделается тот, который окажется наиболее распространенным во взаимных сношениях...».

Действительность дерзко опровергла представления основоположника сионизма, – «главным языком, наиболее распространенным во взаимных сношениях» в стране, – стал иврит.

Возможно, «народным учителем» ощущал себя и девятнадцатилетний Иосеф Гедалия Клаузнер, в 1893 году опубликовавший свою первую научную работу «Новые слова и каллиграфия». Это направление стало одним из главных в его дальнейшей многообразной исследовательской и практической деятельности. Мы еще вернемся к этой главе биографии Клаузнера, а пока обратимся к некоторым другим важным вехам его жизни.

Еще учась в университете, в 1897, Иосеф принимает участие в работе первого Сионистского конгресса в Базеле в качестве делегата,

представляющего еврейских студентов. Довелось ему быть делегатом и нескольких последующих сионистских конгрессов. Поначалу ему была особенно близка идея создания в Эрец-Исраэль духовного центра для всего еврейского народа, идея, которая легла в основу «духовного сионизма» – направления, возглавленного философом и писателем-публицистом Ахад-ха-Амом, сыгравшим важную роль в судьбе Иосефа Клаузнера. Однако довольно быстро он становится ревностным приверженцем Герцля. При этом, несмотря на то, что он едва ли не боготворит Герцля *(«Он был красивым человеком! Красивым, как ангел Божий!* – так будет отзываться Клаузнер об основоположнике сионизма. – *У Герцля были глаза, ...проникающие в душу, завораживающие каждого, кто заглянет в них»*), молодой приверженец сионистских идей без колебаний выступает против Герцля при обсуждении «плана Уганды», предусматривающего создание «временного прибежища» для евреев в Уганде. Эту непримиримость в отстаивании своих убеждений, эти борцовские качества Клаузнер пронесет через всю свою жизнь.

Отвергнув «духовный сионизм» Ахад-ха-Ама во имя «государственного сионизма» Герцля, Клаузнер не отказывается от мечты о духовном возрождении Эрец-Исраэль и всего еврейского народа, ибо без такого возрождения все политические усилия, по его убеждению, окажутся тщетными. И вполне закономерно, что именно ему в 1903 году Ахад-ха-Ам передает редактирование своего журнала «Ха-шилоах», выходившего тогда в Кракове, затем в Одессе, а с 1920 года в Иерусалиме. Этот пост Иосеф Клаузнер занимал более двух десятилетий, превратив журнал с течением времени в образец издательской культуры, сумев привлечь в него представительный круг авторов (достаточно сказать, что отдел литературы редактировал Бялик) и значительно расширив его тематику: на страницах журнала освещался широкий спектр вопросов научного и исторического характера, здесь находили свое отражение все направления и течения в сионизме. В 1919 году Иосеф Клаузнер прибыл в Эрец-Исраэль. Он был одним из пассажиров знаменитого корабля «Руслан», первого корабля, отплывшего из Одессы в Эрец-Исраэль с позволения советских властей. Здесь находились многие будущие общественные деятели и мастера культуры, чьими именами гордится ныне Израиль: поэты Рахель и Ионатан Ратош, художники Ицхак Френкель и Арье Навон, балетмейстер и один из пионеров израильского кино Барух Агадати, Исраэль Гури – отец выдающегося современного поэта Хаима Гури, Роза Коэн – мать Ицхака Рабина... Это путешествие через четверть века станет од-

ной из глав книги Иосефа Гедалии Клаузнера «Пути к Возрождению и Избавлению. Автобиография. 1874–1944». Из этой книги мы узнаем, что фрахт корабля обошелся в два миллиона рублей, огромную по тем временам сумму. Узнаем, что инициатором немедленного отъезда была жена Иосефа Ципора, она же, проявив недюжинную энергию, упаковала и погрузила на корабль солидную библиотеку ученого… Итак, в праздник Ханука 1919 года Иосеф Клаузнер вместе с женой и старенькой мамой поселяется в Бухарском квартале Иерусалима.

Он сразу же активно включается в работу «Комитета языка иврит», созданного еще в 1890 году Элиэзером Бен-Иехудой и его сподвижниками. Клаузнер исполняет обязанности ученого секретаря и редактора Ученых записок. А с 1953 года, когда в соответствии с принятым Кнессетом законом, комитет преобразовывается в Академию языка иврит, задачей которой является развитие этого языка и выработка его норм, Клаузнер продолжает плодотворно трудиться в рамках академии.

В 1948 году выходит книга И.Г.Клаузнера «Язык иврит – язык живой» (По сути, это переработанный им вариант его работы, впервые увидевшей свет еще в 1896 году. Впоследствии эта книга выдержит еще множество постоянно дополняемых изданий). Клаузнер, к этому времени уже известный ученый, предваряет книгу такими словами: *«Еще в 1891 году я, семнадцатилетний юноша, проживавший тогда в Одессе, получал заказной бандеролью "Ха-ор", издание на иврите, выпускаемое в Иерусалиме Элиэзером Бен-Иехудой и запрещенное в России. Это издание вызывало мой восторг и как свидетельство возрождения языка иврит в Эрец-Исраэль, и как пример обновления, создания новых слов, осуществленного Бен-Иегудой, И.М.Пинесом, З.В.Явицем... В те дни я весь погрузился в научные, исторические книги, в исследования по*

Иосеф Клаузнер (крайний слева) со своими двоюродными братьями
Публикуется впервые

проблемам языка, лексики. И пришел я к выводу, что возрождение языка, и письменного и разговорного, следует совершать на научных основах».

В этом смысле подход Клаузнера полностью совпадал со взглядами Бен-Иехуды и других приверженцев возрождения иврита, ставящих во главу угла создание новых, недостающих в разговорном языке слов, на основе правил ивритских словообразовательных моделей, с использованием корней иврита и арамейского. Клаузнер хорошо знал работы своих предшественников, творивших во времена Хаскалы, опиравшихся на лексику ТАНАХа, а при необходимости вводивших слова из талмудической и средневековой литературы. Сам он полагал, что в процессе словотворчества предпочтение следует отдавать языковым сокровищам Мишны и Талмуда, в которых иврит уже был обогащен по сравнению с ТАНАХом, – современный язык должен продолжать процесс развития более древних пластов языка.

Поскольку в возрождении иврита Клаузнер видел одну из важнейших составляющих еврейского национального возрождения, научный подход к этой проблеме предполагал, по его мнению, не кабинетные изыскания лингвистов, а проникновение иврита во все сферы национальной жизни – в литературу, науку, театр, прессу, в повседневный обиход. Язык должен быть живым и подвижным: отсюда призыв расширять границы иврита за счет включения в него и ассимиляции слов из других языков. Характерна в этом плане беседа между Клаузнером и Бен-Иехудой, которую приводит в своем недавно вышедшем автобиографическом романе «Повесть о любви и тьме» известный писатель Амос Оз, настоящая фамилия которого Клаузнер, – он приходится герою нашей статьи внучатым племянником. Образ Иосефа Клаузнера, его взгляды, встречи с ним занимают в этой книге значительное место, поэтому мы еще не раз будем обращаться к ее страницам. Итак, слово предоставлено самому Иосефу Клаузнеру:

«Разве мы говорили не об Элиэзере Бен-Иехуде? Он пришел ко мне однажды субботним утром и сказал: "Послушайте, Клаузнер, ведь мы оба знаем, что секрет жизнеспособности живых языков заключается в том, что они вбирают в себя из других языков и усваивают слова и понятия – почти все, что попадается под руку, переваривают их целиком, со всеми потрохами, мнут и гнут их по своей собственной логике, в соответствии с собственной морфологией. А узколобые пуристы всех мастей, по глупости своей, грудью встают на защиту нашего языка, стремясь не допустить проник-

новения в него чужеземных слов. При этом они не улавливают и не помнят о том, что наш язык с самого начала насыщен словами, пришедшими из полудюжины других языков, и мы сами не подозреваем, что слова эти когда-то были усвоены ивритом"... И я ответил Элиэзеру Бен-Иехуде: "Как раз подобные процессы содействуют обогащению основ морфологии, синтаксиса, фразеологии, короче — они служат духу языка, его 'Geist', его 'esprit'"...

Я уже писал об этом десятилетия назад в своих тетрадях "Язык иврит — живой язык". Эти свои тетради, переработав их, я вновь опубликовал здесь, в Эрец-Исраэль, и уже слышал от целого ряда людей, чье мнение для меня весьма важно, что эта публикация открыла им глаза, настроив их "языковые часы" на более точное время. Это я удостоился услышать от самого Зеэва Жаботинского»...

И еще одну, очень выразительную, на мой взгляд, цитату из книги Оза хотелось бы сразу же привести. Писатель рассказывает о том, что Ахад-ха-Ам выбрал молодого Клаузнера своим преемником на посту главного редактора еженедельника «Ха-шилоах» (выше мы уже упоминали об этой вехе биографии Клаузера) и продолжает:

«Следует подчеркнуть, что самого слова "ежемесячник" иврит тогда не знал, и Ахад-ха-Ам оставил дяде Иосефу в наследство "Михтав ити" (в буквальном переводе на русский "периодическое письмо"), а молодой редактор мигом превратил его в "ярхон" ("ежемесячник" – от ивритского слова "яреах" – "месяц").

В детстве я больше всего уважал дядю за то, что он, как мне рассказали, создал и подарил нам несколько простых, обиходных слов – слов, которые, казалось, существовали всегда, были широко распространены и известны испокон веков. Представьте себе, что в русском языке не было бы таких слов, как "карандаш", "льдина", "рубашка", "теплица", "сухарь", "груз", "подъемный кран", "носорог", "одноцветный", "монотонный", "многоцветный", "разнообразный", "пестрый", "чувственный"... Все эти слова ввел в иврит Иосеф Клаузнер, а без него я бы писал "свинцовым резцом", одевал по утрам ту одежду, которую библейский Яаков подарил своему любимому сыну Иосифу, и не знал бы, как выразить такое понятие, как "чувственность", не придумай для нас мой дядя-пуританин нужного слова»...

Клаузнер, обладавший колоссальными познаниями, требовал вводить новые слова только «на научной основе». Но что поделаешь: даже у самого Бен-Иехуды попытки найти подходящее слово в литературных источниках – древних или более поздних – не всегда

увенчивались успехом. И тогда он изобретал, если можно так выразиться, временные слова, надеясь, что впоследствии сама жизнь родит более естественные, более подходящие выражения. Однако Клаузнер со свойственным ему максимализмом и полемическим запалом не желал принимать подобный подход. Следы такого рода полемики можно увидеть в уже упомянутой книге «Язык иврит – язык живой»: стрелы критики направлены против литератора, историка, провозвестника религиозного сионизма Зеэва Вольфа Явица (Ябеца). Как всегда, время многое расставило по местам. Именно Явиц, являвшийся крупнейшим знатоком еврейских классических текстов, ввел в обиход новые значения многих слов, и сегодня в нашем современном языке живут и здравствуют введенные им «тарбут» – «культура», «квиш» – «шоссе», «хисахон» – «экономия»... Более того, художественные достоинства языка самого Явица не только оказали влияние на творчество Бялика и других писателей, но и активно способствовали развитию разговорного иврита.

Значительное место в деятельности И.Г.Клаузнера занимала работа над созданием словарей. Он хорошо понимал: для того, чтобы иврит «пошел в народ», надо дать возможность людям пользоваться самыми необходимыми в повседневности словами. Свой первый небольшой словарик Клаузнер выпустил еще в 1913 году. Через шесть лет в Одессе появился второй его словарь «Разговорные слова», весь тираж этого издания, имевшего карманный формат, был раскуплен. Уже в Эрец-Исраэль Клаузнер выпустил несколько подобных словариков, все время расширяя их тематику и лексику. Так, например, в 1936 году издательство «Масада» выпустило составленный Клаузнером «Карманный словарь наиболее употребительных слов». Словарь был четырехъязычный: иврит – немецкий – русский – английский (английский, стоит напомнить, был в те времена языком британской администрации. Бен-Иехуде и его сподвижникам удалось уговорить британскую администрацию, намеревавшуюся объявить официальными языками английский и арабский, присоединить к ним иврит). Для того, чтобы словарем было удобнее пользоваться, Клаузнер сконцентрировал слова по темам: предметы домашнего обихода, одежда, блюда, растения и т.д. Завершал словарь раздел, скажем так, не самых необходимых для жителя в Эрец-Исраэль слов – трамвай, дышло, трубочист, старьевщик, маяк...

В Иерусалимской национальной и университетской библиотеке хранятся словари, составленные Иосефом Клаузнером. Но впер-

вые такой словарь – семейную реликвию – я увидел в доме у Амоса Оза. Кажется, это было еще одесское издание. Амос спросил, могу ли я уловить какую-либо закономерность в созданных И.Г.Клаузнером ивритских словах. Мне показалось, что довольно часто их грамматический род совпадает с родом их русского аналога. Возможно, это просто случайные совпадения, но отнюдь не случаен тот факт, что И.Г.Клаузнер стремился сделать все от него зависящее, чтобы русское еврейство заговорило на иврите.

В 1925 году в Иерусалиме открывается Еврейский университет, и Клаузнер возглавляет в нем кафедру ивритской литературы. Несомненно, он был крупнейшим исследователем в этой области, однако мечтал о кафедре истории еврейского народа или, по крайней мере, о том, чтобы преподавать историю эпохи Второго Храма. Но его политические взгляды радикально расходились со взглядами тогдашнего руководства университета.

Мы не будем вдаваться сегодня в подробности взглядов и взаимоотношений тех уже давних лет, но приведем слова самого Иосефа Клаузнера, которые, с одной стороны, живо отражают его тогдашние чувства, а с другой, показывают, как безупречно отточен был его литературный стиль:

«Радетели университета... пренебрегли мною, как пренебрегли они национальной идеей, как пренебрегли они всем, что не удостаивалось оваций иных народов и ассимиляторов всех мастей, ненавистников Сиона...И отправили меня в изгнание – преподавать ивритскую литературу, подальше от той печи, где обжигают души молодых, подальше от того поля, где я мог бы посеять в этих душах зерна любви к нашему народу и его героическому прошлому, дабы воспитать в них патриотический героизм Маккавеев, царей из дома Хасмонеев, героев потрясающих восстаний против римского ига».

И.Клаузнер и Х.-Н.Бялик
Гейдельберг, 1903

Это высказывание приведено в уже упомянутой нами книге Амоса Оза. Прибегнем к еще одной цитате из того же источника:

«На кафедре ивритской литературы дядя Иосеф чувствовал себя, по его словам, как Наполеон на острове Эльба. Поскольку не дали ему возможности двинуть вперед весь европейский континент, он пока что поставил перед собой задачу – на своем маленьком островке, на своем островке изгнания, внедрить новые прогрессивные порядки».

Иосеф Гедалия Клаузнер публикует свои литературно-критические работы, посвященные задачам и проблемам становления ивритской литературы: в этом видит он один из важнейших факторов возрождения еврейского народа. Его трехтомник «Творцы и созидатели», вышедший во второй половине двадцатых годов, – это фундамент, на который опираются и современные исследователи. В этих трех книгах собраны эссе о творчестве Менделе Мохер Сфарима, Ахад-ха-Ама, Х.Н.Бялика, Ш.Черниховского, И.Л.Переца, З.Шнеура, Д.Шимони, Я.Кахана… Всех их Клаузнер знал лично, все они публиковались в журнале «Ха-шилоах», который он редактировал, и эта «личная заинтересованность», личные симпатии и привязанности придают серьезному исследованию особый аромат.

«Иудаизм и человечность» – таков был девиз Клаузнера, твердо полагавшего, что еврейская культура, и в частности, новая литература на языке иврит должна быть открыта европейским влияниям, и призывавшего к синтезу иудаизма с общечеловеческими ценностями. (Этот девиз, который Клаузнер пронес через всю свою жизнь, был поначалу названием его книги – вышедшего в 1905 году сборника статей).

Неоценим вклад Клаузнера в создание истории современной литературы на иврите. Его капитальный труд «История новой литературы на иврите» в 6-ти томах основан на его лекциях в университете. Утверждая, что литература является существенной частью движения за национальное возрождение, ученый в то же время неизменно подчеркивал ее связь с главными направлениями в мировой литературе.

Отдавая должное этому глубокому и обширному исследованию ученого-первопроходца, с позиций сегодняшнего дня мы не можем не отметить и ряд белых пятен в нем, и спорность некоторых подходов. Клаузнер ограничил свое исследование 1784–1880 годами, почти не касаясь современной ему литературы, в развитии которой он лично принимал живейшее участие – и как редактор «Ха-шилоаха» и как литературный критик. Вопреки мнению ряда других исследователей, Клаузнер отнес начало истории современной литературы на иврите не к творчеству каббалиста, поэта, дра-

матурга Моше Хаима Луццатто, жившего в первой половине восемнадцатого века, а ко времени Хаскалы – еврейского идейного, просветительского, культурного и общественного движения, зародившегося в 1787 г. в Германии. Точка зрения тогдашних (да и нынешних) оппонентов Клаузнера представляется мне более убедительной. Перу Луццатто принадлежат не только многочисленные труды, наиболее известным из которых является «Путь праведных», вышедший в Амстердаме в 1740 году, – одно из самых авторитетных сочинений, посвященных этике иудаизма. Луццатто является также автором большого количества поэтических произведений и драм, которые оказали значительное влияние на литературу Хаскалы, в чем признавались и сами ее представители.

Следует отметить и еще один, скажем так, просчет Клаузнера: он почти полностью игнорировал вклад в литературу Хаскалы писателей, творивших на языке идиш. Сегодня, когда исчерпали себя и стихли все споры между «языками-сестрами», как называют их некоторые лингвисты («язык» в иврите женского рода, отсюда и «сестры»), резкое неприятие идиша выдающимся ученым, владеющим многими языками, можно объяснить лишь причинами политическими. Дело в том, что идиш в качестве «главного языка евреев» был признан и провозглашен Бундом (Всеобщим еврейским союзом), созданным в России в конце девятнадцатого века и резко выступавшим против сионизма. Естественно, что идеи Бунда были абсолютно неприемлемы для Клаузнера, бывшего всю свою жизнь активным сионистским деятелем и последовательным борцом за возрождение иврита в качестве разговорного языка.

В 1944 году, в дни, когда отмечался семидесятилетний юбилей Иосефа Гедалии Клаузнера, сбылась давняя мечта ученого: продолжая заведовать кафедрой ивритской литературы, он возглавил кафедру истории Второго Храма. Кафедра эта была основана в Еврейском университете в Иерусалиме на средства друзей и почитателей Клаузнера.

Свою первую историческую работу И.Г.Клаузнер опубликовал в 1909 году. Это была «История Израиля», в основу которой положен цикл лекций, прочитанных в одесской Высшей школе иудаизма. Книга охватывала период от завоевания Ханаана до эпохи Хасмонеев.

Через сорок лет, в 1949 году, вышел в свет основной исторический труд Клаузнера – пятитомная «История Второго Храма». Эта книга выдержала несколько изданий, и, по своему обыкновению,

ученый постоянно дополнял и улучшал написанное. Так, к третьему изданию, вышедшему в 1952 году, Клаузнер проанализировал ряд манускриптов, обнаруженных в предшествующие годы в пещерах Кумрана на северо-западном побережье Мертвого моря. Он первым пришел к выводу, что авторами этих рукописей, которые принято называть «свитками Мертвого моря», были зелоты. Здесь стоит несколько вернуться назад и напомнить, что еще в 1942 году Клаузнер написал работу «Иоханан Гисхальский и Шимон Бар-Гиора». Хотя любознательный русскоязычный читатель может познакомиться с ней в книге Клаузнера «Когда нация борется за свободу» (Иерусалим, 1978), я позволю себе процитировать из нее несколько отрывков, которые, на мой взгляд, могут дать представление не только о самом предмете исследования, но и о том сочетании серьезности подхода и легкости изложения, которое характерно для исторических работ И.Г.Клаузнера. В этой работе среди прочего говорится о сектах, существовавших в Стране Израиля перед разрушением Второго Храма.

«Следуя описаниям Иосифа Флавия, мы привыкли считать, что в те времена существовали три основные секты – фарисеи, саддукеи и ессеи – и еще одна, четвертая, – зелоты. В действительности же нет народа – не говоря уже о таком индивидуалистическом народе, как еврейский, да еще в такое тревожное время, как жестокая и продолжительная война против римлян, – который делился бы всего на три или четыре группировки. В такие бурные дни появляются и группы более мелкие, группки с различными нюансами и оттенками, тонкое различие между которыми видно лишь их современникам... Прежде всего следует сделать очень важное замечание. Все без исключения наши историки делали одну ошибку: они не видели большой разницы между зелотами и сикариями. Под влиянием Иосифа Флавия они решили, что разница между ними лишь в названии: зелоты-террористы назывались сикариями, от слова "сика" – кинжал, которым они пользовались, совершая убийства. Это грубая ошибка. Конечно, появление сикариев было прямым результатом существования зелотов, и если бы не зелоты, то не было бы в Иудее и сикариев. Но смешивать зелотов с сикариями – это то же самое, что смешивать, например, социалистов с анархистами или меньшевиков с большевиками, хотя все они борются с существующим строем. (I кн. Хасмонеев 2:50—54)<...>

...Действительно, в восстании сикариев наблюдается определенная, примитивно выраженная классовая борьба. "Мечтатели",

о которых мы только что говорили, "лжепророки"... и лжемессии или предвестники Мессии, которые появились тогда, – все они тяготели к сикариям, и все подстрекали массы бедняков против богачей и привилегированных слоев населения. Они были убеждены, что этим, а также бунтом против власти язычников они приближают приход Мессии.

Ибо все известные нам со времен Второго храма четыре секты, не считая саддукеев, – фарисеи, ессеи, зелоты и сикарии – были преисполнены веры в Мессию. Разница состояла в том, что фарисеи были умеренными мессианцами. Ессеи же пытались сами вызвать наступление мессианского периода ликвидацией частной собственности (у них были общие жилища, общие трапезы, даже общая одежда), отменой денег, упразднением торговли, отказом от военного дела и кровопролития, запрещением рабства и строгим соблюдением предписаний благочестия, ритуальной чистоты и воздержанности. Такой образ жизни, естественно, приводил их в состояние вдохновения. У них были свои мистические книги, в которых, по-видимому, рассматривались и вопросы, касающиеся Мессии и его пришествия».

Напомню, что написано это в 1942 году. До открытия «Свитков (точнее – рукописей) Мертвого моря» оставалось еще целых пять лет! Картина, нарисованная Клаузнером, достаточно точно обрисовывает ситуацию, которая открылась для большинства историков только после введения в научный обиход найденных впоследствии тысяч рукописей и фрагментов. Похоже, муза истории покровительствовала И.Г.Клаузнеру – ему дано было видеть сокрытое. Он умел проникать в суть явлений, постигать то, что до времени скрыто за семью печатями. И было у Клаузнера еще одно качество – полемический задор, который он умел, виртуозно оперируя фактами, облечь в безукоризненно интеллигентную форму. В подтверждение приведу еще один отрывок из той же работы:

«В другом месте ("Еврейская история") я уже пытался доказать, что если мы снимем с имеющейся у нас информации о ессеях ту философскую окраску, которая была ей придана Филоном и Флавием для вразумления греческого и римского читателя, то в ней не останется ничего, что дало бы право говорить о них, как о чуждом иудаизму элементе...

То, что ессеи не были своего рода монашеской сектой, а, будучи настоящими евреями по духу, не отдалялись от национальной

жизни, в особенности во время опасности для своего народа, можно видеть из следующего факта: несмотря на неприятие ими войны и сопротивление кровопролитию, они не только участвовали в войне евреев против римлян, но даже занимали командные посты в ряде стратегических пунктов... это будет важно, когда разговор зайдет о Шимоне Бар-Гиоре, – одни из городских ворот Иерусалима назывались "Воротами ессеев". Ясно поэтому, что ессеи не были всего лишь отшельниками».

Для Клаузнера, историка и исследователя, всегда был важен примат национального, и сам ученый не скрывает того обстоятельства, что его подход к теме и предмету исследования является субъективным. Во введении к пятому тому своей «Истории Второго Храма» он пишет:

«Мы имеем право и даже обязаны... сравнивать прошедшее с настоящим не в меньшей степени, нежели настоящее с прошедшим.... революционные события последних пятидесяти лет обнаружили исторические причины и факторы, действовавшие при жизни прошлых поколений так же, как они действуют сейчас».

Клаузнер решительно полагал, что история еврейского народа не может быть исследована и объяснена на основе материалистической ее интерпретации. Лишь благодаря вере, благодаря духовности, евреи, подвергавшиеся на протяжении всей своей истории немыслимому внешнему давлению, сохранились как народ, как творческая нация, способная преодолеть самые тяжелые кризисы, сокрушительные поражения, чудовищные гонения – и создать при этом нетленные духовные сокровища. Клаузнер наотрез отказывался раскладывать «вектор» иудаизма на его «национальную» и «религиозную» составляющие.

Возможно, именно эта позиция обусловила его особый интерес к эпохе Хасмонеев. Он воспринимал ее как эпоху возрождения, ибо в этот период и язык евреев, и литература, и искусство достигли небывалого расцвета. Клаузнер утверждал, что дух нации в этот период поднялся до такого уровня, который стал в некотором роде мерилом для последующих поколений. Более того, ученый полагал, что только благодаря Хасмонеям иудаизм смог преодолеть соблазны эллинизма и язычества: без этого преодоления евреи свернули бы со своей столбовой дороги, растворились бы, смешались бы с окружающими народами, превратились в малочисленное племя, утратившее свою провиденциальную роль.

Естественно, Клаузнер не мог обойти своим вниманием мессианские аспекты еврейской истории. По его мнению, мессианские

устремления той эпохи, о которой он писал, носили не только религиозный, но и политический характер, а ожидаемый Мессия – воплощение религиозных и национальных чаяний не только еврейского народа, но и всего мира.

В исторических трудах Клаузнера основное место занимают страницы, посвященные не горю и страданиям еврейского народа, а его героизму. И это неслучайно. Он понимал, что еврейская молодежь ищет в героических событиях прошлого вдохновляющий пример.

И.Клаузнер на церемонии вручения ему диплома Почетного гражданина Иерусалима 15 декабря 1957 г.

Ученый считал, что сравнение прошлого и настоящего вполне закономерно, но при этом он резко противился «модернизации» прошлого. Обратимся снова к его работе «Иоханан Гисхальский и Шимон Бар-Гиора»:

«Совершенно ясно, что ессеи, стремившиеся к "духовному коммунизму", если можно так выразиться, и вопреки своей чрезмерной духовности, отказу от частной собственности и отходу от бурь житейских, не очень отличались от зелотов и сикариев во всем, что связано с защитой нации и обороной родины, а во время войны против Рима были готовы, обороняясь, проливать кровь, несмотря на то, что были против заготовки оружия и даже заклания скота на жертвеннике. Мессианская идея была общей для всех трех сект, но у каждой она имела иную окраску: ессеи

пытались осуществить мессианскую идею в собственной жизни, в рамках своих особых общин; зелоты считали, что прежде всего необходимо освободить мечом народ и родину от тяжелого римского ига, и тогда само собой наступит "царство небесное"; сикарии же полагали, что война против римлян является одновременно и войной против богачей и правящих классов, за народное благо и что именно война служит средством осуществления "царства небесного" путем упразднения богатства и аннулирования долгов. Мы одновременно наблюдаем тут национальное восстание и социальную революцию. Разница была в том, что зелоты подчеркивали политическую сторону национального восстания, тогда как ессеи выдвигали на первый план его социально-духовную сторону, а сикарии – его социально-политический аспект...»

Пророки Израиля, эпоха Второго Храма, периоды великих восстаний против Селевкидов и Рима – вот поле научных интересов Клаузнера-историка. Ученый стремился не только к адекватному отображению и осмыслению героического прошлого, но и всеми силами старался возродить в настоящем нетленные ценности прошлого. Он полагал, что таким образом можно способствовать решению задач современности, которые стояли перед еврейским народом, боровшимся за создание своего государства, за национальное возрождение.

И был еще один важный аспект исторических исследований И.Г.Клаузнера – его работы, посвященные истокам христианства и Иисусу. Обратимся еще раз к книге Амоса Оза «Повесть о любви и тьме»:

«Многие годы посвятил дядя Иосеф созданию книги об Иисусе из Назарета. В своей книге он утверждал – и это одинаково поразило и христиан, и иудеев, – что Иисус, родившийся евреем и умерший евреем, вовсе не имел намерения создать новую религию. Более того, автор видел в Иисусе "носителя подлинно еврейской морали с большой буквы". Ахад-ха-Ам уговаривал Клаузнера убрать эту фразу и некоторые другие, чтобы не разразился в еврейском мире страшный в своей ярости скандал. Книга вышла в Иерусалиме в 1921 году, и скандал тут же грянул – и в среде евреев, и в среде христиан. Еврейские ультраортодоксы обвинили Клаузнера в том, что "миссионеры купили его за серебро и золото, дабы восхвалял он и возвеличивал этого человека", а англиканские миссионеры в Иерусалиме, со своей стороны, потребовали от архиепископа, чтобы тот отрешил от должности доктора Данби, миссионера, который перевел на английский язык "Иисуса из Назаре-

та", книгу, "отравленную ересью, представляющую нашего Спасителя этаким реформистским раввином, простым смертным, абсолютным евреем, у которого нет ничего общего с церковью". Своей всемирной славой дядя Иосеф в значительной мере обязан этой книге, а также следующей – "От Иисуса до Павла", вышедшей в 1936 году.

Однажды дядя Иосеф сказал мне примерно следующее: "В школе, мой дорогой, тебя наверняка учат всей душой ненавидеть этого трагического, этого удивительного еврея, и дай Бог, чтобы не учили тебя плеваться всякий раз, когда ты проходишь мимо его изображения или распятия. Когда ты вырастешь, мой дорогой, прочти, пожалуйста, невзирая на гнев твоих учителей, Новый завет, и тогда ты узнаешь, что Иисус был плотью от плоти нашей, костью от кости, настоящим "праведником" и "чудотворцем", истинным мечтателем, понятия не имеющим о политике. Но, несмотря на это, его обязательно признают, и он займет свое место в пантеоне великих людей народа Израиля. Рядом с Барухом Спинозой, который тоже подвергся религиозным гонениям и тоже достоин того, чтобы были сняты с него все обвинения. Отсюда, из обновленного Иерусалима, должны мы возвысить свой голос и обратиться к Иисусу и Баруху Спинозе: "Ты брат наш! И ты брат наш!" И знай, что те, кто судит их, не более чем евреи вчерашнего дня, с узким кругозором, они, словно черви в редьке, не видят дальше своего носа. А чтобы никогда не уподобиться – не приведи Господь! – кому-либо из них, ты, мой дорогой, должен много читать. Читай, будь добр, хорошие книжки, читай, читай и еще раз читай!»

Книга И.Г.Клаузнера об Иисусе выдержала множество изданий, последнее из которых вышло в 1999 году. Сведения, почерпнутые исследователем непосредственно из еврейских первоисточников, глубокое знание раввинистической литературы – все это дало ему возможность воссоздать достоверную картину той эпохи, когда жил Иисус, и нарисовать его убедительный исторический образ. Если книга «Иисус из Назарета» подчеркивает еврейское происхождение Иисуса и доказывает, что он никогда не отходил от иудаизма, то вышедшее в 1939 году исследование Клаузнера «От Иисуса до Павла», рассматривая развитие христианства, возникновение христианской церкви, уже прослеживает не только еврейские, но и эллинистические корни вероучения и идеологии апостола Павла.

Следует подчеркнуть, что мировая научная литература об Иисусе необъятна и необозрима. Достаточно сказать, что в иудаистике попытки восстановления исторического облика Иисуса, демифологизации его образа предпринимаются, начиная с восемнадцатого века. Клаузнер не мог не опираться на работы своих предшественников, в частности, на исследования Генриха Греца, автора первого монументального труда по всеобщей истории евреев, вышедшей во второй половине девятнадцатого века. Но самобытность книг Клаузнера о Христе и христианстве неоспорима, и не случайно они снискали всемирную славу.

К сожалению, рамки данной статьи не позволяют нам подробно остановиться на философских взглядах И.Г.Клаузнера. Но и обойти их вниманием было бы неправомерно. Назовем, в частности, его исследования и эссе, объединенные в книге «Философы и мыслители», работы, посвященные Спинозе – «Еврейский характер учения Б.Спинозы» и Платону – «От Платона до Спинозы». Клаузнера всегда интересовала философская составляющая творческой деятельности великих поэтов: так родились его книги «Раби Шломо Габироль, человек, поэт, философ» и «Виктор Гюго, поэт, философ». Стремление философски осмыслить действительность ощущается и в таких произведениях Клаузнера, как «Толпа и нация», «Иудея и Рим: государственные и культурные отношения между ними» и других. В 1929 году издательство Иехуды Юновича объявило о том, что готовится к выпуску 12-томное издание сочинений Платона в переводе на иврит. В том же году вышел первый и, увы, последний том несостоявшегося 12-томника – под редакцией И.Г.Клаузнера, знатока древнегреческого языка, литературы и философии. Он же написал и предисловие к этому тому «Платон на иврите!», и комментарии к нему.

Надо сказать, что редактирование серьезных многотомных изданий – еще одна из сторон многогранной деятельности литератора и историка И.Г.Клаузнера. Первая универсальная энциклопедия в Эрец-Исраэль в шести томах «Всеобщая энциклопедия» была задумана именно Клаузнером и вышла в свет под его руководством в 1935-37 гг. Позднее, в пятидесятых-шестидесятых годах, он редактировал несколько томов выходившей тогда в Израиле фундаментальной универсальной энциклопедии, главным редактором которой был Бен-Цион Нетанияху.

(Позволю себе здесь небольшое отступление. Бен-Цион Нетанияху, историк и сионистский деятель, – отец Ионатана Нетанияху, геройски погибшего в 1976 году в операции по освобождению за-

ложников в Энтеббе, и Биньямина Нетанияху, возглавлявшего несколько лет назад правительство Израиля. Бен-Цион Нетанияху жил по соседству с Клаузнером в иерусалимском квартале Тальпиот и был нередким гостем в доме последнего. По субботам в доме Клаузнеров обычно собирались интеллектуалы, приверженцы идей Жаботинского, и Бен-Цион был неизменным участником этих собраний, время от времени приводя с собой и своих сыновей, Ионатана и Биньямина.)

В заключение несколько штрихов к портрету Иосефа Гедалии Клаузнера – общественного и политического деятеля. Вступив в молодости на путь сионизма, Клаузнер никогда не сворачивал с него. Как уже говорилось выше, не отвергая духовных аспектов сионистской деятельности, исповедуемых Ахад-ха-Амом, Клаузнер становится сторонником политического сионизма Герцля. Примерно с 1930 года он все более и более солидаризируется со взглядами Зеэва Жаботинского, утверждавшего: *«Сионизм – это воплощение национальной гордости и суверенного самоуважения, органически несовместимых с тем, чтобы судьба евреев была менее важна, чем другие вопросы мирового значения... Всякое "спасение мира"– позорная ложь, пока у евреев нет своей страны, как у других народов».*

И снова обратимся к роману Амоса Оза:

«Дядя Иосеф, подобно Зеэву Жаботинскому, был просвещенным либералом-националистом в стиле девятнадцатого века, приверженцем интеллигентности, романтизма, "весны народов". Он был поклонником Луццатто и Мапу, Переца Смоленскина и Михи Иосефа Лебенсона, Руссо, Вольтера и Дидро, Давида Юма и Ницше, Тургенева и Белинского, Некрасова и Добролюбова, Карлейля и Ренана, Пушкина и Шиллера, Гейне и Байрона, Гарибальди и Манцони, последователем Цунца, Греца и Гейгера. Его любимыми выражениями всегда оставались "плоть от плоти, кровь от крови нашей", "всечеловеческие и национальные", "идеал", "в свои лучшие годы я сражался", "не отступим", "немногие против многочисленных", "одиночки, опередившие время", "будущие поколения" и "до моего последнего вздоха".

В 1929 году он вынужден был бежать из своего дома в иерусалимском квартале Тальпиот, захваченного арабскими погромщиками. Дом его, как и дом его соседа Ш.И.Агнона, был разграблен и подожжен, библиотеки обоих писателей сильно пострадали. "Надо заново воспитать все молодое поколение, – писал дядя Иосеф в своей книге "Когда нация борется за свою свободу", — надо

*наделить его **духом героизма** (выделено в оригинале, – Амос Оз), духом мужественного сопротивления, без уступок и компромиссов...»*

Приведу еще некоторые из высказываний Клаузнера, очень, как мне представляется, выпукло характеризующих и его отношение к жизни, и его личность, и его политические взгляды: *«Если мы хотим быть народом, управляющим своей страной, необходимо, чтобы сыновья наши были **железом**»* (выделено И.Г.Клаузнером). И еще: *«дух индивидуума подобен духу всей нации – оба стремятся к заоблачным высям, и оба рухнут, если будет утрачен идеал».*

В своих статьях и выступлениях на общественно-политические темы Клаузнер неизменно поддерживал идеи национально-ориентированной части населения, сторонников Зеэва Жаботинского, которых социалистические партии называли «правым лагерем». Эти идеи определяли направление ежемесячника «Бетар», который в 1932–1933 гг. Клаузнер издавал вместе с Бен-Ционом Нетанияху. Естественно, что партия сионистов-ревизионистов Зеэва Жаботинского и пришедшая ей на смену партия Херут видели в И.Г.Клаузнере своего идеолога. В 1949 году партия Херут выдвинула Иосефа Гедалию Клаузнера кандидатом на пост президента Государства Израиль. Его соперником был крупнейший ученый-химик Хаим Вейцман, который и стал тогда первым президентом нашей страны.

Книги И.Г.Клаузнера были переведены на многие языки и находили своего читателя в разных странах мира. В 1947 году ученый был избран почетным членом Американской Академии наук и искусств. В 1958 году он был удостоен Государственной премии Израиля – высшей награды нашей страны.

Имя ученого увековечено в названии улицы в Иерусалиме. И как жаль, что сегодня уже не найти на этой улице медной доски с выгравированными на ней словами: «Иудаизм и человечность». Этот девиз он выбрал еще в молодости и был верен ему всю жизнь.

«Когда-то эти улицы были живыми людьми...» (Менахем Шейнкин)

Арон Черняк (Хайфа)

Менахем Шейнкин

В Тель-Авиве – городе, который стал символом возрождения еврейского народа на своей земле, есть улицы, названные именами людей, чьим вдохновением, упорством, эрудицией, руками заново строилась страна, которой не было на карте без малого две тысячи лет. Писатель Амос Оз в романе «Сипур аль ахава вэ хошех» («Повесть о любви и тьме»), описывая центр Тель-Авива, замечает, что когда-то эти улицы были живыми людьми. Одна из самых «живых» улиц города, центр художественной, поэтической, театральной богемы, не затихающая до утра, – улица Менахема Шейнкина. К сожалению, в среде молодежи имя его в основном уже ассоциируется лишь с этим названием. Более 10 лет назад в газете «Вестник Хайфы и Севера» появились две наши статьи, посвященные М.Шейнкину, однако их постигла обычная судьба газетной публикации, тем более, региональной: они прочно забыты.

Настоящий очерк служит более широким жизнеописанием Менахема Шейнкина.

Он родился в 1871 году в местечке Улла Витебской губернии, в семье хасидского[1] раввина Цви Шейнкина. Рано потеряв родителей, Менахем вместе со старшим братом воспитывался в доме богатого арендатора усадьбы возле Могилева. Когда старший брат был назначен раввином, он взял младшего к себе и продолжал учить его. Впоследствии Менахем успешно выдержал экзамен и

[1] Хасидизм – религиозное течение, возникшее в восточноевропейском еврействе во второй четверти XVIII в. (хасид – благочестивый).

тоже получил звание раввина. Одновременно он заинтересовался светской литературой, познакомился с романом Абрахама Мапу «Ахават Цион» («Любовь в Сионе») и с журналами «Ха-шахар» («Восход»), «Ха-мелиц» («Посредник»), которые читал тайком, – в среде хасидов светская литература почетом не пользовалась. Желая расширить свой кругозор, выучил русский язык и начал читать серьезные книги.

У Менахема была мечта – продолжить образование в Берлине, чтобы стать современным раввином. Но судьба распорядилась иначе. В доме родственников арендатора усадьбы он познакомился с девушкой по имени Мирьям, из семьи адмора[2] (Любавичского ребе), которая, в противовес традициям семьи, решила получить светское образование и училась в русской школе. Вскоре они поженились, и вместо предполагаемой поездки в Берлин, в раввинскую семинарию, Менахем с женой в 1892 году направился в Одессу. Там он попытался сдать экстерном экзамены за курс классической гимназии, но преуспел частично, – ему зачли лишь четыре дисциплины. Менахем начал зарабатывать уроками иврита и одновременно готовиться к экзаменам на аттестат зрелости. После второй попытки он получил свидетельство об окончании гимназии и поступил в Новороссийский университет в Одессе, которая была в то время крупнейшим центром еврейского просвещения. В 1886 году из общего числа студентов на медицинском факультете было 30,7% евреев, на юридическом – 41,2%. Но, с введением процентной нормы[3] в 1887, году ситуация резко ухудшилась. Тем не менее, Шейнкин поступил на филологическое отделение. В студенческие годы Менахем примкнул к сионистскому движению, был создателем первого в Одессе национального студенческого объединения, занимавшегося вопросами изучения и исследования иудаизма. В 1898 году Шейнкин организовал кружок «Бней-Цион» («Сыновья Сиона»), а в 1899 году – «Нес-Циона» («Знамя в Сионе») и был избран делегатом на 2-ой Сионистский конгресс, проходивший в Базеле.

---

[2] Адмор – аббревиатура слов «адонену, морену, рабену» (наш господин, учитель, наставник), обычно звание хасидских цадиков – духовных вождей еврейской общины.

[3] Процентная норма – предельно допускаемая доля представителей какой-либо группы населения в общем числе учащихся, служащих, людей определенных профессий. Это определение применяется для обозначения дискриминационных мер по отношению к еврейскому населению, в частности, законодательное ограничение приема евреев в высшие и средние учебные заведения, действовавшее в России с 1887 по 1917 год.

Когда конгресс раскололся на «государственников» (Герцль) и «культуртрегеров» (Ахад-ха-Ам), – присоединился к последним; при этом продолжая принимать участие в деятельности «государственников», привел их к компромиссу с «культуртрегерами», а затем и к совместной работе. Будучи по природе прекрасным организатором, Шейнкин играл большую роль в распространении культурной и сионистской пропаганды, видя в этом единое целое. Он организовал курс лекций по литературе и сионизму, создавал в различных городах еврейские школы. В сферу его разносторонней деятельности входило распространение акций Сионистского банка (нынешний «Банк леуми» – Национальный банк) и «Шекеля». Это древнее название «Шекель» («Ш.») получил ежегодный членский взнос в кассу организации на 1-ом Сионистском конгрессе в Базеле, который одновременно служил удостоверением при выборе делегатов на сионистские конгрессы. Шейнкин организовал сбор пожертвований в фонд «Керен Каемет»[4] и комитета «Ховевей Цион» («Любящие Сион», «Палестинофилы»), распространение акций компании «Геула» («Избавление»), одним из основателей которой он был. Энергичный и разносторонний юноша обратил на себя внимание известных людей старшего поколения, – Моше Лилиенблюма, одного из руководителей «Ховевей Цион», сторонника национальной идеи, и Семена Дубнова, известного еврейского историка, публициста и общественного деятеля. В своей книге воспоминаний и размышлений «Книга жизни» С.Дубнов пишет: *«По возвращении в город я, несмотря на переобременение литературной работой, уделял ряд вечеров для собеседования со студентами. В моем кабинете собиралась группа из 10–15 студентов (помню из них будущих сионистов Василевского и Шейнкина, из которых первый через два года кончил самоубийством, а другой был крупным партийным пропагандистом, поселился позже в Палестине и умер от несчастного случая спустя 30 лет в Америке, куда ездил в качестве уполномоченного от Керен-ха-Иесод[5])»*[6].

Таких знатоков иврита, как Шейнкин, было среди сионистов немного; так, на 1-ом Сионистском конгрессе лишь один делегат выступал на иврите, – это был представитель России Я.Бернштейн-Коган.

---

[4] Керен Каемет – Еврейский национальный фонд сионистского движения для приобретения и освоения земли в Эрец-Исраэль.

[5] Керен ха-Иесод – главный финансовый фонд Всемирной сионистской организации.

[6] *Дубнов С.М.* Книга жизни. Т.1. С.309. Рига, 1934.

В 1900 году Шейнкин закончил учебу в университете, уехал в Эрец-Исраэль, где знакомился с жизнью еврейских поселенцев, исколесив страну вдоль и поперек. Будучи делегатом 4-го Сионистского конгресса, он едет в Лондон. Там он дает объяснения и инструкции молодым людям из России, уезжающим в Палестину, рассказывая об увиденном в ишуве[7].

Находясь в Эрец-Исраэль, он столкнулся с пропагандой чиновников барона Ротшильда и ЕКО, которые, вследствие разразившегося кризиса, убеждали рабочих возвращаться в страны исхода и даже предлагали деньги на компенсацию дорожных расходов. Чтобы помочь людям удержаться в стране, Шейнкин основывает в Одессе благотворительный фонд помощи рабочим Эрец-Исраэль. Легче ввезти в страну деньги, чем людей, – считал Шейнкин, – истощение человеческих ресурсов означает, что за каждым уехавшим остается пустота.

В 1901 году Шейнкин был избран на должность казенного раввина в Балте, близ Одессы. Сионисты Одессы противились его отъезду, но Ахад-ха-Ам поддержал Менахема, сказав, что 18 тысяч еврейского населения без постороннего вмешательства и нажима избрали его, и там тоже можно работать во благо сионистских целей. Будучи в соответствии со своей должностью доверенным лицом властей, М.Шейнкин не прекращает пропагандистскую деятельность. В 1903 году, на 6-ом конгрессе в Базеле его избирают членом Исполкома сионистской организации. Осмысливая аспекты теории и практики сионизма, Шейнкин примыкает к Демократической фракции Всемирной сионистской организации, возникшей в 1900 году. Руководители фракции Х.Вейцман, М.Бубер, Л.Моцкин, Я.Бернштейн-Коган составили оппозицию Т.Герцлю, служившую также противовесом религиозным кругам, – противникам светской еврейской культуры. Члены фракции требовали демократизации руководства Всемирной сионистской организации, усиления воспитательной работы и пропаганды поселенчества, создания так называемых «образцовых хедеров», где бы изучался иврит, светские предметы, – особенно история еврейского народа, география Эрец-Исраэль, новая ивритская литература. Некоторые из этих требований были включены в программу сионистского движения.

Всю работу он выполнял без боязни за свое положение и даже свободу. Обязанности раввина – записи новорожденных, умерших,

[7] Ишув – собирательное название еврейского населения Эрец-Исраэль.

брачующихся, передачу документов властям, – все это делала от его имени «раббанит», жена Мирьям.

В 1905 году М.Шейнкин переизбирается казенным раввином Балты, но губернатор не соглашается утвердить его кандидатуру, поставив условием прекращение сионистской деятельности. Шейнкин ответил, что он не может это обещать и, как раввин, не имеет права лгать. Губернатор поразился прямоте и смелости его ответа, но разрешения на продолжение работы Шейнкину не дал.

Живой политический темперамент Шейнкина проявился в острой дискуссии по плану Уганды, – проекту создания Еврейского государства на территории Восточной Африки (ныне Кения). В связи с провалом переговоров с Турцией о создании еврейской автономии в Эрец-Исраэль, Т.Герцль считал возможным принять официальное предложение Великобритании создать в Уганде еврейскую автономию под верховной властью Великобритании. Шейнкин, как и большинство российских евреев, не согласился с этим планом и стал активистом оппозиции в группе «Ционей Цион» («Сионисты Сиона»).

В 1905 году Шейнкин вновь уехал в Эрец-Исраэль. Здесь, в рабочем квартале Яффы, он принимает участие в создании первой в мире гимназии, где языком обучения стал иврит. Благодаря его стараниям, в гимназии «Герцлия» преподают такие высокообразованные люди, как д-р Бен-Цион Мосинзон и д-р Хаим Бограшов. В 1906 году вместе с семьей он окончательно переехал в Эрец-Исраэль как представитель руководства российских сионистов. Вначале они поселились в Хайфе, но после смерти старшей 16-летней дочери (она умерла от лихорадки), обосновались в Яффе. Шейнкин возглавил Палестинское бюро – исполнительный комитет «Ховевей Циона», движения за возрождение еврейского народа в Эрец-Исраэль. Перед ним встали серьезные задачи. С 1904 года началась Вторая алия, преимущественно из России. Многие тысячи еврейских семей, объятые страхом, в тисках безысходной нужды, видели свое спасение в эмиграции в Палестину. Но это было непростым делом. Ввиду экономического кризиса Бюро сионистов в конце 1905 года выпустило тысячи экземпляров воззвания о том, что семейным людям нет пока места в Палестине, – туда могут приехать лишь несколько сот здоровых холостяков-рабочих, что только с притоком капиталов в Палестину и развитием хозяйства можно будет организовать массовую эмиграцию. Но число желающих приехать в Эрец-Исраэль не уменьшалось, особенно после революции 1905 г. и прокатившихся вслед за ней погромов. Решено

было тщательно рассмотреть условия въезда в Палестину. Сионистское руководство поручило проведение указанной миссии М.Шейнкину.

Шейнкин писал, что целью экспедиции не было научное исследование по изучению условий эмиграции: для этого нужны специалисты, годы и, главным образом, крупные средства, о которых нельзя было даже мечтать. Надо было думать о практических шагах для ответа на острый и неотложный вопрос момента, как эмигрантам ориентироваться на новом месте. Так как он уже дважды ездил в Палестину, посетив почти все города, и всюду имел личные знакомства среди местных деятелей, выбор Бюро пал на Менахема.

В 1906 году Шейнкин взял на себя руководство информационным и иммиграционным отделом «Ховевей Цион», который помогал новым репатриантам акклиматизироваться в стране, ходатайствовал об организации отдела туризма и развития этой отрасли в стране, как возможности вложения капитала и создания дополнительных рабочих мест. Шейнкин участвовал в организации Инспекционного Совета евреев Эрец-Исраэль, был членом руководства гимназии «Герцлия». Он занимался созданием еврейского района за пределами Яффы, с которого начинается новая история Тель-Авива, – «Ахузат Баит» («Усадьба»). Он организовал группу «Хевра ха-хадаша» («Новое общество»), которая занималась строительством еще одного района Тель-Авива – «Нахлат Беньямин». Главной улице, застроенной этой компанией, британские власти впоследствии дали имя генерала Алленби. Само название растущего города – Тель-Авив (Холм весны) было предложено Шейнкиным. Шейнкин инициировал создание канализационной (очистительной системы), организацию Объединения ремесленников и застройку нового квартала для размещения мастерских. Помимо деятельности в стране, Менахем Шейнкин ежегодно ездил в Россию для пропагандистской работы и распространения акций, – нужно было привлечь в Палестину людей и капитал… Он приезжал не просить, а предлагал не упустить выгодную сделку, и под его влиянием покупали земли в Эрец-Исраэль или вкладывали деньги в развитие предприятий, взамен ценных бумаг, написанных на святом языке.

Когда в России разразилась революция, то многие вкладчики, ограбленные большевиками, бежали в Эрец-Исраэль. И там, неожиданно для самих себя, они обнаружили, что эти бумаги – капитал, который дает им возможность начать новую жизнь и занять определенное положение.

В начале Первой мировой войны, турецкие власти выслали Шейнкина из Палестины, так как он был подданным враждебного государства – России, вел там пропаганду сионизма и занимался сбором средств для Эрец-Исраэль.

Шейнкин уехал в Америку, где много сделал для расширения знаний об Эрец-Исраэль, выступал в печати и с докладами, объясняющими суть сионизма.

Менахем Шейнкин со своей семьей

Он был одним из основателей Сионистского общества социальной помощи, руководством которого непосредственно занимался, помогал в организации Еврейского легиона[8]. В 1919 году Шейнкин возвратился в Эрец-Исраэль, где руководил департаментом алии Правления сионистской организации, продолжал работать в Центре «Объединения ремесленников». В благодарность за его деятельность, именем Шейнкина назвали улицу, граничащую с районом, где располагался Центр. Менахем Шейнкин еще успел увидеть это название...

Характер работы в департаменте алии не удовлетворял Шейнкина, – ему не хватало простора для деятельности. Он вновь едет в Америку, где занимается привлечением людей и капитала для строительства Страны Израиля.

Важнейшим вкладом М.Шейнкина в дело хозяйственного развития Эрец-Исраэль стал его доклад Центральному комитету российского сионистского движения, составленный в 1906 году, после двух поездок в Палестину.

Шейнкин подробно ознакомился с географическим, социально-экономическим, демографическим и культурным положением регионов Ближнего Востока для выявления возможностей и перспектив еврейской колонизации и определения ее рациональной политики.

---

[8] Еврейский легион – подразделение британской армии в годы Первой мировой войны, состоявшее из еврейских добровольцев. Был создан для участия в военных действиях за освобождение Эрец-Исраэль от турецкого владычества.

Забегая вперед, скажем, что М.Шейнкин прекрасно справился с поставленной задачей.

Текст доклада состоял из четырех частей: 1. Пункты Ближнего Востока. 2. Сирия, юг Иудеи и Галилея. 3. Обзор реальной работы. 4. Народное образование.

Нам удалось обнаружить 1, 2 и 4-ю часть этого документа.

Автор, заявляя о «нашем небрежном отношении, о нашей близорукости по отношению к знанию Палестины», – отмечает «наличие обширных "белых пятен" на карте изученности Палестины».

В своем докладе он пишет: *«Мне часто приходилось жаловаться на недостаточное внимание "Ховевей Цион" и сионистов к северной и южной окраинам Палестины. Но вы и в центре Палестины найдете очень много важных пунктов, которые остались, так сказать, вне сферы влияния еврейской колонизационной деятельности...»* Району Хайфы посвящен специальный раздел доклада. Автор предсказывал «великую будущность в коммерческом и политическом отношениях», превращение города в главный порт Палестины, – как видим, трудно отказать ему в прозорливости. Вместе с тем, М.Шейнкин сетует на очень низкую экономическую активность еврейского населения, – в результате ключевые позиции оказались в руках немцев и арабов, которые на деньги барона Э.Ротшильда «выстроили себе дворцы и ряд домов». В создании железных дорог участвовали французы, немцы, арабы, итальянцы – при почти полном отсутствии евреев. *«Хайфа,* – продолжал Шейнкин, – *самый центральный пункт Галилейского побережья; через него прибыли почти все колонисты Самарии и Верхней Галилеи, через этот порт получали потом в колонии все строительные материалы, земледельческие орудия и все машинные части для винных погребов, фабрик и заводов... Но все это попало в руки немцев и арабов».* Хайфский регион не был исключением в экономической жизни Эрец-Исраэль, и Шейнкин призывает преодолеть пассивность, пагубную для судеб еврейской колонизации.

Исключительное внимание уделил Шейнкин делу народного образования и просвещения. В докладе он рассмотрел вопросы школьного и внешкольного образования, организации сети библиотек и периодической печати, – развернул перед читателем панораму культурной жизни Эрец-Исраэль. Автор весьма обеспокоен, как он отмечает, культурным вырождением еврейского населения Палестины, ухудшением его материального положения. *«Все это потому,* – подчеркивает он, – *что сами они* (т. е. евреи. – *А. Ч.*) *не учатся, не знают, не понимают своих интересов и, тем менее*

(так!), – *интересов еврейской нации. Хорошая еврейская школа может возвратить нам то, что уцелело от этих евреев и их имущества».*

Затем он переходит к характеристике отдельных звеньев школьной сети.

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА. Положение этого учреждения весьма тяжелое, но кадры учителей более или менее удовлетворительны, они самоотверженно работают, стремятся к обновлению начального образования. В значительно лучших условиях школы Талмуд-Торы[9], но к ним Шейнкин относится весьма сдержанно. *«Это,* – пишет он, – *молчаливый, но живой протест против наших надежд... Талмуд-Тора не прививает детям чего-то специфически религиозного, но умерщвляет национальный дух».*

ГОРОДСКАЯ ШКОЛА. Эта сеть наиболее привлекала эмигрантов из России, хотя далеко не все из них могли обеспечить учебу своих детей в подобных школах. В значительной мере городские школы принадлежали Альянсу (Всемирному еврейскому союзу), образованному в Париже в 1860 году. Он оказывал помощь в получении образования евреям во всем мире. На Ближнем Востоке их сеть была невелика, в Сирии и Палестине – всего несколько десятков. Школы Альянса давали хорошее знание французского языка и приобщали учащихся к европейской культуре. Это имело и отрицательное значение – способствовало оттоку выпускников в страны Западной Европы.

В школах Альянса обучались дети в возрасте от 5 до 15 лет. Им оказывалась материальная помощь, – дети из бедных семей получали питание и одежду, а их родители – денежные субсидии. С начала XX века у Альянса появился конкурент – Хильфсферейн. Эта организация немецких евреев была создана в Берлине в 1901 году и быстро распространила сеть детских садов, школ различного уровня, курсы, библиотеки и т.д. В Палестине Хильфсферейну покровительствовали германский и австрийский консулы.

СРЕДНЯЯ ШКОЛА. Среднее образование было развито недостаточно. Еще в 1856 году в Иерусалиме, по инициативе и при материальной поддержке еврейского общественного деятеля из Австрии Симона фон Лемеля, была основана школа его имени. В 1904 году при ней открыли два дополнительных класса – для подготовки учителей. Впервые в мире появилась гимназия, где

---

[9] Талмуд-Тора – название учебного заведения для детей в общинах Европы, возникшего в конце средних веков.

преподавание велось на иврите. Ее назвали «Герцлия» в честь Теодора Герцля; основателем и первым директором стал д-р Иехуда Лейб Метман-Коэн.

ШКОЛЫ С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ УКЛОНОМ. Такая подготовка получила в Палестине довольно широкое развитие, что соответствовало интересам еврейского населения. Еще в 1870 году близ Яффы открыли школу «Микве Исраэль» (Надежда Израиля»). Ее основателем и первым директором был Шарль Неттер. Как представитель Альянса, он заключил договор о концессии на 99 лет, что способствовало созданию земледельческих поселений, а школа сразу приобрела сельскохозяйственную ориентацию, на опытных участках выращивались новые и улучшенные агрокультуры, велись лесонасаждения. Однако по существу «Микве Исраэль» оставалась французской школой, и многие выпускники устремлялись в Париж или работали в администрации барона Ротшильда. Самой большой еврейской школой в Палестине была центральная школа Альянса в Иерусалиме. Среди новых кварталов города располагалось около десяти зданий – учебные корпуса, мастерские, интернат. Имелись также помещения для столовых, рекреационные залы, детский сад на 500 мест, мастерские. В мастерских были специализированные отделения – ткацкое, слесарно-механическое, красильное, токарно-скульптурное и другие. Открылся курс по черчению и рисованию.

Была организована также сельскохозяйственная школа «Кирьят-Сефер». Основатель школы Исраэль Белкинд купил 50 дунамов земли, на которой были построены школьные здания. Однако в начале века в школе было мало учеников, – труд крестьянина тяжел, и родители не слишком стремились видеть своих детей земледельцами, хоть и образованными.

Шейнкин предлагал расширить профиль школы – изучать коммерческую арифметику, торговую корреспонденцию, бухгалтерию, – готовить выпускников к работе в промышленности и торговле.

В 1905 году в Иерусалиме было открыто впоследствии знаменитое учебное заведение – школа «Бецалель». Ее основатель профессор Борис Шац поставил задачу – распространить среди еврейского населения знания и навыки в таких отраслях ручного труда, которые сопряжены с искусством (ткачество ковров, резьба по дереву и камню, различные виды плетения, инкрустирование, работы по меди и пр.). По мысли Шаца, такие ремесла способны прокормить тысячи семей. Новая школа очень быстро получила широкое

признание: подкупали свободные порядки, поощрение талантов, хорошая профессиональная подготовка преподавателей, энтузиазм самого основателя школы.

В Иерусалиме создали также школу для слепых, в которой преподавали чтение, письмо, музыку, обучали плетению, щеточному делу.

ВНЕШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. Существующая сеть стационарных школ не могла обеспечить потребности народного образования. К тому же лишь немногие могли оплачивать обучение в гимназиях, на курсах фармацевтов и среднего медицинского персонала в Бейруте, не говоря уж об университетском образовании. Решение проблемы виделось в организации бесплатных (или за небольшую плату) различных курсов, народных чтений, семинаров. Шейнкин придавал этим формам обучения очень большое значение. *«Вопрос о таком образовании,* – писал он, – *есть для нас вопрос не только будущего для подрастающих детей иммигрантов, но и неотложный вопрос настоящего момента, так как значительная часть иммигрантов состоит из молодых людей, не закончивших своего образования, и вообще из людей, которые не прочь пополнить свои знания».*

КУРСЫ. Шейнкин считал, что в первую очередь должны создаваться языковые курсы. *«Необходимо знать еврейский язык, так как взаимное непонимание мешает свободному сплочению и объединению различных частей местного еврейства».* Конечно, Шейнкин имел в виду овладение ивритом и его широкое распространение. Очень важно овладеть арабским языком: *«Наши личные и национальные интересы требуют не добровольного заключения в гетто, а проникновения в глубь страны».* Наконец, надо было изучать и французский язык, широко распространенный на Ближнем Востоке. Но пока это оставалось на уровне пожеланий; языковые курсы работали только в Яффе.

Насущным делом было и открытие других курсов: коммерческой корреспонденции и бухгалтерии, зубоврачебных, фельдшерских и, особенно, подготовки квалифицированных преподавателей.

НАРОДНЫЕ ЧТЕНИЯ. Кратко речь шла о трех главных темах: 1. Санитарные условия страны. 2. Экономические условия страны. 3. Турецкое гражданство и поземельное законодательство. Такие познания, – считал Шейнкин, – необходимы для создания новых отраслей труда и промышленности.

НАРОДНЫЕ БИБЛИОТЕКИ. Организации библиотечного дела Шейнкин уделял большое внимание, ибо видел в нем важное средство развития культуры и народного хозяйства страны.

При бедности научных сил, – отмечал он, – при отсутствии компетентного живого слова, сильным подспорьем в просвещении могло бы явиться печатное слово книги в народных библиотеках. Нет в Палестине ни одной порядочной еврейской библиотеки, откуда можно было бы черпать научные знания. Некоторое исключение, по мнению автора, составляют общественные библиотеки в Иерусалиме и Яффе.

Далее идет весьма колоритный, но не бесспорный текст.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА В ИЕРУСАЛИМЕ. *«Это громкое имя около десятка лет звучит в нашем мире; этой библиотеке и ее главному инициатору д-ру Хазановичу читаются дифирамбы на всех крупных сионистских собраниях. Об этой библиотеке говорят на всех сионистских конгрессах, где единогласно дотируются, (но не всегда уплачиваются) субсидии в 2000 франков. Тем трагичней являются результаты этой крикливой бездеятельности. В двух не особенно просторных залах... хранятся, частью еще в нераспакованном виде, из-за отсутствия достаточного количества шкафов, книги – количеством не больше порядочной частной библиотеки, а качественно – соответствующие историческому архиву или музею, но далеко не национальной библиотеке... Можно не найти самой обыкновенной еврейской книги... тем не менее, можно надеяться найти там широкую научную Гебраику или Палестинику... Д-р Хазанович прямо говорит, что он старается приобретать то, что с течением времени может исчезнуть; он, таким образом, работает почти исключительно для очень полезных и необходимых нам архива и музея, но не для библиотеки в прямом и практическом смысле этого слова... Местный иерусалимский читатель может еще как-то удовлетворить этой библиотекой свои скудные потребности; он услаждается языком "Ахават Цион" ("Любовь в Сионе") Мапу, фабулой "Ха-тоэ бэ даркей ха-хаим" ("Блуждающий на жизненном пути") Смоленскина, а также найдет откровения в "Кузари" ("Хазарская книга") Иехуды ха-Леви, "Морэ невухим" ("Наставник растерявшихся") Маймонида старинных изданий. Развитой же европейский еврей не должен надеяться на удовлетворение своих более изысканных потребностей в этой нашей Палестинской главной библиотеке, которая, кстати сказать, обслуживается мало соответствующими*

своему посту лицами, а потому и не имела до последнего времени ни правильной расстановки книг, ни систематического каталога».

Картина, нарисованная автором, не отличается оптимизмом. Она отражает трудности и недостатки формирования Национальной библиотеки: отсутствие необходимых ассигнований, недостаточная квалификация работников, запоздание с внедрением научно-обоснованной расстановки книг, организацией справочного аппарата и др. Однако нельзя согласиться с упреками Шейнкина в адрес Хазановича, который видел в этой библиотеке важнейшую функцию – собирание и хранение как можно более полного комплекта изданий и других материалов по иудаике. Нужно отдать должное д-ру Хазановичу за спасение книжных богатств, составляющих гордость современной Национальной библиотеки в Иерусалиме.

Далее Шейнкин рассматривает Яффскую библиотеку, созданную на базе книжного собрания Палестинского кружка в Одессе. *«Библиотека относительно богата периодическими изданиями и книгами для начинающего и среднего читателя. Благодаря всему этому она сделалась некоторым культурным центром»...*

В докладе речь идет также о богатой библиотеке по палестиноведению, находившейся в Германии. *«Если эта библиотека действительно поступила в распоряжение Палестинской комиссии,* – пишет Шейнкин, – *то непростительно держать ее в богатом книгохранилище Берлина, а не отослать в Палестину, где изнывают и блуждают без книги. Таков книжный голод в Палестине».*

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ. *«На первый взгляд,* – отмечает автор, – *дело обстоит благополучно: газеты и журналы на различных языках получают из многих стран. Но при ближайшем рассмотрении это впечатление оказывается ошибочным. Известно, что кроме специальных, чисто научных газет и журналов. которые имеют одинаковое значение всюду, остальные органы печати в каждой стране имеют "субъективный" характер...Таким образом являются общественное мнение и общественное настроение, соответствующие насущным интересам данного места и времени; даже общие мировые явления рассматриваются периодической печатью каждой страны и народа через призму местных интересов.*

Быть постоянным читателем известного периодического органа печати, – значит жить интересами и психологией того общества, выразителем которого этот орган является... Прогрессивные круги еврейского населения стремятся создать универсальный орган еврейской прессы». Шейнкин горячо поддерживал идею

выпуска такого издания, тем более что информация о Палестине в печати других стран не отличалась полнотой, а, главное, достоверностью и реализмом.

«Когда сидишь в Палестине, – пишет Шейнкин,– *и читаешь палестинский отдел в еврейских и сионистских органах печати, то часто диву даешься, откуда берутся такие сведения. Совсем другое дело местная газета... Сведения о палестинской жизни будут помещаться в этой газете не на задворках, после всех политик и полемик, а займут самое видное место, так как палестинская жизнь здесь – местная, своя жизнь, касающаяся повседневной действительности... Палестинско-еврейский орган печати создаст эпоху в жизни евреев Палестины и ее окрестностей; он внесет существенный корректив в деятельность сионистов и палестинофилов всей диаспоры и явится одним из главных факторов иммиграции и реальной работы в Палестине».*

СОЮЗ УЧИТЕЛЕЙ. Автор считал, что без такого Союза невозможно рационально поставить устройство курсов, народных чтений, открытие гимназий и т.п. *«Когда говорят о народном образовании,* – подчеркивал он, – *то учителем следует назвать не только преподавателя народной школы или гимназии, но и лекторов различных курсов, руководителей народными чтениями, заведующих библиотеками, редакторов и главных сотрудников органов печати и вообще всех тех, кто принимает активное участие в распространении и руководстве народным образованием».*

Доклад М.Шейнкина руководству сионистского движения в России в значительной мере опубликован в журнале «Еврейская жизнь», 1907, №1 (с.121-147), №2 (с.95-111), №3 (с.118-143). Этот уникальный документ дает широкую картину состояния Эрец-Исраэль в географическом, демографическом, социальном, экономическом, культурном планах, на основе критического анализа всех компонентов и их синтеза.

Помимо этого масштабного исследования, М.Шейнкин публиковал статьи на иврите, идиш и русском, как в Палестине, так и в зарубежной печати. Он резко выступал против «османских» евреев (сторонников турецкого национализма), которые были против сионизма, также в отдельной брошюре «Диврей шалом вэ эмет» («Слово о мире и истине»). В годы Первой мировой войны издал в Америке несколько брошюр о положении в Эрец-Исраэль, в поддержку Еврейского легиона и т.д.

Погиб М.Шейнкин в дорожной аварии в Чикаго 3 ноября 1924 года, не дожив до пятидесяти четырех лет. Его жена Мирьям пере-

везла гроб с телом мужа в Тель-Авив, где он был похоронен на старом кладбище, рядом с братской могилой жертв еврейских погромов, учиненных арабами в мае 1921 года.

В 1935 г. его вдовой был издан сборник статей Менахема Шейнкина. В память о нем «Кехиллат Цион» («Общество Сиона») назвало новый квартал в Гиватаиме именем Менахема Шейнкина.

Весь пыл души, всю неукротимую энергию отдал этот российский сионист осуществлению одной мечты – быть свободным народом на своей земле[10]. Занимался ли он бизнесом, строительством поселений, сбором пожертвований, распространением акций, публикацией пропагандистских или обличительных статей, – цель была одна – создание базы будущего еврейского государства в Палестине. И если он критиковал то, что видел в стране, что вызывало его протест, – это был голос человека, понимавшего, что можно сделать быстрее, больше, лучше. Менахем Шейнкин достоин того, чтобы его не забыли.

[10] Слова из гимна Израиля «Ха-Тиква» (Надежда).

Первый «израильский бульдозер» (Леви Эшкол)

Михаил Хейфец (Иерусалим)

Леви Эшкол

Премьер-министр Леви Эшкол сравнительно мало известен публике, – конечно, если говорить о его коллегах «по сану». Это удивительно и даже как-то парадоксально: ведь именно в его эпоху Израиль добился самых замечательных успехов и в экономике, и в политике. Тут мне припомнилось ехидное замечание политического оппонента, но не Эшкола, а Бегина, возражение оппонента «справа»: *«Подумать только, самый миролюбивый из наших премьеров* (имелся в виду Эшкол) *раздвинул границы страны до предельного максимума – от Суэца до Голан, а вот самый воинственный* (имелся в виду как раз Бегин) *отдал арабам больше, чем кто-либо другой...»*

Отгадка парадокса, успехов и относительной незаметности «бульдозера» (так некогда прозвали Эшкола, а только потом Шарона) – в его удивляющей незаинтересованности в своем имидже.

...Леви Школьник, ставший в Палестине «ивритизированным» Леви Эшколом, родился в 1895 году в семье состоятельной, хотя – состоятельной, конечно, только по меркам местечка («штетл» назывался Оратов, расположен в Киевской губернии). Семья, натурально, была «традиционной», т.е., как обычно на Украине, ортодоксально-хасидской. Мальчик рос «баловником», и однажды, например, силясь понять, как работает молотилка, сунул туда палец. Ему отхватило два сустава, и впоследствии премьер любил пошутить в киббуце «Дгания-бет», куда возвращался домой из столицы, что его обязательно нужно привести в детсад, чтобы воспитательница могла показать его ладонь детям и пояснить «на живом примере»: «Вот, дети, когда-то папа Двойреле не слушался взрослых, и сами видите, какое несчастье от такого плохого поведения получается...»

Начало его жизни выглядит совсем обычным для украинского юноши-еврея: хедер, ассимиляционные комплексы – мальчик покидает семью и едет в гимназию... Но уже тогда проявил упорный характер: поехал он в Вильну, в главный центр «литваков», т.е. отчаянных врагов его родных хасидов. Там он заинтересовался, однако, вовсе не литовской иудаистской ортодоксией и даже не русской культурой или русской революцией, что было свойственно большинству юных еврейских современников. Нет, он увлекся национальным идеологическим течением – сионизмом, причем в социалистической форме (отнюдь не господствовавшей в Российской империи – главные посты в здешнем Движении занимали «общие сионисты», т.е. еврейские либералы западного толка). Вступив в сионистский «комсомол» (организация «Цеирей Цион» – «Молодежь Сиона»), потом в Соцпартию («ха-Поэл ха-Цаир» – «Молодой рабочий»), Леви Школьник в 19-летнем возрасте сделал главный жизненный выбор – оставил Россию и уехал, но не в Америку или в Западную Европу, как множество сверстников, даже сионистов, а в Османскую Палестину. Осторожные люди в азиатское гнездо предпочитали не ехать – для благоразумных юных евреев с отличным образованием и из зажиточных семей открывались западные университеты, да и попросту – Америка ещё пускала всех желающих!

Как этого требовала социалистическая идеология, в Палестине он начал «работать руками» – на цитрусовых плантациях Петах-Тиквы. Однако просто «вкалывать» наемным батраком считалось у этих молодых людей все-таки делом унизительным, – как же вырастет «свободный еврей», если станет трудиться на хозяина. Потому с группой единомышленников Эшкол оставил Петах-Тикву и создал еврейскую сельхозкоммуну в Атароте (нынче – северный микрорайон Иерусалима). Тут грянул «август 1914-го», Первая мировая война. Через несколько месяцев османским властям показались подозрительными эти «мишигене копс», жившие как-никак поблизости от административных центров, от штабов и турецких гарнизонов. И коммуну Эшкола власти прикрыли, а коммунаров переселили подальше от фронта, в Ришон-ле-Цион, благо участок заблаговременно купил для евреев их покровитель барон Ротшильд. Там молодые люди и «прокуковали» всю войну – с ужасами голода, насилия и вечной угрозы уничтожения воюющими турками (те уничтожили армянскую общину и готовились уничтожать греческую...).

Через три года, прорвав турецкий фронт под Беэр-Шевой, в Иерусалиме появилась британская армия под командованием генерала Алленби. В ее состав входил и «Еврейский легион» – несколько батальонов, навербованных британцами из добровольцев-евреев Великобритании и США. Там служили, например, организатор всего «проекта» Зеэв Жаботинский, и доброволец-рядовой, высланный из Палестины в Америку в начале войны Давид Бен-Гурион, туда завербовались Берл Кацнельсон, еврей из Бобруйска, и многие-многие другие впоследствии знаменитые личности. Жаботинский призвал всех местных евреев, жителей Эрец-Исраэль, вступить в армию Антанты, чтобы заслужить доверие победителей и добиться исполнения мечты – создания Еврейского *Национального очага* в Эрец-Исраэль (таков был принятый тогда эвфемизм для обозначения Еврейского государства, ну, что-то вроде нынешнего термина – «Палестинская автономия»).

Партия «ха-Поэл ха-Цаир», членом которой был наш персонаж, выступила против вербовки в британскую армию – и по идеологическим, и по практическим соображениям. Во-первых, как социалист пойдет добровольцем в империалистическую британскую армию?! Во-вторых, неизвестно, чем война кончится, а участие членов «ишува» на стороне Антанты могло быть расценено турками, если те удержатся у власти, как «государственная измена». Короче – нет и нет призывам Жаботинского! Но молодой Леви Школьник уже проявил особое упрямство: он-таки завербовался в Легион, а, когда часть после войны распустили, создал новую коммуну – знаменитую «Дганию-бет» на левом берегу реки Иордан.

Как раз тогда его бывший сотоварищ по военной службе Давид Бен-Гурион вдохновился идеей, вычитанной в брошюре авторитета-идеолога ишува Берла Кацнельсона: именно Берл предложил поселенцам создать единую партию рабочих Палестины, сплоченную не на основе того или иного оттенка социалистической мысли, как водилось у евреев раньше, а на фундаменте профессионального единства рабочих людей, для защиты именно местных рабочих, а не только социалистов. То есть создать, с одной стороны, политическую организацию, иной она не могла быть, но, с другой стороны, она выглядела как бы профсоюзом рабочих-евреев, независимым от идеологии. Партию-профсоюз назвали Гистадрут («Объединение»), и Эшкол стал делегатом Учредительного съезда, сразу сблизившись с обоими лидерами, – и с идеологом Кацнельсоном, и с председателем Бен-Гурионом. От Гистадрута он был выдвинут, а потом избран в первый еврейский парламент Эрец-

Исраэль («Асефат ха-нивхарим»). Как раз «Асефат ха-нивхарим» представлял интересы общины перед официальными властями Британского мандата, и политическая карьера Эшкола тогда и началась – сравнительно поздно, в 25 лет.

Бен-Гурион, руководитель рабочих масс, быстро оценил волевую настойчивость, собранность и расчетливость нового сотоварища, и уже через год, в 1921 году, Эшколу доверили важнейшую административную миссию в Гистадруте: вместе с основателем подпольных сил самообороны («Хаганы») Элияху Голомбом, этаким местным спецом по вооружениям, он был отправлен в рабочую командировку в Европу – как специалист по закупкам (закупкам оружия, конечно; Эшкол ведал финансовой стороной операции). Через год полиция обнаружила в Вене еврейский подпольный склад винтовок и пистолетов и по оставленным следам вышла на его «хозяев». Когда же выяснилось, что это не коммунистический, а всего лишь сионистский склад, дело кончилось благополучно для всех участников: первая «отсидка» Эшкола длилась всего несколько недель, его просто выдворили из Австрии...

Очень скоро он вновь отправился в «творческую командировку» – в Литву. Там давно существовала обширная еврейская община, со старинными «левыми симпатиями», и посланец Гистадрута организовал обширные курсы по подготовке «халуцим», евреев-добровольцев для переезда в Палестину. Побывал тогда же и в Москве...

В 1930 году твердость и уверенность в себе, одновременно сочетавшаяся с внешней тактичностью (иногда выглядевшей мягкостью), была оценена руководством в третий раз. Бен-Гурион, чьим великим достоинством являлся природный инстинкт находить каждому из соратников подходящее место в аппарате, на этот раз привлек Эшкола для исполнения чисто политического задания. Идея состояла в том, чтобы создать полноценную политическую организацию, конечно, параллельно с уже заложенным Гистадрутом! Эшкол осуществил для этого контакты между двумя главными политическими организациями «ишува» – бен-гурионовским «Единством труда» с оппозиционным «Молодым рабочим» (как помните, это была некогда партия самого Эшкола, «ха-Поэл ха-Цаир»). Он сыграл одну из решающих ролей в появлении единой социал-демократии Палестины – партии Мапай, десятки лет являвшейся решающей политической силой в Эрец-Исраэль. Одновременно входит в число ее лидеров, хотя пока что – второго класса. В тогдашнем руководстве все знали про страстное увлечение Эшкола

экономикой и финансами и обычно поручали ему решение именно практически хозяйственных вопросов. Он непрерывно читал книги по экономике и контактировал со многими видными теоретиками в этой сфере, особенно преклоняясь перед профессорами германской экономической школы. Как раз к этому времени некоторые ее светила начали прибывать в Палестину – правда, не совсем по своей воле. Возвышавшиеся в Германии нацисты обеспечивали Эрец-Исраэль нужными кадрами и советниками... Эшкол помнил и особо заботился о трудоустройстве «еким» – такой была кличка приехавших из Германии.

Вскоре Бен-Гурион отправил его в новую командировку. Именно в Германию.

В 1934 году (уже при Гитлере!) наш персонаж возглавил в Берлине Поселенческий отдел Палестинского бюро и одновременно создал контору, называвшуюся на иврите «Ха-авара» («Переправа»). Ее задачи были любопытными. Политический отдел Еврейского агентства (своего рода еврейское министерство иностранных дел) добился в переговорах с нацистскими властями осуществления сложной комбинации: евреям, эмигрировавшим из Германии в Палестину, дозволялось с помощью некоторых экспортно-импортных хитростей получать в Палестине часть былого имущества. Обычно евреев просто изгоняли с родины, предварительно обчистив донага, а вот переезжавшим в Палестину из рейха удавалось кое-что на месте получить. Приехавшие «еким», благодаря этим ходам, могли открывать здесь новые фирмы, строить фермы (середина 30-х годов отмечена в Палестине неслыханным в истории мандата экономическим процветанием – это было как раз тогда, когда Западный мир корчился от последствий «великой депрессии»). И весь процесс неожиданного «просперити» имел своим истоком незаметную, неизвестную почти никому, кроме особо посвященных лиц, финансовую деятельность в Берлине «тихого Эшкола».

В 1937 году Эшкола отозвали в Палестину. Теперь ему поручили создать новую компанию – «Мекорот» («Истоки») – с задачей организовать самую жизненно важную для южной страны отрасль хозяйства – разумное и современное водоснабжение и ирригацию. Он возглавлял «Мекорот» 14 лет, и то, что нынешний Израиль выглядит цветущим оазисом посреди окружающих пустынных просторов, – в немалой степени заслуга неутомимого директора «Мекорота».

Но кто же знает таких директоров?

Потом наступила Вторая мировая война.

Параллельно с «Хаганой», своего рода добровольческими силами самообороны еврейской общины, Еврейское агентство получило уникальную возможность создать первые за две тысячи лет профессиональные еврейские военные отряды, служившие не чужой власти, а еврейскому народу, этакую гвардию вооруженных сил ишува – «Плугот махац», сокращенно «Палмах» (в переводе «ударные отряды»). Эшкола ввели в штаб новой армии – в состав ее Верховного командования, где он отвечал опять-таки за финансирование вооруженных сил, за закупку вооружения, за организацию тайных мастерских по производству оружия. В конце войны еврейская община обладала двухтысячным отрядом профессиональных военных (включая моряков, летчиков, десантников, саперов) и многочисленными тайными складами боеприпасов, мастерскими, иногда малыми заводиками, производящими оружие. Все это находилось в прямом ведении Эшкола, но считалось сугубо засекреченным, и его имя, естественно, мало появлялось и в СМИ, и в открытой политике.

Накануне принятия решения ООН о создании Государства Израиль Эшкол становится одним из двух командующих Центра народного ополчения, штаба, которому предстоит через две недели возглавить Действующую армию – сначала в гражданской войне между еврейской и арабской общинами Эрец-Исраэль, а потом и в Войне за Независимость – с вторгшимися пятью армиями соседних государств.

В мае 1948 года возникло Государство Израиль, создается правительство, и Эшкол занимает абсолютно незаметный широкой публике пост – генерального директора министерства обороны. Поскольку министром, де-факто Верховным главнокомандующим, являлся сам Бен-Гурион, его генеральный директор фактически тянул на себе всю административную работу в министерстве обороны – в войну и после войны, когда закладывал основы израильской оборонной промышленности.

В 1949 году – новый «кувырок» карьеры: Бен-Гурион перебрасывает его в поселенческий отдел Сохнута. Наступает, возможно, самый славный период работы Эшкола – и опять-таки практически незаметный...

...Здесь нужно отметить деталь, на которую обычно не обращают особого внимания. Евреи намного лучше палестинских арабов были подготовлены к жизни в независимом государстве: все-таки во времена Британского мандата арабская община весьма зависела

экономически и административно от британских работодателей, имела постоянные контакты с британской администрацией, опираясь на нее в практической работе; евреи же создавали свои, параллельные властям административно-хозяйственные структуры – тот же Гистадрут, ту же «Хагану» с ее особым командованием и пр. Но, конечно, серьезного опыта государственно-политической работы все равно у них тоже не имелось. А военные навыки офицеры «Палмаха» или «Хаганы» получали прямо на полях боев, а не в военных училищах или академиях, их административный опыт приобретался «тычком» в работе, после внезапных провалов или успехов, достигаемых в практическом опыте. Сохранилось, например, юмористическое описание рабочего дня тогдашнего помощника Эшкола, Левы (Арье) Элиава: Элиав начал работу с новым шефом после демобилизации из армии, пришел к новому начальнику, а тот с утра до вечера принимал в своем кабинете посетителей и никаких заданий помощнику не давал. Тот так и сидел несколько дней без заданий! Босс, видите ли, не знал, что для него должен делать помощник, – привык в подполье все делать и решать самостоятельно. Кажется, в его видении работа чиновника заключалась в праве «хорошего еврея» получать от казны маленькое жалованье после заслуженной боевой деятельности... Элиав не выдержал и, вопреки смущению шефа, явился прямо к тому в кабинет сам и стал принимать участие в исполнении всех второстепенных просьб и решений, где не требовалось вмешательство босса.

Представьте работу Поселенческого отдела. Население страны за четыре года увеличилось в два раза. И продолжало расти схожими темпами... Причем люди приезжали из Европы (из лагерей перемещенных лиц), Азии и Африки без какого-либо имущества, разве что с одним чемоданом: либо все отобрали в свое время гитлеровцы (или в послевоенной Восточной Европе коммунисты), либо власти (или соседи) в мусульманских странах... Итак, половину страны надо было немедленно расселить, накормить, научить ивриту, по возможности трудоустроить, отдать их детей в школы или детсады, ну, и соответственно, обеспечить медицинскими услугами. Вот всем этим занимался Поселенческий отдел Сохнута, т.е., прежде всего, Эшкол (напоминаю, на всякий случай, что министерства абсорбции не было, оно возникло через двадцать с хвостиком лет). Сначала он расселил всех новоприбывших в пустующие поселки (числом 350!), брошенные арабскими беженцами. Потом стал строить палаточные лагеря (бывало, одна палатка приходилась на две семьи). Кстати, даже палаток остро не хватало... Затем сотруд-

ники отдела обнаружили асбестовые и жестяные плиты, когда-то закупленные для крыш будущих домов, теперь из них стали кроить целые дома – полностью от фундаментов до крыш (представляете, как в доме из жести жили с детьми зимой!). Кухню, естественно, ставили одну на поселок – ведь примусов, и тех не хватало...

Люди питались по карточкам (хлеб без ограничений, но – 60 г. кукурузы в день, 60 г. муки, 17 г. риса, 200 г сыра и 29 г. маргарина, 75 г. мяса, зато 600 г. лука). Правда, ведомство Эшкола старалось все-таки помочь, выдавая «не рыбку, но удочку», т.е. помогая оборудованием, рабочим скотом, инструментами для хозяйства... Эшкол посылал лучших инструкторов, и те закупали замечательные породы коров в США, нашли превосходную породу ослов в Югославии... Все раздавалось новоприбывшим – в дар, без всяких расписок. Как же, они ж социалисты, они доверяют простым трудящимся! А новички, не привыкшие к сельскому хозяйству и вообще никогда не собиравшиеся им заниматься, по ночам продавали подаренный им скот на мясо – на чёрном рынке... В тот момент Эшкол проявил свои лучшие качества – с одной стороны, неутомимость в работе, с другой – гибкость, незашоренность догмами идеологии. Тех, кто не собирался работать в поле всерьез, он приказал переселить в городские кварталы, в бедные и тесные комнатки так называемой казенной компании «Амигур», зато остальных, остававшихся в поселениях-мошавах поставил под четкий контроль своего аппарата. И там незаметно вырастали богатые хозяйства – год за годом, одно за другим!

Потом Бен-Гурион решил включить успешного организатора в высшие эшалоны власти, дав ему возможность стать министром. Карьера шла обычно для растущего израильского политика: сначала – министр сельского хозяйства, а вскоре министр финансов. Министр финансов в Израиле – это обладатель совершенно особых прерогатив, аналогичных по полномочиям, скажем, председателю Совета министров в СССР (которыми тот обладал при генсеке, носителе всей политической власти) или, скажем, премьеру в нынешней России (при президенте). То есть министр финансов Израиля курировал все хозяйственные министерства. В Израиле проживало нищее, разоренное войной, но молодое, энергичное и работящее население, однако стране не хватало капиталов для реализации этого богатого потенциала. Эшкол научился добывать деньги – за границей, вестимо. Ему доверяли иноземные инвесторы, они вкладывали средства в хозяйство новой и перспективной страны. Прирост валового внутреннего продукта в первое десятилетие, когда он

руководил хозяйством, составил громадную цифру – примерно 10% в год. Хотя инфраструктура все ещё оставалась слабой (дороги, электросвязь и пр.), а уровень жизни населения, конечно, бедным, но он рос из года в год стремительными темпами.

Тем не менее, у населения Израиля были совсем иные проблемы – не хозяйство, не инфраструктура, даже не свои доходы, а, прежде всего, элементарная безопасность – защита от террора и войны. Всё внимание народа приковывалось к стремительным рейдам десантников Шарона, к блистательным походам дивизий Даяна на Суэц, к шпионским скандалам, связанным с министром обороны Лавоном, к наскокам пламенного оратора Бегина на правительство по вопросу о германских репарациях, к знаменитым речами Аббы Эвена в ООН... Эти имена возникали на устах у всех в стране и в мире, а кто ж замечал министра финансов с его своевременными выплатами долгов, с открытием тель-авивской биржи, строительством водоводов или осушением болот...

Тем неожиданнее оказалось для всех, когда престарелый Бен-Гурион, измученный, измотанный интригами в его собственной партии и кабинете министров, вдруг решил уйти с поста «насовсем», как он говорил – и, уходя, рекомендовал на свое опустевшее место... относительно незаметного Эшкола. С 1963-го и по самый день своей кончины в 1969 году Леви Эшкол возглавлял правительство Израиля: стал третьим по счету премьер-министром (после самого Бен-Гуриона и Моше Шарета).

Чем объяснялся этот выбор непредсказуемого, как всегда, Бен-Гуриона?

Даже противники ушедшего премьера признавали: никто из его современников не будет работать так целеустремленно, с такой неиссякаемой энергией над возрождением Еврейского государства, как этот «великий Старик». Эшкол не обладал ни харизмой Бен-Гуриона, ни его острым умом и гениальной политической интуицией... Это был человек практической хватки, прирожденный, как тогда говорили, «комитетчик», осторожный и толковый тактик, с особым умением вести дела с разными людьми, рано или поздно убеждать каждого в своей правоте – неиссякаемым, казалось, потоком терпеливой и основательной аргументации.

Бен-Гурион знал: элита страны измучена его старческой капризностью, его вспыльчивой самоуверенностью. Его гениальность проявилась в том, что вместо себя он указал на того, кто сможет стать, как образно выразился историк М.Штереншис, «самодеятельным врачевателем ран, пожарником и сантехником». И если

такого гениального лидера, как Бен-Гурион, у Израиля больше никогда не было и, видимо, не будет, то никогда более к власти до сих пор не приходил столь трезвый, доброжелательный к сотрудникам и терпимый к политическим оппонентам премьер, каким виделся его прямой наследник.

Прежде всего, Эшкол сумел добиться примирения со старой гвардией, с той оппозицией, что составляла партию «Ахдут хаавода» («Единство труда»). Ее возглавляли Исраэль Галили, когда-то бывший первым помощником Бен-Гуриона в военных делах, и Игаль Алон, бывший командир легендарного «Палмаха». Уже через два года Эшкол объединил правящую партию с оппозицией и создал новый политический блок, «Маарах». Бен-Гурион возмутился компромиссами, на которые пошел Эшкол, в гневе он расколол свою бывшую партию – к нему ушли верные соратники Моше Даян и Шимон Перес, он сколотил при их поддержке новую партию «Рафи» («Список рабочих Израиля»). Настала, пожалуй, одна их самых ожесточенных избирательных кампаний в истории Израиля – и тут Эшкол победил Бен-Гуриона: блок Маарах набрал 45 мандатов, а «Список» Бен-Гуриона – всего 10. Эшкол развивал свой политический успех, все более и более сплачивая свою партию и своих союзников.

Огромной и на самом деле мало оцененной заслугой Эшкола в первые годы премьерства стала новая экономическая политика.

Эта политика выглядела исключительно непопулярной! Эшкол лично взял на себя ответственность за неё, заявив, что стремительный рост экономики, который он сам и организовывал, необходимо приостановить. Необходимо не расти дальше, а перестроиться, чтобы закрепить достигнутое – на реальной финансовой основе. Прежде всего, требуется сократить государственные расходы, т.е. по сути, когда я сегодня вглядываюсь в прошлое, он первым начал в Израиле отход от системы социализма в сторону рыночного капитализма.

Вообще по сравнению с Бен-Гурионом он был значительно более широким и либеральным премьером. Например, «раскрепостил» израильских арабов, живших с самой Войны за Независимость в ситуации военного положения и под контролем военной администрации. Теперь всё это было отменено. Конечно, дискриминация арабов Израиля сохранялась (и неизбежно сохраняется до сих пор – в условиях военного конфликта с палестинцами, их единоплеменниками), но почин к выравниванию гражданских прав был все-таки сделан, и решение принял Эшкол.

Он отказался и от полного государственного контроля на радио, а незадолго до смерти учредил национальное телевидение. От США Израиль в этом вопросе отставал лет на 30, от СССР – почти на 20... Бен-Гурион испытывал какую-то капризную неприязнь к этому виду СМИ, какой-то даже страх перед «теле» – и при нем проекту не давали ходу. Никак. Эшкол же разрешил и профинансировал...

Но самое главное – он осознал опасности, которые таились в его же социальной системе – в социализме, в государственном регулировании экономики.

Социализм есть система, приспособленная к чрезвычайным обстоятельствам, ориентированная не на экономическую эффективность, а на равенство и социальную справедливость. В условиях войны, почти непрерывной, как в Израиле в первые годы его существования, когда важнее всего для нации единство и сплоченность, необходимые для простого выживания, социализм поработал совсем не худо, при всех промахах чиновников, при всех противоречиях отнюдь неравной человеческой природы. Но именно победы социализма постепенно приводят к его «перестройке», к необходимости включить мощность механики хозяйственного успеха. И Эшкол не только осознал это, что было не так трудно для знатока (коррумпированность системы начала уже при нем выползать на поверхность, хотя масштабно выявилась гораздо позже), но он решительно приступил к реформированию системы.

Завершив масштабные национальные проекты (уже были построены новые торговые порты в Ашдоде и Эйлате, орошена засушливая долина пограничного Иордана и пр.), Эшкол приступил к резкому снижению правительственных расходов, к ограничению кредитов, к сдерживанию строительной активности, не обеспечиваемой финансами и т.п.

Политически цена этой системы экономии оказалась неимоверно высокой: рост валового внутреннего продукта с 10% в предыдущие годы снизился в 1966 г. до 1% – в десять раз! Безработица выросла, масса молодых специалистов – врачей, инженеров, ученых – потеряв веру в будущее развитие Израиля, покинули страну. Но все-таки инфляция круто пошла вниз, торговый дефицит резко уменьшился, и началось заметное переструктурирование экономики в пользу тех отраслей, что оказались способны конкурировать на мировом рынке – и страна начала жить, как говорится, «по средствам».

(Замечание в скобках: все эти главные решения Эшколу приходилось принимать, полагаясь прежде всего на интуицию. Еще со времени работы в Сохнуте он понял, что для реализации какого-нибудь хозяйственного проекта нужно, конечно, направлять бумаги на экспертизу самым авторитетным профессорам-экономистам, но с соответствующей резолюцией: *«Нам очень желательно получить от вас быстрое и обоснованное* положительное *(sic! – М. Х.) решение».* И получал от ученых мужей – всегда – огромные заключения, сопровождаемые громоздкими таблицами, но неизменно положительные. Так что, при всем почтении к мэтрам экономики, цену их принципиальности в сложных вопросах он знал давно.)

Единственный вид государственных расходов, на котором Эшкол мудро не экономил, – армия: военный бюджет 1966 года превысил военный бюджет, скажем, 1952 года (когда Эшкол впервые принял в свои руки государственную казну) в 16 (sic!) раз! При этом он, унаследовав от Бен-Гуриона и пост министра обороны тоже, ведал только финансово-хозяйственным обеспечением армии. Практическими делами занимался подобранный им начальник Генерального штаба Ицхак Рабин, которого премьер высоко ценил за аналитический ум и интуитивное ощущение опасности.

* * *

Неизвестно, как отразилась бы, в конечном итоге, новая политика Эшкола на его популярности. В сущности, все, что он делал, было необходимо, но в глазах масс – чрезвычайно болезненно (это принципиально совпадает, например, с тем, что в постсоветской России делал Гайдар, а в современном Израиле – Нетанияху, и мы своими глазами видим, как дорого обходятся репутации деятелей совершенно необходимые для развития экономики тяжкие операции). Но его, как часто бывает в истории Израиля, выручили из кризиса... арабские соседи.

В мае 1967 года на параде в честь Дня Независимости Израиля руководители страны с изумлением услышали от глав разведок, что армия Объединенной арабской республики (тогда это – официальное название насеровского Египта) пересекла Суэцкий канал и вошла на Синайский полуостров.

Трудно преувеличить шок, в который впала в тот момент вся израильская элита – и правительственная, и военная.

Наверно, здесь необходимо в двух словах описать предыдущие события, предшествовавшие Шестидневной войне.

В 1956 году Израиль напал на Египет в рамках так называемой тройственной англо-франко-израильской агрессии. Панарабский режим президента Насера дерзко бросал вызов великим колониальным державам, национализировав Суэцкий канал за 12 лет до истечения срока договора об аренде. Державы возжелали реванша, но им требовался красивый предлог для вторжения – перед лицом общественного мнения своих же народов. Они предложили Израилю, подвергавшемуся атакам сначала палестинский беженцев, проникавших не его территорию из Газы, а потом организованных египетскими спецслужбами отрядов добровольцев *федаюнов*, атаковать южного соседа и этим дать повод великим европейским державам вмешаться, дабы «спасти от боевых действий мировую коммуникацию – Суэцкий канал». Т.е. Израиль возьмет на себя позор «плохого агрессивного мальчика», а взамен получит бесценную, как тогда казалось, возможность обезопасить раз и навсегда свою южную границу, заодно, пожалуй, и поживиться военной добычей при поддержке могучих западных союзников.

Известно, чем кончилась та война: неожиданным альянсом СССР и США, надавивших на Англию, Францию и Израиль и заставивших всех отступить. Но за отступление Армии Обороны Израиля с завоеванного Синая Бен-Гуриону было обещано обоими высокими покровителями Египта демилитаризация Синайского полуострова, т.е. безопасность южной границы страны, как и отказ Египта от блокады израильского южного порта – Эйлата. Гарантией соблюдения сих условий явилось размещение на Синае вместо египетских армий нейтральных войск – посредников ООН.

С тех пор примерно десять лет на южных рубежах Израиля господствовало затишье. Аппетиты Египта обратились на соседние арабские страны: Насер присоединял Сирию, угрожал переворотом Иордании, наконец, значительную часть египетской армии отправил в Йемен – на подавление восставших про-монархических племен.

Эшкол и его министры считали себя поэтому в относительной безопасности от войны на юге: аналитики Генштаба справедливо полагали, что Насер, этот профессиональный военный, не начнет войны, когда у него собственная армия разделена между Египтом и Йеменом. Куда больше беспокоил израильтян северный сосед, агрессивная Сирия, в ту пору главный главная клиентка Москвы на Ближнем Востоке (в сирийское правительство входили аж два министра-коммуниста, а в Египте, напротив, коммунисты сидели в тюрьмах). Как раз с Сирией израильтяне постоянно находились в

конфронтации. Киббуцы обстреливались сирийскими гарнизонами, расположенными на Голанских высотах, а незадолго до майских событий произошло воздушное столкновение сирийских МИГов с израильскими «Миражами» – и шесть арабских летчиков потеряли свои боевые машины, а израильтяне вернулись на свои базы все до единого...

Шестидневная война – в некотором роде единственная: как выяснилось с годами, ее никто не хотел. Если считать войну убийством, то его, видимо, не планировали ни заказчик (Советский Союз), ни исполнители (Египет и Сирия), ни жертва – Израиль. Современные версии, выглядящие вполне вероятными, гласят, что источник находился далеко на востоке.

Американский профессор-раввин Дэн Кон-Шербок пишет: *«В это время США погрязли во вьетнамской войне. Несколько месяцев Китай подстрекал Советский Союз интенсифицировать вмешательство в ближневосточные дела, чтобы заставить США уменьшить бомбардировки Северного Вьетнама и начать мирные переговоры. 12 мая 1967 года советский посол в Каире передал египетскому правительству сфабрикованную информацию о продвижении израильских войск к сирийской границе. Спустя два дня... Египет был объявлен на военном положении».*

Однако и Советский Союз вовсе не желал развязывать полномасштабную войну. Он лишь усиливал местную напряженность – ради дальневосточных интересов. Арабский историк Дауд эль-Алами подтверждает: «Русские дали понять, что они не смогут поддержать агрессора, каким неизбежно окажется Египет в случае первого удара». То есть они явно удерживали Насера от слишком серьезной реакции на провокационную информацию.

Но Насер в своих, сугубо египетских политических целях решил отреагировать максимально решительно: он денонсировал соглашение 1956 года, заключенное под гарантию великих держав, ввел свои войска на Синай и объявил, что батареи в Шарм-аш-Шейхе снова перекроют вход в южный порт Израиля.

Президент Египта рисковал по-крупному: он уже знал от неофициальных посланцев Эшкола, что Израиль будет считать перекрытие Тиранского пролива «казусом белли», т.е. законным поводом для объявления войны. Но Насер не верил ни в воинственность Израиля, ни – особенно – в способность миролюбивого Эшкола эту войну объявить. Поэтому и надеялся избежать войны, оставив за собой все трофеи, уступленные 10 лет назад.

И поначалу, казалось, его расчеты оправдаются: Эшкол, человек основательный, подсчитал, что у противников полмиллиона солдат, две с половиной тысячи танков и почти тысяча самолетов. Это соотношение сил сулило в будущем огромные жертвы, обширные разрушения, громадные финансовые убытки (студентам, призванным в армию накануне войны в части гражданской обороны, дали задание – выкопать заранее десять тысяч могил для погибших солдат). Он все не мог принять решения и надеялся, что великие державы вспомнят о своих обязательствах, данных некогда Израилю, заставят Египет отступить без боев. Эшкол послал министра иностранных дел в мировые столицы. Но де Голль заранее решил, что Франции не стоит слишком вмешиваться, Англия соглашалась помочь, только если вмешаются США, но без европейцев. США, увязшие во Вьетнаме, никак не жаждали влезать в новую военную авантюру...

И тут парадоксально оказалось, что именно миролюбие Эшкола сыграло колоссальную роль в столь быстрой победе израильтян. Он выступил по радио с речью, в которой, запинаясь и делая паузы, то обещал, что Израиль ко всему готов, то утверждал, что надо все решить мирным путем. Насер и его главнокомандующий Амер окончательно уверились, что войну этот слабый и трусливый еврей-старик явно им не объявит...

Не только Насер презирал миролюбивого Эшкола – «за трусость». Собственные генералы требовали от правительства начать войну, пока египтяне усыпили сами себя «еврейской нерешительностью». Рабин впал в истерику от постоянных проволочек: все расчеты продуманной им операции основывались на неожиданности первого авиаудара, и каждый час задержки сулил главнокомандующему, что противник разгадает приготовленный ему сюрприз. Его заместитель, пламенный Эзер Вейцман, после очередного откладывания решения, содрал с себя погоны и швырнул их на стол медлительного премьера. Это был самый яркий жест военного бунта за всю историю Израиля. На Эшкола это произвело впечатление – ещё бы! – однако не подвигло на объявление войны. Он все искал возможности вернуть мир в прежнее «статус-кво» без кровопролития.

Однако после возвращения министра иностранных дел Леви Эшкол понял, что дипломатия результатов не даёт, и только тогда обратил взор на армию. А в Израиле уже начались волнения: старики всё требовали возврата решительного Бен-Гуриона (который, в скобках упомяну, хотел войны ещё меньше Эшкола), а молодежь

– Моше Даяна. Эшкол, говорили они, лидер грамотный, мудрый по-житейски, но на войну пусть нас ведут проверенные полководцы! Эшкол оказался на высоте момента: создал первое в истории Израиля правительство национального единства, включил в его состав лидера оппозиции Бегина и принял предложение Бегина уступить свой пост министра обороны популярному полководцу Даяну. Только после этого он дал военным искомое ими право действовать так, как считают нужным для победы. Осторожный Рабин сразу обещал ему победу, но – упомянул дорогую цену! Его заместитель, бригадный генерал Хаим Бар-Лев (Браславский), тогда и бросил фразу, ставшую крылатой: «Мы трахнем их сильно, быстро и элегантно»...

Через шесть дней войну закончили: Армия Обороны Израиля закрепилась на берегу Суэцкого канала на юге, на протяжении всего берега реки Иордан и побережья Мертвого моря на востоке, на Голанских высотах на севере. Народ Израиля воочию убедился, что миролюбивый и деловитый премьер, он же министр обороны, заранее подготовил подчиненные ему войска к войне так качественно, как ни до, ни после не мог сделать ни один из воинственных предшественников или преемников...

Но Эшкол после победы все равно оставался, конечно, сам собой: взвешенным прагматиком, великолепным хозяйственником и строителем государства. Он отнюдь не оказался заворожен «геополитическим безумием» (так назвал это расстройство психики даже и у выдающихся политиков французский политолог Ален Безансон). Долго ждал звонка от потерпевших поражение лидеров арабских стран, готовясь отдать практически почти всё завоеванное (напоминаю – тогда там не было никаких поселений) в обмен за признание реальности Израиля, за установление, наконец, окончательных границ и подписание вместо соглашения о перемирии постоянных договоров о мире. Арабские страны ответили знаменитыми хартумскими тремя «нет»: «нет переговорам с Израилем», «нет признанию Израиля», «нет миру с Израилем».

...Конечно, это всё оказалось громкими «декларациями на публику»: тайные переговоры велись. Известно, скажем, что в Лондоне Эшкол и видные министры встречались с королем Иордании Хусейном. Король был большим реалистом-практиком в политике, он тоже мечтал заключить мир, необходимый монархии, чтоб выжить в вихре интриг и заговоров соседей–«республиканцев» и «социалистов». Но тогда – не посмел, не решился выйти один против всех... Кажется, и готов бы рискнуть, если б Эшкол предложил

ему вернуть всё завоеванное израильтянами. Однако и у Эшкола имелись свои ограничения, они назывались одним словом – Иерусалим. Вообще-то не бывает, чтобы случившуюся ошибку можно было перечеркнуть начисто, без поправок, обычно за всё приходится платить – и в обычной жизни, и в политике. Король совершил громадную ошибку, поддавшись давлению и уговорам Насера и решив пойти на военную авантюру. 5 июня, уже после израильского авиаудара, Насер сообщил в Амман: «Видим в бинокль Тель-Авив». С редкой у политиков искренностью король впоследствии признался: «Нас дезинформировали... Эти, мягко говоря, фантастические сообщения весьма повлияли на нашу оценку ситуации». Еще бы не «весьма» – ибо в 10.30 того же дня генерал Олд Булл, командующий войсками ООН в районе Иерусалима, передал ему срочное письмо Эшкола, мол, если Вы, Ваше Величество, воздержитесь от военных действий, я гарантирую Вам отсутствие любых атак ЦАХАЛа на Центральном фронте. Израильский премьер еще мечтал решать вопросы без возможной войны!.. Через час иорданцы начали артобстрел Иерусалима. В результате неправильного решения король потерял лучшую половину своего королевства... И потом, в Лондоне, тот же Эшкол предложил ему вернуть практически почти всё – кроме Иерусалима. Король не согласился... Решил платить за свою ошибку.

Премьер Эшкол предлагал после этого и палестинцам на «контролируемых», т.е. занятых армией в ходе войны, территориях разные варианты: например, автономию, связанную унией с Иорданией, или федерацию, особый кантон в составе Израиля, или, наконец, независимое палестинское государство. «Я начал с автономии, но если выяснится, что это невозможно, палестинцы получат независимость... Мною движут два мотива: демография и безопасность», – объяснял он. Восемь раз встречался за оставшиеся до смерти полтора года жизни с «мухтарами», (местными лидерами важнейших городов). Его коллеги были с главой правительства согласны: заместитель Игаль Аллон говорил: «Я думаю о возможности создания независимого арабского государства с согласия Израиля». И даже тогдашний «ястреб», министр обороны Моше Даян высказался: «Если бы завтра ко мне пришли арабы с западного берега Иордана и из сектора Газы и предложили вести переговоры о создании палестинского государства, я бы не отклонил это предложение». Но никто тогда не решился.

А 26 февраля 1969 года Леви Эшкол умер от сердечного приступа. И все его осторожные инициативы и компромиссы были

похоронены вместе с ним. На его должность избрали Голду Меир, женщину замечательного ораторского дара и мужества, силы воли и решительности... Увы, ей был свойственно одно качество, о котором с усмешкой отозвался ее министр обороны Моше Даян: «Что поделать, если наша глава правительства различает только два цвета – белый и черный». С уходом Эшкола завершилась в Израиле эпоха разумной осторожности, осознание сложности и разнообразия окружающего и нашего собственного мира. Пожалуй, с ним мы бы не узнали такого горестного события, как Война Судного дня.

Но это уже следующая история...

Шутка – душа народа: Алтер Друянов (1870–1938)

Шуламит Шалит (Тель-Авив)

А.Друянов в возрасте 20 лет

Из деревни в город приезжает большой любитель музыки – хоть раз в жизни побывать в настоящем оперном театре. Но даже самый дешевый билет оказался слишком дорогим. Не по его карману. «Сегодня, – говорит ему кассир, – у нас особенный спектакль. Хочешь Аделину Патти, раскошеливайся». Смутился провинциал: «Вы меня не так поняли, я, э-э-э, я... хотел бы только ее послушать».

Когда дочь Друянова Тэила приносила отцу с улицы или из учительской (она преподавала иврит) очередной анекдот, он позволял ей рассказывать и «неприлизанные» байки, смеялся, добавляя при этом: «И какой же **босяк** рассказывает тебе такое?!» Дома они говорили на идиш, но «босяк» он произносил по-русски. Кто только ни присылал ему своих анекдотов и побасенок, знали, что он коллекционирует их не один десяток лет. Впервые его «Книга анекдотов и острот» вышла еще в 1922 году. С тех пор она переиздавалась неоднократно. И не в одном уже, а в трех томах. То издание, что вышло накануне войны в Персидском заливе в 1991 году, разошлось мгновенно, еще до первой сирены, до появления первой иракской ракеты в небе Тель-Авива. Книга Друянова оказалась популярным чтивом в «герметической» комнате.

Имя Друянова у большинства израильтян связано исключительно с шуткой и анекдотом, и немногие сегодня знают, как многопланов и многогранен был этот незаурядный человек, из тех, что вписаны в историю Израиля золотыми буквами. Шутки шутками, а

человек он был серьезный, если не сказать, суровый и внешне неприступный.

На входной двери у него висела табличка: **А.Друянов**. И от руки: *«Свободен от работы с трех с половиной до четырех часов дня и с семи до восьми вечера»*. То есть на праздные разговоры позволял себе полтора часа в день.

Это требование распространялось и на домашних, жену Браху и дочь Тэилу. На всех, кроме маленькой внучки Ариэлы и двух собачек – щенка по прозвищу Бубка и его подружки Нельки. Но и они знали, что в этом кабинете положено вести себя прилично – не касаться книг и рукописей и не грызть карандашей. Раз уж мы начали с оперы, уместно добавить, что имя друяновской собачки Бубки вошло в историю израильской оперы, ибо песик оказался редким меломаном. При звуках музыки он настораживался и восторженно замирал. Известно, что первая оперная труппа возникла в Эрец-Исраэль в далеком 1923 году, когда в Тель-Авиве проживало всего-навсего 20 тысяч человек. Ее организатором и первым дирижером был выходец из России Мордехай Голинкин[1]. Он стал другом дома Друяновых, и благодаря этой дружбе у Бубки, музыкального щенка, было постоянное место в первом ряду. На одну из премьер прибыл важный гость – верховный комиссар Герберт Сэмюэл (это был период британского мандата). Разумеется, с большой свитой. Гостям предложили сесть в первом ряду, по обе стороны от Бубки. Именно Голинкин распорядился, чтобы его постоянного почетного гостя не пересаживали. А Друянова можно. Когда занавес опустился, гости бурно зааплодировали, а Бубка в гордом величии вышел из зала. Аплодисменты были не из его оперы. Друянов ждал его снаружи. И они вместе шли домой.

На тель-авивской улице Мелчет до сих пор стоит небольшой двухэтажный домик, и в нем до недавнего времени жила внучка Друянова Ариэла, дочь Тэилы, которая отца называла «аба»[2], а деда – «папа». Когда сажали дерево, араукарию, они были одного роста, Ариэла и саженец. Сейчас дерево выше дома вдвое, а то и втрое. В 1935 году Друянов был не только литератором, но еще и директором банка «Халваа вэ-хисахон» («ссуд и сбережений»). Задумав строить дом, Тэила попросила у отца ссуду на строительство. Он отказал. Чистая совесть и чистые руки – превыше всего! Она

---

[1] О М.Голинкине см. статью А.Оримиана в кн.: *ЕВКРЗ*. Т.1.

[2] папа (иврит)

получила деньги, но в другом месте. Всего три года прожил в этом доме сам Друянов.

В 1938 году, когда «папы» Друянова не стало, Ариэле было 9 лет. Она была его первой внучкой и единственной, которая родилась при его жизни. Всего у него было четверо детей. Никого уже нет в живых. Остальные внуки знают его только по рассказам и фотографиям.

Алтера Друянова прозывали аристократом. С прямой осанкой, одетый с иголочки, всегда при галстуке, застегнутый буквально на все пуговицы, он прогуливался по бульвару, изящным движением выбрасывая вперед резную палку. Да, внешне он производил впечатление человека, к которому едва ли обратишься с чепуховым вопросом. Но знавшие его близко говорили, что у него в усах всегда припасены шутка, остроумное веселое словцо.

Усами в Тель-Авиве славились двое – он, Друянов, публицист, писатель, историк, общественный деятель, и Шауль Черниховский, врач и поэт. Впрочем, может быть, ввиду конкуренции, дружбу они не водили, хотя некоторое время жили по соседству. Всё тогда в Тель-Авиве было по соседству, всё рядом с морем или вблизи от него. Молодые поселенцы ишува в Эрец-Исраэль, от зари до глубокой ночи занятые тяжелым трудом, не выказывали знаков почтения ни к своим историкам, ни к своим поэтам. Не замечалось и особого рвения к тому, что выходило из-под их пера. Исключением был Друянов, ибо его шутки были у всех на устах. Кто-то цитировал из его вчерашнего фельетона, а иной передавал услышанное от товарища, соседа, а то и от него самого. На замечание, что к таким усам подошла бы и борода, у Друянова был припасен анекдот:

«Один благородный еврей всегда брил бороду. И вдруг заболел. Лежит он в постели и просит пригласить к нему парикмахера. Говорят ему приятели: "Дал бы отрасти бороде. Неровен час, попадешь на Высший суд, спросят: "Еврей, где твоя борода?" Ответил больной: "Мне нечего бояться Высочайшего суда, пусть боятся те, у которых спросят: "Эй, бороды, а где ваши евреи?"»

На вопрос, откуда взялась его фамилия, Друянов объяснял, что от названия места рождения.

Он родился в местечке Друя Виленской губернии в 1870 году. И отец и дед его были раввинами. Сначала его учителями были они. В 17 лет поступил в знаменитую Воложинскую иешиву, там учился у самого Хаима Соловейчика, вместе с будущим главным

раввином Яффы и практически всего еврейского ишува Авраамом Куком и будущим писателем Михой Иосефом Бердичевским. С последним дружба продлится более 20 лет, до самой смерти Бердичевского в Берлине в 1921 году. Через несколько лет Друянов едет в Бреслау, в Германию, изучать общие дисциплины. Наряду с глубоким интересом к религиозным наукам, он давно уже открыл для себя и философскую и художественную литературу на немецком и русском языках. К этому времени он начинает публиковаться. Сначала под псевдонимом Авгад в журнале «Ха-мелиц», потом и под другими именами и в других изданиях – и на идиш, и на иврите. В Двинске он встречает умную и обаятельную Браху, дочь известного в городе человека Дова Гальперина, женится на ней, увозит в свою Друю и, чтобы содержать семью, по примеру отца открывает коммерческое заведение – торговлю железом. Литературных занятий он не только не оставляет, но и отдается им со всем пылом юности, ибо его ум, знания, виртуозное владение ивритом замечают выдающиеся люди того времени, в частности, Ахад-ха-Ам, Бялик, Равницкий. Писатель Реувен Брайнин приглашает Друянова присылать публицистику в издаваемый им журнал «Восток и Запад» и вскоре печатает статью Друянова о творчестве Льва Толстого. Ахад-ха-Ам в журнале «Ха-шилоах» публикует созвучное своим воззрениям исследование молодого публициста и литературного критика о мало известном сегодня поэте Адаме ха-Коэне. «Почему это стихи ха-Коэна пользуются такой популярностью?» – задавался вопросом друг Бялика, Иехошуа Равницкий. Ему по душе были такие поэты, как Луццатто, писавшие старинным библейским слогом. Ахад-ха-Аму понравился ответ Друянова. Поэзия на возрождавшемся иврите обязана, считал он, отражать жизнь, радости и горести народа. Луццатто, когда-то известный поэт, чье творчество находилось под мистическим влиянием каббалы, с одной стороны, и романтической европейской поэзии, с другой, не остался в еврейской литературе именно потому, что был оторван от действительности. Его знают единицы. Для него и его последователей источником вдохновения являлась Книга, и вот, наконец, у нас есть поэт, идущий не от Книги, а от Жизни, он не только знает свой народ и дышит его интересами, но и дает ему надежду. Эта работа характерна для рано сложившегося идейно и нравственно Друянова, подчинившего свою собственную жизнь и творчество лучшему будущему еврейского народа, сионистскому движению, языку иврит. Хотя справедливости ради надо отметить, что только специалисты знают сегодня творчество обоих поэтов, противопостав-

ляемых автором друг другу. Но тогда статья Друянова получила большой резонанс в среде еврейской интеллигенции. Поддержанный не слишком ласковым к авторам Ахад-ха-Амом, окрыленный успехом, Друянов мечтает об Одессе – там сейчас центр еврейской жизни и культуры. И судьба ему улыбнулась: сгорел от пожара его торговый дом. Он наблюдал за этим зрелищем если не с радостью, то, по крайней мере, без малейшего огорчения и сожаления. И немедленно переехал в Одессу. Тут он назначается секретарем Одесского комитета по заселению Палестины, а вскоре члены общества Ховевей Цион отправляют его, как до него Калонимоса Зеэва Высоцкого, филантропа и владельца крупнейшей чаеторговой фирмы, для обследования еврейских поселений в Эрец-Исраэль. Он доберется до Зихрон-Яакова и примет участие в собрании первых поселенцев и учителей. Это 1903-й. Через три года он снова приедет в Эрец-Исраэль и пробудет здесь несколько лет. На литературные заработки прожить невозможно, и Друянов становится бухгалтером на мыловаренном заводе с патриотическим названием «Атид» – «Будущее». Вернувшись из Палестины, заболели и вскоре скончались от инфаркта отец и брат, Алтер Друянов остается в Вильне, где ему поручают редактировать и издавать сионистский журнал «Ха-Олам» – «Мир». Вместе с ним он переберется в свою любимую Одессу. Журнал просуществовал до 1914 года. В 1915 Друянов начинает свой фундаментальный труд «Записки по истории Хиббат Цион и заселения Палестины». Три тома выходили с большими промежутками, начиная с 1919 года, первый том еще в России, а два других уже после его возвращения в Эрец-Исраэль в 1921 году, вместе с Бяликом, Равницким и еще несколькими писательскими семьями. Он понимал, что взваливает на себя непосильный труд. Работа заняла много лет. Третий том увидел свет только в 1932 году. Но он собрал 1500 документов: протоколы, уставы,

Друянов (первый справа) в группе писателей. Рядом с ним Х.Н.Бялик (1921)

записи и записки, письма на разных языках, воспоминания, интервью с еще живыми свидетелями неповторимой, мрачной и счастливой эпохи начала сионистского движения в России и показал его лидеров, осуществление их идей на родине, ее трудное созидание и возрождение, через страдания, многочисленные ошибки и провалы. Собранных Друяновым материалов было так много, что он написал еще одну книгу – «Пинскер и его поколение». Но есть у него и капитальный труд – первая в Израиле и непревзойденная до сих пор работа об истории зарождения, строительства, расцвета Тель-Авива, с тщательно и педантично выверенными фактами, скрупулезно подобранными фотографиями начала века и рисунками Нахума Гутмана. Каждую из этих книг можно назвать энциклопедией еврейской жизни определенного периода истории. Но что еще более важно: исследования А.Друянова стали *фундаментом для десятков, сотен научных работ* на протяжении не одного десятка лет. Нельзя писать об истории еврейского народа конца XIX и первых трех, да почти четырех десятилетий XX века, о нашей литературе и публицистике, не включив в библиографию имени Друянова и названий его сочинений.

А сейчас вернемся к той книге, с которой мы начали наш рассказ об Алтере Друянове.

У него была великолепная память, он помнил все 3170 анекдотов, включенных им в трехтомник, «Книгу анекдотов и острот», над которой трудился в общей сложности почти 30 лет. Почему при всей его серьезности он вообще занимался таким «легкомысленным» делом? Живя в России, пережив ее погромы, видя, как молодежь рвется в города, с легкостью порывая с домом, с еврейскими традициями, проведя в качестве посланника от сионистской организации Ховевей Цион не день и не месяц, а больше года с беженцами Первой мировой войны в Бессарабии, на Подолии, на Волыни и в Польше, и обладая аналитическим умом, он намного раньше других понял, что восточно-европейская диаспора обречена, а, дважды побывав в Эрец-Исраэль еще до того, как поселился здесь окончательно, поездив по стране и пожив среди репатриантов Второй алии, он укрепился во мнении, что спасение и обновление народа связано со страной Израиля и ее возрожденным и возрождаемым языком – ивритом.

Но если победа иврита над идиш несомненна, а идиш он знал, писал на нем и любил беззаветно, то что же делать? Что делать лично ему, Друянову?

И со свойственным ему упорством он решил спасти богатое и дорогое ему духовное наследство – еврейскую шутку. Вынести из горящего дома, где говорили на идиш, и дать ей приют под крышей возрожденного иврита, чтобы сохранить для будущего, навеки.

«Народная шутка это ключ к таким глубинам души народа, которые другими ключами не откроешь», – говорил он.

Вот парадокс истории и личной творческой судьбы Друянова: все названные мною высокой ценности творения ученого, писателя и публициста знают сегодня только исследователи и специалисты. В летописи еврейской жизни он остался известным и любимым как автор «Книги анекдотов и острот» (на иврите – «Сефер ха-бдиха веха-хидуд»), трехтомного собрания восточноевропейского еврейского народного юмора. И каждое новое издание – с израильским-то юмором у нас вообще не густо – расходится мгновенно. Недавно скончавшаяся известная и популярная писательница Батья Гур сделала для себя веселое открытие, сказав усмешливо: «Даже лучшие израильские сатирики и юмористы пользуются, оказывается, "консультацией" Друянова». Ну что ж, пусть пользуются: наследие-то хорошее. Хорошо бы еще упоминали источник своего «вдохновения». Получив в канун 2000 года замечательный подарок из Петербурга – книгу «Еврейские народные сказки», собранные Ефимом Самойловичем Райзе и литературно обработанные Валерием Дымшицем, в разделе «Источники текстов» я с радостью и гордостью «за своих» обнаружила больше 70(!) ссылок на Друянова. Райзе записывал в такой форме: название анекдота, за ним название источника – в нашем случае фамилию Друянов, иногда добавлял имя и занятие человека, от которого услыхал похожую версию.

Вот несколько историй прямо из мифического Хелема, от Друянова, с пересадкой в Петербурге, для живущих в Израиле и везде, где слух еще отзывчив на сладкую, иногда с горчинкой, грустную, иногда грубоватую, – уж очень тяжела и груба была жизнь вокруг, – еврейскую шутку:

Нашли на улице покойника. Раввин велел оповестить всех, чтобы люди пришли опознать мертвеца. Приходит старушка, обливается слезами:

– Ребе, покойник – мой муж.

– Какие вы можете сообщить приметы?

– Как же, ребе, он был заикой.

– Это не примета, – сказал мудрый раввин, – мало ли заик на свете?

* * *

Пишет один хелемчанин письмо. Очень большими буквами. Удивился сосед: «Зачем такие огромные буквы?» – «Я пишу дяде, а он, не про нас с вами будь сказано, несколько глуховат».

* * *

Встречаются двое. «Ты куда спешишь?» – спрашивает один. – «На вокзал. Завтра приезжает мой отец. Надо встретить». – «Если он приезжает завтра, почему ты его встречаешь сегодня?» – «Завтра ярмарка, я буду весь день занят».

* * *

Послала хозяйка Беню в лавку за спичками. Приносит он спички. Хозяйка зажигает одну, другую, третью – не горят. «Я ведь велела тебе проверить спички, прежде чем покупаешь». Я и проверил. Каждую. Все зажигались».

* * *

Послал хозяин Беню опустить письмо в почтовый ящик. Дал денег: «Только не забудь наклеить марку», – крикнул вдогонку. Вернулся Беня, деньги возвращает хозяину. «Откуда деньги?» – удивился хозяин. Беня горделиво: «Я ведь тоже не дурак. Огляделся, вижу, никто не смотрит, и бросил письмо в почтовый ящик без марки».

* * *

Видит хозяйка, что пес лакает молоко из опрокинутой банки. А Беня стоит рядом и наблюдает. «Гойлем! – кричит хозяйка. – Почему ты не прогнал пса?» – «Вчера он порвал мне штанину. Я с ним не разговариваю. Мы в ссоре».

* * *

«Завтра разбудишь меня в 5 часов утра, – говорит Бене хозяин. Тот стал его тормошить. Хозяин кричит: «Дурень, я же просил разбудить в 5, а сейчас только 3». – «Так я и хотел вам сказать, что вы можете спать еще два часа. А вы сердитесь!..»

Друянов в своем рабочем кабинете

Сбылась мечта Друянова. Пусть собранные им шутки, анекдоты, веселые рассказы мы читаем сегодня на иврите или на русском, а, наверное, и на других языках, пусть они кажутся нам порою устаревшими, ведь они, грубо говоря, давно уже растасканы и устно и письменно, но все-таки – и почти сто лет спустя, – жив единственный и неповторимый идишский юмор.

После трехтомного издания 1991 года, с обложкой известного художника и писателя-юмориста Дани Кермана, этот талантливый человек вновь обратился к Друянову, и вот уже вышла в свет красочная, роскошно изданная книга с цветными иллюстрациями (символично, что в издательстве «Двир» многолетним редактором сначала в России, а потом и в Эрец-Исраэль был сам Друянов). Названием книги стала первая строчка анекдота «Два еврея едут в поезде», анекдота о… Троцком. А поскольку это не просто книга, а книга-альбом, то на обложке, разумеется, карикатурно изображены двое – Троцкий и проводник поезда. А теперь и анекдот:

Едет Троцкий в поезде. Рядом сидит молодой человек и курит. Троцкий: «Это вагон для некурящих!» Никакой реакции. Вынимает Троцкий визитную карточку, протягивает ее нахалу, знай, мол, с кем рядом сидишь. Тот берет визитку, не глядя, сует ее в карман и продолжает пускать клубы дыма. Рассвирепел Троцкий, зовет проводника. «Прекратить курение, а то оштрафую!» – «Ты? Меня? Да ты знаешь, кто я?» Вынимает из кармана карточку и сует в нос проводнику. Побледнел кондуктор и шепчет Троцкому на ухо: «С этим подлецом лучше не связываться, это ведь сам Троцкий!»

Дани Керман приближает иврит Друянова к современному, разговорному, и это нормально, при этом неизбежны вольные или невольные отступления от первоначальных текстов. Но для педантов параллельно он дает и оригинал, причем рукописный. Оправдывая Кермана, я пытаюсь оправдать и свои переложения на русский. Другой переведет иначе. Нет абсолютной объективности, так рассуждал и сам Друянов, подход художника всегда субъективен. Только неуверенный в себе боится стирать пыль с прописных истин. Впрочем, он говорил это совсем по другому поводу.

В семье бережно хранят память о знаменитом предке. Речь идет уже о четвертом поколении семьи Друяновых. Так давно нет на свете ее «папы», как-то рассказала мне Ариэла, его внучка, но вот недавно она была растрогана до слез. В квартире Идит, ее дочери, Ариэла неожиданно обнаружила висящие на гвоздике, между книжными полками, допотопные друяновские счеты. Никто, оказывается, не знает, как ими пользоваться. С какой они поры – времен работы Друянова на мыловаренном заводе? Или в банке? Сейчас такие счеты делаются только в виде детской игрушки. А она еще помнит, как Друянов виртуозно щелкал пальцами, перегоняя по металлическим горизонтальным осям двуцветные деревянные шарики. Вот только что он считал? Бухгалтерские сметы? Доходы? Расходы?

И отец и брат Алтера Друянова скончались от инфаркта. И сам Алтер Друянов всю жизнь страдал болезнью сердца и втайне надеялся, что и его кончина будет быстрой, без долгих страданий. Но у него под конец оказался целый букет болезней. Писатель Моше Гликсон в книге «Известные люди в науке и литературе», издания 1941 года, рассказывает, с каким мужеством жил и трудился Друянов в мучительные последние 18 недель жизни. Как-то он сам попросил у дочери Тэилы, с ней он был особенно близок, дать ему болеутоляющее. Она удивилась и упрекнула: «Я ведь предлагала тебе лекарство, чтобы ты поспал немного, а ты отказался». Он ответил: «Мне надо было закончить статью».

Алтер Друянов прожил 68 лет.

С нежностью вспоминал Друянова Азриэль Карлибах, основатель и первый редактор газеты «Маарив»: «Во время беседы улыбка бродила по его губам, и светло-карие глаза тоже улыбались». Может, эта улыбка возникала, когда невольно приходил на память один из записанных им анекдотов, а рассказать его в эту минуту казалось неуместным, чтобы не перебивать говорившего. «Когда

его не стало, – продолжает Карлибах, – нас всех обуяли страх и ужас: мы хоронили не просто доброго и дорогого человека, мы хоронили улыбку».

Говорят, в Израиле чудесам не верят, но на них надеются. Позвонил недавно человек. Из Иерусалима. Назвался Борисом Друяновым. Профессор математики из Москвы. Новый репатриант. Его дед был то ли родным, то ли двоюродным братом Алтера Друянова. Борис знал о нем от своего отца. Сын Бориса Леонид работает программистом в Германии. Завел свою страничку в Интернете. На нее обратила внимание одна американка. Полное имя Нимрода. Называют Мими. Она внучка Друянова. Дочь Элиякума, родного брата Тэилы. Сообщила ему номер телефона двоюродной сестры, Ариэлы. Она ушла от нас неожиданно, как-то вдруг, в самом конце 2004 года, но успела передать мне много фотографий из своего альбома. Друяновы всех стран продолжают объединяться! Их сплачивает Алтер Друянов. Я часто проезжаю по улице его имени, что в центре Тель-Авива. А он хотел, чтобы его помнили не только по названию улицы...

Евреи Палестины – организаторы помощи Красной армии (1941–1945)

Александр Гак (Нетания)

В период английского мандата в Эрец-Исраэль были предприняты первые шаги по налаживанию контактов с Советским Союзом, а после начала Второй мировой войны – по оказанию материальной и моральной помощи Красной армии, принявшей на себя основной удар нацистской военной машины.

Переговоры начались еще в период перехода от «военного коммунизма» к НЭПу. 19 августа 1923 года состоялось открытие Всероссийской сельскохозяйственной кустарно-промышленной выставки. Таково ее официальное название[1].

Представители ишува[2] получили приглашение принять участие в работе выставки.

В состав еврейской делегации, выехавшей пароходом из Хайфы в Одессу, а оттуда – поездом до Москвы, входили три человека. Это 37-летний Давид Бен-Гурион[3], тогда генеральный секретарь Объединенной трудовой федерации Палестины (Гистадрут); Иехуда Копелевич (Алмог), известный общественный деятель, и Меир Рутберг, директор центрального потребительского кооператива «ха-Машбир» («Поставщик»)[4].

Расскажем вкратце о двух последних.

Иехуда Копелевич родился в 1896 г. около Вильно. С юношеских лет мечтал о возрождении еврейского государства, и когда после революции в Россию приехал из Палестины Иосеф Трумпельдор, он стал помогать ему в создании молодежного движения хе-Халуц (первопроходец, пионер) для подготовки молодых людей к поселению в Эрец-Исраэль. Копелевич стал секретарем

---

[1] *Гак А.* Еврейский павильон ВДНХ // Журнал «Алеф» (Тель-Авив). 1994. №549. С.16-18.

[2] Ишув (иврит) – заселенное место, население, заселение. Собирательное название еврейского населения Эрец-Исраэль. Бытовало главным образом до создания Государства Израиль.

[3] Бен Гурион Давид (1886, Плонск, – 1973, Тель-Авив). Лидер рабочего движения в подмандатной Палестине, первый премьер-министр Государства Израиль.

[4] *Гак А.* Еврейский павильон ВДНХ.

Трумпельдора и его надежным помощником. В 1919 г. он выехал в Эрец-Исраэль, чтобы создать базу прибывающим из Крыма халуцим. Копелевич, один из основателей Гдуд ха-Авода (Рабочий батальон), был также одним из основателей киббуца Рамат-Рахель (около Иерусалима). В 1923 г. его направили в советскую Россию в качестве эмиссара хе-Халуц. В дальнейшем посвятил себя деятельности по развитию поселений в районе Мертвого моря. Умер в Иерусалиме в 1972 году[5].

Меир Рутберг родился в России в 1887 г. Он был одним из активных деятелей Второй алии (1904–1914). Восемнадцатилетним парнем приехал в Эрец-Исраэль, занимался тяжелой физической работой в поселениях Иудеи и Галилеи. В числе первых вступил в партию ха-Поэль ха-цаир (Молодой рабочий). Перед Первой мировой войной входил в число руководителей группы захвата Каландии (Атарот – север Иерусалима, ныне там аэропорт) и руководил группой захвата в Кирьят-Анавим (тогда арабская деревня Карьят ал-Инаб). Во время войны переехал в Галилею, создал рабочий кооператив и стал его первым директором. Рутберг – один из учредителей Гистадрута – входил в число первых активистов боевой организации «Хагана». Скончался в 1951 году[6].

Еврейская Палестина, в которой тогда было более 93 тысяч жителей, в основном – выходцев из разных районов России, получила отдельный павильон, открытый 9 сентября 1923 года; над ним развевался бело-голубой национальный еврейский флаг.

Экспозиции еврейского павильона пользовались повышенным вниманием посетителей. Для знакомства с ее экспонатами специально приезжали группы молодых экскурсантов. К сожалению, ни в российских исследованиях, ни в израильских научных трудах мы не нашли конкретных сведений об экономической эффективности работы выставки или заключенных с ее помощью каких-либо торгово-экономических соглашениях.

Группа из Эрец-Исраэль, представлявшая экспозицию на Всероссийской выставке, попала в Москву в трудный для советского еврейства период. С одной стороны, деятельность по легализации хе-Халуца увенчалась успехом, и при поддержке Л.Каменева (Ро-

---

[5] Российская еврейская энциклопедия. Т.1. М., 1994. С.42; Лексикон деятелей Эрец-Исраэль: 1799–1948. Тель-Авив, 1983. С.459. (иврит).

[6] Лексикон деятелей Эрец-Исраэль. Там же.

зенфельда), заместителя Ленина по Совнаркому и СТО (Совет труда и обороны)[7], в 1923 г. был утвержден устав хе-Халуца.

С другой стороны, Евсекция[8] предпринимала все меры, чтобы затруднить работу по повышению еврейского самосознания, изучению еврейских национальных особенностей. С помощью местных Советов, частей ВЧК и ГПУ Евсекция закрывала предприятия хе-Халуца, запрещала изучение иврита, ликвидировала печатные издания, пропагандировавшие возвращение еврейства на родину предков.

Усилиями Евсекции в Центральном Комитете хе-Халуца произошел раскол на две враждующие фракции – легальную и нелегальную, что привело к сокращению членов движения (халуцим) до минимума.

Первым на эти трудности обратил внимание Бен-Гурион. 24 сентября 1923 г. он с горечью писал из Москвы в Исполнительный комитет Гистадрута: *«Я пытался с ними разговаривать и мягко и резко, я пытался заставить их понять всю тяжесть положения трудящихся в Эрец-Исраэль и всю тяжесть ответственности, которая лежит на российском хе-Халуце – единственном средоточии сионистской деятельности в современной России... Мне не удалось добиться ничего»*[9].

Как опытный политик, Бен-Гурион быстро сориентировался в окружающей обстановке. Он понял, что Политбюро ЦК РКП(б) является «фактическим правителем России в настоящее время»[10].

Присматриваясь к окружающей действительности в коммунистической России, где шел кровавый переход от капитализма к социализму, Бен-Гурион попытался заглянуть в будущее: *«При всех его соблазнах,* – записал он, – *коммунизм не является той моральной почвой, на которой могло бы вырасти новое поколение»*[11].

---

[7] Совет труда и обороны РСФСР – образован в 1920 г. как комиссия Совета народных комиссаров во главе с Лениным.

[8] Еврейская секция (Евсекция) нацменьшинств при ЦК РКП(б) была создана в 1918 г. в целях усиления коммунистического воспитания еврейского населения. Ликвидирована вместе с другими национальными секциями в январе 1930 г. (См.: Советско-израильские отношения: Сб. документов. Т.1. 1941–1953. Кн.2, май 1949–1953. М.: «Международные отношения», 2000. С.497).

[9] Мы начинали еще в России: Воспоминания. Библиотека-Алия, 1983. №97. С.45.

[10] Там же. С.44.

[11] Там же. С.49.

Иехуда Копелевич и Меир Рутберг стремились помочь Бен-Гуриону в примирении враждующих группировок в ЦК хе-Халуца, но сделать это им не удалось.

Пропасть между «легальной» и «нелегальной» группой продолжала углубляться, а Евсекция подливала масло в огонь. В результате этого контакты между еврейскими организациями Палестины и советским государством были прерваны и около 20 лет не возобновлялись. В СССР все эти годы продолжалось преследование сионистских организаций.

В июне 1941 года Германия напала на Советский Союз, началась Великая Отечественная война. К этому времени всем здравомыслящим людям стало ясно, что гитлеризм несет с собой не только угрозу порабощения, но и тотального уничтожения еврейского народа. И с первых дней войны во многих странах мира развернулось движение по оказанию материальной и моральной помощи СССР, возглавившему борьбу с нацизмом и длительное время, фактически один на один, сражавшемуся с Германией.

В Эрец-Исраэль оценка ситуации была сформулирована предельно четко и ясно: победа Германии означает гибель нашего народа. Но и победа союзников не гарантирует нам права на создание собственного государства.

Евреи Палестины, несмотря на противодействие английских властей и малочисленность населения, не остались в стороне от оказания посильной помощи Красной армии. Как же проявлялась эта помощь, и какие формы она принимала?

2-го октября 1941 года, через три месяца после нападения Германии на СССР, когда шли напряженные бои в пригородах Москвы, Исполнительный комитет Гистадрута принял решение о срочном сборе средств для Советской России[12].

Возможно, что к принятию подобного решения подтолкнуло Бен-Гуриона обращение к мировому еврейству первого еврейского антифашистского митинга, состоявшегося в Москве 24 августа 1941 г. и широко транслировавшегося по радио.

Но даже если оно было навеяно подобным образом, – это беспрецедентный случай в еврейско-советских отношениях. После длительного отсутствия каких-либо политических и экономических контактов, одна из сторон брала на себя обязательства оказывать безвозмездную помощь другой стороне, которая ещё недавно оце-

---

[12] Еврейство Палестины – народам СССР. Издание Лиги «Ви». Тель-Авив, 1943. С.12.

нивала всякое упоминание в печати об Эрец-Исраэль со знаком минус.

Спустя несколько недель, в результате проведенной кампании, собрали 10 тысяч фунтов стерлингов. Это была первая лепта евреев Палестины в оказание помощи Красной армии.

На эти средства приобрели две дезинфекционные камеры.

Представитель Гистадрута Берл Локер выехал в Лондон и передал их советскому послу Ивану Майскому.

Так ответили еврейские трудящиеся Палестины на просьбу Гистадрута помочь воинам Красной армии.

На дезинфекционных камерах были слова, написанные на иврите, идиш и русском языках: «Народам СССР. – Всеобщая организация еврейских рабочих в Эрец-Исраэль (Палестина). Объединенными силами – к победе над общим врагом!»

Марка Лиги «Ви» для сбора средств на перевязочные материалы

18 октября 1941 года в еврейской Палестине был образован «Общественный Комитет помощи СССР в войне с фашизмом». В короткий срок Комитет получил широкую поддержку палестинского еврейства, возникли отделения на местах. Через полгода, 2-го мая 1942 года, в Хайфе, под председательством Шломо Капланского было созвано совещание Комитета для определения целей практической работы.

К этому времени все партии, входившие в Гистадрут, не только поддержали «Общественный комитет», но и создали ещё одну организацию для помощи Красной армии, известную под именем Лига «Ви» («Победа»).

25–26 августа 1942 года в Иерусалиме, в кинотеатре «Эдисон», состоялся первый всепалестинский съезд Лиги «Ви». В его заседаниях участвовали 250 делегатов от городов, киббуцев, общественных организаций. В стране уже было 79 филиалов, насчитывавших 10 тысяч членов. В зале присутствовали около 2 тысяч человек, в том числе сотни солдат, юношей и девушек, добровольно вступивших в палестинские отряды английской армии.

В президиуме первого съезда Лиги «Ви» были: Арнольд Цвейг (1887–1968), немецкий писатель и общественный деятель, живший с 1933 по 1948 годы в Хайфе и отказавшийся впоследствии, когда он жил в ГДР, подписать заявление, осуждающее Израиль[13]после окончания Шестидневной войны; Мартин Бубер (1878–1965), еврейский религиозный писатель и философ, профессор Иерусалимского университета, а также два делегата из Советского Союза (о них пойдет речь ниже).

Среди участников съезда подавляющее большинство – выходцы из России (Российской империи), представители второй и третьей алии. В их числе:

доктор Авигдор Мандельберг (1870–1944), осужденный царским судом к ссылке в Сибирь за революционную деятельность; освобожден первой российской революцией. В 1907 году – депутат 2-й Государственной думы. В Палестину эмигрировал в 1920 году, много лет работал главным врачом Куппат-холим[14];

Шломо Капланский (1884–1950), родился в Белостоке, инженер по образованию. В руководстве Еврейского Национального Фонда в Гааге отвечал за поселенческую деятельность в Эрец-Исраэль, советник по экономическим вопросам при Гистадруте, с 1932 года ректор Хайфского политехнического института (Технион). Был председателем Общества дружбы Израиль – СССР[15].

Давид Ремез (Драбкин; 1886–1951), уроженец Белоруссии, в Палестине – с 1913 г., секретарь Гистадрута;

Яаков Зрубавел (Виткин; 1886–1967), родился в Полтаве, публицист, переехал в Эрец-Исраэль в 1910 году, стал секретарем ЦК сионистской рабочей партии Поалей Цион. За резкие выступления против турецких властей во время Первой мировой войны был заключен в тюрьму, откуда бежал. Власти приговорили его заочно к 15 годам каторжных работ. В Палестину ему удалось вернуться только в 1935 году, после неоднократных обращений к британским властям; Зрубавел был одним из учредителей Общества израильско-советской дружбы[16].

---

[13] Иудаика: Лексикон. Иерусалим, 1976. С.274 (иврит).

[14] Куппот-холим (мн. ч.) – больничные кассы, предоставляющие медицинские услуги за счет взносов застрахованных и работодателей. Частично субсидируются государством.

[15] Краткая еврейская энциклопедия. Т.4. Иерусалим, 1988. Стлб.87. Российская еврейская энциклопедия. Т.1. М., 1994. С.55.

[16] Краткая еврейская энциклопедия. Т.2. Иерусалим, 1982. Стлб.570.

Лейбуш Тарнополер, родился в России в 1903 г., руководил движением хе-Халуц; в Палестине с 1923 г., один из основателей киббуца Тель-Иосеф (в память об Иосифе Трумпельдоре), и другие.

Председателем съезда Лиги «Ви» был избран Шломо Капланский.

Залман Рубашов (Шазар), будущий третий президент Государства Израиль, в речи на опытной ферме «Хават ха-Лимуд» в окрестностях Иерусалима, которую посетили советские представители, объяснил это общее стремление ишува помочь Красной армии: *«Большинство еврейства Палестины кровно связано с еврейством Советского Союза. Кто семейным родством, кто воспоминаниями детства, а кто и нитями духовными, идеологическими. Глубоки корни, связывающие нас с СССР и с еврейством СССР. Мы знаем, что и в еврействе Советского Союза многие духовно связаны с нашим строительством здесь».*

Зал и ложи кинотеатра, в котором проходил съезд Лиги «Ви», был украшен лентами с надписями на иврите и русском языках. Сцена была декорирована флагами Англии, США, СССР и еврейским бело-голубым флагом со щитом Давида. Заднюю стенку сцены украшал лозунг, выполненный на иврите и русском языках: *«Привет народам СССР и доблестной Красной армии!»*

Особое значение съезду придало участие в его работе двух дипломатических работников из СССР, делегированных из советского представительства в Анкаре – С.С.Михайлова, первого секретаря советского посольства в Анкаре, и Н.А.Петренко, пресс-атташе того же посольства.

Советским представителям дали возможность ознакомиться со страной. За неделю пребывания в подмандатной Палестине они побывали на некоторых промышленных предприятиях, в киббуцах, в учреждениях Гистадрута. Везде их принимали с товарищеской сердечностью и радушием. Они увидели упорный, полный веры в достижение цели труд палестинских евреев, строящих свой очаг.

В выступлениях делегатов съезда и в частных беседах с советскими делегатами звучала четкая позиция палестинских евреев – необходимость скорейшего открытия союзниками второго фронта, тревога за огромные потери Красной армии. В газетах Эрец-Исраэль многократно подчеркивалось активное участие еврейского народа в борьбе с фашизмом не только в боевых частях, но и в советских партизанских отрядах.

Почти все выступавшие просили делегатов СССР передать советскому руководству, что материальная помощь еврейства Палестины будет продолжена.

Но и Советский Союз, говорилось в выступлениях палестинских представителей, должен помочь евреям Палестины в создании и укреплении их национального очага, в борьбе за национальное возрождение Эрец-Исраэль.

Две просьбы были совершенно конкретными: это – законное право евреев СССР и тех, кто избежал уничтожения в годы фашистской оккупации, на свободное поселение в Палестине, вывоз из СССР в Палестину еврейских детей, эвакуированных Советским Союзом из захваченных врагом территорий в восточные районы страны.

Еврейский Антифашистский Комитет (ЕАК), находившийся в то время в Куйбышеве, прислал съезду Лиги «Ви» приветствие, подписанное председателем ЕАК, народным артистом СССР Соломоном Михоэлсом, секретарем ЕАК Шахно Эпштейном, генерал-майором Яковом Крейзером, командиром подводной лодки Героем Советского Союза капитаном Израилем Фисановичем, писателем Ильей Эренбургом и другими членами ЕАКа.

Делегаты съезда безоговорочно поддержали лозунг Еврейского Антифашистского Комитета в Куйбышеве – «дать Красной Армии 1000 танков и 500 аэропланов».

Советские делегаты съезда Лиги «Ви» восхищались достижениями еврейской Палестины, что не помешало их враждебным высказываниям по возвращении в Анкару. С.С.Михайлов, например, в 1944 г. отозвался о деятельности Лиги, как организации с «антисоветской направленностью»[17].

Из всех выступавших на первом съезде Лиги «Ви» надо отметить речь председателя съезда Шломо Капланского: *«Еврейство Палестины связано тысячами нитей, родственных и духовных, с Советской Россией... Еврейство России было колыбелью нового еврейского ренессанса, движения наших дней к возрождению нашего народа. В еврействе России зародилось еврейское рабочее движение во всех его видах и течениях; в недрах этого еврейства выросло движение сионизма; там создалась новая еврейская литература на иврите и идиш. Большинство евреев новой Палестины родилось и выросло в России.*

---

[17] Советско-израильские отношения. Сб. документов. Т.1. 1941–1953. Кн.1. 1941– май 1949. М.: «Международные отношения», 2000. С.94-95.

Мы ценим усилия Советской власти, которая эвакуировала из оставленных областей сотни тысяч евреев в глубь страны и тем спасла им жизнь. Мы горды участием евреев в Красной армии и в героических партизанских отрядах. Знайте, что мы здесь прилагаем все усилия к тому, чтобы обращение евреев России и беженцев из Польши, нашедших приют на территории Советского Союза, к еврейству мира было услышано. Мы надеемся, что правительство Советского Союза даст возможность евреям в странах демократий прийти на помощь еврейским беженцам из Польши, а также облегчит их приобщение к усилиям евреев Палестины для общего дела войны».

Митинг при отправке амбулансов в Тегеран
В президиуме сидят: (слева направо) М.Эрем, И.Шмошкович, Я.Зрубавел, Л.Тарнополер, А.Цизлинг, Д.Ремез

Кроме лиц, поименованных выше, имевших прямое отношение к созданию и деятельности Лиги «Ви», в отдельных израильских изданиях упоминается также имя Мани Шохат (Вильбушевич, 1878–1961)[18]. Она, вместе с Ш.Капланским, Л.Тарнополером и

[18] См.: *Тидхар Давид.* Энциклопедия первопроходцев страны и ее строителей. Т.2. Тель-Авив, 1947. С.849 (иврит).

другими активистами Лиги помогала в сборе средств и пересылке закупленного оборудования в Россию. При всей противоречивости этой фигуры – социал-демократка, осведомитель департамента полиции, создатель в Минске Еврейской независимой рабочей партии (ЕНРП), ярая защитница идеи национального очага в Эрец-Исраэль, – Маня Шохат осталась в истории сионистского рабочего движения. Ее именем названы улицы в двух городах Израиля – Ришон ле-Ционе и Холоне.

В 1942 году, в помощь Красной армии, для фонда ЕАК «на бомбовозы и танки», были переведены в Лондон послу СССР Ивану Майскому 1050 фунтов стерлингов.

Ныне, спустя более 60 лет после прошедших событий, возможно, собранная сумма покажется незначительной. Но дело не только в её размерах; евреи Палестины одними из первых откликнулись на призыв ЕАК к мировому еврейству.

25 августа 1942 года, в тот самый день, когда в Иерусалиме начал работу первый съезд Лиги «Ви», представитель Гистадрута передал в Лондоне послу СССР Ивану Майскому еще один чек на 10 тыс. фунтов стерлингов, – подарок от еврейских рабочих Палестины Красной армии.

7-го ноября 1942 года, в день 25-летия Октябрьской революции, в подмандатной Палестине был объявлен всенародный сбор средств для приобретения медицинских амбулансов[19].

Итогом этого сбора были три машины с полным набором медицинского и хирургического оборудования. Их переправили через Тегеран, отправка сопровождалась торжественными проводами в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе и Петах-Тикве по маршруту следования. Отправку амбулансов засняли на кинопленку, а ленту передали советскому посольству в Анкаре, как свидетельство проявления симпатий и сочувствия к Красной армии, ведущей отчаянную борьбу с фашизмом.

Возглавлял эту акцию Арон Цизлинг, выходец из Белоруссии, приехавший в Палестину подростком. Впоследствии он был в числе видных деятелей ишува, подписавших в 1948 году Декларацию Независимости.

Группа опытных водителей добровольно взяла на себя труд по сопровождению транспорта через Заиорданье, пустыни Сирии и Ирана, общей протяженностью в 2000 километров.

---

[19] Еврейство Палестины – народам СССР... С.17.

По прибытии в Тегеран амбулансы были переданы представителям частей Красной армии, дислоцированных в Иране. В приемном акте, подписанном 2 мая 1943 года подполковником Хорошевым, майором Савицким и военврачом Артыковым, было отмечено, что указанными лицами принят *«первомайский подарок Красной армии – 2 санитарные машины и операционная установка с полным хирургическим оборудованием от трудящихся евреев из Палестины. Машины технически исправные. Медимущество соответствует прилагаемым описям»*.

На транспорте – надписи на русском языке, иврите и идиш, которые разъясняли принадлежность этого дара: *«От Палестинского еврейства – народам СССР и Красной армии. Лига "Ви" в Палестине»*.

Подполковник Хорошев, выступая на митинге в Тегеране, сказал: *«Принимая сейчас от имени Красной армии эти санитарные машины, присланные из далекой долины Иордана, от древних стен Иерусалима, купленные на деньги, собранные Лигой "Ви", я вижу в этом доказательство великого содружества народов в борьбе против германского фашизма, я вижу в этом стремление еврейского народа Палестины помочь народам СССР в борьбе против общего врага»*[20].

После того, как амбулансы прошли контроль военно-медицинских специалистов, они сразу были отправлены из Тегерана в действующую армию. Одновременно туда же направили несколько тонн жиров, партию мыла, а также вакцину против сыпного тифа.

Ближайшим транспортом, как сообщил секретарь Лиги «Ви» Тарнополер, в Тегеран прибывают еще три амбуланса с хирургическим оборудованием и 500 шерстяных одеял.

Дружественный жест евреев Палестины нашел, наконец, отклик в центральной советской прессе. Теперь уже речь шла не о происках безродных сионистов, наемной агентуры западных спецслужб, а о миссии совсем противоположного толка. Об этом поведало из Москвы Еврейское Телеграфное Агентство (ЕТА) 17 мая 1943 г. *«Сегодня в московской прессе,* – сообщало ЕТА, – *выражена благодарность палестинским евреям, которые первыми из всех евреев демократических стран откликнулись на призыв оказать помощь российской армии»*[21].

---

[20] Еврейство Палестины – народам СССР... С.33-34.

[21] Советско-израильские отношения... Т.1. Кн.1. С.80, 503-504.

Второй сбор средств целевого назначения – для приобретения перевязочных материалов, был объявлен 22 июня 1943 года, в день второй годовщины начала Отечественной войны.

Средства, собранные на эти цели, по сообщению секретаря Лиги «Ви», предназначались для покупки 500.000 перевязочных пакетов и ваты, которые при первой возможности перевезут в Тегеран для передачи представителям Красной армии. Общая стоимость этого нового дара оценивалась в 10 тысяч фунтов стерлингов.

Двумя месяцами раньше, то есть в апреле 1943 года, в Тегеран был направлен первый транспорт шерстяных вещей и две тонны брома, широко используемого в медицине, в фотоработах и некоторых отраслях промышленности.

В 1943 году Лига «Ви» имела уже около 100 отделений, а число ее членов превышало 20 тысяч человек.

С первых дней создания Лиги «Ви» ее руководители хорошо понимали, что рост материальной помощи Красной армии возможен только при широкой гласности и моральной поддержке во многих ее формах.

Одним из наиболее действенных видов моральной поддержки была подготовка и экспонирование ряда выставок, созданных в Палестине благодаря помощи ВОКСа (Всесоюзного общества культурных связей).

Первая крупная выставка, озаглавленная «СССР и Палестина в войне», была открыта 18 июля 1943 года в Иерусалиме. Помимо своей основной цели – углубления и укрепления культурных связей между СССР и подмандатной Палестиной, экспозиция преследовала еще одну важную задачу: показать еврейству Палестины наглядную картину борьбы, которую ведут народы СССР с врагом на фронте, и напряженную работу тыла.

Материалы выставки, полученные благодаря посредничеству ВОКСа, иллюстрировали борьбу Красной армии и многочисленных партизанских отрядов.

«Палестинский» раздел выставки свидетельствовал о размерах участия евреев в войне против фашизма.

Эту выставку, перебазированную затем в Тель-Авив и Хайфу, посетили многие тысячи палестинских евреев. Только в Тель-Авиве за пять месяцев показа с ее экспонатами ознакомились свыше 20 тысяч человек. В Хайфе она была развернута с 4 сентября 1943 года в зале Техниона.

Ее экспонирование сопровождалось лекциями и докладами. В процессе дальнейшей деятельности Лиги «Ви» выяснилась настоятельная необходимость создания специального Комитета для укрепления культурных связей между СССР и Палестиной.

Такой Комитет был создан в апреле 1943 года.

Подробности акции безвозмездной материальной помощи Красной армии нашли отражение в официальных изданиях России и Израиля. Так в сборнике «Советско-израильские отношения. 1941–1953» можно прочесть следующее утверждение: *«Мы помогали и будем впредь материально помогать Советскому Союзу посредством поставок медикаментов, одежды, продовольствия и прочих предметов первой необходимости»*[22]. Это было сказано в 1943 году Хаимом Вейцманом (1874–1952), который многие годы возглавлял Всемирную сионистскую организацию, а в 1949–1952 гг. был первым президентом Государства Израиль.

О создании Лиги «Ви» и её практической деятельности неоднократно упоминали глава политического отдела Еврейского агентства (Сохнут) Моше Шерток[23] и его представитель в США Нахум Гольдман[24].

О формах и размерах посильной помощи Советскому Союзу со стороны Палестины хорошо знали заместитель наркома иностранных дел СССР М.М.Литвинов (Меир Валлах), посол СССР в Англии Иван Майский (Ляховецкий), посол СССР в США А.А.Громыко и другие официальные представители.

Когда в конце марта 1943 года Моше Шерток в беседе с М.М.Литвиновым затронул эту тему, Литвинов сказал: *«Вам нужно*

---

[22] Советско-израильские отношения. Т.1. Кн.1. С.84; кн.2. С.516.

[23] Моше Шерток (Шарет; 1894, Херсон, – 1965, Иерусалим). В Эрец-Исраэль – с 1906 года. Окончил гимназию «Герцлия» в Тель-Авиве, затем изучал юриспруденцию в Стамбуле и экономику в Лондоне. С 1933 г. – член правления Еврейского агентства и глава его политического отдела до создания Государства Израиль. Был министром иностранных дел, а с января 1954 г. по ноябрь 1955 – главой правительства Государства Израиль.

[24] Нахум Гольдман, уроженец Вишнево, ныне Белоруссия, один из лидеров сионистского движения; доктор права и доктор философии. Президент Всемирной сионистской организации с 1956 по 1968 г. С начала Второй мировой войны, находясь в Нью-Йорке, играл активную роль в дипломатической работе, направленной на немедленное создание еврейского государства (Краткая еврейская энциклопедия. Т.2. Иерусалим, 1982. Стлб. 161).

сделать всё возможное, чтобы обратить внимание Америки на это»[25].

Весьма вероятно, Литвинов полагал, что пример небольшой по экономическому потенциалу Палестины вынудит Америку увеличить помощь Советскому Союзу по ленд-лизу, и тогда вопрос об эмиграции перемещенных лицах из СССР и других стран в Палестину будет решен значительно быстрее.

В результате успешного продвижения Красной армии и открытия союзниками второго фронта, материальная помощь подмандатной Палестины приобретала новую форму. Так, в ноябре 1944 года Моше Шерток информировал временного поверенного в делах СССР в Великобритании о том, что первая партия благотворительных посылок, включающих 2507 пар обуви, 1172 полувера, 1600 чулочных изделий, 1388 комплектов белья, 8000 пижам, доставлена советскому представителю в Тегеране для отправки в Люблин оставшимся в живых польским евреям[26].

В конце войны Лига «Ви» предполагала оказывать благотворительную помощь отдельным детским домам, в том числе еврейскому детдому в Минске.

Разгром фашистской Германии поставил вопрос о целесообразности дальнейшего существовании Лиги «Ви», и в 1946 г. на её базе была создана новая организация – Лига дружеских связей с СССР. Генеральным секретарем Лиги был избран член ЦК партии Мапам Л.Тарнополер.

Большую роль в налаживании связей между Эрец-Исраэль и СССР во время войны сыграл посол СССР в Англии И.Майский.

В его адрес из Иерусалима и Тель-Авива отсылались денежные переводы, собранные Лигой «Ви». Ему направлялись и те материальные предметы, которые представители Лиги и Гистадрута – правительства «государства в пути», приобретали для Красной армии.

И.Майский был осведомлен о трудностях и сложностях жизни евреев в условиях английского мандата.

Он хорошо разбирался в той «двойной игре», которую проводило правительство «его величества», провоцируя столкновения арабов с евреями, выступая при этом в роли беспристрастных «арбитров».

---

[25] Советско-израильские отношения. Т.1. Кн.1. С.70-71.

[26] Там же. С.108.

Заискивая перед арабами, англичане то сокращали, то увеличивали ограничения «Белой книги» на права евреев, стремящихся в Эрец-Исраэль.

Предложения английского правительства были рассчитаны на сохранение в Палестине колониального режима.

В то же время И.Майский хорошо знал проблемы советского еврейства, практически лишенного возможности покинуть СССР и переехать в Эрец-Исраэль.

Майский, как и Литвинов, рассчитывал, что вопрос о перемещении части евреев, избежавших геноцида, в Палестину, будет дружелюбно воспринят мировой общественностью и укрепит позицию СССР на Ближнем Востоке.

И когда в ноябре 1943 года И.Майского вызвали в Москву для получения новых политических и дипломатических инструкций, а как потом оказалось, для назначения на должность заместителя наркома иностранных дел, он пожелал заехать в Иерусалим и встретиться с Давидом Бен-Гурионом, председателем правления Еврейского агенства (Сохнут), по существу руководителем еврейского ишува.

Британские власти нехотя согласились, и встреча состоялась в киббуце «Маале ха-Хамиша», недалеко от Иерусалима. Иван Майский первым начал разговор о перемещенных лицах. «Сколько евреев может принять Палестина?»

Давид Бен-Гурион был озадачен. Еще не создано еврейское государство. «Какая Палестина? Подмандатная? Мандат Лиги наций себя не оправдал». Какую сторону следует поддержать, чтобы закрыть тему о судьбе перемещенных лиц?

Давид Бен-Гурион не пожелал широкой огласки этих вопросов. В свою очередь информация об этой встрече И.Майского была в Москве закрыта в одном из архивов СССР.

Сталин оттягивал решение вопроса о создании еврейского государства. Удастся ли превратить Палестину в советский плацдарм или она попадет в сферу интересов США[27]?

От ответов на эти первостепенные вопросы зависела судьба будущего еврейского государства и отношений с арабами.

Пока же до разгрома немецких фашистов оставалось еще полтора года.

---

[27] *Минц М.* Что делал Майский в Маале ха-Хамиша в 1943 г.? // Журнал «Лебнс фраген» («Жизненные вопросы») (идиш). Тель-Авив, март–апрель 2004. С.11-12.

Помощь частям Красной армии, оказанная еврейским народом Палестины в годы Второй мировой войны, конечно, не сыграла значительной роли в капитуляции Германии. Естественно, что за этой помощью стояли также национальные интересы. Тем не менее, это была посильная лепта в разгром фашизма. Она свидетельствовала, что в период грозной опасности народы мира готовы на самоограничения ради общей цели.

Автор благодарит Александра Цодикова, жителя Нетании, и Александра Тюрина, сотрудника городской библиотеки Нетании, за помощь и содействие в работе над настоящей статьей.

Супруги Виленчук
Из жизни профессиональной и интеллектуальной израильской элиты

Эра Мазовецкая (Тель-Авив)

Супруги Виленчук заметно выделялись в среде интеллигенции еврейского ишува. Они объединили свои судьбы уже в зрелом возрасте, имея за плечами богатый жизненный опыт радостей и разочарований. Каждый из них был самостоятельной личностью, но вместе они составили единое целое.

Л.Ю.Виленчук – офицер Британской армии. *1941 г.*

Лидия Юльевна Виленчук, урожденная Нурок, относилась к той плеяде женщин, чьи знания и талант ярко проявились в годы строительства еврейского государства.

Родилась она в 1907 году в Москве, в интеллигентной семье. В начале 20-х годов Лида с матерью бежали от большевиков в Берлин, центр русской эмиграции. Среди близких им людей была семья Набоковых. В Берлине Лидия Юльевна закончила русскую гимназию, а затем Политехнический институт. Дипломированный инженер-строитель женщина – необычное явление в те годы. Но такова была Лида.

С фашизмом она столкнулась еще в стенах института: во время последнего выпускного экзамена в помещение Политехнического института ворвались нацистские молодчики с антисемитскими криками и лозунгами. В здании они устроили погром – шел 1932 год. Для гордой, молодой женщины, болезненно реагировавшей на национальное унижение, этого было достаточно. Вернувшись домой, она объявила маме и мужу, что они покидают Европу и едут в Эрец-Исраэль.

Получив диплом инженера, Лидия с семьей отправилась на родину предков.

В начале 1933 года в Тель-Авиве за рулем легковой машины появилась молодая красивая женщина в кожаных перчатках и в темных очках – инженер Лидия Юльевна. Ее муж, инженер-строитель Иосиф Вольберг, был одним из руководителей Дома инженеров. Вольбергом построено в Тель-Авиве несколько зданий, в том числе кинотеатр «Хен».

Но семейная жизнь у Лидии не сложилась. Когда у нее родился сын, она ушла из родильного дома с новорожденным на руках в дом к своей матери.

Второй брак был удачный. Но вскоре муж Лидии был убит арабскими террористами во время вспыхнувшего в 1936 году погрома. Заботы о семье она взяла на себя. В 30-е годы Лидия Юльевна работала инженером-строителем в различных фирмах Тель-Авива. Город быстро строился, а потому ее профессия обеспечивала ей хорошее материальное положение и независимость.

Вскоре началась Вторая мировая война. Лидия Юльевна не могла оставаться сторонним наблюдателем – о фашистах она знала не по газетным сводкам. В 1941 году Лидия оставляет малолетнего сына на руках матери и уходит в Британскую армию. Она использует свои шоферские права и служит в армии шофером. Шофер-женщина – это тоже по тем временам было не часто! В Британской армии сформировали женский батальон из Палестины. Многие женщины Эрец-Исраэль считали своим долгом участвовать в войне против Гитлера. Закончила Лидия Юльевна войну офицером Британской армии, военным переводчиком в Египте. Она владела русским, немецким и английским языками и работала с русскими военнопленными, освобожденными из фашистского плена англичанами. Ей было известно, что между Сталиным, Черчиллем и Рузвельтом заключен договор о возвращении советских военнопленных в Советский Союз. Лидия Юльевна хорошо знала, что ждет их на родине, и постоянно вступала в конфликт с людьми, от которых зависела судьба этих несчастных. Позднее она с болью рассказывала, как воины, прошедшие гитлеровский концлагерь, умоляли не передавать их в руки советских представителей (сотрудников НКВД), и как неумолимо работала бюрократическая машина англичан. Иногда ей удавалось перевести просьбы бывших военнопленных на английский язык настолько убедительно, что некоторых оставляли на Западе. «К сожалению, – говорила она, – это бы-

ло не часто». На своем скромном месте она пыталась делать то, что в других условиях делал известный праведник мира Рауль Валленберг.

В 1946 году Лидия Юльевна, пройдя службу в Ливане, Египте и Палестине, демобилизовалась. Британские власти совместно с еврейским ишувом выделили демобилизованным участникам войны землю для застройки на самой окраине Тель-Авива, где по ночам завывали шакалы. Теперь это центр города в районе северного железнодорожного вокзала. Лидия Юльевна тоже получила участок земли под постройку виллы, так как до войны она с сыном и мамой жила на съемной квартире. Льготную ссуду предоставили британские власти.

Сразу после демобилизации она начинает искать работу. И тут помог случай, который определил ее дальнейший профессиональный путь. Союз инженеров и архитекторов решил построить районную библиотеку в память о молодом инженере Габриэле Шлуше, убитом арабами в Рамалле в 30-е годы, – достойный способ увековечения памяти погибшего. Этот заказ получила Лидия Юльевна, демобилизованный из армии инженер-строитель.

После открытия библиотеки она начинает работать библиотекарем с мизерной оплатой. В то время библиотечное дело в Эрец-Исраэль было в зачаточном состоянии, а потому работали не специалисты, а просто интеллигентные люди – философы, преподаватели, владеющие иностранными языками. Занявшись не очень престижной по тем временам работой, Лидия обратила ее в свой жизненный успех, а библиотечному делу придала высокий статус.

Она организовала учебные курсы, сама составляла программы, черпая материал из специальной литературы, из немецких и английских учебников. Стала первопроходцем в библиотечном деле Эрец-Исраэль и сумела придать ему значение на государственном уровне. Сегодня в каждом университете Израиля имеется информационно-библиотечный факультет.

Лидия Юльевна с головой погрузилась в теоретическую и практическую работу полюбившейся профессии: организовала первую библиотеку Союза инженеров, выделила научно-технические и медицинские библиотеки в особое объединение под названием АСМИ (1966 г.). Неутомимый труженик, она создала практически отсутствовавшую в стране систему информационно-библиографической службы.

В 60-е годы Лидия Юльевна составила и издала англоязычные информационные справочники. Часть этих справочников не утратили значения до сих пор.

В конце 1962 года она начала подготовку к компьютеризации специальных библиотек, которую закончила в семидесятые годы. Лидию Юльевну называли бульдозером: она вела курсы для специалистов научно-технических библиотек и информационных центров, перевела систему классификации на иврит, получила международное признание. Правительство Мексики пригласило ее поставить информационно-библиотечное дело в Мехико-Сити.

Будучи требовательным человеком, прежде всего к себе самой, Лидия Юльевна поступила в Лондонский библиотечный колледж, который окончила в 1952 году. Прекрасно понимая, что ее иврит оставляет желать лучшего, она преподавала, компенсируя свои ошибки в иврите блестящим знанием английского. Лидия Юльевна окружала себя только людьми широко образованными. Она исповедовала постулат Платона: «Умный знает, что он ничего не знает». Требовала логику, знания, организованность, порядок. Тот, кто не имел таких качеств, не задерживался в коллективе. Для преподавания она привлекала из-за границы педагогов, лекторов. Провела два международных конгресса в Тель-Авиве. И все это время работала в тесном контакте с организацией АСМИ, объединяющей работников массовых библиотек. Нельзя сказать, что она была окружена многочисленными друзьями, но уважением пользовалась бесспорно. Энергия и динамичность Лидии Юльевны способствовали развитию библиотечного дела в Израиле. Одна из учениц и коллег Эстер Амиэль как-то спросила ее, уже немолодую женщину, не изменила ли она свое отношение к прожитой жизни, и Лидия Юльевна ответила: «Нет, ни в коем случае. Я удовлетворена собой. Я делала то, что хотела и готова платить любую цену за это».

Когда я вспоминаю Лидию Юльевну Виленчук, передо мной встает образ царственный. Мое знакомство с ней произошло в марте 1976 года, через два месяца после приезда в страну из Ленинграда. Местные замечательные люди, окружившие нас вниманием, – Женя Пелег (племянница первого раввина Тель-Авива Аронсона), Феля Илияшева (бывшая москвичка, дочь адвоката), племянница первого президента страны Исраэла Маргалит (Вейцман), Шифра Орен и другие, – посоветовали мне обратиться в Информационно-библиотечный центр, которым руководила госпожа Виленчук. Я

поднялась на третий этаж здания, расположенного на улице Карлебах, и вошла в маленькую приемную. Там сидела секретарь Лея Айзенберг и посетительница – просительница работы, новая репатриантка. Ее пригласили в кабинет, и очень скоро она вышла оттуда расстроенная. Ей сказали, чтобы она учила иврит…

Я подумала: что я здесь делаю, совсем не зная языка? Но отступать было некуда, и я вошла в кабинет, как на Голгофу. Передо мной оказался стол, за которым сидела настоящая англичанка, прямая, с гладко зачесанными волосами, закрученными на затылке в пучок, со строгим выражением лица.

Я сказала «Шалом!» – и вдруг лицо «англичанки» прояснилось и она спросила, откуда я приехала. Я ответила, что из Ленинграда, а она сказала с грустью, что ее покойный муж был из Санкт-Петербурга. «Давайте говорить по-русски, Эра Исааковна». Меня это несказанно обрадовало, но удивило, что она называет меня по отчеству. Ведь в Израиле принято обращаться только по имени. Подав мне руку, она представилась: «Лидия Юльевна». Позднее я спросила у нее, почему она обращается ко мне по имени и отчеству. Она ответила: «В каждом языке есть свои особенности и традиции. Если мы говорим по-русски, то и обращение должно соответствовать языку».

Ицхак Виленчук
в день своего 80-летия
7.12.1974 г.

Мы поговорили о моем стаже в библиотеках Ленинграда, о научной работе. Она пригласила меня в гости и дала свой адрес. Все мои знакомые-старожилы были крайне удивлены такому обороту дел: Виленчук не была «сахарной», к себе в дом пускала редко.

В назначенный час я была у нее. Меня поразила атмосфера дома: скромная обстановка и прекрасная библиотека из русских, английских, немецких и ивритских книг. На стене

висел портрет молодого мужчины. Перехватив мой взгляд, Лидия Юльевна сказала, что это ее единственный сын, Алик, погибший в войне 1973 года. У него осталось трое детей: два мальчика и девочка Далит, которой она очень гордилась, так как та училась на курсах автомехаников. Сегодня Далит уже академическая дама. Ее сын Александр окончил Технион в Хайфе и защитил докторат по химии.

Я подошла к книжным стеллажам. Тут же она сказала, что эту библиотеку они собирали вместе с мужем Ицхаком Виленчуком.

Встретились они вскоре после войны и в 1946 году поженились, хотя знакомство их состоялось раньше и при трагических обстоятельствах. В Сидоне (Ливан) стояла воинская часть, командиром которой была Лидия Юльевна. В этой части служила солдатом жена Виленчука Пнина (Паня). Когда разразилась Вторая мировая война, Пнина оставила двух сыновей с отцом и вступила добровольно в британскую армию простым солдатом. В 1943 году произошла автомобильная авария, и Пнина Виленчук погибла. Муж приехал в часть забрать тело жены. Так познакомились Лидия Юльевна и Исаак Яковлевич. Следующая встреча произошла уже через три года.

Исаак (Ицхак) Яковлевич Виленчук родился в Брянске в 1894 году в семье лесопромышленника. Отец Ицхака, Яков Виленчук, был образованным человеком, знал иврит и сочувствовал сионизму. В этом духе и воспитывал своих детей. Исаак Яковлевич окончил русскую гимназию и поступил в Политехнический институт в Санкт-Петербурге. Там он примкнул к сионистскому молодежному движению под названием «хе-Хавер» («Товарищ»). Организация «хе-Хавер» рассматривала себя как школу сионизма для интеллектуалов, профсоюз для студентов и людей с высшим образованием, которые окажут влияние на еврейскую учащуюся молодежь. Помимо учащихся Петербурга и Москвы, к организации примкнули гимназисты из провинции.

В состав центра входили А.Идельсон (Илон), М.Хиндес, И.Виленчук, И.Фишер (Ариэль)[1], М.Лабадинский. Организация насчитывала 95–100 отделений по всей Европейской части России: Казань, Саратов, Киев, Одесса, Минск и т.д. О положении евреев и

[1] См. о нем: *Пархомовский М.* Сионистский деятель Иосиф Ариэль (Фишер) // *РЕВЗ.* Т.9. С.251-258.

о деятельности организации сообщали «Известия», которые рассылались по России, включая Сибирь и Кавказ.

Виленчук был редактором сборника «Эрец и работа».

В 1915 году состоялось совещание «хе-Хавер» в Москве. На нем выступил Виленчук с докладом о совместной работе двух молодежных сионистских организаций: «хе-Хавер» и «Цеирей Цион». Прозвучали сообщения о работе в Эрец-Исраэль, о спорте в среде еврейской молодежи, о русском еврействе. По той же программе проходило совещание в Петрограде 5 апреля 1917 года, вскоре после Февральской революции. Здесь разбирались вопросы, связанные со свержением монархии, – установление демократических свобод и отмена «черты оседлости», организация профсоюза для еврейской интеллигенции, пропаганда сионизма в еврейских школах, восстановление спортивного общества «Маккаби».

После принятия Декларации Бальфура, когда Великобритания официально заявила, что «Правительство Его Величества относится благосклонно к восстановлению Национального очага для еврейского народа в Палестине», по всей России прокатились демонстрации сионистов. Только в Одессе вышло на улицы более ста тысяч человек с лозунгами «Свобода в России, земля и свобода – Эрец-Исраэль». Но недолгой была радость сионистов в России. В октябре 1917 года к власти пришли большевики.

Вот как описал эти события и ночь с 24 на 25 октября Виленчук в своей статье под заглавием «25 октября 1917 года. Из жизни еврейской самообороны». (Статья дается в кратком изложении). После февральской революции 1917 года Петербург стал не только столицей политической, но и общественно-национальным центром российского еврейства. До этого Петербург был доступен лишь определенной группе евреев, в основном, интеллигенции и купцам 1 гильдии. С падением монархии Петроград (город был переименован перед Первой мировой войной) превратился в политический центр различных еврейских партий. Там проходили совещания и собрания евреев со всей России, готовилась всеобщая конференция российских евреев, которая должна была заняться вопросом строительства автономии еврейской жизни в России. В Петрограде находились и еврейские газеты на идиш, русском и иврите. В результате отмены «черты оседлости» в марте 1917 года, еврейское население в Петрограде возросло, и уже через несколько месяцев насчитывало более 150 тысяч.

В сентябре 1917 года власть Временного правительства во главе с Керенским ослабела. В это время начали распространяться слухи о готовящихся еврейских погромах. Так, на Украине погромы уже прокатились в некоторых местах. На стенах домов в Петрограде появились антисемитские надписи с раскрытием псевдонимов и переводом на русский язык фамилий руководителей левых партий, например: большевики – Троцкий – Бронштейн, Каменев – Розенфельд, Стеклов – Нехамкес, Зиновьев – Радомысльский; меньшевики: Мартов – Цедербаум; Либер, Дан, Гесс, Гуц, Вишняк.

В начале лета в Петроград приехал Иосиф Трумпельдор. Он находился в английской армии в звании капитана Еврейской бригады. Трумпельдор хотел договориться с правительством о формировании еврейской армии, чтобы отправиться через Кавказ и Турцию в Эрец-Исраэль. После долгих усилий ему удалось сформировать в Петрограде подразделение Свободный еврейский батальон. Понимая сложность обстановки, Трумпельдор предложил организовать самооборону, привлечь офицеров-евреев. В самооборону, помимо офицеров, входили студенты – делегаты различных партий. Я был членом руководства от профсоюза сионистов и профсоюза студентов-сионистов под названием «хе-Хавер». Наша задача состояла в том, чтобы наладить связь с военной школой и еврейским населением города, оказывать первую помощь. Такие же группы самообороны были организованы в пригородах Петрограда, Петергофе и Гатчине, в рамках «Союза еврейских солдат», находящегося в военном гарнизоне Петрограда.

В это время помощником командира Петроградского гарнизона был Петр Моисеевич Рутенберг (Пинхас). В сферу его деятельности входила охрана безопасности мирного населения. При нем сформировался офицерский корпус еврейских студентов. По требованию Трумпельдора евреи-офицеры должны были участвовать в самообороне. (И.Я.Виленчук был представителем Трумпельдора. – *Э.М.*)

Мы знали, что, как только получим сведения об ухудшении обстановки, наши подразделения будут посланы на защиту с оружием в руках. Я получил приказ от Трумпельдора возглавить 10 человек.

Мы вышли на Невский проспект. Он был пуст, трамваи не ходили. Издалека, от Зимнего дворца, слышались иногда разрывы снарядов. Как выяснилось позже, это были выстрелы с корабля

«Аврора». Согласно приказу Троцкого, были произведены холостые залпы.

На Невском была зловещая тишина. Мы вышли на площадь перед Зимним дворцом и увидели группу из 50-70 солдат с ружьями. Я подошел к одному, видимо, командиру, и спросил, есть ли раненые. Он ответил, что нет, и вдруг открылись двери изнутри, и солдаты вошли в плохо освещенный зал. Через минуту начались разрушения. Слышался звон разбитых стекол и ругательства. Я обратился к командиру и сказал: «Товарищ командир, остановите их, они разрушают народное имущество». Офицер посмотрел на меня, улыбаясь, и я понял, как далек от происходящей трагедии. И вот мимо нас проводят несколько человек в гражданской одежде. На их лицах читается страх – это члены Временного правительства. Среди них был Петр Рутенберг, которого ЧК освободила через полгода из Петропавловской крепости по ходатайству М.Горького и А.Коллонтай. В середине 1919 года Рутенберг уехал в Эрец-Исраэль. Сколько было надежд на эту революцию, но ничего не получилось. Мы были нейтральны, и нас не задержали.

Лидия Юльевна Виленчук (слева) с приятельницей у своего дома

Деятельность сионистских организаций продолжалась. В апреле 1918 года прошло собрание под лозунгом «Неделя Эрец-Исраэль». Присутствовали Федор Шаляпин и Мордехай Голинкин[2], создатель первой оперы в Эрец-Исраэль в Тель-Авиве.

---

[2] См. о нем: *Оримиан А.* «Храм искусств» Мордехая Голинкина и Федор Шаляпин: К истории создания израильской оперы // *РЕВЗ.* Т.1. С.347-360.

23 апреля 1920 года в Москве состоялось очередное совещание, на котором выступал Ицхак Виленчук. В середине совещания в помещение ворвалась группа из ЧК. Все участники собрания, кроме раввина Якова Мазе и больного Черниковера, который являлся председателем Керен Каемет в России, были арестованы. 102 человека – среди них был Виленчук – построились по четверо в шеренгу, во главе встали руководители и, не теряя бодрости духа, вышли из помещения, громко запев «Ха-Тикву», веря, что скоро будут освобождены. Чекисты требовали замолчать, но колонна арестованных вышла с песней на улицу, выкрикивая сионистские лозунги. Так они пришли на Лубянку в ЧК. Когда члену коллегии ВЧК Лацису задали вопрос о причине ареста, он ответил, что совещание не было санкционировано. Ему пояснили, что это собрание профсоюза, и на его проведение разрешение не требуется. Ответа не последовало.

Вскоре 80 заключенных перевели в Бутырку. Среди них были три женщины: Нехама Друян, Клара Лернер и Ада Раппопорт. В честь праздника Первого Мая объявили амнистию. Но 19 осужденных отправили на работы, в их числе и Виленчука[3].

В 1924 году советские власти начали поголовные репрессии против сионистов. Производились массовые аресты и высылка в отдаленные районы Сибири, Казахстана и другие.

25 января 1925 года Виленчук был арестован, а затем осужден на три года и отправлен на поселение в далекий район Коми.

Среди сосланных было много социалистов-революционеров, социал-демократов, анархистов. Некоторые из них сидели при царе, а теперь – при большевиках.

В первый же день своего прибытия Виленчук начал поиски работы. Он обратился в местный «Совнархоз» (Совет народного хозяйства) и предложил свои услуги инженера. ГПУ было против того, чтобы ссыльные работали в государственных учреждениях. Но все-таки его взяли на работу. Он получил зарплату 8 червонцев. На эти деньги можно было уже содержать семью. Вскоре приехала жена с полугодовалым сыном.

В одну из суббот после работы к Виленчуку подошел анархист, которого он встретил в первый день своего приезда. Не говоря

---

[3] Перевод с иврита. Оригинал статьи находится в Центральном сионистском архиве в Иерусалиме.

ни слова, пожал ему руку. В понедельник анархист не вышел на работу, а во вторник не пришел отметиться в ГПУ. Он бежал с еще одним товарищем…

В ГПУ сочли, что именно Виленчук помог анархисту бежать. Над ним нависла опасность. На семейном совете было решено, что Паня с сыном уедут в Москву, – там находился центр партии «Цеирей Цион», – а он совершит побег.

По прибытии жены в Москву, Виленчук получил сообщение, что центр партии принял с энтузиазмом его решение, и вскоре к нему приедет человек с документами, деньгами и необходимыми вещами.

Виленчук попросил двухнедельный отпуск, якобы для перевода технической книги с английского на русский. Он отправил телеграммы жене в Ленинград и родственникам в Брянск с просьбой прислать ему словари. Зная, что все его письма перлюстрируются ГПУ, он написал несколько писем друзьям, где подробно описал свою переводческую работу. В одно из посещений ГПУ он рассказал начальнику, что его книга будет издана в Госиздате. Таким образом он получил разрешение некоторое время не отмечаться ежедневно.

До побега надо было успеть подготовить рыбачью лодку, необходимые вещи, продукты и взять с собой надежных людей в качестве туристов, так как ссыльным не разрешалось плавать на лодках. Виленчук зашел к своему начальнику, поделился своими успехами в переводческой работе.

Его напарник Соломон Симитский жил в соседней деревне. 8 сентября 1925 года двое беглецов ушли в ночь.

В своих воспоминаниях Виленчук подробно описывает этот побег. На их пути встречались замечательные люди: начальник вокзала в Котласе взял им билеты на поезд, который шел в Вологду. Поезд тронулся, и в вагон вошел человек в длинной шинели – работник ГПУ. Заметив, что он, читая газету, прислушивается к их разговорам, они стали оживленно обсуждать работу в Вологде, громко назвав фамилию директора завода. На остановке гепеушник вышел, оставив дверь вагона незапертой. Это означало, что они спасены.

По прибытии в Москву Виленчук позвонил в Центр партии «Цеирей Цион». Все безумно обрадовались благополучному окончанию его опасного «путешествия».

В Москве началась нелегальная жизнь. В этот период он редактировал газету «Эрец и работа», подготовил к изданию книгу об Эрец-Исраэль.

В марте 1926 года Виленчук – представитель «хе-Халуц» нелегально выехал в Данциг на совещание этой организации и был встречен как герой, а затем через Берлин, Париж и Лондон уехал в Эрец-Исраэль, навсегда расставшись с Россией.

В Лондоне он встретился с Петром Моисеевичем Рутенбергом. К этому времени Рутенберг открыл Электрическую компанию в районе реки Иордан в Нахараим. Он предложил Исааку Яковлевичу должность главного инженера, и Виленчук проработал в компании с 1927 года по 1930 год. Так началась его трудовая карьера в Эрец-Исраэль. С 1930 года Виленчук работал главным инженером в компании водоснабжения Эрец-Исраэль «Мекорот», а с 1949 по 1955 год возглавлял эту компанию, и поныне занимающуюся водными ресурсами страны. «Мекорот» работала в тесном контакте с профсоюзом инженеров, а Виленчук был председателем Союза инженеров. Одним из организаторов «Мекорот» и первым ее директором был Леви Эшкол, ставший впоследствии премьер-министром Государства Израиль. В архиве Лавона в Тель-Авиве находятся документы компании «Мекорот», подписанные ее директором И.Виленчуком.

Принятые им решения имели важнейшее значение для развития страны. 21 июля 1949 года Виленчук дает распоряжение «Об использовании водных ресурсов для орошения тысячи дунамов в восточной части Негева»[1]. Виленчуку также принадлежала идея развития Беэр-Шевы как столицы Негева. Письма и циркуляры за подписью Виленчука рассылались членам директориона «Мекорот», куда входили знаменитые деятели страны: Элиэзер Каплан, министр финансов (1948 – 1950), Авраам Харцфельд, создатель новых поселений в Негеве, депутат Кнессета, а затем глава правительства Леви Эшкол (Леви Школьник). Все эти люди были руководителями и организаторами сионистского движения в России. Четыре года Ицхак Виленчук входил в состав тель-авивского муниципалитета, вместе с многими видными деятелями сионистского движения. Их имена мы читаем сегодня на уличных табличках: улица Роках – мэра Тель-Авива с 1936 по 1953 год, Каплан – в

[1] Архив Лавона. Дело И.Цви. Мекорот Беэр-Шева. 1V-104605-19.

честь политического и общественного деятеля Элиэзера Каплана, улица художника Мордехая Леванона, улица и больница Ихилов.

Исаак Яковлевич Виленчук, выступая на заседаниях муниципалитета, вносил предложения, которые и сегодня определяют жизнь не только Тель-Авива, но и всей страны. В протоколе от 29 января 1952 года отмечен его доклад по «проблеме транспортного движения в городе». 11 декабря 1952 года Виленчук выступил с предложением перевести предприятия из центра Тель-Авива в периферийные районы города, тем самым положив начало созданию промышленных зон в пригородах по всей стране. 28 января 1953 года он ставит вопрос о строительстве общественных зданий, в частности, концертного зала, и предлагает привлекать архитекторов на конкурсной основе. На 132 заседаниях городского Совета он резко критиковал разбазаривание воды в городе. Обычно Виленчук выступал с развернутыми докладами при утверждении бюджета города. Его выступления не всегда находили поддержку членов Совета. Так, Виленчук выступал против строительства тель-авивского университета, аргументируя свою позицию отсутствием финансовой базы. Вот, что он сказал: «Друзья, у нас есть две проблемы, и обе они серьезные. Первая – отсутствие современных дорог, шоссе и канализации. Вторая – нет у нас оборудованных школ, а социальные проблемы в городе крайне тяжелы. И при таких условиях строить университет? Я близок к руководству Техниона и знаю, какие там трудности, несмотря на большую помощь правительства и друзей из-за рубежа. Те же проблемы в Еврейском университете. Друзья, надо думать о проблемах, а не о престиже» (Протокол №133 от 16 августа 1953 года). Виленчук предлагает открыть в Тель-Авиве филиал Еврейского университета. Свой университет Тель-Авив получил в 1956 году.

Сын Л.Ю.Виленчук Александр Вольберг с детьми за несколько дней до его гибели в Войну Судного дня

Немного подробнее о Союзе инженеров и архитекторов, созданном в 1921 году. В руководстве Союза, в основном были люди, в разное время прибывшие из России: кроме самого Исаака Яковлевича, Яков Барабаш, Яков Аронсон и другие. Как было указано выше, первым библиотекарем Союза инженеров была Лидия Юльевна Виленчук, а затем г-жа Мики, тоже уроженка России. В 1971 г. Союз отметил свое 50-летие. Здесь присутствовали и выступали на юбилейных торжествах Давид Бен-Гурион, Голда Меир, Моше Даян. Выступал и Виленчук, бывший председателем Союза с 1947 по 1955 год.

Союз много сделал для новых репатриантов-инженеров 70-х годов.

Все проекты, в которых участвовал Ицхак Виленчук, имели свое развитие и легли в основу ведущих отраслей хозяйства.

Помимо профессиональной занятости, Виленчук активно участвовал в защите страны, был членом «Хаганы».

Ицхак (Исаак Яковлевич) Виленчук скончался 18 декабря 1974 года в возрасте 80 лет. Есть поверье, что люди, прожившие безупречную жизнь, умирают в месяц своего рождения. Таким был Виленчук.

В память о нем многие годы проходили заседания в Союзе инженеров и архитекторов. На этих заседаниях присутствовали не только члены Союза и семья покойного (супруга, сын Натан Арад, внуки), но и общественные и политические деятели страны.

В архиве Лидии Юльевны Виленчук хранится открытка от известного автора книги «Сионистское движение в России» Ицхака Маора. Он пишет:

«Ашдод-Яаков, 8/1–1980

Дорогая г-жа Виленчук, мне очень прискорбно, что у меня нет возможности приехать сегодня в Тель-Авив на вечер памяти дорогого Исаака Яковлевича, да будет благословенна память его. Вчера вечером я зажег поминальную свечу, которая горит 24 часа.

С сердечным приветом,

Ваш И. Маор».

Лидия Юльевна, скончалась 1 мая 1993 года, пережив мужа на 19 лет.

Часть своей библиотеки на русском языке она завещала Научному центру по изучению истории российского еврейства «ЗЕЗАМ», в Реховоте. Свой дом она передала «Джойнту» и создала фонд помощи русским репатриантам.

До конца своих дней эта супружеская пара была верна еврейским корням и сионистским идеалам. Они вырастили целую плеяду специалистов, продолжающих активно действовать, как на профессиональном, так и общественном поприще. Своим потомкам, живущим в Израиле, они передали преданность и любовь к стране.

За помощь в работе над статьей приношу большую благодарность коллегам Л.Ю.Виленчук – Эстер Амиэль, Лее Айзенберг, Синаю Александровичу, вдове погибшего сына Л.Ю.Виленчук Александра – Саре Вольберг; сыну И.Я.Виленчука г-ну Натану Араду; сотруднице компании «Мекорот» Сарит, Даниэлю Блюдзу – за большую помощь в сборе материала; Мике Познянскому – за помощь в переводе с иврита и английского статей из газет, журналов и книг на русский.

Литература

Виленчук И. 25 октября 1917 // Газета «Давар». 25.10.67 (иврит).

Виленчук И. История одного побега // Поколение борьбы: Из истории организации «Союз "Цеирей Цион" в советской России». Изд. организации «Цеирей Цион» Т.2. С.251-259 (иврит).

КЕЭ. Т.8. Стлб.1077.

Маор И. Сионистское движение в России. Авт. сокращен. перевод с иврита. Иерусалим: Библиотека–Алия, 1977. С.302, 403, 427, 434.

Цинципер (Рафаэль А.). Виленчук Ицхак // Центр. сионистский архив.

Амиэль Э. Воспоминания о Лидии Юльевне Виленчук на вечере памяти в год ее кончины // Архив Центра «ЗЕЗАМ».

Элишева

Эра Мазовецкая (Тель-Авив)

Два дыхания у меня: русский и иврит.
Но власть надо мной берёт иврит.

Элишева

Элишва

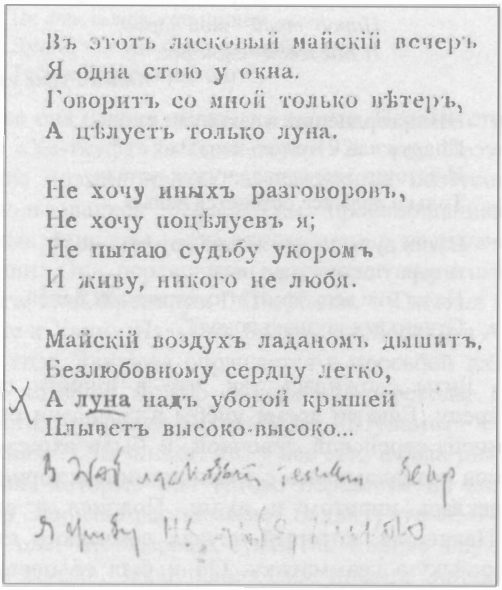
Элишева – псевдоним Елизаветы Ивановны Жирковой-Быховской. Элишева родилась в 1888 году в старинном городке Спас, близ Рязани. Её отец, Иван Жирков был православным священником и учителем. Мать – католичка, из Ирландии. Она умерла, когда дочери было три года. Отец отдал Лизу на воспитание сестре матери, которая жила в Москве. Дом тётя вела на английский манер. Лиза кончила русскую женскую гимназию, а затем фребелевские педагогические курсы. В доме тети она получила английское воспитание, превосходный английский язык, а также отличное знание литературы, как русской, так и английской.

Элишева начала писать стихи в 1907 году на русском языке под псевдонимом Э.Лишева. Я держу в руках её двухтомник под названием «Минуты» и «Тайные песни». Старенький сборник «Минуты», напечатанный на скверной желтоватой бумаге, с «ятями» и «і десятиричным» – подарок Еврейской национальной библиотеке, с автографом на иврите и вставкой в текст стихотворения на русском языке, сделанной, очевидно, почитателем таланта Элишевы значительно позже, уже в Израиле. Российские мотивы, российские пейзажи, лирика. Чувствуется «женский почерк», юная любовь.

Темнеет дорога. Изломанный месяц
Повис между сосен направо.
Дохнуло прохладой из хвойных потемок,
В росе запыленные травы.

Не знаем, зачем в этот вечер июньский
Мы вместе на дальней дороге,
Что каждый из нас унесет, расставаясь:
Забвенье – надежды – тревоги?

Не хочется знать и не хочется думать…
Так ласково сходит прохлада.
И сердце так верит свободе беспечной,
Так знает: все будет, что надо.[1]

Въ этотъ ласковый майскій вечеръ
Я одна стою у окна.
Говоритъ со мной только вѣтеръ,
А цѣлуетъ только луна.

Не хочу иныхъ разговоровъ,
Не хочу поцѣлуевъ я;
Не пытаю судьбу укоромъ
И живу, никого не любя.

Майскій воздухъ ладаномъ дышитъ,
Безлюбовному сердцу легко,
А луна надъ убогой крышей
Плыветъ высоко-высоко...

Страница из сборника "Минуты" с припиской неизвестного

И отрывок из другого стихотворения, того, где последние две строчки приписаны от руки человеком, подарившим сборник «Минуты» библиотеке:

В этот ласковый майский вечер
Я одна стою у окна.
Говорит со мной только ветер,
И целует только луна…

[1] *Лишева Э.* Минуты. Стихотворения. М: Изд-во «Карнейор», 1919.

Майский воздух ладаном дышит,
Безлюбовному сердцу легко,
А луна над убогой крышей
Плывет высоко-высоко...

В этот ласковый теплый вечер
Я уйду не любя никого...

И – неожиданно – стихи из «Тайных песен», устремленные к другим берегам, к другому народу и языку:

Народ твой – мой народ,
И Бог твой – мой Бог.
Книга Руфи, гл.1, ст.16.

Взяли сердце мое и закинули в даль,
Подружили с чужою печалью;
И источит мне сердце чужая печаль, –
Только даль все останется далью...

Взяли душу мою с легкой грустью моей,
А вернули мне горе иное...
Не на мне ведь ярмо этих страшных цепей, –
Отчего ж я не знаю покоя?[2]

Судьба Лизы сложилась так, что в юности она попала в еврейскую среду. Еще во время учёбы в гимназии она дружила с одноклассницей, еврейской девочкой, и была вхожа в её дом. В этой семье она познакомилась с традициями и историей еврейского народа, увлеклась ивритом и идиш. Повлиял и старший брат Елизаветы Ивановны, который изучал семитские языки и даже составил еврейскую грамматику. Он и был её первым учителем иврита. Впоследствии Л.Жирков стал известным советским лингвистом, специалистом по языкам иранской группы[3]. Как вспоминала дочь Елизаветы Ивановны Мира, *«мама вошла в еврейство через иврит. Для неё этот язык был экзотическим, и от него веяло мистикой, ибо почти мёртвый язык в течение 2000 лет вдруг проснулся и одержал победу, вернувшись к жизни благодаря Элиезеру Бен-Иехуде»*[4].

Идиш Елизавета Ивановна выучила самостоятельно. Сблизившись с еврейской молодёжью в Москве, она принимала

---

[2] *Лишева Э.* Тайныя пъсни. Стихотворения. М: Изд-во Гацида, 1919.
[3] Элишева // Краткая Еврейская Энциклопедия. Т.10. Стлб.586.
[4] *Негев А.* Элишева // Едиот Ахронот. 7.12.1990.

участие в работе сионистских кружков, веря в возрождение еврейского государства. По признанию Элишевы, на нее произвели сильное впечатление еврейская национальная идея, а позднее сионизм[5]:

...Сион! Меня не призывал
Ты из далекого изгнанья, –
Но кто мне в сердце начертал
Твоей земли обетованье?
...И я у жизни лучезарной
Не счастья своего прошу, –
Души, за чудо благодарной,
Тебе я трепет приношу.

В Москве она начала писать на иврите. Первые стихи вышли в издательстве «Ха-ткуфа» («Период») в 1920 году. Поэзия Элишевы была созвучна поэзии другой замечательной поэтессы – Рахель. Обе они пользовались сефардским произношением и новой лексикой. Язык Элишевы – это одновременно язык начала XX века и язык Библии. Она переводила на русский ивритских поэтов – И.Штейнберга, И.-Х.Бреннера, Г.Шофмана, У.Гнесина и других.

В письме к Хаиму Нахману Бялику из Москвы в Америку от 8 января 1922 года Элишева обращается с просьбой дать ей адреса журналов, в которых можно напечатать переводы с иврита на английский стихотворения Штейнберга «Шуламит» и Штейнмана «Песни Израиля». Она пишет, что у нее есть целый цикл ивритских стихотворений, которые она готова перевести на английский. В конце письма Элишева рассказывает Бялику, что ей очень приятно сообщить о том, что первые стихи на иврите опубликованы в журнале «Ха-ткуфа». Заканчивает свое письмо Элишева словами: «Шалом и до свидания в Эрец-Исраэль». Адрес указан по-русски: «Москва, Старо-Конюшенный переулок, д. 37, кв. 8, Е.Жиркова»[6].

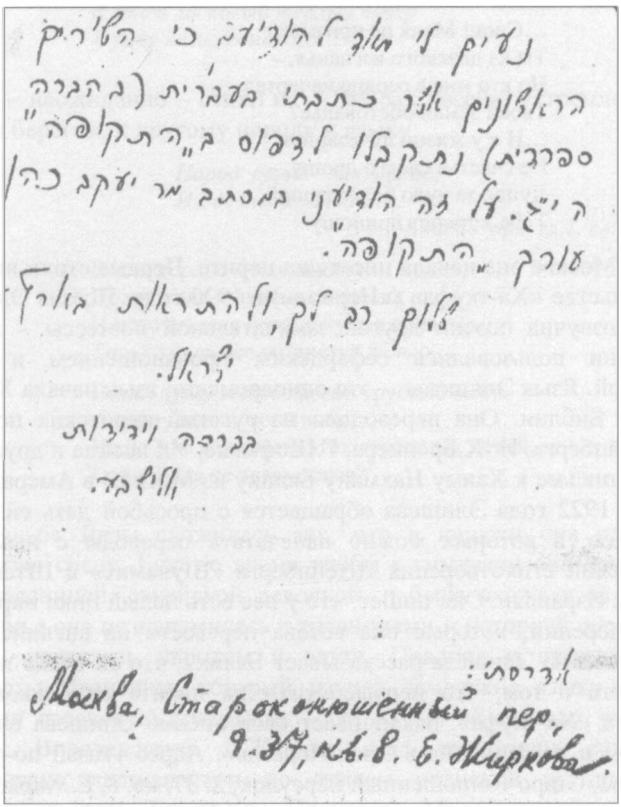
С идиш ею переведены стихи Ш.Имбера (1916 г., сб. «В еврейской стране»). Переводы Элишевы под её девичьей фамилией Жиркова часто включал в свои издания Лев Борисович Яффе. Так, в сборник «У рек Вавилонских» («Сафрут». Москва, 1917) вошли ее переводы стихотворений Ш.Имбера «Моя душа скиталась годы» (с.98), Иехуды ха-Леви «Тоскуешь ли по нас и ты, Сион родимый»

---

[5] КЕЭ, т. 10, стлб 586.

[6] Письмо написано на иврите, находится в архиве израильских писателей (Тель-Авив). Там же хранятся ее письма к израильским деятелям культуры, поэтам, писателям, в частности, к Дворе Барон.

(с.37) и «Из морских песен» (с.41), а в «Еврейскую антологию» (М.: «Сафрут», 1917) – стихотворение Д.Фришмана «Мрак» (с.28).

Москва, Старокоюшенный пер.
9. 37, кв. 8. Е. Жирковой

Последняя страница письма Элишевы Х.-Н.Бялику от 8 января 1922 г.

В 1921 году Элишева проходит гиюр (на этот счет существуют противоречивые свидетельства)[7] и выходит замуж за Шимона Быховского, с которым познакомилась в сионистском кружке, – издателя, близкого друга И.-Х.Бреннера и Н.Гнесина. Быховский,

[7] Об этом см.: «Неопалимая купина»: Еврейские сюжеты в русской поэзии. Антология / Сост. *Донат А.* Н.-Й., 1973. С.307.

по воспоминаниям друзей, был талантливым человеком, но свою жизнь посвятил жене и её творчеству.

В связи с начавшимися гонениями на сионистское движение и язык иврит, многие деятели ивритской культуры и литературы в 20-е годы прошлого столетия покинули советскую Россию. В их числе были поэты Хаим Нахман Бялик, Шауль Черниховский, Яков Штейнберг, Яков Фихман, Лев Яффе, Яков Кахан, Иехошуа Хоне Равницкий, Авраам Шлёнский, д-р Иосеф Клаузнер, супруги Елизавета (Элишева) и Шимон Быховские и многие другие.

«У меня есть друзья, – писала она впоследствии, – *которые с уважением относятся к моей мечте. Христианка, знающая иврит и любящая еврейский народ... Есть разница между неожиданным поступком и осознанным».* Элишева и Шимон Быховский уехали из Москвы в Эрец-Исраэль в 1925 году.

Элишева была встречена местной интеллигенцией с большим вниманием и теплотой. Она все больше привязывалась к стране, языку. На фотографии своим друзьям Элишева сделала такую надпись: *«Во мне живут два духа – русский и иврит. И иврит все более властно захватывает меня».* Эйфория от встречи с желанной страной звучит в ее стихах:

Весь день-деньской я грежу, как во сне,
А ночью сердце, бодрствуя, стучит.
Когда молчу – поют стихи во мне,
Когда пою – душа моя молчит.

У чуда сердце и душа в плену,
Для сердца песня тихая моя.
Из смертных назовите хоть одну,
Кто так же счастлив на земле, как я.[8]

О ней много писали в прессе, справедливо считая её судьбу и тягу к еврейской земле необыкновенными.

Волна, шепчась с волной, почти уснула,
Киннерет отдыхает, тишина.
Вот чайка белокрылая блеснула,
Как тень, на миг в волнах она мелькнула,
Вот в сердце песни дрогнула струна.

Нет, здесь не буду петь. Я не прерву словами
Прекрасного волненья полусна.

[8] «Я себя до конца рассказала» // Сборник стихов израильских поэтесс. Тель-Авив, 1990. С.144.

Одна, между водой и небесами,
Сроднясь с возлюбленными берегами,
Сижу, сыта скитаньями сполна.[9]

В первые же годы жизни Элишевы в Эрец-Исраэль были изданы на иврите её стихотворения «Маленький стакан» («Кос ктана», 1925 г.), «Рифмы» («Харузим», 1928). рассказы «Второстепенные случаи» («Микрей Тафел», 1929г.), «Поэт и человек: о поэзии Александра Блока» («Мешорер вэ адам: аль ширато шель Александр Блок», 1929 г.), статья «Анна Ахматова», очерки об И.Тургеневе, У.Н.Гнесине, Дж.Г.Байроне и др. В романе «Симтаот» («Переулки»), изданном в журнальном варианте в 1927 году («Хаолам». №6–12), она описывает жизнь литературной богемы в первые послереволюционные годы в Москве и еврейства, увлеченного идеями сионизма. События собственной биографии, поиски себя Элишева использует в романе. Героиня романа приходит к выводу, что сохранить свое еврейство можно только в Эрец-Исраэль. Стихи Элишевы привлекают напевностью и выразительностью, на них пишут музыку. Во второй половине 20-х годов появились переводы ее стихов на идиш, русский, польский, немецкий, итальянский и английский языки. Элишева с мужем и дочерью много путешествовали, несколько раз побывали в Европе, где литературные вечера поэтессы со столь неординарной судьбой и вкусом собирали большую аудиторию. Весной 1932 года они снова в Европе, где должны были выступать перед еврейскими общинами, и здесь случилась неожиданная беда. Дочь Мира вспоминает: *«Когда были в Кишиневе, у папы случился инфаркт, и он умер. Похоронили его там. Я помню выступления возле могилы, а после похорон мама потеряла сознание»*[10].

Вернулась Элишева домой надломленным человеком.

Девочке было тогда 8 лет, а ей – 44. После смерти мужа жизнь круто изменилась. Жили в нужде, пришлось подрабатывать прачкой и оставить трехкомнатную квартиру в Тель-Авиве. Один из богатых домовладельцев предложил вдове Быховского барак с участком земли в районе Монтефиори. Со смертью мужа Элишева замкнулась и оставалась одинокой до конца жизни. Работа и необходимость воспитывать ребенка помогали «держаться на плаву». Помимо поэтического творчества и прозы, Элишева занималась журналистикой – выступала в печати как автор статей и

[9] «Я себя до конца рассказала». С.145.
[10] *Негев А.* Элишева // Едиот ахронот. 7.12.90. С.27.

переводчица. В 1934 году в её переводе на иврит вышел сборник писем Джавахарлала Неру под названием «Письма из тюрьмы». Эти письма были адресованы им дочери Индире Ганди. Несомненно, выбор книги для перевода не случаен. Эрец-Исраэль так же, как и Индия, находилась под властью Англии, и события, описываемые в сборнике, невольно вызывали ассоциации. Интерес представляет и её статья о воспитании и образовании детей в Эрец-Исраэль, напечатанная в газете «Ха-бокер» от 6.12.1937 г. под заглавием «Эношут вэ хинух леумми» («Национальное воспитание и духовность»). Статья широко обсуждалась в печати. Элишева указывала на недостатки в воспитании детей, на отсутствие у них широкого взгляда на мир. Вину она возлагала на родителей, галутное влияние которых сказывалось на формировании детского характера. Ей же виделся образ будущего человека личностью самостоятельной и свободно мыслящей. Естественно, Элишева не могла пройти и мимо темы «Россия». В архиве Лавона в Тель-Авиве хранится машинописный текст её статьи «Россия – страна диктатуры»[11]. Она пишет о гонениях на сионистов. Обвиняет местное правительство за связи с Россией, независимо от отношения советского правительства к сионизму. Была ли напечатана статья, установить пока не удалось, но она и сегодня не утратила свою актуальность.

Барак, в который Элишева перебралась после смерти мужа. стал ее постоянным пристанищем. Ее дочь Мира во время Второй мировой войны была в британской армии, а затем вышла замуж за солдата и уехала с ним в Англию. Элишева осталась в одиночестве. До конца «своей» в новой стране она себя так и не почувствовала: *«У меня свойство привлекать сердца, но, сближаюсь с людьми с трудом, ибо чувствую, что своей душой и сердцем я остаюсь чужой для них»*[12].

Вот как описывает её быт журналистка Нили Фридлендер, которой удалось с ней встретиться: *«Я видела Элишеву раза два. Слышала, что она избегает встреч. Но я получила задание от газеты "Давар ха-поэлет" написать о ней. Она согласилась на встречу в субботу у неё дома. Подойдя к дому, я была потрясена: барак без дневного света, комната похожа на келью монахини,*

---

[11] Элишева: Митаам Эрец ха-ревуя (От имени благодатной страны) (машинопись) // Архив Лавона. Тель-Авив.

[12] *А.Р.* Аль мавет Элишева (К кончине Элишевы) // Давар ха-Поэлет. 24.5.1949.

мебель старая, платяной шкаф без дверцы, закрыт занавеской, но везде чистота и порядок. Одежда Элишевы – сплошные заплаты, а лицо усталое. Я попросила фотокарточку для будущей статьи. Её ответ был категоричен: "Фотографии нет, нет желания этим заниматься. И что Вы можете обо мне написать? Я уже читала о себе много разного и странного". Подумав, добавила, как бы хлестнув меня: "Обо мне уже писали, что гоя, а пишет на иврите. То, что тысячи евреев не учили свой язык, это вас не удивляет, а факт, что я учила язык, кажется вам странным". Всё, что говорила Элишева было на чистом иврите. Какая культура языка!»[13] Автор статьи сказала Элишеве, что её поэзию знает молодёжь. Та была чрезвычайно удивлена, ответив, что никогда не вступала с ними в контакт. На просьбу написать статью для газеты Элишева ответила, что сосредоточена на классической литературе: *«"Я хотела бы написать о Блоке, хотя я о нём писала, но сегодня я иначе понимаю и написала бы по-другому. Он был большой поэт и видел будущее. А вы заинтересованы в современной литературе". Она сказала, что писать статьи в размере рецензии не будет, а большую статью о Блоке никто не напечатает. Затем Элишева встала и дала понять, что разговор окончен. Я ушла от неё потрясённая, я чувствовала, что она прекрасный человек, богатый интеллектуально. Она произвела впечатление человека решительного и гордого. Она не стеснялась своей обстановки, своего вида и чувствовала себя уверенно... Я продолжала её навещать – второй и третий раз. Это были короткие, но значительные встречи. Постепенно прояснялась её мысль. При разговоре она не смотрела прямо в глаза человеку, только изредка вы чувствовали острый взгляд её серых глаз. В другой беседе она говорила о Бреннере, не о содержании его творчества, а о его идеологии. Из современных ивритских писателей она выделила Двору Барон, сказав, что воспитывалась на её книгах. После долгих переговоров Элишева согласилась давать обзоры английской литературы в газету "Давар ха-поэлет". Только на этих условиях она приняла материальную помощь от профсоюза»*[14].

Самочувствие у неё было плохое, и газета предложила поехать в Тверию подлечиться и поработать. Она это предложение приняла, так как после Тверии хотела поехать в Англию к дочери, на родину

---

[13] *Фридлендер Н.* Ха-Гиюрат ха-Леуммит (Национальная чужестранка) // Маарив. 14.5.1975.

[14] Там же.

своей матери. В Тверии Элишеве стало хуже, и она попала в больницу. Там она подружилась с медсестрой, знавшей русский, и просила её говорить с ней на русском языке. Таким образом, она как бы вернулась к своим корням. Умерла Элишева в больнице. Похороны были грустные. У могилы читали её стихи. Было много цветов. Израиль прощался со своей национальной поэтессой Элишевой – Елизаветой Ивановной Жирковой. Похоронили Элишеву на старом, тенистом кладбище Тверии, рядом с могилой поэтессы Рахель. Теперь там же покоится Номи Шемер, недавно ушедшая из жизни, автор многих любимых израильтянами, да и не только ими, песен, – в их числе «Золотой Иерусалим».

Прошли многие годы. Имя Элишевы вошло в классическую ивритскую литературу. В статье «Гиурат А-Леуммит» («Национальная чужестранка») автор Нили Фридландер пишет: *«Шавуот также праздник Мегиллат Рут, женщин, прошедших гиюр. Это тот случай, когда надо вспомнить поэтессу Элишеву, которая в 20-е годы была большим чудом в еврейском народе. Ее называли Первая национальная чужестранка. Относились к ней как к необыкновенному явлению природы... русская женщина, полюбившая чужой язык и писавшая на нём лирические короткие простые стихи с душой еврейской. Стихи любовные, безадресные, а также посвящённые Киннерету»*[15]. Возможно, это случай, а возможно, нет, что Элишева умерла в Тверии и похоронена над озером Киннерет, воспетом ею в стихах. В газете «Доар ха-иом» («Ежедневная почта») доктор Иосеф Клаузнер писал, что Элишева была единственная поэтесса, которая так чувствовала иврит. «Лирические стихи Элишевы, Рут с Волжских берегов, казалось бы, чужой, стали нашими в полном смысле слова»[16]. На её памятнике скромная надпись: ПОЭТЕССА ЭЛИШЕВА и даты.

Рав Цви Гаркави утверждает, что «она никогда не принимала гиюр и сама не говорила об этом...»[17] Совершенно неважно, принимала ли гиюр или нет ивритская поэтесса Элишева – Жиркова Елизавета Ивановна, – факт тот, что она вплела замечательный бисер в венок израильской поэзии. Ее стихи положены на музыку композиторами Й.Энгелем и Д.Самборским. Вечная

---

[15] Там же

[16] *Цит. по:* Элишева у бита: Михтавим лемаарехет (Элишева и ее дочь: Письма в редакцию) // Маарив. 16.7.1971.

[17] *Лазар Д.* Бат Элишева авуда: дапим ми тох ха-пинкас. (Потерянная Элишева: Страницы из записной книжки) // Маарив. 2.7.1971.

благодарность ей от народа, чьи беды и чаяния она разделяла всю свою жизнь. Строки из ее стихотворения «Эрец-Исраэль» могли бы быть начертаны на её памятнике:

Страна Израиля, страна Господня!
Мы совершили свой святой обет:
Не «на грядущий год», – нет, мы сегодня
В полях твоих встречаем твой расцвет.

Памятник на могиле Элишевы

Литература

1. *Р.М.* Ционим (Сионисты) // Давар. 13.12.1937.
2. *Матим Р.* Элишева // Баркаи. Май 1949.
3. *М.Аг.Ф.* Рут ми гдут ха-Волга (Рут с волжских берегов): Шана лемавет Элишева (Годовщина смерти Элишевы) // Давар ха-поэлет, июнь 1964.
4. *Сорокер Я.* «Говорят, есть такая страна» (Йоэль Энгель) // *ЕВКРЗ.* Т.2. Иерусалим, 1993. С.374-391.
5. *Шеба Ш. (Шехайя)* Елизавета Ивановна Жиркова // Давар ха-Шавуа. Май, 1964.
6. Элишева // Ха-энциклопедиа ха-иврит. Тель-Авив. Т.3. Стлб.585.

Давид Тидхар – воплощение сионистского мифа?

Зоя Копельман (Иерусалим)

Давид Тидхар

Он появился на свет на Земле Израиля, в семье «олим хадашим»[1] и, похоже, стал образцовым саброй, последовательно воплотившим в себе неясные мечты отцов-основателей ишува о будущем поколении евреев, взращенных на обретенной родине. Крепкий и спортивный, в рукопашной схватке убивавший врага, свободно владевший ивритом, арабским и английским (не считая унаследованного идиша), умевший ладить со своими и чужими, вызывавший уважение людей разных взглядов и политических платформ, он обладал однозначно еврейским самосознанием и, тем не менее, довольно рано выбрал для себя круг, стоящий вне каких-либо национальных и религиозных дефиниций, а именно – масонскую ложу. Почему?.. Но об этом чуть позже.

Давид Тидхар родился 6 июля 1897 года в еврейском квартале Неве-Шалом на окраине Яффы. Его родители, Моше Бецалель Тодрасович и его жена Эстер, в девичестве Нюрнберг, приехали на Святую Землю в 1891 году в надежде, что, поменяв место, обретут счастье. Эта благочестивая пара все еще не имела наследников, похоронив на родине, в местечке неподалеку от Гродно, пятерых детей. Родившийся тут Давид так и остался их единственным ребенком, поскольку появившаяся позже девочка тоже умерла. Образование Давид получил в Талмуд-Торе – «Ша'арей Тора», основанной

[1] Олим хадашим (иврит) – новые репатрианты.

в Неве-Шалом его отцом религиозной школе, которую р. Моше Бецалель поддерживал до конца своей жизни. Однако Давид не проявлял ни религиозного рвения, ни должного прилежания. Его, как он признавался, влекли простор и подвижные игры. Видя, что талмудистом он не станет, родители погоревали-погоревали и отдали его учеником в яффскую аптеку «Шахор и К°».

И если родители Давида принадлежали к «старому ишуву», то их неутомимый сын стал одним из ярчайших представителей первого поколения уроженцев Земли Израиля, или, как их называли, *сабр*. Идеальный сабра замышлялся российскими колонистами первых трех волн *алии* как гармоничный образ, списанный с некоего умозрительного портрета, и должен был отличаться физической силой и умением постоять за себя с оружием в руках[2]. Этому идеалу, как уже было сказано, Давид Тидхар отвечал вполне. Вместе с другом детства Иосефом Иекутиэли он стал инициатором создания молодежной футбольной команды «Маккаби», в которой играли подростки Яффы и совсем еще юного Тель-Авива, а потом, в 1932 году, входил в оргкомитет первой в стране Маккабиады, для которой в Тель-Авиве специально выстроили стадион. Но тогда, на заре еврейского спорта, у молодежного футбола была еще одна не совсем обычная роль. Дело в том, что в десятые годы XX века в Палестине весьма активизировалась миссионерская деятельность христиан, залучавших в свои школы еврейских детей из бедных семей, которых было более чем достаточно. Христиане сытно кормили еврейских мальчиков, обеспечивали их книгами и культурным досугом. Давид Тидхар не мог с этим мириться. Он устроил наблюдение за охранявшей школы полицией и мобилизовал взрослых, которые по его сигналу буквально выкрадывали еврейских учеников и возвращали домой, где их тут же записывали в футбольную секцию и увлекали игрой. Чтобы сильнее подогреть спортивный азарт, Тидхар организовал в Яффе еще одну футбольную команду – из арабов-христиан, так что еврейская и арабская команды состязались в товарищеских матчах.

С началом Первой мировой войны и особенно с вступлением в войну Турции ситуация в Палестине сделалась чрезвычайно тяжелой. Здесь свирепствовали произвол османской администрации,

---

[2] Интересные данные об этом идеале собраны и обобщены в статье: *Барталь И.* Казак и бедуин: новый мир национальных образов // Вестник Еврейского университета в Москве. Иерусалим–Москва, 2001. №6(24). С.263-278.

голод, усугубившийся небывалым налетом саранчи, эпидемии, разбой. Однако если верить Тидхару, евреи в тех тяжелейших условиях проявили себя с лучшей стороны, наладив систему взаимопомощи и взаимовыручки как в обеспечении едой, одеждой и кровом, так и в борьбе с безумными приказами Хасан Бея, жестокого мусульманского губернатора Яффы и Тель-Авива, ревностно стоявшего на страже интересов османского режима. Опасаясь возможной высадки в Палестине британской флотилии, Хасан Бей объявил 9 апреля 1917 года о немедленном выселении всех жителей приморской полосы. Еврейские беженцы двинулись на север, а им навстречу уже ехали из Галилеи подводы, чтобы принять и разместить бездомных в своих поселениях и киббуцах. Выселенные же арабы направились в окрестные деревни к своим сородичам. На местах с разрешения властей остались лишь еврейские отряды военизированной охраны – оберегать брошенное в домах имущество. Давид Тидхар, несмотря на османское подданство и обязательную феску на голове, вынужден был покинуть родной дом и оказался в Зихрон-Яакове. Лишь в середине ноября 1917 года вместе с английскими частями он вернулся в Яффу.

Руководство ишува знало всех евреев в мандатной администрации. Так, во главе британской разведывательной службы в Тель-Авиве стоял капитан Уолли, еврей, отпрыск семьи Монтефиори. По рекомендации Меира Дизенгофа и с помощью Уолли Давид Тидхар получил должность цензора, в задачу которого входило просматривать почтовую корреспонденцию – от газет до частных писем, – поступавшую сюда со всех концов земли, и ножницами вырезать те сведения, которые Intelligence Service считала секретными. В городе был введен комендантский час, запрещавший движение по улицам в ночные часы. Английские солдаты своевольно занимали пустующие дома, отапливали их ценной мебелью и произведениями искусства, занимались мародерством. Евреи, осевшие в годы войны в Шомроне и Галилее, пытались жаловаться на своеволие интервентов начальству, и двадцатилетний Давид Тидхар неоднократно выступал их ходатаем в имущественных спорах перед военной администрацией.

Весть о создании Еврейского Легиона распространилась в Палестине в Пурим 1918 года. Жаботинский приехал в дни праздника Песах, и в специально снятом помещении на улице Герцля, 15, в Тель-Авиве началась запись добровольцев. Излишне говорить, что Давид Тидхар был из первых. В составе Легиона он тогда впервые оказался в Каире и вообще в Египте. После объявления 31 декабря

1918 года прекращения огня между Великобританией и Турцией, солдаты Легиона вернулись в Палестину, сперва в район Лод-Рамле, а затем – в Сарафенд (Црифин). Однако Тидхар самовольно покинул базу для того, чтобы разоблачить арабскую диверсионную группу. Вот что он об этом пишет:

«Арабские политики в Яффе составили план нападения на наши поселения, находящиеся вдали от центра и армейских частей. Работавшие на еврейских садовых плантациях арабские крестьяне, у которых иврит был на слуху, получили указание отрастить пейсы и бороду, чтобы во всем походить на йеменских евреев, и были посланы на работу в еврейские поселения по всей стране. Этим "йеменцам" было поручено выведать в каждом месте численность боевой молодежи и количество оружия с тем, чтобы довести эти сведения до администрации. Тогда представители власти вместе с английскими и арабскими полицейскими явятся на места, конфискуют оружие и арестуют молодых людей. После этого путь арабским погромщикам будет открыт.

Мне стало известно об этом плане от приятеля-араба, брат которого должен был участвовать в осуществлении замысла...»[3].

Давид Тидхар и два его товарища из Еврейского легиона прибыли в еврейское поселение, где два дня назад появился новый йеменский еврей Саадья. Давид встретился с «йеменцем» и узнал его: то был молодой араб из Ришон-ле-Циона Абад Эль-Кадар. С помощью однополчан Тидхар заманил араба в конюшню и там убил. В течение последующей недели он переезжал на коне из поселения в поселение и, обнаружив где-нибудь новоиспеченного «йеменца», разделывался с ним. Казалось бы, героизм и самоотверженность – так, по крайней мере, позже оценили действия Тидхара лидер Хаганы Элияху Голомб и приславший ему свое фото с одобрительной надписью Менахем Усышкин, но Хаим Вейцман и еще кое-кто из еврейских сторонников дипломатии этих действий не одобрил.

Тидхар много пишет о наивной вере евреев в Декларацию Бальфура как в документ, обязывающий мандатные власти защищать интересы сионистов и помогать им в создании «национального очага». Сам он, однако, утверждает, что рано понял проводимую англичанами политику «разделяй и властвуй», намеренно сеявшую

---

[3] Здесь и далее я пользуюсь книгой Давида Тидхара: Be-shirut ha-moledet, 1912–1960. (На службе отечества: 1912–1960. Воспоминания, персоналии, документы и фотографии.) Тель-Авив: Йедидим, 1961–1962. С.51-52 (*иврит*).

вражду арабов к евреям. После того, как в мае 1921 года Тидхар раскрыл операцию арабской контрабанды оружием в Яффском порту и доложил о том английской полиции с требованием задержать виновных (он представил список из 13 имен), Меир Дизенгоф обратился к нему с личной просьбой расследовать деятельность арабского антиеврейского движения, в частности, нелегальный ввоз оружия. Для выполнения этого задания Давид решил поступить на службу в британскую полицию. В декабре 1921 года Тидхар по всей форме был зачислен туда офицером и вскоре, вместе с коллегами, – одним христианином и двумя мусульманами, – послан на учебу в полицейскую школу.

Давид Тидхар служил в Criminal Investigation Department, то есть в следственном отделе уголовной полиции, в Иерусалиме и вскоре был произведен в начальники полиции Иерусалима вне стен Старого города. На этом посту он пробыл до июля 1926 года. За годы полицейской службы Тидхар значительно увеличил число еврейских полицейских, наладил их ночную службу, осуществлял охрану общественного порядка и много способствовал безопасности жителей. Он отличался инициативностью и гибкостью, удивительно умел приноравливаться к обстоятельствам и действовать неожиданными методами. К его услугам обращались евреи и арабы, как рядовые жители, так и видные люди страны. Он гордился, что ему удалось отучить от пьянства и дебошей члена семьи Нашашиби, который со временем стал главой муниципалитета. Разными хитростями он помогал раву Куку бороться за соблюдение шабата и кашрута в Иерусалиме. Он вызволял из рук миссионеров еврейских детей, искоренял проституцию, помогал организовывать благотворительные столовые, расследовал исчезновение отдельных лиц и наказывал виновных. И, конечно, старался предупреждать акции насилия со стороны арабов, а также помогал освоиться прибывавшим в страну евреям и доказывал английским иммиграционным службам, что приезд евреев экономически выгоден.

Опыт своей службы Давид Тидхар увлекательно изложил в книге «Преступники и преступления в Стране Израиля». Он выпустил ее на собственные средства в 1924 году[4] и разослал в подарок многим видным деятелям, с которыми был знаком. Чудно написал об этой книге Хаим Нахман Бялик, письмо которого редактору идишской газеты «Морген журнал» в Нью-Йорке Яакову Фишману

[4] *Tidhar D.* Hot'im ve-hataim be-Erets-Israel. 1924. Книга была также переведена на английский, а потом и на арабский языки без участия автора.

от 15 швата 1927 года Тидхар воспроизвел в мемуарах факсимильно. Там есть такие строки:

«Милый друг Я.Фишман, сегодня Ту-би-шват, и я знаю, что вы не такой уж плохой еврей, а потому мы шлем вам от плодов земли нашей, плод истинно добрый, вот уж вправду "от тука земли", – чудесного молодого человека, настоящее сокровище. И вот как он зовется у нас: Тидхар, это вид дерева[5]*, на нашем святом языке, разумеется. Человек весьма известный в наших краях, голова городской полиции Нового Иерусалима. Много отважного и важного сделано им на пользу общества. Он наделен особыми талантами, ни на что не похожими, и заслужил себе славу на родине – от Дана до Беэр-Шевы – своими грозными и доблестными деяниями. Будучи великим знатоком во всем, что касается "преступного мира" в Стране Израиля, и отважным полицейским, он сумел собрать богатейший и разнообразнейший материал о преступлениях и преступниках и опубликовал его в маленькой, замечательной книжечке "Преступники и преступления в Стране Израиля". Книга эта уже разошлась и теперь лишь передается из рук в руки. Она произвела много шуму. Это не просто увлекательная экзотическая книжица, это книга, написанная умно, изящно и содержательно. Кратко и емко. Она захватывает тебя с самого начала и не позволяет оторваться до последней страницы...»*[6].

Далее в письме Бялик рекомендует Фишману немедленно перевести книгу Тидхара на английский и издать в США, успех книги, как он считает, гарантирован.

Тем не менее, Тидхар все острее ощущал, что ему не дают развернуться в полную силу, не дают ни людей, ни бюджета. Он стал тяготиться своей службой и весной 1926 года подал в отставку. Сняв полицейскую форму, Давид Тидхар в июне того же года открыл в Тель-Авиве первое в Палестине «Частное сыскное и информационное бюро». Он предполагал, что его клиентами станут торговые фирмы и банки, заинтересованные в сведениях о платежеспособности граждан, однако ими дело не ограничилось: к нему обращались также в поисках пропавших родных, при имущественных и семейных тяжбах. Бывали и из ряда вон выходящие случаи. Например, однажды ему довелось разоблачить провокатора, выдававшего себя за полномочного арабского лидера. Этот мнимый

---

[5] Явор.

[6] На службе отечества. С.106. При переводе с иврита я старалась сохранить неповторимый эпистолярный стиль поэта.

арабский вождь под предлогом заключения политического союза между евреями и арабами собирался встретиться с Зеэвом Жаботинским, проживавшим тогда у сестры в Тель-Авиве, на улице Бальфур, 3. Благодаря усилиям Тидхара встреча не состоялась, и Жаботинский был уверен, что Тидхар спас ему жизнь.

Совестливость и принципиальность Тидхара иногда оборачивались против него. Когда глава мандатной полиции собирался провести ряд мер, еще более ущемлявших права еврейских полицейских, Тидхар выступил с развернутым заявлением протеста на страницах еженедельника «Ха-ишув». По следам этой публикации против него было возбуждено дело, и он предпочел избежать суда и уехать за границу, оставив дома любимую жену и полугодовалую дочку. Так в 1928 году Давид Тидхар вторично оказался в Каире.

Он прибыл в столицу Египта почти без средств и должен был позаботиться о заработке, поэтому счел естественным предложить свои услуги политической полиции, и его незамедлительно приняли на службу. Более того, вопреки ожиданиям, из иерусалимской полиции пришли самые положительные рекомендации. Так Давид Тидхар стал цензурировать поступавшую в Египет корреспонденцию на идиш и иврите с целью предотвращения торговли наркотиками и прочих противозаконных действий.

Служба была необременительной, и у Тидхара хватало времени ознакомиться с деятельностью еврейских организаций в Каире. Он принял живейшее участие в создании в 1928 году ивритского клуба для пробуждения еврейской самоидентификации путем изучения иврита, проведения лекций и вечеров культуры – аналога нынешних израильских культурных центров в диаспоре. Тидхар снял квартиру рядом с клубом и основную часть организационной работы взял на себя. Когда как-то раз в клубе появились тайные агенты полиции, подозревавшие, что там царит дух коммунизма, Тидхар позвонил в полицейское управление и открыто заявил, что если его можно счесть «большевиком», то и впрямь полицейское присутствие в клубе необходимо. Так, благодаря Тидхару, клуб был официально признан легальной еврейской общественной организацией в Каире. Подобных историй можно привести множество.

По просьбе друга детства, заядлого футболиста Иосефа Иекутиэля Тидхар связался с местными спортсменами и добился приглашения еврейского «Маккаби» из Палестины. К сожалению, матч наши футболисты проиграли, отчасти по вине погоды и почти полного отсутствия болельщиков, отчасти из-за недостаточного мастерства.

Связь Тидхара с родиной не ослабевала и в Каире. Когда 23 августа 1929 года в Иерусалиме арабы напали на молящихся у Стены Плача, Тидхар тут же послал телеграмму своему бывшему шефу, начальнику мандатной полиции майору Сондерсу, с предложением своих услуг. Однако вмешательство Тидхара было вежливо отклонено. Он не успокоился и счел нужным отправить в Иерусалим план действий, которые, по его глубокому убеждению, следовало предпринять, чтобы остановить кровопролитие, но и это его предложение было положено под сукно. А Тидхар не унимался. Он звонил в Палестину и после бесед с лидерами нового ишува – телефонные разговоры тогда цензуре не подлежали – сообщал, опять же по телефону, свежие новости и точные подробности происходящего там представителям прессы и общественности в Европе, в первую очередь в Лондоне. Нелишне заметить, что все расходы на эти звонки, телеграммы, поездки и прочее Тидхар оплачивал из собственного кармана, – такой это был человек.

Давид Тидхар обладал незаурядным политическим чутьем, он многократно раскрывал закулисные сговоры противников сионизма, их диверсионные планы, публично разоблачал клевету, и его своевременное вмешательство помогло избежать многих конфликтов и предотвратило не один терракт. Будучи в Египте он, как мог, препятствовал антисионистской пропаганде Иерусалимского муфтия Хадж Амина, срывал подготовляемые его агентами незаконные антиеврейские демонстрации и митинги. Одновременно он публиковал аналитические статьи о жизни в Стране Израиля, критикуя недостатки и внося свои предложения по их устранению. Почти все эти статьи публиковались в выходившей в Палестине ивритской газете «Доар ха-йом», которую в те годы (1928–1931) редактировал Жаботинский.

Интересна также роль Тидхара в создании Тель-авивского музея искусств. Как известно, основал этот музей Меир Дизенгоф, который считал его своим последним детищем и после смерти жены (детей у супругов не было) отдал музею свой дом. Дизенгоф обратился к проживавшему в Каире Тидхару с просьбой найти спонсоров для музея, а заодно поискать для него возможные экспонаты. Тидхар энергично взялся за дело. Довольно быстро он нашел в Египте целую группу людей, готовых регулярно помогать музею деньгами. Вот что Тидхар рассказал о своем участии в создании музея:

«Я посещал известных художников и любителей искусства и приобрел у них несколько картин. Я постоянно переписывался с

Дизенгофом и сообщал ему, у кого находятся ценные произведения живописи. Тогда он посылал через меня этим лицам письменные просьбы пожертвовать что-нибудь тель-авивскому музею.

Но как-то раз я прибегнул к другой тактике. В Каире был еврейский женский клуб, где некогда собирались богатые дамы. Там на стенах висели картины кисти еврейских художников – подарки членов клуба. Теперь клуб стоял пустой, посетителей почти не было. По совету одной сочувствовавшей сионизму дамы я попросту "снял" со стен несколько картин и переправил их в музей. Я также собирал экспонаты для музейного отдела древностей и был его первым попечителем. Моя помощь радовала Дизенгофа и поощряла его на новые шаги для обеспечения этого своего проекта» [7].

В 1932 году Давид Тидхар вернулся в Палестину: участившиеся там нападения арабов и недружелюбная к евреям политика англичан вынуждали быть поближе к месту событий. Его «Частное сыскное и информационное бюро» снова распахнуло двери всем, кто нуждался в помощи. Вскоре к Тидхару обратился его приятель, талантливый журналист Шломо Бен-Исраэль (Гельфер) и предложил вместе издавать «детективную библиотеку». Он хотел, чтобы изложенные в занимательной форме эпизоды из полицейской и частной практики Тидхара пробуждали в молодежи бдительность и внимание к тому, что творится вокруг, учили их добру и справедливости. Так возникла серия «Ха-балаш» («Детектив») – небольшие книжечки, на обложке которых в качестве издательской марки неизменно помещался в верхнем правом углу портрет Тидхара. Всего в серии вышло 28 книжек, тексты которых были написаны Бен-Исраэлем по материалам, предоставленным Тидхаром. Появление этой серии вызвало острые споры в читательских кругах ишува. Но еще прежде их предвидел поэт Авигдор Хамеири, которого Давид Тидхар попросил написать предисловие к первому выпуску. Хотелось бы привести письмо Хамеири как свидетельство культурной ситуации в еврейской Палестине в начале 30-х годов:

«Редактору библиотеки "Детектив",

Тель-Авив

В ответ на вашу просьбу написать нечто вроде предисловия к библиотеке "Детектив", которую вы собираетесь издавать, заявляю: я ни на миг не усомнился в значимости подобной серии на иврите и на Земле Израиля. Я особенно подчеркиваю эти два обстоятельства: иврит и Земля Израиля, и вот почему.

---

[7] На службе отечества. С. 222.

1. Знаю я нашу компанию – эстетов всех мастей, которые при виде таких книжек станут воротить свой еврейский нос: что это, мол, за "Нат Пинкертон"; а там и протестовать начнут: "литературщина, безвкусица, дурное влияние на молодежь".

А я вам скажу, что именно на иврите подобная библиотечка вовсе не будет лишней. Настала пора, чтобы иврит скинул свои священнические облачения и сделался наконец языком будней. Для нас особенно насущны книжки малого объема и большой занимательности, которые читатель бы проглотил, как первый весенний плод, а после прочтения – выплюнул и попросил еще. Не книжки, полные скучнейших псевдопсихологических проблем и дотошных описаний мельчайших выражений чьего-то лица, где найдешь все, кроме главного – увлекательной истории. Нам нужны книжки как раз противоположного сорта, где был бы интересный рассказ, где главное – фабула, происшествие, случай. И если там будет недоставать литературных изысков, что ж – там будет заложена основа того желанного синтеза, где пространные описания нанизаны на динамично развивающийся сюжет, без которого, по сути говоря, нет порядочной литературы.

И это потребно нам именно на иврите.

2. Библиотека "Детектив" нужна нам именно здесь, на Земле Израиля, и не только из-за языка. Здесь, на этой земле, иврит превращается ныне из языка для зрения в язык для слуха, то есть в истинно живой язык. Но дело не только в этом. Дело в том, что убогая наша жизнь тут все более убеждает нас, что мы обитаем в допотопных человеческих джунглях, где убивают и насилуют женщин и детей, как ни в одной цивилизованной стране. В то же время мы на собственном опыте убедились, что наше общество в Палестине и в самом деле уникально, поскольку лишено какой бы то ни было защиты, – ее нет ни со стороны правительства, ни в виде вооруженной самообороны. Во всем мире принято, что если власти не в состоянии обеспечить безопасность какого-то населенного пункта, они передают дело защиты в руки местных граждан. А мы отданы в руки случая.

И поэтому вовсе нелишне просветить наших соплеменников и познакомить их с профессией детектива, чтобы они умели помочь полиции выйти на след преступников...

Правда, вы должны принять во внимание, что издание подобной библиотеки может обернуться против вас и оказаться бульварщиной. Однако важно следующее: сами по себе детективный сюжет и отсутствие психологических нюансов еще не означают

литературы низкого пошиба. "Шунд"[8] *появляется там, где авторы переходят границы морали и скатываются к порнографии, заменяющей эротику, и к ужасам и зверствам ради них самих.*

Даже самый строгий литературный критик не назовет рассказы Конан Дойла о Шерлоке Холмсе бульварщиной. И любовная линия, и захватывающий сюжет не должны заслонять главного: как бы исхитриться, чтобы и преступника обнаружить, и снять подозрение с невинных людей. А для этого необходим сыщик, обладающий высокими моральными качествами.

И в этой связи я не могу не одобрить выбора имени для вашего детектива – Давид Тидхар. Давид Тидхар давно известен как блестящий еврейский сыщик, тщательный и неутомимый, как никто, а что касается его высоко морального облика, – свидетельством тому немалое число раскрытых Тидхаром дел, гордиться которыми был бы рад всякий детектив в любой стране мира.

И если этими соображениями вы неизменно будете руководствоваться при издании книг своей новой серии "Детектив", награда не заставит себя ждать, и ваше предприятие окупится во всех отношениях.

Тель-Авив, 1931.

Авигдор Хамеири».[9]

И действительно, многие высоколобые интеллигенты пренебрежительно отнеслись к библиотеке «Детектива», но массовый читатель не заставил себя просить. Десятки тысяч экземпляров раскупались почти мгновенно, и у ивритской книги появились новые читатели, которые прежде читали только на других языках. Книжки «Детектив» с портретом Тидхара на обложке выходили раз в неделю – эти двадцать восемь выпусков приучили многих сионистов регулярно читать на иврите. Однако небывалая популярность «еврейского сыщика» сделалась ему в тягость, ведь толпы школьников осаждали его дом и контору, бежали за ним по улице. Выпуск серии решено было прекратить.

Давид Тидхар располагал огромной информацией о жизни и жителях ишува, что побуждало его выпускать брошюры и книги к всевозможным юбилейным и памятным датам. Примечательны в

---

[8] Бульварщина (*идиш*).

[9] Там же. С.235-237. Убежденным сторонником ивритского детектива был Зеэв Жаботинский, позиция которого в этом вопросе была близка позиции Хамеири. Нелишне напомнить, что Жаботинский, сидя в тюрьме в Акко, начал переводить на иврит один из рассказов о Шерлоке Холмсе.

этом отношении книжка исторических сведений и фотографий ветеранов ишува «В былые дни»[10] или составленный Давидом Тидхаром и Иосефом Иекутиэли «Альбом ха-Маккаби: Яффа-Тель-Авив 1906–1956» об истории еврейского спортивного клуба.

К подобного рода изданиям относится и книга «Книга братьев: 60 лет с основания ложи "Баркай"[11]». Тидхар кратко повествует об истории возникновения масонской ложи в Палестине, о ее идейной платформе и приводит полный список масонов Земли Израиля: евреев, арабов, армян, греков и немцев, с указанием их занятий и года вступления в ложу[12]. Сам Тидхар был посвящен в масоны в 1926 году. Здесь мне хочется привести кредо масонов Земли Израиля:

«Единственный способ понять суть движения вольных каменщиков – это читать его книги, изучать его историю и уставы, вникнуть в его символику и звания и все более углубленно исследовать его деятельность.

Движение вольных каменщиков призывает всех людей собраться за столом братства, учиться понимать своего ближнего и вместе работать во имя счастья и совершенства человечества.

---

[10] *Тидхар Д.* Ба-ямим ха-хэм: ла-пгиша ха-хагигит шель ватикей Яффа-Тель-Авив бе-малон «Шаратон» бе-Тель-Авив ве-зихронот ватикав ад шнат 1914 (В былые дни: к праздничной встрече ветеранов Яффы и Тель-Авива в отеле «Шаратон» и их воспоминания о событиях до 1914 года). 1961.

[11] *Тидхар Д.* Сефер ха-ахим. 60 шана ле-хивасда шель ха-лишка. Тель-Авив, 1966. Баркай (*иврит*) – первый свет утренней зари. Это слово, заимствованное из талмудического описания Храмовой службы в Судный день (Йома, 28б), предложил взять названием масонской ложи один из «братьев», билуец Йосеф Фейнберг.

[12] Так можно узнать, что первая ложа – она называлась «Врата Соломонова Храма» («Le Port du Temple de Salomon») – была создана в Яффе в 1891 году французскими инженерами-масонами, приехавшими строить железную дорогу Яффа-Иерусалим. В 1904 году ложа перестала существовать, а в 1906 была создана вновь как филиал египетской организации масонов. В 1933 году стала «Национальной великой палестинской ложей» и въехала в новое здание в Иерусалиме (на углу улиц Яффо и Валенберга), а 10.10.1953 – «Великой ложей Государства Израиль» (главное управление Тель-Авив, ул. Вайцмана, 5), суверенной масонской ложей, признанной во всем мире. Седьмым президентом палестинской ложи был известный лингвист и филолог Давид Елин, среди «братьев» – поэт Яков Каган, гебраист и археолог Нахум Слущ, деятели образования, банкиры, адвокаты, врачи, фармацевты, инженеры и проч.; немало евреев из России.

Движение вольных каменщиков объединяет своих членов в ложи с целью обрести навык общинной жизни на принципах самой высокой нравственности и воспитать себя в духе свободы, равенства и братства, терпимости и взаимопонимания, уважения к себе и к окружающим – все это ради того, чтобы затем прививать эти принципы и ценности всему человечеству.

Движение вольных каменщиков призывает нас познать все доброе и нравственное, все прекрасное и благородное, что оставили нам в наследство прошлые поколения всех наций и языков, с тем, чтобы мы могли усвоить себе самое широкое мировоззрение, не стесненное национальными, классовыми или религиозными оковами.

Движение вольных каменщиков учит нас науке взаимопонимания между людьми; истина и справедливость – его путеводная звезда, братство и любовь – его цель.

Движение вольных каменщиков верит, что единственный путь для человека, желающего подняться на уровень понимания человечества, лежит через любовь к своей семье, своему окружению, народу, стране, а совершенство человечества наступит лишь, когда установится гармония между индивидуумом и коллективом.

אנציקלופדיה
לחקרי חישוב ובניין
דמויות ותמונות
כרך ראשון
המערכת: ת. ד. 475 (טלפון 2283) תל-אביב

Обложка первого тома Энциклопедии Тидхара

Единственные средства в достижении всего этого – образование, преподавание и наставничество»[1].

Во все годы британского мандата Давид Тидхар поддерживал связь с английской разведывательной службой в Палестине, был кем-то вроде ее внештатного сотрудника. С одной стороны, он делился с ней информацией, а с другой – поставлял полученные оттуда сведения еврейским боевым организациям, таким как Лехи (Лохамей херут

[1] Сефер ха-ахим. С.9.

Исраэль) и ее лидеру Яиру (Аврааму Штерну)[14], с которым познакомился в 1940 году. Тидхар использовал свои знакомства для добывания денег для Лехи, сводил членов организации с нужными людьми, содействовал пропаганде ее идей и вербовки новых товарищей. Не один раз благодаря дружбе с офицерами Intelligence Service Тидхару удалось предупредить аресты бойцов Хаганы, Эцель, Лехи. А накануне «черной субботы» (29.6.1946) – дня, когда англичане отлавливали в Тель-Авиве всех, подозреваемых в участии в еврейском подполье, Тидхар запасся «охранной грамотой» от Intelligence Service, освобождающей его дом и архив от обысков. Эта «грамота» позволила ему не только сохранить в целости многочисленные бумаги, но и прятать от посторонних глаз важные для подпольщиков документы.

И еще одну службу сослужил Тидхар бойцам Хаганы – предоставлял им номера автомобилей и мотоциклов британской разведки. Для этого он взял привычку приглашать служивших там офицеров к себе домой, на дружескую пирушку. В целях конспирации англичане парковали свои машины не у дома еврея, которого навещали, а поодаль. Пока они проводили время у Тидхара, его тринадцатилетний сынишка обходил соседние улицы и переулки, переписывал номера стоящих там машин и, не откладывая, передавал их запиской или по телефону кому-нибудь из Хаганы, а уж те затем отслеживали маршрут интересующего их средства транспорта и таким образом узнавали, где живут тайные агенты и осведомители англичан.

Деятельность Давида Тидхара не всегда была связана с расследованиями и опасностью. Он участвовал в создании многих союзов и организаций и, как правило, заботился о том, чтобы члены их не забывали о регулярных взносах, необходимых для полноценной деятельности этих объединений. Мне особенно хочется отметить его участие в создании «Дома Зеэва Жаботинского», поскольку в этом эпизоде, одном из многих подобных, ярко проявляется своеобразие его личности. Вскоре после смерти Жаботинско-

---

[14] Интересно, что Яир, оказавшись в Польше в затруднительном финансовом положении, заработал на том, что перевел на идиш книжку из серии «Детектив», которую назвал «Эрец-исраэльский Шерлок Холмс – Давид Тидхар». Книжка тут же была распродана. См. об этом: *Я.Вейншал.* Ха-дам ашер бе-саф… (Кровь на пороге: история жизни и смерти Яира – Авраама Штерна). Тель-Авив: Яир, 1978. С.27.

го, в сентябре 1940 года[15] Тидхар был приглашен на торжественное собрание, где после многих речей было предложено создать мемориал ушедшего сионистского лидера и тут же собрать деньги на «кирпичи» для будущего «дома». Реакция многих присутствующих была одна – поскорей незаметно покинуть зал собрания. Однако Тидхар и тут повел себя неординарным образом: он рванулся к двери, запер ее на ключ и сунул ключ в карман. После этого, как ни в чем не бывало, он подошел к президиуму и заявил, что, не будучи владельцем собственного дома или дела, приносящего большие прибыли, он тут же на месте дает «2000 кирпичей». Пристыженные люди начали раскошеливаться, и в результате была собрана значительная сумма денег. И архив Жаботинского, пока не был построен тот самый «дом», несколько лет помещался в специальном кабинете «Сыскного бюро» Тидхара – два железных шкафа и 60 фотоальбомов, сделанных по его спецзаказу. Этот архив был немедленно им систематизирован и каталогизирован – деталь вроде бы маленькая, но свидетельствует об отношении человека к делу вообще и к истории сионизма в частности.

Много добрых поступков украшают биографию Давида Тидхара, – собранные им книги, документы и информацию в разное время он подарил архивам и хранилищам страны. Оставленные Тидхаром мемуары изобилуют фотографиями, факсимиле, ценнейшими сведениями. Создается впечатление, что он знал всех, и все знали его. И именно поэтому поистине бесценной для историка ишува является девятнадцатитомная «Энциклопедия пионеров ишува и его строителей: люди и фотопортреты»[16], которую Тидхар составлял и издавал с 1947 по 1970 год в созданном с этой целью собственном издательстве.

Впервые Тидхар подумал о том, что нельзя, чтобы люди, отдавшие жизнь и труд ишуву, не оставили по себе ни записок, ни фотокарточки и бесследно ушли из памяти потомков. Еще в 1939 году, когда в Иерусалиме было основано «Объединение представителей ишува на Земле Израиля», в рамках участия в «Объединении» он подготовил и издал 10 брошюр о первых евреях-

---

[15] Жаботинский умер 4.8.1940 в Нью-Йорке. На следующий же день Тидхар отослал письмо мэру Тель-Авива с предложением переименовать улицу Ха-Яркон в улицу Жаботинского, муниципалитет переименовывать улицу не стал, а дал имя Жаботинского другой улице, которая носит ее и поныне.

[16] *Тидхар Д.* Энциклопедия ле-халуцей ха-ишув у-вонав: дмуйот ветмунот. 1947–1971.

переселенцах[17]. В 1946 году он решил вернуться к начатому делу на более серьезной и фундаментальной основе – составить и издать 10-томную энциклопедию. Он видел в своем воображении будущих историков, писателей и поэтов, которые черпают сведения о людях страны в его энциклопедии. С одной стороны, он чувствовал великую ответственность, принимаясь за дело в одиночку, с другой – понимал, что время работает против него: люди умирают, бумаги исчезают, неточности о недавнем прошлом все чаще и чаще проникают в книги и газеты. А тут еще жизнь в ишуве была после войны и Катастрофы столь напряженной, что внимание к текущему моменту отодвигало прошлое на второй, если не на третий план. Надо было спешить.

Тидхар решил не следовать примеру известных ему энциклопедий, не сокращать статьи, не опускать бытовые, личные, психологические детали, не пользоваться сокращениями, а сделать книгу как можно более полной и удобной для чтения. Он также счел нужным указывать имена и род занятий детей тех, о ком писал, благодаря чему мне, например, удалось переговорить с некоторыми потомками интересовавших меня людей. И еще: он не стал откладывать издание до окончания сбора материала, а начал публиковать тома по мере их комплектования. Статьи в его «Энциклопедии пионеров ишува» расположены не по алфавиту, зато все тома объединены сквозной пагинацией, и в каждом томе есть алфавитный указатель имен с отсылкой к соответствующему тому и странице.

Для сбора материала Тидхар составил и разослал тысячи анкет, которые по его просьбе заполняли сами интересовавшие его персонажи или их потомки. Он объехал все кладбища с целью выверки дат и написания имен, прочел все книги по истории ишува, а также собрал записи множества личных бесед (пусть мертвые покоятся с миром, а живые – живут). Он придумал свой способ каталогизации данных, внесения дополнительных деталей, исполнения клише для фотографий. Полученные сведения приходилось тщательно проверять. Женщины часто меняли год своего рождения, и его приходилось определять косвенным образом, литераторы завышали количество экземпляров выпущенных ими книг, многие приписывали себе знакомство с великими людьми.

Внимания Тидхара удостаивались не только знаменитости, но – по возможности – всякий, кто физическим или интеллектуальным

---

[17] *Тидхар Д.* Сифрият ришоним (Библиотека пионеров). Тель-Авив, 1942. Вып. 1–10.

трудом внес свою лепту в создание «национального очага», а потом и еврейского государства. С целью отразить дела религиозных поселенцев Цфата, Иерусалима, Хеврона, Тидхар разыскивал их потомков в США и столкнулся с тем, что отнюдь не все американизировавшиеся евреи были счастливы увидеть своих дедов и прадедов в одиозной одежде, в высоких меховых шапках, с бородами и пейсами. И покупать тома «Энциклопедии» они, несмотря на достаток, тоже не спешили.

Вообще, не все восприняли выход томов «Энциклопедии» одобрительно. Кто-то был недоволен мерой славы, отпущенной ему или его близким, кто-то требовал гонорара или бесплатные экземпляры за предоставленные сведения. И в прессе, и на улице Тидхар порой подвергался нападкам «обиженных», однако благодарности и поддержку он получил гораздо больше.

Задуманных десяти томов не хватило, и Давид Тидхар довел свою «Энциклопедию» до 19 томов – работу над ней оборвала смерть в конце 1970 года. Когда-то эти красивые емкие книжки стояли во всех районных библиотеках Иерусалима, а лет 10–13 назад их стали списывать за невостребованностью. И в самом деле: чтобы книга была востребована, о ее существовании нужно хотя бы знать, а ведь даже в курсе библиографии на кафедре ивритской литературы Еврейского университета этот труд Тидхара не упомянули.

У Давида Тидхара было двое детей, тоже вполне героических: сын Моше Бецалель, названный в честь деда, стал бойцом Хаганы и в годы Войны за Независимость летал на бомбардировщике; дочь Эстер, названная в честь бабушки, состояла в Лехи и служила связной между отцом и подпольщиками.

Подводя итог биографии этого удивительного человека, хочется понять его отношение к строящемуся государству. Мне кажется, что именно осведомленность Тидхара, знание им теневых сторон сионистской действительности, с одной стороны, и высокие этические идеалы, которые он воспринял у своих набожных родителей и сохранил на всю жизнь, несмотря на полный отход от религии, с другой, поставили его в своеобразную изоляцию и привели к масонам. Этот глубинный индивидуализм и верность самому себе сочетались в нем с чувством причастности к истории своего народа, и потому многие годы и силы он отдал увековечению памяти строителей сионистского государства.

Его жизненная позиция напоминает мне жизненные позиции других одиночек, таких, например, как Шмуэль Иосеф Агнон, ко-

торого бранили за то, что ходит молиться в разные синагоги, не связывая себе ни с одной окончательно. Ведь и Агнон, живя здесь, на Земле Израиля, переписывал по-своему прекрасные предания о Беште и о евреях любезной ему и уже ставшей историей Галиции. Видимо, каждый участник общего созидания, – если он является неординарной творческой личностью, – стоит несколько особняком: его жизненный вклад заслуживает отдельного изучения, а оценка требует индивидуальных критериев.

Послесловие

Впервые в издании «Русское еврейство в Зарубежье» рассказывается о человеке, родившемся в семье новых репатриантов.

Кто же такие российские евреи на Земле Израиля? Только ли те, кто приехал сюда уже сформировавшимся человеком, или даже те, кого привезли еще совсем ребенком? А может быть, и тот, кто родился здесь, но был воспитан в русле усвоенных в России семейных традиций? Или в отречении от этих традиций, но с непрестанной думой о них и их цене? В семьях, только начинавших пускать корни на земле Израиля, дети слышали русский язык. Иногда на нем говорили, когда хотели что-то скрыть, но дети быстро схватывают язык и научились понимать его. Они засыпали под русские колыбельные песни, в домах было русское меню, и Пушкина им читали по-русски.

Вот, как рассказывал об этом израильский художник Нахум Гутман: *«в маленьком Тель-Авиве моего детства говорили в основном по-русски, поэтому даже дети сабры знали несколько слов на этом языке. Я приехал в страну семи лет, не умея ни читать не писать. И я, и мои одноклассники научились читать по-русски здесь, – чтобы познакомиться с произведениями мировой литературы. Переводов классики на иврит было тогда еще мало, и дешевые книжки серии "Универсальная библиотека" русского издательства "Польза" приобщали нас к европейской культуре»*[18]. И как не прислушаться к словам уроженца Австро-Венгрии Агнона, который полушутливо, полувсерьез объяснял свой отъезд из Палестины в 1912 году так: *«большинство имевшихся в Стране Израи-*

[18] *Гутман Н., Э.Бен-Эзер.* Меж песками и небесной синью. Иерусалим: Библиотека–Алия, 1990. С.71.

левой книг по-русски написаны были, я же не знаю русского языка, а на немецком в Стране Израилевой книг не было»[19].

Эти дети выросли сабрами, которых впоследствии называли *«Солью земли»*. Они научились пахать землю, защищать ее и иногда за нее умирать. Иврит стал их родным языком, но от родителей они усвоили умение работать, ответственность за порученное дело, любовь к книге, желание учиться. Так что приходится сделать вывод, что целое поколение родившихся в Палестине выходцев из России так и осталось российскими евреями, несмотря на раскованность и ближневосточный загар и то новое, что они здесь создавали. А главным вкладом их родителей в возрождение Страны можно считать детей, родившихся уже на этой суровой земле.

---

[19] *Агнон Ш.Й.* Йосеф Хаим Бреннер бе-хайав у-ве-мото (Й.Х.Бреннер в жизни и в смерти) // Молад. Т.19. №156. 1961.

Шломо Эвен-Шошан: К истории русско-израильских литературных связей

Татьяна Друбецкая (Хайфа)

Шломо Эвен-Шошан с книгой Анатолия Кузнецова «Бабий Яр» на иврите

Три брата Эвен-Шошан – Цви, Авраам и Шломо, каждый из которых оставил по себе замечательную память в истории Израиля, родились в семье просветителя и педагога Хаима-Давида Розенштейна[1] в Минске, представлявшем собой в первое десятилетие прошлого века город со стотысячным населением, около половины которого были евреи. Отец не только руководил учебным заведением – «Хедером метуккан» и преподавал в его старших классах, но и писал на иврите для детей, составлял хрестоматии и учебники и занимался журналистской деятельностью. В начале 20-х гг. усилиями советского Наркомпроса система еврейского образования была разрушена, и отлучение от дела жизни стало трагедией для Х.-Д.Розенштейна. В 1926 г., уже после того, как все три сына оказались в Палестине, его арестовали и около месяца продержали в тюрьме за «принадлежность к сионистам». Долгие годы он пытался получить разрешение на выезд в Палестину, но когда в 1934 г., наконец, документы были готовы, за считанные до отъезда дни умер

[1] Семья Розенштейнов: отец, Х.-Д.Розенштейн (1871–1934) – педагог, писатель, составитель учебников и хрестоматий на иврите. Его сыновья: Цви (1898–1968) – в 30-е гг. был одним из руководителей профсоюзного движения в ишуве, редактировал партийную публицистику; Авраам (1906–1984) – педагог, писатель, создатель всеобъемлющего основного толкового словаря иврита, используемого сейчас в Израиле и новой конкорданции к Ветхому завету; Шломо (1910–2004).

от сердечной болезни, так и не увидев своей духовной родины, в разлуке с сыновьями.

Первым семью и Минск покинул старший брат Цви. Сначала он учился экономическим наукам в Харькове, параллельно занимаясь активной сионистской деятельностью и редактируя периодические издания на русском и идиш. В 1921 г. он оказался в Варшаве, где сотрудничал в редакциях газет на иврите и идиш, и в Палестину перебрался на год позже братьев. Авраам приехал в Палестину в 1925 г. вместе с младшим братом и в 19 лет поступил в Учительскую семинарию в Иерусалиме. Вся его дальнейшая жизнь будет, как и у отца, посвящена педагогике, просветительству и литературной деятельности. Шломо в то время был 15-летним юношей, получившим традиционное еврейское образование и проучившимся четыре года в русской трудовой школе в Минске. В Палестине он поступил в сельскохозяйственную школу Микве-Исраэль[2]. Отец издалека одобрил такое решение, важное для молодого человека, начинающего жизнь на своей земле. Также он поддержал желание младшего сына изменить, по примеру Авраама, фамилию с Розенштейн на Эвен-Шошан.

Закончив агрономическую школу, Шломо вместе с восьмью соучениками поселился в Верхней Галилее, недалеко от Афулы, где они основали киббуц Сде-Нахум. В этом киббуце он прожил более 75 лет, но все же призванием его жизни стала не агрокультурная, а литературная деятельность.

Творческий путь Шломо Эвен-Шошана развивался в нескольких направлениях: начинал он как член литературной редакции издательства «ха-Киббуц ха-меухад»[3], созданного в августе 1940 г. Ему довелось работать с основателями издательства – Ицхаком Табенкиным и Менахемом Дорфманом. Одновременно он печатал литературные рецензии и занимался переводами – той составляющей, что стала основой его многогранной деятельности. Блестяще, как отец и старшие братья, он знал иврит, хорошо – идиш, и «не очень хорошо», как он сам считал, – русский язык, поскольку серьезно учил его в отрочестве всего лишь четыре года. Но – неустанно

---

[2] Микве Исраэль (Надежда Израиля) – сельскохозяйственная школа, основанная в 1870 г. и положившая начало сети будущих сельскохозяйственных поселений в Эрец-Исраэль.

[3] «ха-Киббуц ха-меухад» – издательство, бывшее в 1940-60 гг. идеологическим органом киббуцного движения. По сей день является одним из немногих общественных издательств, выпускающих поэзию.

добирал самообразованием и постоянным чтением современной советской и классической русской литературы. Среди более чем 50 переведенных им с русского произведений – проза М.Салтыкова-Щедрина, множество произведений современных писателей, а также русская поэзия – А.Ахматова, М.Цветаева, О.Мандельштам, Б.Слуцкий, Б.Чичибабин и другие яркие имена[4].

Он непременно старался связаться с автором переводимого произведения, уточняя специфические моменты текста, разузнавая историю написания книги, испрашивая разрешение на те или иные купюры. Со многими он оставался в уважительных отношениях (А.Вознесенский, Е.Евтушенко, Б.Ахмадулина, В.Аксенов, Б.Окуджава, К.Симонов), но совместная творческая работа с А.Беком, А.Кузнецовым, В.Некрасовым и Г.Свирским переросла в теплые дружеские связи.

Еще в военное время Эвен-Шошан начал переводить трилогию А.Бека. Главы из «Панфиловцев» и «Волоколамского шоссе», публиковавшиеся в советском «Знамени» в 1943-44 гг., почти одновременно печатались с продолжением в газете киббуцного объединения, а в 1946 г. ивритский перевод, озаглавленный «Панфиловцы», был выпущен издательством «ха-Киббуц ха-меухад». Книга сразу же стала популярна в военизированных объединениях еврейского подполья, а отдельные ее страницы даже служили практическим руководством по военной тактике, ее считали, как отмечал переводчик, «Библией войны»[5].

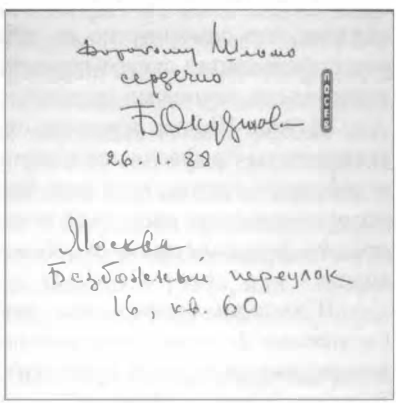
В 1961 г. Шломо послал А.Беку очередное издание его книги, вышедшей в Израиле, и с этого момента завязалась их переписка. В апреле 1963 г. им довелось встретиться в Москве, куда Эвен-Шошан приехал в составе израильской профсоюзной делегации. Эта поездка осталась для переводчика одним из ярчайших моментов его долгой жизни. Ей он посвятил выпущенную Гистадрутом в

---

[4] В начале 2004 г. по просьбе Ф.Рахлина Шломо составил список своих трудов. Начал он с переводов с русского по разделам: «Стихи – книги» и «Переводы – проза», а потом дописал: *«Здесь нет переводов с идиш. Нет моих ивритских книг... В общем моя рука оставила отпечаток в 200 книгах».*

[5] Сравнение с «Библией войны» – из письма Шломо Эвен-Шошана Феликсу Рахлину от 10.04.2002 г. Ф.Рахлин – журналист и писатель, в прошлом – харьковчанин, ныне живет и продолжает журналистско-просветительскую деятельность в Афуле. Друг и постоянный корреспондент Шломо Эвен-Шошана в последние годы его жизни. Один из инициаторов сохранения архива переводчика.

следующем году книгу «Рассказ о путешествии (20 дней в Советском Союзе)»[6], которую впоследствии полностью включил в сборник эссе, посвященных своей литературной работе «Аль ха-авнаим»[7]. Он подробно, с мельчайшими деталями, описывает свои московские литературные приключения, в том числе визиты в писательские дома. Он привез в СССР все адреса и телефоны, которые у него к тому времени были, и старался буквально перехитрить время, организовывая себе встречи с заочными корреспондентами в дополнение к плотной официальной программе. Он провел вечер в гостеприимном доме А.Бека и его жены писательницы Н.В.Лойко, к ним на «огонек» заглянула Фрида Вигдорова, книгу которой «Мой класс» Шломо перевел в 1954 г. Фрида пришла со своим мужем, писателем Александром Раскиным, в те годы редактором журнала «Крокодил», все вместе чаевничали и понравились друг другу. Переписка семьи Беков с Эвен-Шошаном продолжалась более 10 лет, зачастую инициативу перехватывала Наталия Всеволодовна, она помогала филателистическим обменам между младшим поколением с обеих сторон, отчитывалась о творческих процессах: *« ...не знаю, писала ли я Вам, что в нашей семье вырос еще один литератор, но не прозаик, а поэт. Наша дочка Татьяна Бек опубликовала уже немало стихотворений. В доме стучат три пишущие машинки – целая династия!..»* (19.02.67). Татьяна и прислала ему неожиданное известие: *«Дорогой Шломо! К нашему горю, в ноябре 1972 года папа умер. Вашего чудного письма он не прочел...»* (11.02.73)

Письмо Булата Окуджавы переводчику его стихов Шломо Эвен-Шошану

В те же апрельские дни 1963 г. неутомимый Шломо связался с Константином Симоновым, но знаменитый писатель именно в это

---

[6] «Рассказ о путешествии (20 дней в Советском Союзе)». Изд-во Гистадрута. Тель-Авив, 1964.

[7] «Аль ха-авнаим» («В мастерской)». Изд-во «ха-Киббуц ха-меухад». Тель-Авив, 1979.

время должен был уехать из Москвы, и их личная встреча состоялась три года спустя в Тель-Авиве, куда на этот раз уже Симонов приезжал в составе делегации по приглашению организации израильских литераторов[8]. Шломо радовался, что буквально за месяц до того, в начале 1966 г., был издан его перевод симоновской пьесы «Четвертый». А более чем за двадцать лет до этого, в 1943 г., покоренный военной лирикой поэта, Ш.Эвен-Шошан составил и издал сборник «С тобой и без тебя», открывавшийся стихотворением «Жди меня». На следующий год евреи Палестины послали в подарок Красной Армии несколько санитарных машин и медикаменты[9]. Главой делегации, сопровождавшей груз, был Арон Цизлинг[10]. Шломо передал ему экземпляр сборника для автора. В Тегеране Цизлинг отправил его по адресу: «Красная Армия, писателю Симонову». Через 20 лет, во время московского телефонного разговора, сожалея, что сиюминутно их встреча не может состояться, Симонов поблагодарил своего переводчика за дошедшую до него неисповедимыми военными тропами книжечку.

Ш.Эвен-Шошан красочно описал в своей книге, как ругали его экскурсанты-профсоюзники, которых он задерживал, застревая в телефонных будках, но у него был намечен круг писателей, с которыми непременно следовало познакомиться лично, и это было важнее официальных приемов, обедов и даже посещений фабрик и заводов.

В холодные апрельские дни 1963 г. он разыскивал Евгения Евтушенко. В своих воспоминаниях Эвен-Шошан с юмором описывает, как он искал в арбатских переулочках дом, где в то время Евтушенко жил с матерью[11], с ней-то ему и удалось созвониться. Адрес Зинаида Ермолаевна продиктовала, но как найти нужный дом в почти безлюдной темноте? Пришлось немало поплутать. Самого поэта он не застал, но с Зинаидой Ермолаевной познакомился

---

[8] Среди книг, подаренных Симоновым своему переводчику, сборник «Три тетради», который он подписал так: «Дорогому Шломо Эвен-Шошану в память наших добрых встреч в Израиле. Ваш К.Симонов 26.04.66. Тель-Авив».

[9] Подробнее об этом см: *Гак А.* «Евреи Палестины – организаторы помощи Красной армии (1941–1945 гг.)» в настоящей книге. (*Примеч. ред.*).

[10] Арон Цизлинг (1901–1964), уроженец Белоруссии, в Палестине с 1914 г., был в числе подписавших «Декларацию Независимости», министр сельского хозяйства в первом израильском правительстве. Со Шломо находился в свойстве – был отцом мужа его дочери.

[11] См. «Аль ха-авнаим». С.164-165.

и получил от нее в подарок сборник сына «Нежность», который она подписала[1]. За два года до того, в 1961 г., организация израильских писателей пригласила Евтушенко в Израиль, но тут произошел знаменитый хрущевский разнос и поэт, как и многие другие, стал невыездным. Когда же тучи над его головой рассеялись, и он готов был приехать, началась Шестидневная война, и Израиль выпал из зоны возможных маршрутов советских людей.

Ш.Эвен-Шошан не придерживался определенной тематики в своей переводческой деятельности, скорее – влекла современность, но история Бабьего Яра волновала его на протяжении многих лет. Е.Евтушенко, после публикации 19 апреля 1961 г. своей поэмы «Бабий Яр», оказался международно знаменит и переводим на разные языки. Шломо одним из первых перевел поэму, (всего же известно 10 различных переводов ее на иврит и 5 на идиш, но каноническим в Израиле считается его перевод). Ко времени своего московского вояжа, Эвен-Шошан перевел не только «Бабий Яр», но и издал на иврите сборник Евтушенко «Шоссе Энтузиастов» (1962), позже он составил сборник своих переводов «Стихи разных лет» (1966) и «Полтравиночки» (1988). В 80-90 годы они неоднократно встречались во время приездов Евгения Евтушенко в Израиль, и поэт надписывал свои новые книги с искренней приязнью: «Дорогому Шлому Евену-Шошану (так!) с огромной благодарностью за то, что когда-то он поддержал меня, молодого, 1987», или – «Дорогому Шломо Евену-Шошану – моему первому драгоценному переводчику»[2].

Тема Бабьего Яра тревожила Шломо Эвен-Шошана еще ранее издания поэмы молодого Евтушенко. В 1959 г., сразу же после опубликования 10 октября в «Литературной газете» статьи Виктора Некрасова «Почему это не сделано?» об отношении украинских властей к сохранению скорбной памяти о сотнях тысяч людей, он немедленно перевел и опубликовал в израильской периодике отрывки из нее, так же, как и напечатанные в той же «Литературной газете» через год, 27 октября 1960 г., заметки Ильи Эренбурга о трагедии безвинно замученных в Бабьем Яру[3].

---

[1] «На память о встречах в Москве и хорошие слова о моем сыне. Мать поэта Евг. Евтушенко. 15.04.63».

[2] Издания с автографами из библиотеки переводчика ныне хранятся в фонде редких книг библиотеки Хайфского университета.

[3] Повторено в сборнике «Бабий Яр – поэма и поэт». Иерусалим, первое издание – 1961, декабрь, более 10 переизданий.

Однако для миллионов только с момента опубликования поэмы была приоткрыта завеса над историей этого злодеяния. А случилось так, что Анатолий Кузнецов, друг и однокашник Евтушенко по Литературному институту, однажды привел его к оврагу, на краю которого стоял его, киевского подростка домик, где во время войны он жил с матерью. Поэт слушал рассказ очевидца, а потом сказал: «Над Бабьим Яром памятников нет» – фразу, вскоре ставшую первой строкой стихотворения, опубликованного только из-за нечеткого понимания «степени дозволенности» опекунами советской печати.

Кузнецов тоже писал историю Бабьего Яра, но – всеобъемлющую, роман-документ. С середины 1964 г. у него завязалась переписка с Эвен-Шошаном, в то время редактором издательства, который предложил перевести на иврит и издать повесть Кузнецова «Продолжение легенды». По роду своей редакторской деятельности, Эвен-Шошан постоянно следил за текущим литературным процессом в Советском Союзе. Среди молодых писателей, стоявших в середине 60-х гг. во главе свежего интеллектуального направления, были В.Аксенов и А.Кузнецов. «Звездный билет» Василия Аксенова Эвен-Шошан перевел сам в 1965 году, а «Продолжение легенды» А.Кузнецова вышло в том же сборнике под его редакцией, но в переводе Цви Арада[15]. После того, как Анатолий Кузнецов откликнулся на запрос израильского редактора, между ними завязалась переписка. Уже во втором письме (16.08.64) он рассказывает свою биографию и пишет: *«К книге об оккупации и Бабьем Яре я приступлю, очевидно, в этом году или в начале следующего. Вы не слышали о стихотворении Евтушенко "Бабий Яр"? Мы с ним вместе учились и однажды, будучи в Киеве я повел его в этот жуткий овраг. Там не осталось ничего, кроме золы, которая выглядывает из-под песка черными и жирными пластами – немцы сожгли трупы в печах, сложенных из памятников разрушенного ими очень красивого еврейского кладбища на Лукьяновке. Тогда Евтушенко и написал свое стихотворение, хотя взял в нем только один аспект... Это братская могила...».*

17.05.65 Эвен-Шошан получил многостраничное письмо: *«Кажется, сейчас нет человека, который бы знал о Бабьем Яре больше, чем я, ибо я собрал его историю от 29 сентября 1941 года*

[15] «Звездный билет» (Сборник повестей из молодой советской прозы). Изд-во «ха-Киббуц ха-меухад». Тель-Авив, 1965.

до 29 сентября 1943 года, беседовал со многими очевидцами, бежавшими оттуда. В Киеве есть несколько людей, вылезших из-под трупов. То, что они рассказали мне, настолько ужасно, что я потерял сон. Весь месяц меня ...мучили кошмары, и это так измотало, что я уехал, не окончив работу...». Кузнецов называет фамилии главных палачей Бабьего Яра – Топайде и Радомский. – *«Это они конкретно осуществили впервые в истории человечества такой МАССОВЫЙ расстрел... Мнение, что Бабий Яр – это могила только людей еврейской национальности – неверно... Это могила интернациональная. Никто никогда не подсчитает, каких и сколько национальностей там погребено, ибо 90% трупов сожжено, а пепел большей частью рассыпан по оврагам и полям».*

Через полмесяца, 2.06.65: *«Сейчас я сильно болен. Получилась странная вещь. В Киеве я так истрепал свои нервы, я слишком близко принимал к сердцу то, с чем сталкивался по ходу сбора материалов, – и вот сейчас лежу, усиленно лечусь и не могу работать. Обидно. Я не думал, что кошмары прошлого могут так потрясать по прошествии двадцати с лишним лет».* В канун 1967 г., 29.12.66, – уже после выхода романа, его будущий переводчик получил следующее большое письмо: *«...Может быть ...прочтя мой "Бабий Яр" Вы остались разочарованы?.. Я просто рассказываю в своей книге историческую правду, которая для меня важнее любых установившихся мнений. Моя книга – это документ, за каждое слово которого я готов поручиться под присягой...когда я писал, я не был ни русским, ни украинцем, ни евреем, ни индийцем, ни китайцем, – я был, прежде всего, человеком... Я опасаюсь, что в Израиле могут сделать перевод тенденциозный, выбрав только то, что касается еврейской нации и опустив остальное... Прошу не делать этого просто по-человечески. Я сказал в своей книге то, что хотел и должен был сказать, и из нее нельзя вырывать произвольно что-либо...».*

В июле 1969 г. А.Кузнецов получил возможность выехать в творческую командировку в Лондон под предлогом сбора материалов для книги о Ленине, которую надо было сочинить к 100-летию вождя. Там он попросил политическое убежище, немедленно получил его и в СССР был объявлен невозвращенцем. Ему удалось вывезти фотопленки с полным текстом изувеченного советской цензурой «Бабьего Яра». Он начал вести публицистические передачи на радио.

И вот – новое письмо Анатолия, теперь уже из Лондона, (21.08.69) *«...Какой же Вы симпатичный и милый на фотографии!*

Мне в 10 раз сильнее захотелось встретиться с Вами. До сих пор не могу поверить, что теперь это возможно! С ума сойти. О, мой дорогой, милый друг, Вы должны больше других понимать, что это за фашистская страна СССР, и я надеюсь, что Вы не очень меня упрекаете за залп статей, с которыми я "выговорился". Это было что-то вроде истерики, меня вывернуло – и я затих. Сегодня последнее мое публицистическое "Письмо к народу Чехословакии" и все. Приступаю к "Бабьему Яру" – подготовить (боже мой, какое счастье!..) полный текст. Не верю, вероятно, с ума сойти: неужели вот сяду и буду писать КАК ХОЧУ? Неужели это еще возможно на земле?». Слишком свежи были его воспоминания о многолетней борьбе за право печатать свой труд в хотя бы приблизительном к задуманному и выношенному виде. Анатолий очень хотел, чтобы именно в Израиле появился первый перевод не подцензурного варианта романа. Теперь уже можно было рассказать истинную историю его «обезображивания».

По воспоминаниям самого автора: *«С огромным трудом удалось сохранить название, его категорически требовали изменить... (чтобы не вызывало воспоминаний о стихотворении Евтушенко), тщательно убрали все критические упоминания о Сталине, вообще малейшую критику чего-нибудь советского... Я спорил, описывал злоупотребления культа личности, ...мне возражали: "Партия осудила достаточно. И нечего дальше об этом писать". Когда я увидел, что из "Бабьего Яра" выбрасывается четверть особо важного текста, а смысл романа из-за этого переворачивается с ног на голову, я заявил, что в таком случае печатать отказываюсь – и потребовал рукопись обратно. Вот тут случилось нечто, уж совсем неожиданное. Рукопись не отдавали. Словно бы я уже не был хозяином ее. Полевой цинично, издеваясь, говорил: "Печатать или не печатать – не вам решать. И рукопись вам никто не отдаст, и напечатаем, как считаем нужным"*[16]*. Рукопись получила "добро" из самого ЦК, И ТЕПЕРЬ НЕ ПУБЛИКОВАТЬ БЫЛО НЕЛЬЗЯ ...Тогда, в кабинете Полевого, не помня себя, я кинулся в драку, выхватил рукопись, выбежал на улицу Воровского, рвал, набивал клочками мусорные урны вплоть до Арбатской площади, проклиная день, когда начал писать. Позже выяснилось, что в "Юности" остался другой экземпляр ...Редакция позвонила мне и сообщила, что вся правка проделана, новый текст заново перепе-*

[16] Полевой Борис Николаевич (1908–1981) – писатель, в 1962–1981 гг. – гл. ред. журнала «Юность».

чатан, а мне лучше не смотреть, чтобы не портить нервы. Идя навстречу, Б.Полевой согласен проставить на первой странице: "Роман печатается в сокращении". На это я написал письмо, что подам в суд. Но, подумав, понял, что суд найдет способ, как отказать мне... Переделанная без меня рукопись пошла в набор. Потом еще из гранок продолжали вырезать да переверстывать, что я обнаружил лишь когда уже купил в киоске журнал. И внизу была едва заметная, ничего не говорящая сноска "Журнальный вариант", вместо обещанной "Печатается в сокращении". У меня, однако, оставалась главная рукопись. Я продолжал над ней работать, причем теперь уже о цензуре не думал, и рукопись стала такой, что я ее дома не хранил. У меня во время отъездов делались обыски, а однажды неизвестно кем был подожжен и сгорел мой кабинет. Важнейшие рукописи были у меня пересняты на пленки, которые в железной коробке были зарыты недалеко от дома, а сами рукописи я зарыл в стеклянных банках в лесу под Тулой...».

Теперь в Лондоне, в течение нескольких месяцев автор готовил полный текст романа, решив издавать его набранным тремя шрифтами, чтобы выделить то, что было вырезано цензурой и свои дополнения (примерно еще треть объема), осуществленные уже после публикации книги в «Юности». Только это издание («Посева») он признавал эталонным и только с него отныне разрешал делать переводы. От гонораров за переиздания старых текстов он решительно отказался и подписываться стал А.Анатолий, как бы начиная новый виток биографии[17].

До конца 1970 г. продолжалась переписка Кузнецова с Эвен-Шошаном. Конечно, Шломо с его идеализацией социалистических идей, было нелегко принимать и соглашаться с нелицеприятными фактами о сущности и преступлениях власти в советской стране, и, как следует из предпоследнего письма Анатолия, очевидно, во время их встречи в Лондоне, они горячо и запальчиво спорили: *«Мы с Вами о Ленине и в Лондоне говорили, и я Вас еще раз весьма серьезно уверяю: Вы заблуждаетесь. У Вас традиционно розовые представления – одно из самых потрясающих всемирных заблуждений двадцатого века – относительно марксизма и Ленина...Я удивляюсь снова и снова Вашей неосведомленности. Вы же так изучаете литературу, пунктуальны и скрупулезны – как же Вам не попадались западные исследования о Ленине? Или Вы им не верите, а*

[17] *А.Анатолий (Кузнецов).* Бабий Яр (роман-документ). Изд-во «Посев». Франкфурт-на-Майне, 1970.

верите советским сказкам? Я не могу всего перечислять, но только один принцип Ленина: Великая цель оправдывает любые, даже самые зверские средства – разве это не основа всех терроров, агрессий, массовых убийств, начатых именно ЛЕНИНЫМ... Я Вас заклинаю: НЕ СМЯГЧАЙТЕ НИЧЕГО В МОЕЙ КНИГЕ, даже если оно Вас огорчает, возмущает, особенно о Ленине! » (9.11.70).

Письма заполнены и разъяснениями Анатолия об изданиях его главного детища в настоящем варианте, вопросами авторских прав и пожеланиями относительно полного издания книги в Израиле: «Я ведь, помните, писал, что иметь материальные выгоды от израильского издания «Бабьего Яра» не хочу. Не таков мой алчный агент. Спор мы разрешили просто: свои 10% комиссионных он присвоит, мои же 90% гонорара я передам обратно в Израиль» (20.10.70).

Встреча Шломо Эвен-Шошана с Евгением Евтушенко в Израиле

Полный текст «Бабьего Яра» на иврите в переводе Эвен-Шошана с замечательными иллюстрациями Саввы Бродского увидел свет в 1971 году. Это был первый в мире перевод неподцензурного текста романа.

Последнее письмо – от 14.06.71 г. Оно, в отличие от прежних, – почти чисто бытовое, даже умиротворенное. Кузнецов описывает, как он получал водительские права, планирует покупку собственного

жилья, очевидно, в преддверии этого дает новый адрес на «Радио Свобода». Жить Анатолию оставалось еще восемь лет до инфаркта, случившегося за месяц до его пятидесятилетия в 1979 г., но через ту идеологическую преграду, что разделила их со Шломо, ни один не сумел переступить[18].

«Бабий Яр» не «отпустил» Шломо Эвен-Шошана, пронзительная тема совершила еще один виток в его взаимоотношениях с Виктором Некрасовым.

Переписка с Виктором Платоновичем Некрасовым началась уже после их первой встречи в начале апреля 1963 г. в Киеве, во время той, профсоюзами организованной, поездки израильтян в СССР, когда Шломо в Москве лично познакомился со многими своими корреспондентами. Телефон писателя он получил в Израиле, но без всякой сопроводительной рекомендации. В.Некрасов как раз за месяц до этого был обруган Хрущевым за очерк «По обе стороны океана», и тут, казалось бы, совершенно не вовремя, появляется израильский литератор и просит о встрече. Единственной саморекомендацией гостя могло быть то, что четырьмя годами ранее Эвен-Шошан перевел отрывки из статьи Некрасова о Бабьем Яре и стихи Е.Евтушенко. Для Некрасова Эвен-Шошан был первым израильтянином, которого он встретил, а Виктор Платонович стал для Шломо воплощением всего радушного, обаятельного и обворожительного, чем богата душа русского человека. После хлебосольного застолья в доме Некрасова, когда нежданный гость был представлен матери Некрасова и его верному другу Исааку Григорьевичу Пятигорскому, по просьбе Шломо Виктор Некрасов привел своего нового знакомого к обрыву оврага, как несколькими годами ранее это сделал А.Кузнецов с Е.Евтушенко. От него же Шломо получил и московский телефон Евтушенко. Переписка с Некрасовым продолжалась уже три года, когда 29 сентября 1966 г. В.Некрасов выступил на митинге в день 25-летия начала карательных операций в Бабьем Яре и – рефреном стихотворению Евтушенко – всенародно сказал, что «Здесь будет установлен памятник». За это на Некрасова было заведено очередное персональное дело, и он получил второй строгий партийный выговор.

---

[18] Переписка с Кузнецовым опубликована самим Эвен-Шошаном в переводе на иврит полностью в «Ал ха-авнаим» (С.210-246) и выборочно, но с воспроизведением автографов в статье «Беседы издалека», в журнале «Офек» («Горизонт») в 1970, летом (С.186-200). На рус. языке – в журнале «22». 2004. №131. С.151-187 с комментариями и примеч. Ф.Рахлина.

Советской власти до поры до времени на многое приходилось закрывать глаза в отношении сталинского лауреата, но, когда «грехов» накопилось сверх меры, то: *«в 1972 году родилось третье партийное дело. На этот раз без всякого уже повода – за старые, как говорится, грехи – опять подписанное письмо, опять Бабий Яр...»*[19]. Травля закончилась трехдневным обыском в квартире писателя и его высылкой из СССР в 1974 г.

Буквально через несколько месяцев после того, как В.П.Некрасов оказался за границей, он уже планировал поездку в Израиль, а его израильский друг хлопотал о встрече, договаривался через посольство в Париже о билете. Эта поездка сорвалась из-за нездоровья Виктора Платоновича. В 1976 г. он все же приехал в Израиль по приглашению группы молодых киевлян-репатриантов на встречу памяти 35-летия Бабьего Яра, которая состоялась на Голанских высотах возле озера Киннерет. Шломо, искренне почитавший и горячо любивший Виктора Платоновича, писал после их третьей, последней встречи в Хайфе: *«Еврейский народ испытывает чувство горячей признательности к человеку, который искренне любит сынов Израиля. Любовь эта не только бескорыстна, но и самоотверженна, жертвенна, ибо навлекла на него массу неприятностей... она – не каприз и ни в чем не противоречит мировоззрению писателя. Это – проявление универсального гуманизма, любви к человеку. Отсюда – признание прав всех народов, в том числе и еврейского, на национальную честь, на развитие своей самобытной культуры и сохранение наследия предков...»*[20].

Безусловно, Виктор Некрасов был одним из самых дорогих Эвен-Шошану людей. Более 40 лет стояла на его письменном столе фотография писателя. Именно о нем Шломо, талантливый эссеист, писал многократно, и по-русски, и на иврите, но перевел только некрасовскую статью про «Бабий Яр» из «Литературной газеты».

Переводом поэмы Андрея Вознесенского «Ров» в 1993 году он, к этому времени уже 83-летний патриарх, казалось, подвел итог своему душевному и творческому вкладу в святое дело Памяти. Вознесенский надписал ему на книге: *«Счастлив увидеть Вас, дорогой Шломо Эвен-Шошан, спасибо Вам за все. Дай Вам Бог всего светлого, здоровья и счастья»*. Однако, спустя семь лет, он стал не только переводчиком, но и редактором, работая над превращением

---

[19] *Некрасов В.* Кому это нужно? // Неделя. 1974. 14.08. С.5.

[20] *Эвен-Шошан Ш.* Человек с большой буквы // Родина (независимый еженедельник). Иерусалим, 1981. №12. С.12-14.

рукописи Абрама Рубенчика «Правда о минском гетто» в книгу (Тель-Авив, 2000 г.). Ведь Минск – это город его детства, родина, место упокоения любимого отца. Трижды до того – в 1975, 1985 и 1988 г. бывший минчанин Шломо Розенштейн участвовал в издании альбомов, посвященных жизни и деятельности своих земляков в Израиле.

В середине 70-х годов Шломо взялся за перевод повести Григория Свирского «Заложники» – документально-художественного повествования о судьбе русских евреев в оккупации. Тут сыграли свою роль и рекомендации израильских литераторов, с которыми были связаны и автор, и переводчик, и тема, впрямую перекликающаяся с темой Бабьего Яра. Эта повесть, запрещенная в СССР, поскольку ее автор был выдворен за пределы страны, к 1975 году была уже переведена во многих странах, и, разумеется, автор с нетерпением ждал ее издания на иврите. Работа оказалась на редкость сложной. Русский текст был для Шломо почти непроходимым, головоломным: сленг новояза вкупе с военным жаргоном, замешанные на украинизмах, заставили его всерьез растеряться. Начался методичный, кропотливый письменный диалог. Они разбирали страницу за страницей, Свирский объяснял Шломо, кто такие ИТР и проработчики, что такое ВАСХНИЛ, что значит «работать в почтовом ящике», «разгромить научных противников» и многое-многое другое. Объяснял четко, доступно. В каждом письме – по 30-40 лаконичных справок.

Шломо знал о взаимном уважении, которое испытывали друг к другу Виктор Некрасов и Свирский, писавший: *«...Очень рад приветливой встрече израильтянами В.Некрасова. В.Некрасов – мой старый друг, и я много раз говорил в Мисрад Ахуце*[21] *о том, что его необходимо пригласить: никто из русских писателей не сделал столько для евреев, сколько он...»* (Письмо из Торонто от 4.12.1976). Но Эвен-Шошана, как и в случае с А.Кузнецовым, отталкивала непримиримая позиция Григория Свирского по отношению к коммунистической доктрине в Советском Союзе, помноженная на его резкую, беспощадную критику израильского правительства, которое тот обвинял *« в гибели русской алии (последней волны): в конце концов, кто-то должен ответить за гибель чуда, каким был прорыв евреев из России в 1971-72 гг. Я также против бесчеловечности взгляда Сохнутного руководства: «Если не в*

[21] Мисрад ха-хуц (иврит) – Министерство иностранных дел.

Израиль, то пусть подыхают в своих Биробиджанах» (Письмо от 29.12.1981).

«Заложники» в переводе Ш.Эвен-Шошана на иврит вышли в 1978 г. Григорий Свирский уже несколько лет преподавал в университетах Канады и США курс «Литература нравственного сопротивления 1946 – 1976 гг.», который вскоре превратил в монографию, переведенную во многих странах[22]. В Иерусалим, где жили его родные, он приезжал несколько раз, и они со Шломо встречались, но, опять же – неистовая непримиримость собеседника не согласовывалась с идеологическим кредо израильтянина. В начале 80-х гг. их переписка угасла, и сотрудничество не возобновилось. Монография Г.Свирского не переведена на иврит ни Шломо, и ни кем иным.

С началом большой алии, казалось, наступили ренессансные годы: появились заинтересованные собеседники, способные адекватно воспринимать круг интересов переводчика, с которыми Шломо мог говорить по-русски[23]. В конце 90-х гг. Шломо Эвен-Шошан переводил больших и великих современных русских поэтов. Перевод поэзии, с ее метафоричностью, образностью, ассоциативным рядом, который может быть бесконечно удален от повседневного опыта переводчика, но близок его душевному состоянию, требует творческой отваги и постоянной готовности к перевоплощению. Контактный, открытый человек Шломо нашел близких ему по духу людей среди интеллигенции последней алии, с которыми сдружился, не стеснялся просить советов, разъяснений понятий и невнятных (не только ему) поэтических реалий, поскольку это требовалось для адекватного понимания (а затем и воспроизведения)

---

[22] Из рецензии Ефима Эткинда: *«Он (Свирский) – превосходный специалист по истории советской литературы, а по истории последнего тридцатилетия у него, пожалуй, нет соперников ни на Западе, ни в Советском Союзе. С удовольствием и огромной пользой для себя я недавно прочитал рукопись его обширного исследования "Литература нравственного сопротивления. 1946 – 1976". Эта рукопись, которая скоро станет книгой (объемом более 700 страниц), содержит не только анализ литературного развития в целом, но и точные, глубокие характеристики всех без исключения значительных произведений советской литературы этих лет...»* (24.01.1977).

[23] *Из писем Ф.Рахлину: «Нет у меня никаких претензий на знание русского языка. Я всего лишь кончил школу семиклассовую, в которую я поступил с третьего класса в России»* (30.09.2002); *«Мой язык (с юных лет) иврит, я уже 78 лет в стране»* (30.09.2002).

сложной поэтической ткани и великой четверки (Пастернак, Мандельштам, Ахматова, Цветаева), и богатейших личных миров Бориса Слуцкого, Беллы Ахмадулиной, Бориса Чичибабина. Кроме персональных сборников, в 1998 г. в «своем» издательстве «ха-Киббуц ха-меухад» он издает «Русский Миньян» – избранные произведения десяти поэтов, по 3-4 стихотворения каждого. Он не объяснил, почему именно этих поэтов (Пастернак, Мандельштам, Алигер, Симонов, Слуцкий, Ахмадулина, Винокуров, Окуджава, Вознесенский, Евтушенко) объединил под одной обложкой, предварив каждую подборку кратким, но емким вступлением. С одними, как мы знаем, он находился в теплых личных взаимоотношениях, перед другими (Пастернак, Мандельштам) – благоговел. Переводы отдельных стихов Ахмадулиной и Окуджавы публиковал в израильских литературных журналах. Произведениями Маргариты Алигер он заинтересовался еще в 50-е годы и хотел с ней встретиться во время своей поездки в Союз, но та ответила решительным отказом[24], о чем Шломо с известной долей обиды вспоминал и спустя 40 лет, однако – в антологию – включил.

Возвышенное, как всегда, шло об руку с земным. Поэзия – не ходовой товар в современном мире, и желающий, чтобы его услышали должен за это заплатить. Время от времени Шломо удавалось публиковать свои переводы в малотиражных эстетских литературных журналах, но, когда он задумывался об издании очередного сборника даже в «собственном» издательстве, где он трудился около полувека – надо было изыскивать средства. У киббуцника их нет, он живет на всем готовом, в иллюзорно-коммунной действительности, где нет места сверхпотребностям, каковой является желание издать книгу. Выручили деньги, подаренные сестрой второй жены Шломо Марты, которые были пущены именно на эти цели[25]. В 2000-02 гг. в «ха-Киббуц ха-меухад» были изданы в переводах Эвен-Шошана сборники стихотворений Осипа Мандельштама,

---

[24] *«...Я пробовал по телефону связаться с Маргаритой Алигер. Она была дома и не хотела никакой связи со мной...»* (из письма Ф.Рахлину от 5.09.2002).

[25] «... *Источник денег – сестра Марты (вторая жена Шломо)... Она передала подарки всем своим родным – брату в киббуце с тремя детьми, и Марте, и еще двум родным с детьми. И вот, когда Марта разделилась со своим подарком с моими детьми, я сказал, что и я хочу получить свою долю, не как глава семьи для общих расходов, но как «дитя», которое расходует по своему усмотрению, т.е. для книг...»* (письмо Ф.Рахлину от 26.12.2000).

Анны Ахматовой, Марины Цветаевой и Бориса Чичибабина, книжечки в 50-80 страниц, которыми он так гордился.

Кроме того, опять же на свои средства, он издал книгу о брате «Авраам Эвен-Шошан – педагог и лингвист – страницы биографии», которая была отпечатана в типографии Бейт-Шеана в количестве 100 экземпляров в 1999 г.

Конечно же, его волновала судьба своего архива, и, параллельно житейской суете, он старался упорядочить, определить на хранение разложенное по папкам, ящикам и полкам в его «кабинете» – маленькой времянке, выделенной киббуцем дополнительно к «основному жилью». Дни были насыщены: *«Я должен отметить, что я в самом деле занятый и работаю сверх сил. Но это меня подбадривает, я должен кое-что творить, хотя бы в 90-х годах жизни. Моя ровесница – сестра жены приезжает к нам ежедневно от двух с чем-то до пяти, и я обязан помогать ей в ходьбе из комнаты наружу. И это – непросто, когда я – мужчина сам тоже еле движусь... И кроме того, я ежедневно читаю "Маарив" и в курсе дел. Я пишу письма и держу связь с моими друзьями...»* (23.06.2001). С конца 90-х гг. Эвен-Шошан передавал в «Гназим» – архив союза писателей материалы на иврите и идиш, в архив «Яд Табенкин» ушли материалы по истории киббуцного движения, книги, в основном, – в «Бейт-Штурман» – архив в киббуце Эйн-Харод.

Требовалось найти место для русской части собрания. Еще в начале 90-х годов, когда перестройка изменила все, и настало время собирать камни и по крупицам возвращать «культурные ценности», в Киеве решили организовать Специальный фонд Виктора Некрасова при украинском ЦГАЛИ. Журналист Григорий Кипнис, друживший с писателем и знавший о его многолетней дружбе с израильтянином, списался со Шломо, затем навестил его в один из своих приездов в Израиль (речь идет уже о середине 90-х гг.) и предложил передать имеющиеся у него некрасовские материалы в Киев. Эвен-Шошану потребовалось два месяца, чтобы упорядочить архив, сделать копии материалов и подготовить их к отправке. В своем чудесном сопроводительном письме к Кипнису он писал: *«Я занимался этим делом с любовью к Некрасову, и его обаятельная личность и его дух как бы витали надо мной и вызывали умиление»* (20.03.94). Он распределил архив по семи разделам и один из них назвал «Виктор Некрасов и Шломо Эвен-Шошан»; там, в числе прочего, нашли место семь статей переводчика о своем друге.

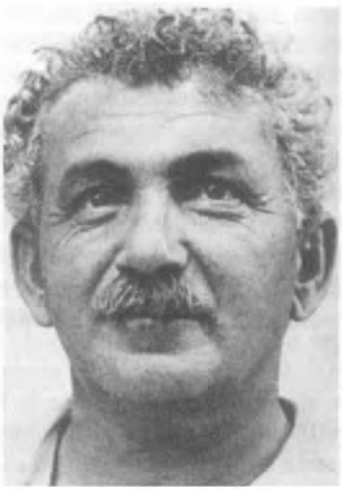
Архив был передан летом 1994 г. в Киев через посольство Украины в Израиле, а оригиналы писем Шломо хранил у себя еще 10 лет.

Он умер 14 сентября 2004 г. Через несколько месяцев, сохраненная усилиями его русских друзей, «русская» часть архива была передана в фонд редких книг библиотеки Хайфского университета. Она доступна для изучения, в этих материалах – истории дружбы, приязни, общности интересов творческих деятелей разных поколений, зачастую несхожих политических взглядов, но – объединенных русской культурой, русским языком и – памятью о неисчислимых человеческих страданиях. Все, что сберег светлой памяти Шломо Эвен-Шошан, есть и будет своеобразным памятником и ему, верно и беззаветно служившему двум культурам.

P.S. Глубокая благодарность Феликсу Рахлину, радушно предоставившему в мое распоряжение материалы из своего архива с разрешением использовать их и поделившегося своими воспоминаниями.

Берл Кацнельсон
(1887, Бобруйск, – 1944, Иерусалим)

Иосиф Усвицкий (Иерусалим)

Берл Кацнельсон

В истории израильского социалистического рабочего движения Кацнельсон считается одной из ключевых фигур – руководителем и идеологом. Справедливости ради надо отметить, что его руководство было, прежде всего, идеологическим, поскольку в организационных вопросах он не мог, да и не хотел, тягаться с Бен-Гурионом и другими лидерами-практиками.

Кацнельсон родился в Белоруссии, в Бобруйске – городе, где к тому времени еврейская община составляла около 60 процентов населения и в многочисленных иешивах учились сотни человек. Его мать, Тэйбл-Рэйзел, вопреки воле семьи, вышла замуж за молодого вдовца с двумя детьми – Моше Кацнельсона. Приданого, полученного Тэйбл, хватило на внесение весомой доли в скобяную лавку ее отца, и, таким образом, молодые супруги стали совладельцами этого солидного – по бобруйским масштабам – предприятия. Менее чем через год у них родился первенец – Берл. Спустя 10 лет состояние Моше Кацнельсона настолько упрочилось, что он смог заняться заготовкой и перепродажей леса – традиционным бизнесом самых зажиточных еврейских семей Бобруйска. Денег стало хватать на то, чтобы давать детям самое лучшее образование.

С ранних лет Берла окружала слава вундеркинда. По умственному развитию он намного опережал своих братьев и сестер. Его образованием занимался отец, являвшийся большим знатоком Торы и Талмуда. Он отдал мальчика в лучший бобруйский хедер, где Берл делал большие успехи. Но в отличие от других учеников, после занятий он продолжал читать. В доме отца была хорошая

библиотека, и вскоре мальчик перечитал ее всю: все современные ему книги на иврите и все книги периода еврейского Просвещения (Хаскалы). Когда ему исполнилось 10 лет, отец посчитал, что основы еврейского образования уже прочно заложены, и можно переходить к русскому образованию, параллельно продолжая еврейское. С феноменальной скоростью Берл освоил русский язык и принялся за русскую литературу: Пушкина, Лермонтова и Добролюбова. Однако, наибольшее воздействие на него оказали Лев Толстой и особенно Достоевский.

Берл рос очень болезненным мальчиком, и когда он достиг 10-11-летнего возраста, стало ясно, что по состоянию здоровья ни Талмуд-Тора, ни школу он посещать не сможет. Деньги отца дали возможность нанять частных преподавателей, но все же основным в жизни Берла было чтение на чердаке их большого дома, где хранились подшивки журналов на иврите и идиш, и куда он перетаскивал русские книги из библиотеки отца.

Сочетание еврейского религиозного образования и восторженного впитывания идей русской классической литературы привило Кацнельсону черты, резко отличавшие его от других социалистических лидеров еврейского ишува Палестины:

– страстную веру во всемогущество устного и печатного слова. Всю свою взрослую жизнь Берл устраивал лекции и семинары, организовывал газеты и журналы. Он одним из первых оценил пропагандистские и воспитательные возможности радио и стал инициатором создания радиостанции еврейского ишува, которая со временем превратилась в «Коль Исраэль» – «Голос Израиля».

– терпимость и внимание к чужому мнению, пусть даже радикально отличающемуся от собственного. Веру в то, что идеологического противника можно убедить, не подавляя его личность. Для пассионарных социалистов ишува, исповедовавших принцип «кто не с нами, тот – против нас» – это было странно и необычно.

– глубокое уважение к еврейской религиозной традиции, в то время как в 10 – 30-е годы, да и позже, в еврейском социалистическом движении был моден крайний нигилизм и атеизм.

Благополучие семьи рухнуло в один миг, 1 октября 1899 г., когда внезапно умер отец. После года депрессии Тэйбл Кацнельсон взяла себя в руки и начала торговать в лавке, но летом 1902 г. почти весь деревянный Бобруйск выгорел, в том числе и лавка. Пришлось купить маленький лоток на местном рынке и торговать самыми дешевыми товарами для крестьян. На детей времени уже не оставалось. В 1903 году начались странствия 16-летнего Берла по

России в поисках заработка и возможности продолжить учебу. Именно в этот период он сознательно приобщился к сионизму.

В детстве он воспитывался в доме, где все дышало любовью к Сиону, где гости спорили обо всех новинках еврейской литературы, о модных революционных течениях, но тогда мальчик только слушал. Теперь он был готов понимать.

В России происходили события, потрясшие весь уклад еврейской жизни. В 1903 г. разразился Кишиневский погром. В 1904 г. Берл сам оказался свидетелем погрома в местечке Смилна и помогал добывать оружие для самообороны. Тогда он был сторонником эсеров и считал, что надо мстить. Странствуя по Российской империи, он наезжал и в Варшаву, где останавливался у своих родственников Табенкиных. С Ицхаком Табенкиным он бывал несогласен, но помогал в работе, в том числе и в организации стачки варшавских старьевщиков. В Варшаве его застало начало революции 1905 года. Берл видел расстрел демонстрации в центре города, и это потрясло его. Он отказался от поездки в Цюрих, где должен был поступать в университет, и решил посвятить себя революции. В поисках удовлетворявшей его программы Берл переходил из одной еврейской социалистической партии в другую. Благо таких партий было множество. В 1906 г. он пришел к выводу (и это зафиксировано в его письмах), что в диаспоре невозможна подлинная еврейская жизнь, ибо нет сил, способных обновить ее.

В конце этого года он решил выучиться физическому труду, перепробовал множество профессий, поступил в Одесское ремесленное училище для евреев «Труд», но физические навыки почти не давались ему. В этот кризисный для него трехлетний период Берл Кацнельсон решил покинуть Россию. Тогда для евреев было два пути эмиграции в Америку (в США или Аргентину), в Южную Африку и в Палестину. В последнюю ехало ничтожное меньшинство. Берл был из этого меньшинства. Правда, до эмиграции ему пришлось явиться на призывной пункт, но там его освободили от службы, – он был маленького роста, и его зубы были в ужасном состоянии.

В 1909 г. он приехал в Одессу, поднялся на борт парохода, отплывавшего в Палестину, а через 12 дней плавания сошел на причал Яффского порта. Его поразило, что на борт того же парохода во множестве поднимались евреи, покидавшие Эрец-Исраэль. Тогда это было просто. Многие приезжали в Палестину присмотреться, попробовать себя или просто «откосить» (как теперь говорят) от службы в русской армии. Алия не считалась долгом сиониста, и

многие, чьи имена теперь увековечены в названиях улиц и городов, полагали, что можно быть настоящим сионистом и сидя дома. Позже Бен-Гурион говорил, что 90% олим периода 1904–1914 гг. уехали обратно. Но – не Берл. Позже он писал: *«Уже вступив на берег, я четко понял, что это последний берег. Я знал, что другого берега для меня не будет»*.

Первым делом надо было искать работу, но в Яффо ее не было. Берл отправился в Петах-Тикву, но тамошние поселенцы уже укоренились, обзавелись хозяйствами и смотрели на новых репатриантов как на дешевую рабочую силу. Зарплата была ничтожной, никаких социальных льгот не существовало, – тот, кто заболевал, был обречен на голод. Он перебрался в Эйн-Ганим, где его радушно встретили, и наутро вышел на работу в поле. Ему, непривычному к физическому труду, работать было очень тяжело. За первые три месяца он ни разу не покинул поселения, ни по субботам, ни по праздникам, потому что каждую свободную минуту просто лежал в изнеможении.

Может, он и не выдержал бы такой жизни, если бы не знакомство с писателем И.Х.Бреннером и воспитателем молодежи А.Д.Гордоном. Бреннер на зиму 1910 г. даже переехал в Эйн-Ганим, чтобы иметь возможность долгого общения с Берлом. А тот за первый год в Палестине успел поработать и в Хадере, и в Седжере, и снова вернуться в Эйн-Ганим. Тогда так бродили многие. В начале 1911 г. Берл отправился в Галилею и нашел работу на ферме Киннерет, созданной в 1908 г. Палестинским бюро Всемирной Сионистской организации (ВСО). Условия работы были тяжелыми, а жилищные – просто ужасающими: в убогой и грязной общей комнате, на тюфяках, вперемешку спали здоровые и больные, в том числе больные малярией. В феврале вспыхнула забастовка, которую возглавил Берл. Для разбирательства на ферму прибыл руководитель Палестинского бюро Яффы Артур Руппин, признавший справедливость требований рабочих и уволивший управляющего. Впрочем, через месяц выяснилось, что новый управляющий ничуть не лучше.

Забастовка привела к осознанию двух важных для рабочих ишува фактов:

– еврейские хозяева обращаются со своими работниками также, как любые хозяева в галуте, а иногда и хуже;

– жизненно необходима организация, которая защитит интересы рабочих.

Во время праздника Песах 1911 г. состоялся первый съезд рабочих Галилеи. Берл представлял на нем ферму Киннерет, вошел в состав исполнительного комитета сельскохозяйственных рабочих, а затем и возглавил его. Впоследствии он добился превращения фермы в самоуправляемую коммуну (квуцу) Киннерет, был ее членом, а также сотрудником первого сельскохозяйственного журнала на иврите «Ган ха-ярок».

В начале 1912 г. он возвращается в Иудею, поступает на работу в питомник «Леса имени Герцля», недалеко от Лода, участвует в создании организации рабочих и становится секретарем комитета, теперь уже в Иудее. Берл был одним из инициаторов создания больничных касс – куппот холим – для рабочих. Он предложил финансировать их за счет самих рабочих, взносы которых накапливались и служили для оплаты лечения заболевших. Это был принцип, по которому до сих пор действуют все израильские больничные кассы. Берл предлагал также создать профессиональные курсы для обучения сельскохозяйственным специальностям и для обучения рабочих ивриту. Первое предложение прошло, второе – нет.

На третьем съезде в 1913 г. он делал вступительный доклад по проблеме поселений, о которых знал из собственного опыта. Отработав на основной работе, верхом на осле, Берл ездил по поселениям, улаживая конфликты и разбирая споры. Во время этих поездок он обдумал и сформулировал принципы организации больничной кассы и добился того, что она начала действовать.

В 1914 г. он выступил с программным докладом о работе комитета и был избран представителем Иудеи в недавно созданном Рабочем комитете страны.

И вдруг Берл бросает свою работу и возвращается в Галилею – на ферму Киннерет, которая уже стала коммуной.

Вполне вероятно, что это было вызвано личными причинами. Еще в Бобруйске Берл организовал домашний кружок, где обсуждалось будущее еврейского народа и новомодные социалистические идеи. Там были две девушки: Лея Мирон и Сара Шмуклер. Вслед за Берлом в Палестину приехала и Лея. Дружба между ней и Берлом переросла в любовь еще в Бобруйске, но тогда они были слишком молоды. Здесь, в Палестине – самостоятельны и свободны от родительского влияния. Берл работал в Седжере, Лея тоже была там, но их близкие отношения были далеки от заключения брака. Да и не модно это было среди молодых социалистов, воспитанных на идеях Чернышевского и Герцена. Лея жила то в Седжере, то в Киннерете, – Берл странствовал по Иудее. Периодически он

навещал Лею, не беря на себя, однако, никаких обязательств. Ситуация резко изменилась, когда в начале 1913 г. приехала Сара Шмуклер.

Лея и Сара очень любили друг друга и были дружны с Берлом. Полтора года после приезда Сары им троим не удавалось поселиться поблизости друг от друга, но в середине 1914 г. Лея и Сара уже жили вместе в Киннерете. Когда туда же приехал Берл, он немедленно организовал группу по работе на огороде, куда вошли также семь девушек, среди которых, конечно же, были Лея и Сара.

Уже через несколько месяцев Берл вдруг понимает, что влюблен в Сару, но при этом не хочет порывать с Леей. Сложилась ситуация треугольника, но в духе «снов Веры Павловны»: Лея

Берл Кацнельсон во время поездки в Акабу в 1935 г.

временами опекала влюбленных и даже уходила из комнаты, чтобы дать им возможность побыть наедине. Их треугольник скоро стал «притчей во языцех». Даже для свободной атмосферы Киннерета это было слишком. Так прошло три года, но, в конце концов, ситуация стала невыносимой. Берл решил разорвать ее своим бегством. В сентябре 1917 г. он приезжает в Иерусалим, где остается до июля 1918 г., а затем вступает в Еврейский легион.

Личные переживания в эти три года так захватили Берла, что он стал довольно равнодушен к общественной жизни. Но все же принял горячее участие в одном начинании, которому было уготовано большое будущее. Идею предложил Меир Рутберг, но основную организационную работу провел Берл. В 1916 г., в военное время, товары первой необходимости стали острым дефицитом, поскольку турецкие власти конфисковывали весь урожай. Для изменения ситуации была создана рабочая организация по централизованной закупке продукции еврейских сельскохозяйственных поселений. Во время этой работы сложилась и команда Берла, которая твердо поддерживала его при создании партии Ахдут ха-авода (Единство труда). А новую организацию назвали «Машбир».

Инициатива создания Еврейского легиона принадлежит Зеэву Жаботинскому. Долгое время еврейские жители Палестины практически не вступали в него. Положение изменилось после декабря 1917 г., когда английская армия под командованием Алленби взяла Иерусалим и очистила от турок всю Иудею. Берл стал одним из организаторов кампании по вступлению молодежи Эрец-Исраэль в Легион. Идея была в том, чтобы своими силами освободить Галилею – колыбель еврейского поселенчества в Палестине.

В августе 1918 г. Берл вместе с другими добровольцами был принят на службу в английскую армию и направлен в лагерь начальной военной подготовки в Египет. Армейская жизнь давалась ему нелегко. Маленького роста, худой, обритый наголо – он выглядел смешно не только на фоне бравых английских солдат, но и других добровольцев еврейского ишува. Технические аспекты военного дела он постигал с большим трудом. Как-то один солдат-еврей из Англии сказал ему на идиш: «Человек ты – дай Б-г каждому, но солдат – не дай Б-г никому!». Однако среди солдат Берл был очень популярен, – сказывались дар прирожденного полемиста и красивая речь книгочея.

Пока они готовились стать настоящими солдатами англичане отвоевали у турок Галилею. Лишенные своей главной идеи – освобождения родной земли – батальоны Еврейского легиона сразу стали неактуальными и от этого удара так и не оправились. Военная служба потеряла всякий смысл. «Думаю, у английского короля и без меня хватит солдат», – сказал Берл и вскоре уволился из Легиона.

Еще в период военной службы он задался твердой целью – объединить рабочее движение ишува. Партий и движений было великое множество. Зачастую строились они по семейному призна-

ку или по месту исхода. Спорили между собой до хрипоты, оттесняя одна другую в борьбе за доверие населения. Между тем, власть англичан в Палестине оказалась не такой уж демократичной. Чтобы отстаивать интересы еврейских поселенцев, нужна была единая организация. В декабре 1918 г. Берл начинает упорную работу, которая через два месяца завершилась созданием партии Ахдут ха-авода. В этот период он близко сошелся с Бен-Гурионом. Знакомы они были давно и даже какое-то время служили в одном тренировочном лагере в Египте, но так напряженно, рука об руку, работали впервые.

Идея новой партии заключалась в том, что в ней объединялись функции партии и профсоюза. Бен-Гурион предложил три тезиса: участие во всемирном союзе Поалей Цион, участие в Социалистическом Интернационале и принцип классовой борьбы. Первые два вошли в программу Ахдут ха-авода, третий (во многом благодаря Берлу) – нет. В марте 1919 г. в Петах-Тикве состоялся учредительный съезд новой партии, которая отныне стала главной политической и организационной силой еврейского ишува. Берл выступил с основным докладом, сформулировал проекты резолюций. Он был избран членом ЦК и занял в партии ведущее положение.

В этот, казалось бы, благоприятный для него период, Берлу пришлось пережить тяжелейшую личную драму. Сара Шмуклер заболела желтой лихорадкой. Ее отвезли в цфатскую больницу, но состояние продолжало быстро ухудшаться, и она попросила вызвать Берла. Когда он приехал, Сара была уже без сознания. В начале мая 1919 г. она умерла. Ей было 30 лет. На похоронах в Киннерете Берл бросился в открытую могилу и потерял сознание. Это было открытое проявление чувств, противоречившее этике тогдашнего сурового поселенца. Больше он никого и никогда не посвящал в свои душевные переживания. Кроме Леи. Она поняла и простила его. До отъезда Берла в первую заграничную командировку осенью 1919 г. они с Леей жили вместе в съемной комнатке на окраине Яффо. Есть свидетельства, что он часто заговаривал с ней о браке, но Лея была настоящей революционеркой в истинно русском варианте и мысли о замужестве не допускала. Через два года после смерти Сары Берл, выдавая Лее членский билет Гистадрута, в графе «семейное положение» вписал: «Замужем за Берлом Кацнельсоном». Этим официальное оформление отношений ограничилось – навсегда.

В конце сентября 1919 г. Берл был впервые послан за границу на съезд Поалей Цион в Стокгольм и на сессию Исполнительного

комитета Всемирной сионистской организации (ВСО) в Лондоне. Ехал он в качестве руководителя делегации от Ахдут ха-авода. Увиденное там, особенно в Лондоне, произвело на него гнетущее впечатление. «Вожди сионизма – это старики-профессионалы, оторванные от молодого поколения, не способные удовлетворить обуревающую его жажду деятельности», – писал Берл.

А деятельность была необходима. 1 марта 1920 г. в Тель-Хай был убит арабами Иосеф Трумпельдор и несколько его товарищей. В апреле того же года арабские банды напали на евреев Иерусалима. Евреи дали отпор с оружием в руках, и потому были сочтены британской администрацией бунтовщиками. Руководивший еврейской самообороной Жаботинский был посажен в крепость в Акко. 1 мая 1921 г. в Яффо на границе с Тель-Авивом вспыхнули арабские беспорядки, оставившие после себя несколько убитых евреев. В тот же день беспорядки перекинулись на Петах-Тикву и Хадеру. В своем доме на окраине Яффо был убит знаменитый писатель Иосеф Хаим Бреннер.

В ответ на эти события английский наместник Герберт Сэмюэл объявил о приостановке еврейской иммиграции в Палестину до окончательного изучения проблемы.

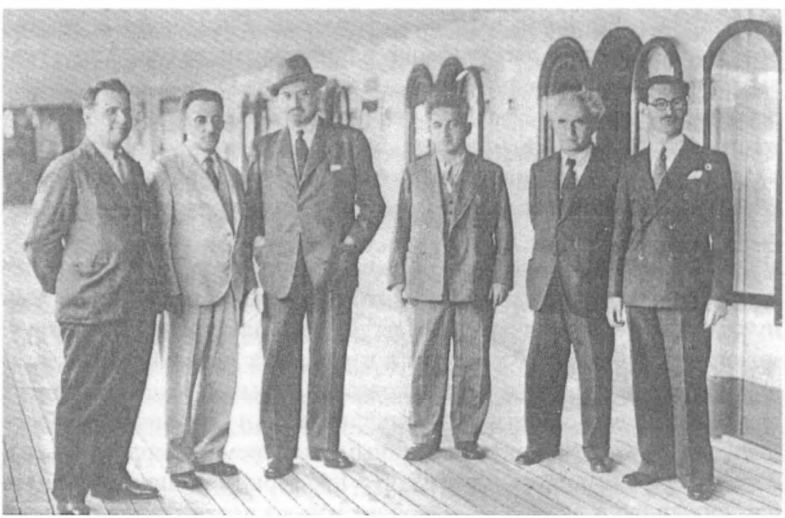
Нужно было строить свою еврейскую автономию внутри британского мандата, и начинать ее не с политического устройства, которого англичане не допустили бы, а с экономического. Берл выдвигает принципиальную концепцию: строить Эрец на базе национального, а не частного капитала. ВСО отклонила это требование. Но все же под давлением палестинской делегации была принята инициатива Артура Руппина о создании Рабочего банка, финансируемого ВСО, но с решающим голосом рабочих еврейского ишува. Через несколько лет эта идея воплотилась в банке «Апоалим».

В послевоенные годы в Эрец стала прибывать Третья алия. Это были в основном евреи западных областей Советской России. Одни бежали от гражданской войны, петлюровских и прочих погромов, от большевистского террора, другие – наоборот – приезжали, чтобы привнести в жизнь ишува опыт российской революции. Их выразителем стала партия ха-Шомер ха-цаир (Молодой страж). И опять Берл стал проводником идей объединения.

В декабре 1920 г. в Хайфе собралась конференция с единственным вопросом повестки дня: создание Всеобщей конфедерации трудящихся Эрец-Исраэль. Тогда же было придумано и короткое название для нее – Гистадрут.

Как обычно, у новой организации было очень много планов, но очень мало денег. К тому же Берл и Бен-Гурион загорелись идеей Пинхаса Рутенберга о всеобщей электрификации Палестины. А для этого требовались серьезные капиталы. Рутенберг взял на себя «пробивание» в британской администрации концессии на строительство электростанции и потребовал, чтобы Берл отправился в США собирать средства на реализацию проекта.

В первый раз он ехал в Америку – «а голдене мединe», золотую страну – предел мечтаний нищих восточноевропейских евреев, страну, куда уезжали герои Шолом-Алейхема, куда уехали миллионы евреев России. Берл не владел английским, поэтому его работа ограничивалась кругом людей, говоривших на идиш. 20 декабря 1921 г. в американской еврейской печати был опубликован

Берл Кацнельсон среди участников Сионистского конгресса 1935 г.

призыв помочь братьям-рабочим Эрец-Исраэль. На концерте в оперном театре в Манхэттене начался сбор пожертвований на рабочий банк. После концерта выяснилось, что продано около полутора тысяч акций – весьма неплохо. Но Берл хотел собрать четверть миллиона долларов, поэтому продолжил свое путешествие – с вокзала на вокзал, из гостиницы в гостиницу – через города Восточного побережья в Чикаго и Детройт. В течение долгой поездки,

которая, кстати, не оправдала его финансовых надежд, он чувствовал себя чужим. «Наши бобруйцы не рождены для Америки», – писал он Лее. Из США он перебрался в Карлсбад, где в августе 1922 г. открылась ежегодная сионистская конференция и, наконец, в ноябре того же года, после полуторагодовалого отсутствия вернулся в Палестину.

Его уже с нетерпением ждали, чтобы собрать третий съезд Ахдут ха-авода, который состоялся в декабре 1922 г. и подготовил второй съезд Гистадрута, открывшийся два месяца спустя в присутствии ряда почетных гостей, среди которых были Альберт Эйнштейн и Ахад-ха-Ам. Решения, принятые на нем, определили весь облик израильских профсоюзов вплоть до конца столетия. Была учреждена компания «Хеврат овдим» (Рабочая компания), принят устав профсоюзов и кодекс его членов, установлена система зарплаты для работников аппарата, структура Гистадрута и многое другое. Резолюции съезда были написаны лидерами Ахдут ха-авода, в первую очередь Берлом, который внес в них свое видение рабочего движения в Эрец. По итогам съезда Берлу досталось множество хлопотных обязанностей: он был избран в состав правления «Машбира», в правление банка «Апоалим» и стал главным редактором партийного журнала «Кунтрес», выходившего раз в две недели.

В марте 1923 г. «Кунтрес» снова начал выходить в свет после почти двухлетнего перерыва. Но это не удовлетворяло Берла. Ему нужна была большая ежедневная газета, на страницах которой можно было бы вести дискуссию в условиях постоянных партийных склок и раздоров, возникновения новых и распада старых групп и группок, но главное – воспитывать и сплачивать рабочее движение. «Кунтрес» был партийным изданием, а Берл хотел создать газету Гистадрута, потому что профсоюзное движение было намного шире и включало в себя несколько партий, самостоятельных групп и большое количество беспартийных рабочих. Его обычный метод натиска не сработал, вопрос был передан на рассмотрение Совета Гистадрута, который оттягивал решение несколько месяцев. Лишь на 10 пленуме Совета, весной 1924 г. член Гистадрута Берл Кацнельсон был назначен главным редактором новой профсоюзной газеты, пока не имевшей названия. Оно пришло позже и было предложено Хаимом Бяликом – «Давар» (на иврите это имеет три основных значения: дело, предмет и слово).

В редколлегию Берл собрал многих молодых людей, горевших желанием работать. Большинство из них стали потом руководите-

лями Государства Израиль: Залман Рубашов – президентом Залманом Шазаром, Моше Черток – премьер-министром Моше Шаретом. Удалось привлечь к сотрудничеству и Ш.Й.Агнона – будущего Нобелевского лауреата в области литературы. Примечательно, что многие статьи писались по-русски и лишь затем их переводили на иврит. 1 июня 1925 г. первый номер «Давар» вышел в свет.

Интересна позиция газеты по двум вопросам, необычайно актуальным для тогдашнего рабочего движения ишува: отношению к религии и отношению к Советской России. Редакцию упрекали в том, что она не отметила юбилей Маркса, но отметила юбилей Рамбама, в том, что в приложении для детей рассказывается, что такое Йом-Кипур и Рош ха-Шана. Еще больше споров было об освещении событий в России. Открытые процессы в СССР конца 20-х годов, высылка Троцкого и его статьи о Сталине – все это обсуждалось на страницах «Давар». Газета занимала ярко выраженную антибольшевистскую позицию, подчеркивая диктаторские стороны советского режима, ущемление прав человека и массовый террор. Во всем этом явно чувствовалась рука Берла с его уважением к еврейской традиции и нетерпимостью к насилию и искажению идей гуманного социализма.

Берл видел своим читателем еврейского интеллигентного рабочего, поэтому не хотел печатать подзаголовки с кратким содержанием статей, а также фотографии. Ему нужно было слово – и только слово. Но истинный уровень читателей оказался гораздо ниже, чем ему представлялось. Постепенно пришлось уступать, – ведь газету надо было продавать. Последними серьезными уступками стал выход вечернего приложения, выдержанного в легкой, броской форме, и согласие на печатание фотографий – в начале 1934 г.

Первые четыре года издания «Давар» внешне были очень спокойными, но внутренне – наполненными накапливающимся в партии напряжением. Сама партия была очень маленькой – около 2.000 членов – и очень «семейной». В ней состояли и прямые родственники, и друзья по поселению Киннерет, и друзья по прежней, российской, жизни. В этом довольно узком кругу Берл был окружен вниманием и почитанием, играя роль первой скрипки.

В 1924 г. началась Четвертая алия, состоявшая из людей, которые привыкли жить в городах и не хотели селиться в киббуцах. Городские рабочие стали большинством в Гистадруте и в Ахдут хаавода – и они не были из той же «семьи». Эти рабочие стремились к частному предпринимательству, а не к коллективному труду. Те из

них, кто собирался заниматься сельским хозяйством, предпочли делать это в принципиально иной форме – они создавали мошавы. Видя, что общего языка со сторонниками киббуцной жизни не найти, они организовали свою отдельную партию ха-Поэль ха-цаир (Молодой рабочий). Спорами с новой партией за право владеть умами рабочих ишува и были, в основном, заполнены эти годы. О том, насколько серьезным был спор, можно судить по словам Бен-Гуриона, которые он сказал жителям мошава Нахалал: «Вы находитесь на самой границе. За вами начинается капитализм».

В 1926 г. в Эрец начался экономический кризис, продолжавшийся три года. Все учреждения, созданные рабочим движением, остались практически без средств. И в это же время в крупнейшей подрядной строительной компании Гистадрута «Солель Боне» вскрылись крупные злоупотребления и коррупция, приведшие компанию на грань краха. Тревожные симптомы стали главной темой третьего съезда Гистадрута в 1927 г. Только человек с безупречной моральной репутацией мог говорить об этом открыто. Таким был Берл. В своей речи он обрушился на чрезмерно высокие зарплаты аппаратчиков, на расцветшую (всего за четыре года!) бюрократию. И в это же время руководство ВСО в нарушение своих обязательств сообщило, что у него нет возможности участвовать в погашении долгов «Солель Боне».

Оценив ситуацию, Берл сделал логический вывод: рабочие организации ишува должно завоевать сионистское движение. А чтобы добиться лидерства в ВСО они должны быть едины. Следовательно, нужно объединять Ахдут ха-авода и ха-Поэль ха-цаир. Договоренность об этом была достигнута в июне 1929 г. Через несколько месяцев, в начале 1930 г. это объединение было оформлено официально, и возникла партия Мапай (Мифлегет поалей Исраэль – партия рабочих Израиля), ведущая сила в создании Государства Израиль, бессменно руководившая страной с 1948 г. по 1977 г. Ныне эта партия называется Авода.

Относительно спокойная жизнь, полная созидательным трудом и организационными хлопотами, была разрушена событиями августа 1929 г. 23 августа вспыхнули арабские волнения, вылившиеся в кровавые погромы в Цфате, Моце и Хульде, но особенно в Хевроне, где были убиты 67 евреев, около 60 ранены, еврейский квартал разрушен, синагоги разграблены и свитки Торы сожжены. Арабская проблема стала центральной в жизни ишува.

Нельзя сказать, что ею не занимались и раньше. Существовало, например, общество «Брит Шалом» (Союз мира), которое про-

поведовало любовь между арабами и евреями и призывало евреев не ущемлять права арабов и не причинять им никаких неудобств. Бен-Гурион вместе с Бен-Цви искал общие этнические корни арабских феллахов и еврейских рабочих и в 1924 г. заявил: «Все мы – и еврейские, и арабские рабочие – дети одной страны, и пути наши навеки связаны». Берл никогда не поддавался очарованию «совместной счастливой жизни» и сантиментов к арабам не испытывал. После погромов 1929 г. его позиция стала еще четче: «Налицо две столь разные культуры, что нет места для их совместного существования», – писал он. И в 1930 г. язвительно высказался о тех, кто больше беспокоится об арабах, чем о евреях: *«Разговоры, ведущиеся у нас в Эрец об арабах, и сентиментальность, царящая в этих вопросах, напоминают мне тот период в России, когда вся молодежь носилась с мужиком, но не могла стоять с ним рядом из-за дегтярного духа, идущего от его сапог. У нас, в Эрец-Исраэль, араб начинает играть романтическую роль того самого мужика».*

31 марта 1930 г. был опубликован отчет комиссии Шоу, назначенной английским правительством для расследования событий августа. Вина за сами погромы возлагалась в нем на арабов. Но в то же время подчеркивалось, что истинной причиной погромов является вытеснение арабов-земледельцев еврейскими поселенцами. По результатам отчета британское правительство 20 октября 1930 г. опубликовало Белую книгу, рекомендации которой сводились к фактическому удушению еврейского национального очага в Палестине. Правда, вскоре англичане опомнились и в конце ноября того же года на специальном заседании правительства приняли документ, названный «посланием Макдональда». Он, фактически, отменял большинство положений Белой книги. Но, все равно, британское правительство оставляло за собой право на квоту для иммиграции, обновляемую каждые полгода и в 1931 г. сведенную практически к нулю.

С момента опубликования «послания Макдональда» деятельность сионистов приобрела новую направленность: появилась реальная перспектива создания собственного государства. Но нужны были граждане этого государства. И Берл выдвигает план широкой деятельности среди еврейской молодежи Европы. Все лето 1931 г. он провел в Вене и Лондоне, обговаривая с руководством Сионистского конгресса детали финансирования и реализации этого плана, которому придавал первостепенное значение. Но и население ишува Палестины должно было быть готовым к выполнению новых задач. А в ишуве в то время кипела борьба между социалистами и

ревизионистами во главе с Жаботинским. Впервые Берл встретился с Жаботинским еще во времена Еврейского легиона и был покорен им. Берл восхищался его ораторским талантом, темпераментом, обаянием. Да и было чем восхищаться. Но в 1931 г. они оказались по разные стороны баррикады. Точнее – Берла тянули на другую сторону. Бен-Гурион, а вместе с ним и большинство руководства Мапай, призывали к настоящей войне с ревизионистами, клеймя их не иначе, как фашистами. В марте 1933 г. на заседании Исполкома Гистадрута Берл выдвинул совершенно другой лозунг: сесть с бейтарцами («Бейтар» – сионистская молодежная организация, созданная Жаботинским) за стол переговоров и договориться о создании федеративной организации. Такой подход потряс членов Исполкома, и предложение Берла было отклонено с ходу.

Именно в эти дни произошло событие, изменившее всю судьбу еврейского народа, – Адольф Гитлер стал канцлером Германии. Берл сразу разглядел страшные последствия случившегося. Уже в своей речи 1 мая 1933 г. он призвал к борьбе против Гитлера и, в то же время, резко выступил против любых аналогий между фашизмом и ревизионизмом, настаивая на единстве рабочего сионистского движения. Может быть, он и сумел бы убедить своих товарищей, но 16 июня того же года во время прогулки с женой по тель-авивскому пляжу был убит Хаим Арлозоров – руководитель политического отдела Еврейского агентства. В убийстве обвинили ревизионистов. Берл сначала тоже был убежден в их виновности, но примерно через год изменил свое мнение, однако, не высказывая этого открыто. Когда главный обвиняемый – Авраам Ставский – был приговорен к смертной казни, редакция «Давар» под давлением Берла приняла линию на поддержку помилования Ставского. Когда же при рассмотрении аппеляции Ставский был освобожден за недостатком улик, Берла этот приговор чрезвычайно обрадовал.

В июле 1934 г., через две недели после освобождения Ставского, Исполком Союза сионистов-ревизионистов обратился в ЦК Мапай с предложением о подписании соглашения о «мире». Берл был в восторге. Но руководство Мапай, где преобладали уже те, кто вырос на уроках большевизма и восторгался его методами, отвергло все его доводы и отклонило предложение ревизионистов. Берл добился проведения референдума, который состоялся в марте 1935 г. и окончательно похоронил предложение о союзе с ревизионистами. Берл хотел было добиться своего обходными путями, но арабские беспорядки 1936 г. переключили внимание всего ишува

на палестинскую проблему. К счастью, беспорядки были быстро подавлены.

С февраля по декабрь 1937 г. Берл находился за границей. Здесь он окунулся в напряженную до предела политическую атмосферу Европы. А в ишуве шла бесконечная идеологическая война всех против всех. Воевали из-за того, как относиться к киббуцному движению, как относиться к сталинским чисткам в СССР, еще по целому ряду вопросов. Главной темой стали выборы в совет тель-авивского отделения Мапай. Во Франции еврейский юноша Гершл Грюншпан убил немецкого дипломата, и фашисты использовали этот предлог для организации в Германии «Хрустальной ночи». Берл предупреждал: «Гитлер готовит кладбище всему еврейскому народу!». А ЦК Мапай занимался обсуждением состава тель-авивского отделения.

Во время пребывания Берла в Лондоне резко ухудшилось его состояние здоровья. Известный врач профессор Гордер обнаружил у него нарушение деятельности щитовидной железы – гипотироидизм, из-за чего организм не получал достаточно гормона тироида. Он выписал соответствующие таблетки, и в течение нескольких дней состояние Берла резко улучшилось. Но когда он вернулся в Палестину, местные врачи не согласились с этим диагнозом и отменили таблетки. Головные боли и головокружения вскоре возобновились.

Между тем, весь ишув и все сионистское движение ожидали выводов очередной британской комиссии – Вудхеда, – которая должна была представить соображения по вопросу раздела Палестины. Берл был против раздела, – ему было жалко отдавать куски своей страны, но выражал готовность при определенных обстоятельствах и на определенных условиях пойти на это. Осенью 1938 г. он вернулся в Лондон для продолжения лечения, где застал Бен-Гуриона, готовившегося убедить правление ВСО бороться за выгодный раздел. «Оставь это, – сказал ему Берл. – Теперь нам предстоит бороться за право на существование».

Как раз в это время британский премьер Чемберлен вел переговоры с Гитлером о будущем Судетской области, и Хаим Вейцман надеялся, что с приближением войны англичане, как в 1917 г., снова начнут поддерживать в Палестине евреев. У Берла не было ни малейших иллюзий на этот счет. Он писал: «Сначала англичане пожелают купить верность наших соседей» (т.е. арабов). Уже в сентябре 1938 г., ведя переговоры с министром колоний Малькольмом Макдональдом, Берл пришел к выводу, что англичане тянут дело и

за завесой дружеских бесед готовят ряд драконовских законов против иммиграции и поселенческой политики. Ему стало ясно, что надо готовиться одновременно и к мировой войне, и к борьбе против мандатных властей.

После вторжения Гитлера в Чехословакию (1 октября 1938 г.) фашистские власти в течение 24 часов изгнали из Германии всех польских евреев. Польша обратно их не принимала. Возникла проблема еврейских беженцев. Эвианская конференция, призванная найти решение этой проблемы, натолкнулась на полное равнодушие всех, так называемых, «цивилизованных стран» и отказ предоставить изгнанным евреям убежище. Только тогда встрепенулись многие евреи, не желавшие признавать сионизм. Нашлись источники финансирования, нашлись организационные возможности, – и в начале 1939 г. к берегам Палестины начали прибывать корабли с беженцами.

Берл все больше убеждался в необходимости укрепления военной организации ишува – Хаганы. Он занимался закупкой оружия, добыванием денег, разработкой оперативных планов. Никакой должности в Хагане он не занимал, но авторитет его был столь велик, что командование не делало никаких шагов, предварительно не проконсультировавшись с ним.

16 августа 1939 г. – за две недели до начала Второй мировой войны – в Женеве открылся 21 Сионистский конгресс. Берл, конечно, не знал, что это будет последний конгресс перед Катастрофой и последний конгресс в его жизни, но его речь была поистине пророческой. *«Прежние методы,* – говорил Берл, – *уже не оправдывают себя. Вместо медленной упорной работы, надо действовать быстро и решительно... Теперь в авангарде нашей борьбы идут еврейские беженцы, и все мы должны придти к ним на помощь... Бывают случаи, когда даже великие державы отступают перед горем и страданиями народных масс... Страдающий еврейский народ будет по-прежнему нестись по волнам к берегам своей Родины».* Окончание речи было встречено всеми делегатами стоя, под непрерывные аплодисменты. В ходе конгресса стало известно, что 23 августа Германия и СССР подписали пакт о ненападении.

Из Женевы Берл отправился в Париж на срочное совещание по вопросам нелегальной алии, но вдруг его планы изменились. В парижском отеле он встретился с Жаботинским. Беседа была очень короткой, но Жаботинский стал упрашивать Берла приехать к нему в Лондон. «Я не мог не откликнуться», – написал Берл Лее.

Они встретились 31 августа на лондонской квартире Жаботинского и проговорили девять часов подряд – до полного изнеможения. На следующий день утром Жаботинский пришел к нему в гостиницу, и беседы продолжились. Но назавтра уже была война.

Они обсуждали все проблемы: самооборону, террор, поселенчество, алию – и по всем проблемам обнаруживались разногласия. Когда они попытались сформулировать хоть какой-то итог своих переговоров на бумаге, у них ничего не получилось. Было взаимное глубокое уважение, было желание договориться, но слишком далеко разошлись их позиции. В десятых числах сентября состоялась их последняя встреча. Польша была уже практически разгромлена. Жаботинский печально сказал: «Вы победили. За вами богатое еврейство Америки. А за мной было лишь бедное еврейство Польши. Теперь его нет».

21 сентября Берл пароходом прибыл в Хайфу. Больше он не покидал Палестины.

Весной 1940 г. английскими мандатными властями был издан Земельный закон, практически пресекавший возможность приобретения евреями земель на большей части территории Палестины. Вместе с Белой книгой 1939 г. это означало отказ Англии от всех обязательств по созданию национального еврейского государства в Палестине. Что делать в этих условиях? Этот вопрос обсуждался на конференции Всемирного объединения Поалей Цион, где в качестве приглашенных участвовали и представители Мапай. Конференция открылась 17 декабря 1940 г. в мошаве Айенот. Ораторы говорили, сами того не понимая, языком ушедшей эпохи: о возрождении киббуцев после войны, о «текущей работе» в европейской диаспоре. Лишь один Берл сказал то, что оказалось абсолютной правдой: *«Нынешняя война – это Рубикон, это граница, за которой прошлое уже не вернется. Сионисты должны осознать, что прежняя Вена, прежние Берлин и Прага уже не вернутся, как и прежние Варшава и Лодзь. Судьба европейского еврейства решена. Таков беспощадный приговор истории»*. Отсюда следовал вывод: *«Мы должны выдвинуть лозунг решения еврейского вопроса, лозунг создания еврейского государства»*. Берл не видел возможности договориться с националистическими движениями палестинских арабов и считал реальным лишь один выход из положения – обмен населением, трансфер. Но большинство делегатов не услышали его. Будущее казалось им не таким страшным, как его рисовал Берл.

Он не питал иллюзий и по поводу Советского Союза. Когда СССР напал на Финляндию, просоветские круги в Мапай нашли

тысячи оправданий для этой агрессии. Берл записал на иврите в своем дневнике: «Нет такой мерзости, которой они не простили бы Сталину. Ему заранее выдана индульгенция на все». И приписал по-русски: «Начальство лучше знает».

В этот момент полного бессилия сионистского движения Берл занялся, казалось бы, второстепенными делами. Он выступил инициатором создания радиостанции «Кол Исраэль» («Голос Израиля») и книжного издательства. Организацию издательства приходилось пробивать с огромным трудом. Но все же Совет Гистадрута принял решение создать издательство «Ам Овед» («Рабочий народ») и утвердил главным редактором Берла Кацнельсона. Тогда же, в начале 1941 г., он организовывает молодежные месячные семинары для членов рабочего движения. На одном из таких семинаров он обращает внимание на юношу по имени Игаль Пайкович, которого начинает активно продвигать. Через пять лет под именем Игаль Аллон этот юноша станет командиром Пальмаха, а затем одним из героев Войны за Независимость, командующим южным фронтом.

На семинарах, в качестве стенографистки, всегда присутствовала Сара Заит, роман с которой начался у Берла в самом конце 1939 г. Это была его последняя любовь. Их отношения не прекращались до самой смерти Берла, хотя они оба всячески их скрывали и никогда не появлялись на людях вместе. Известно, что он писал ей много писем. Но в 1953 г. Сара Заит погибла в катастрофе самолета Эль-Аль над территорией Болгарии. После ее гибели пропали и письма Берла к ней.

Лето и осень 1941 г. Берл провел в Иерусалиме, а потом в пригородном санатории. Лишь в конце января 1942 г. он вернулся в Тель-Авив. Несмотря на плохое состояние здоровья, он продолжал работать, иногда даже лежа в постели. Издательство «Ам Овед» поглощало все больше времени: нужно было составлять планы, подбирать переводчиков и авторов. На протяжении 1942-43 гг. тираж издательства достиг 150 тысяч экземпляров, а на территории Палестины тогда проживало 450 тысяч евреев. Такого успеха не знало ни одно издательство на иврите.

И в то же время все друзья Берла стали замечать в нем растущую замкнутость и угрюмость. Это было связано с известиями, приходившими из Европы. Гораздо раньше других Берл понял, что там происходит. Вплоть до конца 1943 г. руководство ВСО и еврейского ишува оперировали такими понятиями, как ужасы войны и еврейские беженцы. А он жил с ощущением и уверенностью, что

идет уничтожение нации. «Мир превратится в кладбище народа Израилева», – говорил он. Когда в начале 1944 г. готовились забросить в Европу парашютистов для установления связи с еврейскими организациями, первая группа встретилась с лидерами ишува. Ее члены спросили: в чем их главная задача. «Научить евреев сражаться», – ответил Элиягу Голомб. «Привить им сознание, что Эрец-Исраэль – это их страна и крепость», – сказал Бен-Гурион. «Спасать евреев. Все остальное – потом, – сказал Берл. – Если не останется евреев, то и Эрец-Исраэль и сионизм погибнут».

А в партии продолжалась идеологическая война. Мапай находился на грани раскола. Спорили об отношении к войне, к британскому мандату, к Советскому Союзу. Берлу приходилось много ездить по городам и киббуцам, произносить сотни речей, отстаивая позиции крыла Бен-Гуриона. В этот период они с Бен-Гурионом особенно сблизились. Их взаимная привязанность вышла за рамки общности идей и мнений и обрела чисто человеческую глубину и теплоту. В середине июля 1944 г. Берл совершенно обессилел и уехал в Иерусалим – лечиться и отдыхать. Жил он на квартире друзей, часто ходил в гости к Гершому Шолему и его жене Фане. В конце второй недели августа к нему из Тель-Авива приехала Лея. В субботу 12 августа он беседовал с Элиэзером Капланом, потом с пришедшими к нему молодыми ребятами – Тедди Колеком и Зеэвом Шерфом.

Когда они ушли, – это было около половины девятого вечера, у Берла произошло обширное кровоизлияние в мозг. Через полчаса, не приходя в сознание, он скончался. Ему было всего 57 лет.

Около половины одиннадцатого вечера по радио было передано экстренное сообщение о смерти Берла Кацнельсона. В иерусалимскую квартирку стали стекаться десятки и сотни людей. В Тель-Авиве, в редакции газеты «Давар», получив сообщение, связались с руководителем Гистадрута в Хайфе Давидом ха-Коэном, чтобы он сказал о смерти Берла Бен-Гуриону, отдыхавшему в это время на Кармеле.

Время было позднее, Бен-Гурион уже спал. Ха-Коэн присел на его кровать, тронул его за плечо и тихо сказал: «Берла не стало». Дальнейшее Ха-Коэн описывает в своих воспоминаниях так: «Он напрягся, как пружина, откинувшись назад так, что голова стукнулась о стену. Затем подался вперед и застыл. Потом упал на постель, закрылся с головой простыней и застонал, как раненый зверь. До меня доносились лишь невнятные выкрики: «Берл, Берла нет, как можно без Берла...»

Около полуночи вместе с женой Полей, сыном Амосом и Ха-Коэном Бен-Гурион поехал в Иерусалим. За всю дорогу он не произнес ни слова. На рассвете они добрались до квартиры, где лежало тело Берла. Взглянув на товарищей, стоящих вокруг кровати с телом покойного, Бен-Гурион упал без чувств. Придя в сознание, он попросил, чтобы его оставили с покойным наедине, и долгое время сидел в комнате, а выйдя оттуда, сказал сыну: «Это был мой единственный настоящий друг». До конца жизни на рабочем столе Бен-Гуриона стояла лишь одна фотография, – это была фотография Берла.

Берла Кацнельсона похоронили на кладбище того места, которое он больше всего любил – киббуц Киннерет. Именем Берла Кацнельсона названы учебно-воспитательный комплекс партии Авода «Бейт-Берл» (основан в 1947 г.) в трех км к северу от Кфар-Сабы и учебный центр «Охоло» (открыт в 1951 г.) на южном берегу озера Киннерет. В любом израильском городе есть улица его имени.

Между Сциллой и Харибдой: Определение Бен-Гурионом внешнеполитического курса Государства Израиль

Михаил Гольденберг (Хайфа),
Александр Цодиков (Нетания)

Давид Бен-Гурион

В середине XX века возникло Государство Израиль. Однако Декларация Независимости появилась не потому, что так хотел «мир», а потому что так, *определив* время, сделал Давид Бен-Гурион. Множество стран было против, и очень известные, теперь уже исторические личности, просили не торопиться с решением. Провозглашение Государства Израиль – это бесспорно один из наиболее смелых шагов, приведших к восстановлению суверенного еврейского государства после перерыва в два тысячелетия. Целенаправленность и воодушевление, с которыми руководил Бен-Гурион, ставят этого политика в один ряд с легендарным Иехошуа бин-Нуном, царем Давидом и Иехудой Маккавеем.

Многие из тех, кто сегодня клянется в верности наследию Бен-Гуриона, говорят и пишут о том, что он был социалистом. Неправда! Из его речей, книг, воспоминаний о нем видно, что это был еврей-националист, упрямый, решительный и жестоковыйный еврей. Бен-Гурион был антикоммунистом, но не доверял не только Советскому Союзу, но и Великобритании, и Америке.

В 1933 году он писал, что в некоторых ситуациях мы должны быть сильнее крупных государств. Речь идет о вопросах, оказывающих определяющее влияние на судьбу еврейского народа. Ни Великобритания, ни арабские страны не исчезнут с карты мира, если они не будут обладать Палестиной, в то время как наше существование полностью зависит от этого. Для нас это вопрос жизни или смерти.

В 1923 году генеральный секретарь Гистадрута Давид Бен-Гурион посетил Советский Союз. Три месяца находился он в СССР. Сразу же по возвращении оттуда он написал:

«Перед нами предстала Россия... Страна ослепительного света и непроглядной тьмы, возвышенных стремлений к освобождению и справедливости при безобразной и нищей действительности; страна революции и спекуляции, коммунизма и нэпа, священного страдания и отвратительной коррупции, бунта и подкупа, преданности идее и стяжательства, ломки ценностей и увековечения произвола, культа труда и золотых идолов... Что возьмет верх?»

Нас интересуют истинное отношение к еврейскому вопросу руководства Советского Союза и к судьбе евреев во время Второй мировой войны, к палестинскому вопросу, а позже к еврейскому государству. Все эти темы ждут своего исследователя и сегодня.

Поддерживал ли СССР дипломатические шаги, которые привели к созданию еврейского государства? Был ли это внезапный поворот, или звено в цепи планомерных действий?

Мы знаем, что уже в начале 1943 года советским правительством была создана комиссия для изучения всех вопросов, связанных с устройством послевоенного мира. Ей дали официальное название «Комитет подготовки мирных договоров и послевоенного порядка». Советское руководство разработало документы для определения программы действий на предстоящей мирной конференции, где откроется торг о новом мировом порядке и определении зон влияния.

Российская позиция была продиктована отнюдь не сочувствием к бедам евреев, а антибританскими или «антиимпериалистическими» соображениями, с помощью которых российские руководители стремились достичь влияния на Ближнем Востоке.

В СССР учитывали существование острой еврейской проблемы и необходимости ее разрешения, но вначале никак не хотели связывать ее с ситуацией в Палестине.

В середине ноября 1945 года состоялось последнее заседание комиссии. Обсуждалось резюме по еврейскому вопросу, в связи с подготовкой документа для подачи в высшую инстанцию. Заседание вел Литвинов, уже два года утверждавший, что невозможно отстраниться от связи между еврейской и палестинской проблемой.

В черновике заключения по палестинскому вопросу, утвержденного на форуме комиссии, было отражено историческое тяго-

тение евреев к Стране Израиля (Палестине), привязанность к стране отцов, существующая издавна, даже ожидание Мессии связано с Палестиной. Только антисемитизм превратил палестинскую проблему в более прозаичную и перевел ее в область политики и заселения. Пока антисемитизм не прекратится, существует необходимость в восстановлении, на основе международного права, еврейского государства, в которое смогут переселиться, конечно, не все евреи, но значительная их часть. Евреи, которые останутся в диаспоре, будут защищены собственным государством, и с этого времени будут подобны любым гражданам, уехавшим с родины, чтобы жить в другой стране. Советский Союз имел возможность поставить эту тему на обсуждение, так как не был связан какими-либо обязательствами, в отличие от англичан, испытывавших давление со стороны арабов, и США, – со стороны американских евреев. Ему достаточно было продекларировать свое желание и готовность заняться этой проблемой.

Документ отмечает, что англичане провалились в своей политике в подмандатной Палестине и не смогли оправдать надежды евреев, – неудачи Великобритании давали России хорошую зацепку. Объединение еврейского вопроса с палестинским не могло появиться без благословения верхов. Любопытен и удивителен тот факт, что советские специалисты и советники, не впервые занимавшиеся палестинской проблемой, отвергли арабский аспект, как будто он и не существовал. Прежние формулировки о солидарности Советского Союза с борьбой за освобождение арабского народа Палестины от колониализма были отодвинуты на второй план, а на первый – поставлен еврейский вопрос. По решению видно, что произошла ревизия принятой ранее концепции.

Эти установки были новы, неожиданны и отличались от позиции, которую занимал СССР в предвоенные годы.

Еще во времена войны представители Советского Союза посетили Палестину. Один из старших в комиссии, посол в Лондоне Иван Михайлович Майский[1], прибыл в страну в начале октября 1943 года. В своей тайной встрече с Бен-Гурионом и Элиэзером Капланом (будущим министром финансов в первом правительстве

[1] Майский (Ляховецкий) Иван Михайлович, (1884, Кириллов, Новгородской губернии – 1975. Москва). Политический деятель. Дипломат. В 1932 – 1942 г.г. полпред (с 1941 г. – посол) СССР в Великобритании. В 1943 – 1947 г.г. заместитель наркома иностранных дел. Участник Крымской (Ялтинской) и Потсдамской конференций.

Израиля) он беседовал о проблеме еврейских беженцев и о том, что Палестина должна помочь в их абсорбции, устройстве и реабилитации. Сообщение Бен-Гуриона о его беседе с Майским включено в отчет заседания руководства Еврейского Агентства по Палестине от 4.10.1943:

«На обратном пути я решил говорить с ним (Майским) поделовому – о сионизме. Майский сам спросил о сионизме. Он хотел узнать, составляются ли нами планы на послевоенный период, есть ли у нас программа по заселению страны на период после войны. Майский просил, чтобы эти слова не распространялись: после войны будет очень остро стоять еврейская проблема, и мы должны ее разрешить, для этого необходимо иметь информацию. Считают, что в Палестине нет места, – надо знать реальность, какова емкость Палестины.

Мы немного рассказали ему о больших планах, которые подготавливаем, об идее заселения Негева, новшествах в орошении. Сказал ему о возможности принять 2 млн. евреев, сейчас я не мог назвать большее количество. Он просил планы и материалы. Разъяснил, почему говорят, что нет места, указал ему две причины: одна – из неверия, так как привыкли к другим и большим пространствам, другая – потому, что не хотят этого. Майский просил представить подробные предложения, хотел иметь альбомы о стране, послать фотографии своим товарищам отсюда, из Иерусалима. Мы дали ему литературу, которая у нас была, в том числе две книги Руппина[2]*».*

Атмосфера встречи была оптимистичной. Бен-Гурион назначил комиссию специалистов, чтобы подготовить план приема евреев в страну. На этом заседании Бен-Гурион сказал, что еще существует государство, заинтересованное в судьбе Эрец-Исраэль и евреев.

Программу принятия 2,5 млн. репатриантов Бен-Гурион представил через год советскому послу в Каире.

8 ноября 1944 года в номере газеты «Эйникайт» (орган Еврейского антифашистского комитета), посвященном годовщине Октябрьской революции, Шахно Эпштейн[3] опубликовал статью «Воз-

---

[2] Руппин Артур (1876, Равич, Германской империи, ныне Польша, – 1943, Иерусалим), основоположник социологич. исследований о еврейском народе, деятель сионистского и поселенческого движения в Эрец-Исраэль.

[3] Эпштейн Шахно (1883, м. Ивье Ошмянского уезда Виленской губ., – 1945, Москва), общ. деятель, публицист и литературовед. В 1903 г. примк-

рождение народа» и в ней выразил отношение к еврейскому ишуву в Палестине. Вот его слова:

«Под влиянием фашистских зверств, которые превратили еврейское население в большинстве стран Европы в пепел и массовые кладбища, возникло среди широких кругов еврейской общественности за границей растущее уважение к плану массового переселения евреев в Палестину. Многие видят в нем единственное средство для радикального разрешения еврейского вопроса.

Ясно, что каждый человек, у кого нормальная голова, и он любит свободу, не может не радоваться тому, что евреи в Палестине умножатся и продолжат свободно и на основах государственности строить свой дом, который они успели основать. Это их легитимное право как коллектива, объединенного общими интересами и целями.

Решение проблемы интеграции еврейского населения является надеждой подавляющего большинства еврейского народа. Создать еврейскую государственность обязывает необходимость решения вопроса перемещенных во время войны евреев Европы».

Контакты советского правительства и работников МИДа с представителями ишува не прекратились и после окончания формулирования документов. К сожалению, система собирания материалов (или отсутствия системы) с русской стороны не дает возможности в полном объеме восстановить то, что можно назвать «Папка Палестины». Ясно другое. Оперативно советская сторона поддерживала евреев в их противостоянии англичанам и стремлении создать еврейское государство.

Но было и некое но…

Соображения и дух, определявшие советскую политику еще в 1944 году, можно понять из письма, посланного И.В.Смиловским[4] и А.Д.Щебориным[5] 25.11.1944 В.Г.Деканозову, заместителю министра иностранных дел СССР:

«Если иметь в виду громадную русскую недвижимость в Палестине, нам не выгодно сейчас давать какие-нибудь обещания

нул к Бунду, а в марте 1919 г. – к Комбунду. В авг. 1919 г. вступил в члены коммунистич. партии Украины. В 1942 г. назначен ответственным секретарем Еврейского антифашистского комитета; редактировал газету «Эйникайт» – орган комитета.

[4] И.В.Смиловский, с 1944 года заведующий отделом Ближнего Востока МИДа СССР.

[5] А.Д.Щеборин – советский посол в Египте.

помощи евреям. Эти обещания будут поняты англичанами как шаг, направленный против них.

Связи с евреями необходимо ограничить областью культуры и ни в коем случае не декларировать какую-либо поддержку плана создания еврейского государства».

На полях письма добавлено от руки примечание об указании, посланном 1.12.44, и оно выглядит значимо для нас: *«Сказать, что никакие официальные советские представители, и, тем более, советское правительство, не уполномочили Бен-Гуриона выступать с сообщением от имени Советского Союза (о еврейском доме в Палестине). Если Англия и США поддержат, СССР сделает то же».*

В Комитет подготовки мирных договоров и послевоенного порядка входили специалисты по Ближнему Востоку, часть из которых находилась в Москве; некоторые работали в советских представительствах в районе Ближнего Востока, среди них – Даниил Солод, ранее советский посол в Каире, а затем в Бейруте. Официальную Москву представляли: И.В.Смиловский, его заместитель М.А.Максимов, историк Б.Е.Штейн, член советской делегации в ООН. Они анализировали текущие события, формулировали рабочие документы и направляли их руководству.

Вот отрывок из сообщения Даниила Солода Смиловскому от 3.01.1946 года: *«Каким бы ни было решение палестинского вопроса, решится или не решится, американцами или вместе с англичанами, мне кажется, что в обоих случаях разрешение вопроса без нашего участия нам невыгодно. Пришло время, и есть база к тому, что (мы) можем, и видится мне, – должны требовать нашего участия в решении этого вопроса. Евреи в Европе находятся не только в англо-американской зоне оккупации. Кроме того, Палестина расположена не только на торговых путях британской империи, но также на линиях, соединяющих морями советские порты с портами зарубежья».*

Максимов, представляя отчет Вышинскому и Деканозову для беседы в Лондоне в англо-американском комитете в 1945 году, подытожил, что необходима стратегия, чтобы продвинуть интересы СССР. В середине апреля уже был составлен документ-позиция. На странице появились пометки о трагедии евреев в Европе, акцентировался факт, что евреям некуда идти и что государства Западной Европы не имеют возможности защитить их и заботиться об их безопасности. Демократизация всей Европы, т.е. превращение всех стран в народные демократии, *если бы это случилось*, было бы же-

лательным разрешением еврейского вопроса, но так как этого не предвидится, то необходимо разрешение еврейского вопроса в Палестине.

Меморандум о Палестине от 27.7.1945 подписан Литвиновым и представлен Вышинскому. Копии посланы Сталину, Молотову, Мануильскому, Лозовскому, Сурицу. Всего 12 копий. На последнем заседании комиссии принимали участие кроме Литвинова: С.А.Лозовский – зам. министра иностранных дел, Я.З.Суриц – посол в Бразилии, Б.Е.Штейн – историк и Юдин – секретарь комиссии. Все – евреи, которые вскоре были отстранены от своих должностей в МИДе. Интересно, что имя Майского не упоминалось.

За две недели до специального заседания Генеральной Ассамблеи ООН по палестинскому вопросу, Максимов сформулировал выводы:

1. У англо-американской комиссии нет полномочий заниматься проблемой в отсутствии двух сторон, замешанных в конфликте.

2. Практика разрешения еврейского вопроса в странах Западной Европы путем переселения (евреев) в Палестину и только – приведет к неудаче. Лишь окончательное уничтожение корней фашизма и демократизация государств Европы способны создать нормальные условия для существования еврейских масс в любой стране.

Максимов подчеркнул значение слова «только» и снова повторил слово в слово эту позицию в Меморандуме от 15.4.47.

3. Следует требовать прекращения мандата и вывода иностранных сил.

4. Передать страну на ограниченное время под международный контроль и создать условия для независимой и демократической Палестины.

Одновременно с независимостью в Палестине должна быть принята демократическая конституция, гарантирующая полные равные права (гражданские и национальные) всему населению. Формулировку этого статуса необходимо возложить на Организацию Объединенных Наций, она должна гарантировать его исполнение. Содержание еврейского параграфа, который здесь цитировался, очень интересно и служит нам в качестве ключа. Палестина, как убежище для перемещенных евреев, – да. Сионизм, в смысле ультимативного разрешения еврейского вопроса, и отсюда оправдание территориальных требований, – нет.

После того, как Британия передала на обсуждение в ООН палестинский вопрос, СССР впервые получил возможность не только

высказывать свою точку зрения, но также принимать активное участие в решении судьбы Палестины.

Позиция Бен-Гуриона была такова: *Еврейский народ может надеяться, прежде всего, на самого себя и лишь в очень небольшой степени – на то, что кто-то еще в мире захочет понять его проблемы и проникнется к нему некоторым сочувствием. Он не должен ни от кого зависеть и не должен верить никому, кроме самого себя.*

Попробуем разобраться в секретном письме М.Максимова В.Г.Деканозову от 17.9.46, которое относится к операции «Бриха»[6] («Побег») евреев из Восточной Европы. Отмечая, что «Бриха» организована сионистами, Максимов добавил:

1. Мы решительно просим наших представителей в Польше, Румынии, Чехословакии и послов в Болгарии и Венгрии представить нам подробные данные об активности сионистских организаций с целью массового выезда евреев в Палестину. В то же время мы должны предупредить наших представителей и посольства в этих странах, что наши работники не должны вмешиваться в проблемы, связанные с выездом евреев в Палестину.

2. Невозможно добиться разрешения палестинской проблемы на базе существующего мандата. Необходимо изменить мандат.

3. Коренное разрешение палестинской проблемы и создание независимой Палестины на базе демократии должно быть достигнуто с помощью гарантий, провозглашенных ООН.

Указания к речи на апрельском заседании Генеральной ассамблеи по палестинскому вопросу А.Громыко, постоянный представитель СССР в Совете Безопасности ООН, получил 28.4.47.

Вот как они были сформулированы:

1. Мандатную систему, принятую в 1922 году, власти в Палестине провалили. По сообщению самого британского правительства не было возможности воплотить мандат в жизнь.

2. Если будет дискуссия в Генеральной Ассамблее по вопросу отмены британского мандата, советская делегация должна выступить принципиально за его отмену.

3. Отметить, что в последней войне неимоверные страдания обрушились на еврейский народ и необходимо облегчить его участь.

---

[6] Название подпольной организации, созданной уцелевшими после Катастрофы членами молодежных движений, с целью переправки евреев из стран Восточной Европы в подмандатную Палестину.

4. Принять во внимание, что есть разные проекты решения еврейской проблемы и прислушаться к двум вариантам.

Первый: основать двуединое арабо-еврейское государство с равными правами для евреев и для арабов.

Второй: раздел Палестины.

Вначале Громыко говорил о провале мандата:

«Система мандата в виде правительства Палестины, созданная в 1922, не оправдала себя. Она не выдержала экзамена. Праздные декларации, которые раздавались при утверждении создания системы мандатной власти Палестины, остались висеть в воздухе и не были осуществлены в действительности».

В наших руках телеграмма Молотова, направленная в Нью-Йорк 1.10.1947, немного менее чем за два месяца до голосования по вопросу создания еврейского государства: *«Важно понять, что когда мы предложили Громыко первый вариант разрешения палестинской проблемы – создание двуединого государства, то сделали это по тактическим соображениям. Мы не хотели взять на себя инициативу создания еврейского государства, но нашу позицию лучше отражает второй вариант. Если после обсуждения обнаружится, что большинство комитета ООН выскажется в пользу отдельного еврейского государства, вы должны поддержать эту позицию».*

Советы осознали связь между еврейским вопросом и требованием еврейской государственности. С их согласия евреи Польши, оказавшиеся во время войны во внутренних районах России, получили возможность вернуться в 1946 году в Польшу. Они хлынули на Запад и заполнили еврейские лагеря перемещенных лиц. То же было с евреями Сербии и Буковины, которым разрешили въезд в Румынию, понимая, что Румыния это не их последняя остановка.

Советские власти даже помогали в оформлении фиктивных браков с польскими гражданами. Вся операция «Бриха» из стран восточного блока не могла бы осуществиться, если бы не было согласия Советов. Мы уже упоминали об официальном документе, посланном всем посольствам в странах советского влияния, с указанием следить за операцией «Бриха», но не мешать ей.

В советском руководстве понимали враждебность к евреям среди многих, обогатившихся на убийстве евреев и разграблении их имущества, и боялись ситуации, когда должны будут восстановить прежнее положение.

Добиваясь своих целей на Ближнем Востоке, Советы, начавшие преподносить сюрпризы англичанам и американцам уже в

1946, не давали проблеме еврейских беженцев угаснуть, делая это целеустремленно и поддерживая разрешение вопроса в соответствии с национальными целями еврейского народа – создания независимого государства в Палестине.

Защита еврейских интересов помогала России создать имидж страны, проводящей гуманную национальную политику. Но Громыко намеренно говорил о мировой еврейской проблеме, а не о новом государстве для евреев. В Палестине он видел только загон, в который должны стекаться евреи из лагерей перемещенных лиц, разбросанных по всей Западной Европе. Декларация Громыко была одновременно частью советской попытки сгладить разногласия с США с помощью жеста по отношению к американскому еврейству, потрясенному случившимся в Европе и имевшему достаточный политический вес на международной арене.

Декларация Громыко носила историко-идеологический характер, который касался всего мира, в основном – евреев США. Она не сопровождалась политическими комментариями в советских СМИ и не отождествлялась с марксистским видением мира, а в 1949 году, с ухудшением отношений между СССР и Израилем, просто провалилась сквозь землю.

Бен-Гурион предвидел, что арабские страны не смирятся с разделом Палестины и все-таки настоял на провозглашении еврейского государства. Не кто иной, как государственный секретарь США Джордж Маршалл, выдающийся военный специалист, в прошлом – генерал, направил соратника Бен-Гуриона Моше Шарета из Вашингтона в Тель-Авив с рекомендацией согласиться на прекращение огня и отложить создание Государства Израиль. «По-моему, он прав», – сказал Шарет Бен-Гуриону в Тель-Авиве. Бен-Гурион был непреклонен. Личность и духовная сила Бен-Гуриона позволили ему сплотить людей разных взглядов и философских позиций во имя общей цели. Обладая способностью смотреть в будущее, он сумел понять, что соглашение с англичанами невозможно, и евреям в Палестине следует готовиться к созданию национальной армии и ведению серьезной войны.

Если бы Бен-Гурион не смог постичь всего значения происходящего, палестинское еврейство было бы застигнуто врасплох как в политическом, так и в военном отношении. Он уже понял, что взаимных уступок не будет и придется идти до конца. Отсюда его настойчивость на всех этапах подготовки к войне и его приверженность идее государственности. Бен-Гурион считал, что внешняя политика и оборонная политика служат одной и той же цели. Если

объяснения не помогают, прибегают к силе. Сила – это не только армия, но и возможность создания политической реальности. Когда государство было провозглашено, перед ним встали три проблемы: проблема границ, проблема беженцев и проблема Иерусалима. Ни одна из них не была и не будет решена путем убеждения. Их решению может способствовать только признание необратимости политических изменений.

На рассвете, 15 мая, глава временного правительства только что провозглашенного Государства Израиль Давид Бен-Гурион приехал на радиостанцию Хаганы в Тель-Авиве, чтобы выступить с сообщением перед американскими евреями. В это время три самолета египетских ВВС проникли в воздушное пространство Израиля и сбросили бомбы на тель-авивский аэропорт и электростанцию «Ридинг», находившуюся вблизи радиостанции. Взрывная волна тряхнула здание, но Бен-Гурион продолжил свою речь и только тогда сообщил радиослушателям о бомбардировке. Так началась война «пятеро на одного», – противостояние стран, не сравнимых по численности населения и армии.

Пока на севере и юге шли ожесточенные сражения, необходимо было принять все меры по приобретению оружия.

Выручило американское еврейство: за океаном собрали значительную сумму. По поводу позиции, занятой СССР, биограф Бен-Гуриона Михаэль Бар-Зоар писал, что на дипломатической арене Советский Союз был союзником Израиля. Андрей Громыко, советский представитель в ООН, неоднократно выступал против явно антиизраильских шагов, инициатором которых была Англия. Противостояние Советского Союза Великобритании было прозрачной попыткой завоевать плацдарм на Ближнем Востоке, отсюда – недвусмысленный интерес Москвы в победе Израиля и в поражении государств, находившихся под британским влиянием: Трансиордании, Ирака и Египта...

Жизненно важную помощь оказывала Израилю Чехословакия: продавала оружие, направляла в страну специалистов, организовывала обучение летчиков, парашютистов и специалистов разных профессий на ускоренных курсах для израильтян и евреев из Восточной Европы. Помощь советского блока имела для Израиля огромное значение, поэтому Израиль прилагал значительные усилия к тому, чтобы сохранить хорошие связи с Кремлем. В 1948 году, в день годовщины Октябрьской революции, Бен-Гурион направил

телеграмму с горячими поздравлениями своему советскому коллеге Иосифу Сталину.

В период противостояния великих держав Бен-Гурион подчеркивал особый характер Израиля как еврейского государства, необходимость сохранения духовной независимости страны, отказа от автоматического признания чужих принципов и законов. Независимость – это не только политический принцип. Это также вопрос культуры и морали. Мы свободные люди. У нас есть право на свободу мысли, свободу суждения, и мы воспринимаем вещи так, как мы их видим, а не так, как нам приказано их видеть.

Еще в конце июля 1948 года он говорил об особом положении евреев в мире, где они вот уже на протяжении двух тысяч лет выступают в роли бунтовщиков: евреи отказываются признать концепцию христианства, в то время как едва ли ни весь мир признал ее, они также отказываются признать ислам – одну из наиболее влиятельных мировых религий.

Главную политическую опору для Израиля в будущем Бен-Гурион разглядел уже тогда в Америке и преисполнился решимостью завязать с ней тесные отношения. Представитель Государственного департамента США, направленный в Израиль в конце 1948 года, пытался выяснить, намерен ли Израиль стать частью советского блока. Бен-Гурион старался разъяснить ему, что национальный характер палестинских евреев, – и это было видно еще до создания государства, – не терпит зависимости – ни экономической, ни политической, ни интеллектуальной. Мы никому не подражаем, а идем своим собственным путем. Мы не похожи ни на английских лейбористов, ни на русских коммунистов, ни на немецких социал-демократов. Мы не собираемся кланяться ни Америке, ни России, а стремимся найти свой путь.

Дипломатия неприсоединения нашла свое выражение в базовых принципах программы правительства, сформулированной после первых выборов в начале 1949 года. В ней, в частности, говорилось, что внешняя политика Израиля будет основана на лояльности по отношению к принципам Хартии ООН, и на дружбе со всеми миролюбивыми государствами, и в особенности с США и СССР.

В начале августа 1949 года в беседе с епископом Томасом Мак-Магоном, посланником американской католической церкви, премьер-министр подчеркивал, что сущность нашего уникального национального наследия такова, что его невозможно приспособить к системе, отрицающей основные права личности, а еврейский характер непременно должен поставить на коммунизме клеймо смер-

тельной опасности для общечеловеческих ценностей. Спустя несколько месяцев он разъяснил свою позицию послу США: скорее Рим станет коммунистическим, чем Иерусалим. В начале 1950 г., в беседе с одним из лидеров американского еврейства, Бен-Гурион говорил о том, почему существуют три основных возражения против радикального изменения государственной политики. Первое – неопределенность военных планов США на Ближнем Востоке, в частности, – возможности вмешательства в военные конфликты в регионе. Было очевидно, что Америка не пошлет значительный военный контингент исключительно для защиты Израиля. С точки зрения Израиля, стратегический союз с Западом был чреват многими опасностями. Второе – касалось еврейской иммиграции. Бен-Гурион говорил, что не знает, будет ли война и когда она будет. Между тем важно, что произойдет в ближайшие несколько лет. Иммиграция – наша единственная надежда. Румыния закрыта, но мы не можем отречься от сотен тысяч живущих там евреев. Еще продолжается иммиграция из Польши, Чехословакии и Болгарии. Если есть хоть малейший шанс обеспечить иммиграцию с Востока, в особенности из Румынии, мы не должны им пренебрегать.

Третье серьезное обстоятельство, мешающее Израилю вступить в стратегический союз с западным блоком, по мнению Бен-Гуриона, заключалось в том, что в данное время Британия, а не США играет решающую роль в формировании международной политики на Ближнем Востоке. Нежелание Бен-Гуриона ставить судьбу Государства Израиль в зависимость от действий Великобритании было очевидно. Во время Войны за Независимость Бен-Гурион твердо верил, что в этом политическом и военном конфликте Великобритания является невидимым врагом Израиля. Даже признание Израиля Великобританией в 1949 году с последующим установлением полных дипломатических отношений между двумя странами не заставило Бен-Гуриона забыть о том времени, когда британское правительство проводило антиизраильскую политику.

В начале 1950 года руководство США изменило свое отношение к странам, не поддержавшим однозначно Америку в ее конфликте с Советским Союзом. В том же духе высказывались и лидеры американского еврейства. На Израиль оказывалось давление с целью заставить его определиться и публично заявить, что, «коммунистические взгляды» для него неприемлемы. Эти установки были сформулированы и переданы американцами еще в конце 1949

года личному представителю Бен-Гуриона Элиэзеру Ливне[7]. На встречах Ливне в США с членами координационного комитета из представителей государственного департамента, министерства обороны и сотрудников разведывательных служб, было сказано, что только в случае, если Израиль заявит о своей готовности противостоять советской агрессии, станет возможным изменение отношения к его просьбам о помощи в создании военной базы.

Правительство Израиля решило поддержать в ООН США в противостоянии с Советским Союзом по корейскому вопросу. Вместе с тем, на состоявшейся в начале июля 1950 года в Тель-Авиве встрече с представителями израильского дипломатического корпуса, Бен-Гурион не говорил ни о корейской войне, ни о ее влиянии на израильскую политику. Одновременно со встречей послов была проведена серия консультаций, посвященных планированию абсорбции новых репатриантов на ближайшие три года (по различным оценкам, в страну должны были приехать от шестисот тысяч до миллиона человек), на их интеграцию требовалось не менее полутора миллиарда долларов. Две трети этой суммы предполагалось получить от США. Только ли по этой причине, или же вследствие того, что к ней добавились и другие обстоятельства, – в конце июля 1950 г. Бен-Гурион пригласил американского посла в Израиле и проинформировал его о намерении Израиля построить с помощью американского оружия сильную армию с личным составом в двести пятьдесят тысяч человек, которая поможет США, Великобритании и Турции противостоять советской агрессии. Когда американский посол спросил Бен-Гуриона, какого мнения придерживаются израильские левые круги по этому вопросу, тот уверенно ответил, что в случае войны, хорошо подготовленные и вооруженные, израильские войска с увеличенной численностью личного состава будут гарантией единства израильского народа в деле поддержки Запада.

В конце 1950 года Бен-Гурион хотел приобрести сто пятьдесят тысяч американских винтовок для замены тех, которыми пользовалась Армия Обороны Израиля. Это должно было стать первым ша-

---

[7] Ливне (Ливенштейн) Элиэзер, (1902, Лодзь Петроковской губ., – 1975, Иерусалим). Политический деятель, публицист. В Эрец-Исраэль с 1920 г. В 30-годы представлял Гистадрут в Германии, принимал участие в организации выезда евреев из Германии. Возглавлял отдел пропаганды Хаганы. В 1942 – 1947 гг. работал в подпольной прессе. После Шестидневной войны один из создателей движения *За единый Эрец-Исраэль*. Автор книг по истории сионизма.

гом в приведении израильского легкого оружия в соответствие с американскими стандартами. Кроме того, он пытался не только заинтересовать Вашингтон перспективой создания в Израиле складов стратегических материалов и провианта, но и получить поддержку США для налаживания выпуска легкого оружия и продажи его странам НАТО.

Переговоры с Вашингтоном не предавались огласке. Официально Израиль продолжал оставаться в дружеских отношениях и с США, и с СССР. Бен-Гурион отказывался связывать себя обязательствами перед США в мирное время, опасаясь негативно повлиять на иммиграцию из Восточной Европы.

В планах, переданных в Вашингтон, не было ни одного предложения ни по строительству в Израиле американских военных баз, ни по совместной военной стратегии против Советского Союза. Бен-Гурион говорил начальнику генерального штаба, что не следует сообщать о том, как мы намерены вести себя, а говорить только о наших текущих действиях. В конце марта 1951 г. премьер-министр объяснял находившемуся в Израиле американскому дипломату высокого ранга, почему он не хочет, чтобы Израиль имел контрактные обязательства перед Великобританией и Западом в целом: важно не само создание Высшего союзного командования, а цель, для которой оно предназначено, – заботиться об обороне ближневосточного региона, не допуская его перехода в зону советского влияния.

В конце концов, было решено не настаивать на включении Израиля в планируемый странами Запада оборонный пакт и в то же время способствовать усилению израильской армии и развитию израильской военной промышленности. Безусловный приоритет был отдан прямым соглашениям между США и Израилем.

Бен-Гурион считал, что нация должна быть самодостаточной. Нельзя предвидеть, каков будет мир после следующей войны, и каковы будут отношения между великими державами, если Запад эту войну выиграет. Возможно, США больше не будут заинтересованы в этом регионе, но здесь останутся евреи и арабы.

В этой связи следует упомянуть еще одно событие, показавшее, насколько серьезной для Израиля была проблема выработки внешнеполитического курса. В сентябре 1951 года американская администрация впервые выделила безвозмездную военную помощь странам Ближнего Востока. Она предназначалась для защиты всего региона от внешней угрозы. В конце ноября 1951 года Бен-Гурион наметил политическую линию, являвшуюся в значительной степени

развитием концепции, которую он вынашивал уже около года. Она заключалась в том, что Израиль должен был создать атмосферу доверия к его позиции в международной политике, избегая каких-либо публичных обязательств, связанных с конфликтом супердержав.

Между тем, для Израиля был особенно важен приток населения в страну в течение ближайших лет, иными словами, нельзя было вступать в открытый конфликт с Восточным блоком. Позиция Бен-Гуриона, о которой он уведомил США, была такова: в условиях мира сохранять политическую независимость, в случае войны – быть полностью на стороне Запада. Он говорил о необходимости избегать опрометчивых поступков и обязательств в отношении будущего, которое нам не ясно. Кто дает обязательства нам? Мы должны стать сильными, увеличить нашу мощь, и пользоваться помощью тех, кто готов нам ее оказать.

К началу 50-х годов Кремль расстался с надеждой превратить еврейское государство в свой бастион на Ближнем Востоке. Известно, что в это время Израиль неоднократно обращался к СССР с просьбой о поставках оружия и нефти, о предоставлении займов. Обращения эти остались без ответа.

Тот факт, что правительство Израиля решило поддержать в ООН США в противостоянии с Советским Союзом, указывает на вероятную связь между этими событиями.

К весне 1951 года советская дипломатия стала занимать «нейтральную» позицию в арабо-израильском противостоянии, а в марте 1953 года советская делегация в ООН впервые проголосовала против Израиля.

Изменение внешнеполитической ориентации Израиля нашло отражение в выступлении Бен-Гуриона на митинге в апреле 1951 года, когда Старик (так называли за глаза премьер-министра) воскликнул: «Рабочие Эрец-Исраэль должны сделать выбор: либо Кремль, либо Иерусалим!»

Неудивительно, что политика Израиля относительно создания оборонительного союза со странами Запада в ближневосточном регионе вызывала большой интерес со стороны СССР. В начале ноября 1951 года Советский Союз направил Израилю послание, содержащее недвусмысленное предостережение от последствий участия в этом союзе. Жесткая реакция Советского Союза еще более усилила необходимость лавировать между двумя блоками.

Бен-Гурион подготовил документ, отражавший политическую линию Израиля в предстоящих переговорах с США и Великобри-

танией. В нем содержались инструкции, предписывающие израильской делегации выяснить, каковы оборонные планы западных держав на Ближнем Востоке, каковы типы и объемы вооружений, которые они готовы передать Израилю, и готова ли Англия помочь Израилю в развитии транспорта и увеличении запасов топлива. Вместе с тем, этот документ предписывал израильской делегации представить лишь самую общую информацию об экономическом и военном потенциале, который Израиль может использовать в случае возникновения чрезвычайной ситуации.

Желание Бен-Гуриона сохранять контакты с СССР было связано лишь с хрупким положением маленького, еще не вставшего на ноги государства в послевоенном мире.

Недоверие по отношению к коммунистической идеологии, советскому режиму и советскому руководству, которое Бен-Гурион испытывал с самого начала своей политической деятельности, было хорошо известно в ишуве. Споры Бен-Гуриона с представителями коммунистической партии Палестины создали ему репутацию одного из самых откровенно антикоммунистически настроенных членов руководства сионистского движения. Он решительно осуждал советский идеологический и политический тоталитаризм и не сомневался в абсолютной враждебности коммунистического блока по отношению к сионистскому движению. Однако Бен-Гуриону было трудно игнорировать поддержку, которую Советский Союз оказывал Израилю в период его создания – до и некоторое время после провозглашения государственной независимости в мае 1948 года. На фоне вражды между сионистской и коммунистической идеологиями эта поддержка представляла собой исключительное явление. В июне 1948 года Моше Шарет[8] охарактеризовал новую политику СССР как *«самую революционную перемену, которая произошла в мире по отношению к сионизму и еврейскому народу со времени Декларации Бальфура»*. Бен-Гурион не разделял это восторженное мнение и вполне откровенно заявил, что термин «нейтралитет» имеет смысл только в военное время, что он не намерен быть нейтральным, а рассматривает СССР как основного врага сионизма. Выступая перед иностранными политиками, Бен-Гурион был менее резок, но его высказывания были столь же недвусмысленными.

---

[8] Шарет Моше (Черток или Шерток; 1894, Херсон, – 1965, Иерусалим), израильский политич. и обществ. деятель. С 1948 по 1956 г. был министром иностранных дел Государства Израиль.

Бен-Гурион не собирался отказываться от борьбы с коммунистической идеологией советского образца и попытками ее воплощения в Израиле. На заседании секретариата Рабочей партии в июле 1949 г. он заявил: *«Моральная свобода не может быть частичной. Есть вещи, которые нельзя разобрать на части. Правду нельзя разделить»*. «Деликатность» проблемы взаимоотношений с Советским Союзом осложнялась для Бен-Гуриона позицией израильских левых радикалов, не признававших компромиссов в идеологических вопросах и ставших для него серьезными политическими оппонентами. По его мнению, это была пятая колонна в Израиле. Бен-Гурион неизменно рассматривал СССР как опасного идеологического врага, политические и стратегические связи с которым маловероятны, но с которым можно договориться в определенных политических ситуациях. Конфронтации с Россией он всеми силами избегал, идентификация Израиля с каким-либо одним блоком могла закрыть перед молодой страной определенные возможности.

Политика Израиля отличалась прагматическим подходом: искать помощь везде, где ее можно найти, и в то же время воздерживаться от отношений, налагающих обязательства. Нельзя было допустить абсолютной зависимости от политики любой великой державы. Ситуация, характерная для периода сионистского заселения Палестины, породила мировоззрение, основанное не на реальности, а на «силе инерции». Мы так привыкли к этому, что уже не понимаем, почему бы этому не продолжаться, почему бы Англии или Америке или России не взять на себя миссию жандарма в этой стране, в то время как евреи будут освобождены от тягот правления, – отмечал Бен-Гурион.

Бен-Гурион полагал, что израильская внешняя политика должна предпринимать все возможные шаги с целью найти если не дружбу, то понимание в любом месте на земле. После Англии и Америки это в первую очередь относится к России и странам, находящимся под ее влиянием.

Сионистское движение должно было добиться максимальной поддержки со стороны России, остававшейся великой державой с растущим политическим потенциалом. В зоне советского влияния находился ряд стран, с точки зрения сионизма не враждебных Израилю. Помимо прочего, в Советском Союзе и странах восточного блока проживала значительная часть мирового еврейства.

Бен-Гурион стремился соблюдать баланс в международных делах, считая, что холодная война между США и СССР может прекратиться. При определении внешнеполитической ориентации Из-

раиля Бен-Гурион опирался на еврейскую диаспору, как центральную ось внешней политики страны. Судьба евреев, находящихся в Государстве Израиль, по мнению Бен-Гуриона, неотделима от судьбы евреев в странах диаспоры. В середине 1950 года он объяснял израильским дипломатам, что сила и значение Израиля определяется не только влиянием одного миллиона живущих в ней евреев. Если мы не сможем добавить к этому влияние всей еврейской диаспоры, то сведем на нет усилия нашей дипломатии.

Антиеврейские процессы в Праге в конце 1952 года, сфабрикованное в СССР в начале 1953 года «дело врачей» и разрыв дипломатических отношений между Иерусалимом и Москвой в феврале 1953 года повлияли на позицию Бен-Гуриона в отношении заключения союзов с государствами восточного блока. Жестких договорных обязательств премьер-министр старался по-прежнему избегать, заявляя, что его целью, как и в 1950 году, является лишь укрепление Израиля.

Бен-Гурион начал опасаться, что советским евреям угрожает новая катастрофа. Эти опасения выразились в беспрецедентной политической борьбе с левосоциалистической партией МАПАМ и с коммунистической партией Израиля. Впервые в истории отношений с СССР он был готов крикнуть на весь мир: «Отпусти народ мой!» В конце января 1953 года он говорил членам правительства, что в любом случае мы должны быть на стороне Запада. У нас нет выбора так же, как у нас не было выбора в дни Гитлера.

Освобождение в апреле 1953 года врачей, арестованных в СССР в январе того же года, изменило ситуацию в лучшую сторону. В середине 1953 года, в качестве условия возобновления отношений между двумя странами, Бен-Гурион согласился дать Советскому Союзу обязательство не вступать ни в один блок, агрессивный по отношению к СССР.

Его частные послания из киббуца Сде-Бокер содержали соображения по защите суверенитета Израиля и обеспечению его политической независимости, вопреки давлению со стороны США. Бен-Гурион доказывал правильность своей позиции, считая неверными все три основные тенденции, характерные для различных групп политической элиты ишува в тот период: традиционную пробританскую ориентацию, сторонники которой рассчитывали на английскую помощь; антибританское направление, видевшее в США противовес Англии; и, наконец, направление, желавшее опираться на союз с Россией.

Перспективы военного союза с США возникли в середине 1954 года в результате американской инициативы. Бен-Гурион принимал участие в официальных дискуссиях. Его сомнения, равно как и колебания правительства, касались формы возможного соглашения, ценой каких уступок арабским странам оно может быть достигнуто. Будучи убежден, что в периоды международной стабильности значение арабского мира для великих держав гораздо выше, чем значение Израиля, он в то же время полагал, что в случае военного конфликта мирового масштаба ситуация будет прямо противоположной. В конце марта 1953 года он писал о невозможности представить, что в случае мировой войны Америка, Англия или какая-либо другая страна смогут прислать в Палестину четверть миллиона солдат и содержать их здесь вместе со всем необходимым им оборудованием. Поэтому они будут нуждаться в израильской промышленной, технической и научной базе, и в этом случае Израиль не будет объектом благотворительности.

Оценивая перспективы развития политической ситуации, создавшейся в середине 1954 года, Бен-Гурион убедился, насколько выгодно для Израиля получить от США гарантии безопасности границ в рамках такого соглашения, которое не будет воспринято Советским Союзом, как угрожающее его интересам. Через несколько месяцев Бен-Гурион сказал на встрече с американским послом: «Хотя я не занимаюсь внешней политикой, есть три вещи, более близкие моему сердцу, чем все остальное: безопасность Израиля, мир на Ближнем Востоке и дружба между Израилем и США». Такой пакт Бен-Гурион рассматривал, в первую очередь, как сдерживающий политический фактор в отношениях с арабами и как средство обеспечения Израиля американским оружием, с помощью которого он сможет защищать себя сам. Спустя два месяца на заседании Генерального штаба Армии Обороны Израиля он заявил, что опасения по поводу осуждения со стороны СССР не должны мешать усилиям по заключению оборонного союза с США.

Официальная просьба о заключении договора с США была подана после одной из наиболее серьезных операций возмездия, проведенных Израилем в Газе.

Выбрав фактически прозападную политику нейтралитета и отвергая ориентацию на коммунистический блок, Бен-Гурион однажды все-таки согласился на предоставление Советскому Союзу равного с западными державами статуса в регионе. Его доводы основывались на информации, поступившей в Израиль в конце 1955 –

начале 1956 года, о том, что СССР может отнестись положительно к новой позиции Израиля.

После окончательного отказа США поставить оружие Израилю отдельные члены правительства взвешивали возможность установления более тесных связей с Францией, желавшей привлечь Советский Союз к участию в ближневосточной политике.

Бен-Гурион был готов поддержать это предложение при условии, что Израиль сможет получать советское оружие. Он полагал, что выполнение такого соглашения поможет достижению двух определенных целей. Во-первых, оно даст возможность приобретать оружие у Франции, во-вторых, сделает позицию Израиля приемлемой в глазах американского еврейства, поскольку Россия оказала помощь Израилю во время Синайской компании, когда госсекретарь США Джон Фостер Даллес отказался поставить оружие.

Всем этим планам не было суждено воплотиться в жизнь. Тем не менее, готовность Бен-Гуриона согласиться на меры, весьма нетривиальные в контексте политического мышления израильского лидера, важна для понимания его тогдашнего подхода к заключению внешних союзов вообще. Он четко сознавал, что в международных делах союзы и симпатии зачастую являются кратковременными.

Бен-Гурион предпочитал активные действия дипломатическим усилиям, рассчитанным на постепенное достижение желаемых результатов. Говоря о средствах, с помощью которых Израиль может преодолеть трудности, связанные с его международными проблемами, он отдавал предпочтение триединству: внутренняя сила, внутренняя сила, внутренняя сила, – неоднократно повторял он. Среди израильского политического руководства он был наиболее последовательным сторонником активистской линии, не подверженной внешним ограничениям. Бен-Гурион говорил, что внешняя и оборонная политика служат одной и той же цели. Нельзя полностью игнорировать мировое общественное мнение: Израиль зависим от него, как и любая страна, а, возможно, даже более чем любая другая страна. Вместе с тем, он отличается от сформировавшихся, стабильных стран тем, что его внешняя политика – не более чем вспомогательный инструмент второстепенной важности. Важным принципом, лежащим в основе подхода Бен-Гуриона к проблеме политической ориентации Израиля, было недоверие к внешнему миру, его доброй воле и моральным критериям по отношению к евреям.

5 июля 1955 года, излагая свой взгляд на положение евреев в мире, Бен-Гурион говорил на заседании Генерального штаба

Армии Обороны Израиля: *«Существует первый блок, который хочет нас уничтожить, – это блок арабских стран. Второй блок не готов нас уничтожить, но хочет помочь арабам в войне против нас: к нему относится большинство исламских наций. Затем существует третий блок, включающий такие страны, как Индия, который ничего не имеет против нас, но по ряду причин не хочет признать. Есть также четвертый блок, который признает Государство Израиль, но отрицает существование евреев как нации, – это коммунистический блок. И, наконец, существует пятый блок, который признает Государство Израиль и существование еврейского народа, но не особенно озабочен проблемами его выживания: это все остальные...»*

В течение следующих двух лет Бен-Гурион занимался, главным образом, внутренними делами и проблемами безопасности. Из опубликованных дневников Шарета известно, что Бен-Гурион одобрял использование Израилем силы для предотвращения инцидентов на его границах. Однако он не рассматривал применение силы как единственное средство. Он думал также о возможности заключения военного союза с США и одновременно, как это ни парадоксально, – о приобретении оружия у Советского Союза. Он считал невозможным отказаться от малейшего шанса на увеличение военного арсенала страны.

Отношение Бен-Гуриона к этому несостоявшемуся партнерству стоит в одном ряду с необычной готовностью, проявленной израильским премьер-министром в конце 1957 года, – предложить СССР раздел сфер влияния на Ближнем Востоке, чтобы две великие державы гарантировали безопасность всех стран этого региона.

В первые восемь лет государственной независимости Израиля отношение Бен-Гуриона к конфликту между сверхдержавами основывалось на следующих четырех принципах: централизация контроля над внешней политикой; осторожность в принятии внешних стратегических и дипломатических обязательств; стремление избегать прямой конфронтации с СССР и, наконец, признание того факта, что для Израиля исключительно важно завоевать доверие США. Даже спустя много лет, после ухода Бен-Гуриона из большой политики, эти принципы оставались краеугольными камнями израильской дипломатии.

Основные источники

1. Советско-израильские отношения. Сб. документов. Издан министерством иностранных дел Российской Федерации, министерством иностранных дел Государства Израиль, Федеральной архивной службой РФ, Государственным архивом Израиля, Институтом востоковедения РАН, Центром им. Каммингса Тель-Авивского университета. Том 1. 1941 – май 1949; Том 2. 1949–1953. М.: «Международные отношения», 2000.

2. *Маттитьяху Минц.* Еврейский вопрос и палестинский вопрос в советской дипломатии 1945–1948 годов // Альпаим (Тель-Авив). 2001. №22. С.163-180 (иврит).

3. *Маттитьяху Минц.* Что делал Майский в киббуце «Маале ха-Хамиша» в 1943 году // Лебнс фрагн. 2004, март–апрель. С.11-12 (идиш).

У гор Гильбоа, возле источника: история «русского» киббуца Эйн-Харод (1921 – 1953)[1]

Владимир Цывкин (Хайфа)

1. Почему Эйн-Харод?

Согласно статистическому ежегоднику 2004 г. в Израиле имеется 266 киббуцев, рассеянных по всей стране с севера до юга. Киббуц Эйн-Харод выделяется среди них, прежде всего, той ролью, которую он сыграл в заселении древней родины. Он был одним из первых поселений, где воплотилась в жизнь киббуцная идея, первым крупным коллективным хозяйством, первым настоящим киббуцем. В нем происходили жаркие идейные споры, наложившие отпечаток на всю историю воссоздания Еврейского государства, здесь формировались легендарные ночные отряды под руководством Уингейта, Эйн-Харод стал образцом для других коллективов и своеобразной «столицей» киббуцного движения.

События, приведшие к созданию этого киббуца, связаны с третьей алией, прибывшей с 1919 по 1923 г. преимущественно с территорий бывшей Российской империи, с Рабочим батальоном (Гдуд ха-Авода) имени Иосефа Трумпельдора, с Гистадрутом, с заселением необжитых земель в Эрец-Исраэль и выбором путей борьбы за возрождение Еврейского государства.

Киббуц возник в 1921 г. как палаточный городок одной из рот Рабочего батальона, который был создан соратниками и последователями Иосефа Трумпельдора после его трагической смерти.

Чтобы понять значение этого киббуца, необходимо вернуться к обстановке, царившей в Эрец-Исраэль после завоевания ее Великобританией в ходе Первой мировой войны.

2. Обстановка в Эрец-Исраэль в начале 20-х годов XX века

Подавляющая часть еврейского народа проживала тогда на территориях бывшей Российской империи, часть которых, такие как Польша и Прибалтийские страны, стали самостоятельными после революции 1917 г. Большинство живших там евреев стремилось эмигрировать в США и другие страны. Только малая доля этого эмиграционного потока прибывала в Эрец-Исраэль.

---

[1] Статья публикуется в редакции автора.

2-го ноября 1917 г., за месяц до занятия британскими войсками Иерусалима, была опубликована Декларация Бальфура, провозгласившая право евреев жить на земле отцов. Туманная формулировка этой декларации и завоевание Британией Палестины породили в сердцах многих евреев веру в близкое воплощение самых смелых надежд сионистов. Первый Верховный комиссар Палестины лорд Герберт Сэмюэл предпринял попытку модернизировать нищую и отсталую во многих отношениях подмандатную территорию, – в первую очередь, – проложить сеть современных дорог. Эти работы явились для тысяч новоприбывших евреев спасением, так как обеспечили репатриантов куском хлеба и позволили остаться в Эрец-Исраэль.

Первой в этой сети дорог стало шоссе между Тверией и Цемахом, проложенное под руководством Ахдут ха-авода (Движение «Единство труда»). В конце 1920 года на общественных работах было занято около 2300 человек. Они сгруппировались в бригады для выполнения работ по прокладке дорог и строительства. Эти работы и трудовые коллективы-бригады не только позволили новоприбывшим евреям заработать на пропитание, но и явились школой для приобретения необходимых в стране профессий, а также стажировкой в новых специальностях.

Соратники Трумпельдора в организации хе-Халуц создали Рабочий батальон, в котором объединились рабочие бригады – их еще называли ротами, разбросанные по разным объектам всей страны. Значительную часть рабочих составляли бывшие члены хе-Халуца, прошедшие подготовку в Крыму и прозванные крымчаками. Первая из этих бригад, строившая шоссе Тверия-Цемах, состояла преимущественно из «крымчаков», создавших поселение Эйн-Харод.

3. Сионистское движение, его цели и деятельность в 20-х годах XX века

С победой Британии над Турцией в Первой мировой войне возобновилось возвращение евреев в Эрец-Исраэль, на землю отцов. Эта волна новоприбывших получила название третьей алии. Принято считать, что за период с 1919 по 1923 г. прибыло около 35 тысяч человек, «более половины которых были выходцами из России и приблизительно 35 процентов – из Польши, только что вновь обретшей независимость» (11–460)[2].

[2] Здесь и далее первая цифра указывает № источника литературы, список которой приведен в конце статьи, вторая – страницу.

Среди них выделялись две идеологические группы: одна из них – выходцы из движения хе-Халуц, созданного Трумпельдором, другая – члены движения ха-Шомер ха-цаир. Это были «молодые люди, проникнутые сионистской социалистической идеологией и находившиеся под сильным впечатлением от трагических событий, свидетелями, а порой и активными участниками которых они были в родной стране: русская революция и возникновение авторитарных режимов в новых национальных государствах Восточной Европы» (11–460). Их характеризовало положительное отношение к Русской революции и вера в те идеалы, которые она провозглашала.

В 1919 г. партия Поалей Цион в Эрец-Исраэль во главе с Давидом Бен-Гурионом и Ицхаком Бен-Цви объединилась с группой беспартийных активистов под руководством Берла Кацнельсона и Ицхака Табенкина, в результате чего возникла партия Ахдут ха-авода, со временем ставшая во главе еврейского населения Эрец-Исраэль.

Деятельность этой партии была направлена на заселение страны новыми поселенцами, на создание рабочих мест, прокладку дорог и строительство электростанций. Большая часть национальных средств шла на покупку земель и создание поселений, которые принимали новоприбывших, обеспечивая их работой, медицинской помощью, учебными центрами, создавая минимально необходимые условия существования.

Общая коммуна трудящихся, объединенных в Гистадрут и руководимая национальными интересами, могла мобилизовать всех на дело построения еврейского государства. Общая коммуна должна была состоять из территориальных коммун – киббуцев, подчиненных центральным органам, – партии Ахдут ха-авода и Гистадруту. Политическую власть над всеобщей коммуной центральные органы стремились построить на экономической зависимости от них отдельных коллективов, в том числе территориальных коммун-киббуцев.

Партии Ахдут ха-авода и Гистадруту удалось достичь своих целей: превратить киббуцы в общество с закрытым хозяйством, которое обеспечивало бы себя всем необходимым, а член киббуца получал определенное количество пищевых продуктов и иных предметов потребления из запасов Гистадрута.

Со своей стороны, члены Рабочего батальона также хотели воплотить идею Общей коммуны всех тружеников Страны Израиля, однако они вкладывали в это понятие иной смысл и хотели,

чтобы отдельные коллективы–коммуны обладали известной самостоятельностью.

Финансирование общественных работ, а вслед затем и сами работы довольно быстро прекратились, так как мировое еврейство не смогло их субсидировать. Британское мандатное правительство поставило условием продолжения работ поступление субсидий из национальных фондов, в распоряжении которых не было требуемых средств. В стране наступил экономический кризис, не было рабочих мест, новоприбывшие оставляли страну.

Ицхак Табенкин
(1887, Бобруйск, – 1971, Эйн-Харод)

Перед секцией общественных работ Гистадрута встала задача найти и обеспечить достаточное количество рабочих мест. Эти рабочие места находили на стройках в городах и поселениях. Строительные работы требовали специалистов других профессий, другую организацию выполнения заданий, другое географическое распределение рабочей силы. Координация работ и руководство ими стали выполняться самой секцией общественных работ, которая заменила функции руководства Рабочего батальона. Рабочий батальон не смог бороться за свое положение в рамках Гистадрута и попал в безвыходное положение, которое привело его к развалу.

Тем временем, за годы третьей алии число киббуцев возросло с 30 до 66, то есть увеличилось на 120 %, и их население увеличилось более чем на 500% (с менее чем 450 до приблизительно 2800 человек) – прирост, несопоставимый с общим увеличением еврейского населения и ростом количества еврейских колоний в целом (соответственно 66% и 71%) (11–460-461).

Практика подтверждала, что коллективное освоение земель позволит достичь результатов и преобразить страну в соответствии с поставленной задачей. Однако возникли споры об оптимальной численности киббуца, которые были одной из основных причин

раздела поселения Эйн-Харод на два; одно из них стало первым киббуцем, киббуцем Эйн-Харод.

4. Возникновение поселения Эйн-Харод и первый раскол в нем

Поселение Эйн-Харод возникло после того, как в руках евреев оказалось два значительных участка земли в Изреельской долине[3], один площадью в 18.600, второй – 29.400 дунамов. Йехошуа Хенкин, приобретший эти земли для национального фонда Керен Каемет, содействовал их скорейшему заселению, как части реализации плана сионизма по выкупу земли предков. Вторым важнейшим стимулом для возникновения этого поселения явилось положение в Рабочем батальоне, который нуждался в подсобном хозяйстве.

22 сентября 1921 г. первые 35 основателей поселения во главе с Цви Нисановым, составлявшие одну из рот Рабочего батальона, прибыли к источнику Эйн-Харод, выходящему у подножия горы Гильбоа, в восточной части долины Изреель, а назавтра сюда же пришла другая рота Рабочего батальона в составе 40 человек. Они возвели лагерь из 35 больших и малых палаток и оградили его забором из колючей проволоки и рвами. Так за несколько часов выросло новое поселение Эйн-Харод, и с прибытием новых членов коллектива их число достигло 300 (5–234).

Один из них, Цви Нисанов (1881 – 1966), который родился на Кавказе в семье горских евреев, прибыл в Страну Израиля в 1910 году и присоединился к организации ха-Шомер, среди основателей которой был его младший брат, убитый в 1911 году арабами. После убийства брата Нисанов был передан в турецкую полицию Тверии и осужден на три года за попытки отомстить за смерть брата. Был ранен во время нападения арабов на Кфар Тавор. В поселении Эйн-Харод Нисанов отвечал за безопасность и отношения с арабами.

Особенно тяжелыми были первые три месяца после основания палаточного лагеря. Комары, разносчики малярии, напоминали о себе не только постоянным зудением. Однако все работы выполнялись энергично и с воодушевлением. В первый год необходимо было осушить заболоченные участки земли. Вся дорога из Дженина в Бейт-Шеан была сплошным болотом, и нельзя было пройти по ней, не засучив высоко штаны. Были прорыты каналы глубиной до 2,5 метров. В устье долины проложили канал и выложили его кам-

---

[3] Изреельская долина – вторая по размерам после Иорданской внутренняя долина Израиля. Вместе с долинами Харод и Бет-Шеан отделяет горные массивы Галилеи от гор Самарии.

нем. Рабочие стояли в воде почти голые даже во время дождей и ведрами поднимали грязь из каналов.

Все земли были полны камней, больших и малых, и их нельзя было обрабатывать с помощью сельскохозяйственных машин. Камни собирали и увозили на тачках. Так подготовили сотни дунамов пахотной земли.

В хозяйстве было два трактора, которыми начали вспашку земли с первых дней. Вспахали 800 дунамов, 200 из них засеяли ячменем и 200 пшеницей, викой (кормовое растение семейства бобовых) и кормовыми травами, 30 – фасолью, а 50 – овощами; посадили рощу из 8000 эвкалиптовых деревьев и сад, подготовили 50 дунамов для посадки масличных деревьев и виноградника, а зимой проложили дорогу от источника до железной дороги. Поселенцы осушили болота и провели воду. У подножия горы начали добычу камня – возникла каменоломня. Так началась история поселения.

Это был первый опыт ведения хозяйства большим коллективом. Ранее существовали только малые коллективы, типа Дгании и Киннерета, созданные Второй алией. Количество участников в них не превышало 20 человек, многие коммуны оказались нежизнеспособными и распадались на самостоятельные индивидуальные хозяйства.

Инициатором идеи поселений с большим числом поселенцев был Шломо Лави (Левкович; 1882 – 1963), уроженец Плоньска, входившего тогда в состав Российской империи. Он прибыл в Эрец-Исраэль со Второй алией в 1905, был сельскохозяйственным рабочим в Иудее и Галилее, работал на заводе, входил в коллектив Киннерет, состоявший из 60 членов.

Лави убедился на собственном опыте в недостатках малых хозяйств и мечтал о поселении с большой территорией и множеством жителей, занимающихся не только сельским хозяйством, но и промышленным производством, которые бы полностью обеспечивали себя всем необходимым, и называл свой проект «территориальным поселением». Шломо Лави объяснял свои взгляды в беседах и лекциях, доказывал в спорах, публиковал их в газетных статьях и приобрел много сторонников, в числе которых был и Ицхак Табенкин (1887 – 1971). В создании поселения Эйн-Харод Лави увидел возможность реализовать свои замыслы, присоединился к Рабочему батальону и был принят в коллектив как инициатор идеи многочисленных кооперативных хозяйств.

Через несколько месяцев после создания палаточного лагеря в Эйн-Харод поблизости возникло второе поселение, названное

«Тель-Иосеф». Оно было создано людьми Второй алии, бывшими членами организации ха-Шомер, которые присоединились к Рабочему батальону. Оба эти поселения, в которых проживало более 300 человек, образовали единое подразделение Рабочего батальона, единое хозяйство в рамках «территориальной коммуны». Все они верили, что идеалы сионизма можно осуществить путем закрепления на земле предков большими коллективными хозяйствами и тяжелым физическим трудом.

К первым поселенцам в Эйн-Хароде примкнуло много сельскохозяйственных рабочих, мечтавших покончить с кочевой жизнью и осесть на каком-то клочке земли. Среди этих земледельцев было около двадцати бывших членов кооперативного хозяйства Киннерет, в том числе и Ицхак Табенкин, – видный член руководства партии Ахдут ха-авода. Ицхак Табенкин, уроженец Бобруйска, свое детство и юность провел в Варшаве. Еще юношей присоединился к движению Поалей Цион и принимал участие в самообороне во время погромов. В Варшаве вел идейную борьбу с деятелями партии Бунд, с территориалистами и даже с Бером Бороховым, признанным вождем движения Поалей Цион, относительно взглядов последнего на связь еврейского народа с Землей Израиля.

Табенкин прибыл в страну Израиля в 1912 году, работал сельскохозяйственным рабочим, во время Первой мировой войны был членом группы Киннерет («квуцат Киннерет»). В 1919 году стал одним из основателей партии Ахдут ха-авода, а затем и Гистадрута. Табенкин верил, что центр деятельности еврейского населения Эрец-Исраэль обязательно перейдет из прибрежной полосы, из Яффы и Тель-Авива, в Изреельскую долину и хотел находиться в гуще событий. Так он стал членом Рабочего батальона и поселения Эйн-Харод. Занятия тяжелой физической работой он совмещал с партийной деятельностью. Поэтому нередко должен был прерывать работу в поле, чтобы прочитать лекцию, участвовать в партийных обсуждениях и международных конференциях. Табенкин принял идею Шломо Лави о «большом киббуце» и стал активным и вдохновенным участником воплощения ее в жизнь. Он был первым среди тех, кто на опыте поселения Эйн-Харод формировал представление об образцовом киббуце и идеологию киббуцного движения.

Для руководителей партии Ахдут ха-авода Эйн-Харод был одним из поселений, цель которых – заселение Эрец-Исраэль, и которые должны были подчиняться указаниям Гистадрута.

Видя притязания руководителей Рабочего батальона на независимость, партия Ахдут ха-авода и ее активисты, прежде всего

Шломо Лави и Ицхак Табенкин, стали искать пути к экономической автономии поселения Эйн-Харод, к отделению его от других подразделений Рабочего батальона, подчинению этого поселения национальным идеям и руководству партии.

Борьба между двумя группами членов поселения Эйн-Харод привела к его расколу. Подавляющая часть членов поселения покинула его и присоединилась к поселению Тель-Иосеф, с которым оно составляло до этого одну экономическую единицу. Только малая часть членов, придерживавшаяся взглядов руководства партии Ахдут ха-авода, осталась в поселении Эйн-Харод и получила все его земли и строения. Приобщив новых членов, они образовали первый киббуц Эйн-Харод.

Немалую роль в расколе играли и личные взаимоотношения между Давидом Бен-Гурионом, Ицхаком Табенкиным, Шломо Лави и Менахемом Элькиндом. Через несколько лет Рабочий батальон прекратил свое существование, и часть его деятелей во главе с Менахемом Элькиндом эмигрировала в Советский Союз, где они основали коммуну «Виа Нова». Погиб Элькинд в 1938 году, во время сталинских репрессий.

5. Киббуц Эйн-Харод и его развитие

В результате первого раздела поселения Эйн-Харод и ухода из него двух третей первоначального коллектива в нем осталось около ста человек, которые в 1923 г. создали киббуц Эйн-Харод.

В 1924 году к оставшимся ста членам киббуца Эйн-Харод присоединилась так называемая «хавурат ха-эмек» (сводный отряд из долины), члены партии Ахдут ха-авода, а позднее и правое крыло Рабочего батальона, к которому относились киббуцы Кфар-Гил'ади и Тель-Иосеф.

В киббуце Эйн-Харод нашла свое полное воплощение идея Шломо Лави о крупном кооперативе, относительно открытом для новичков, включающем не только различные отрасли сельского хозяйства, но и мастерские ремесленников и промышленное производство, а также выездные бригады. Создание больших кооперативов облегчало оседание новоприбывших евреев на земле и включение их в решение общих задач. К мысли о таком кооперативе пришли Лави и Табенкин только после неудачи попыток создания других форм поселения. Однако споры о путях развития коллективных хозяйств не прекращались; коллектив киббуца Эйн-Харод раскололся на два лагеря, которые по-разному смотрели на области

деятельности членов киббуца и его роль в осуществлении общенациональной программы.

Одна из этих групп, под руководством Шломо Лави, стремилась к автономности киббуцного хозяйства от других поселений, к росту его на базе собственных производственных возможностей, к максимальному использованию земельных угодий и укреплению экономического положения киббуцного хозяйства. Главной их заботой было обеспечение приемлемого уровня жизни членов киббуца. Они каждый день выходили на работу в поле и хотели, чтобы все члены киббуца работали, прежде всего, для своей кооперации, а не на общие цели. На внутрикиббуцной арене группа Лави была более многочисленной.

Другая группа, под руководством Ицхака Табенкина и Левы Левиты, стремилась включить киббуц в решение общенациональных задач и уделяла особое внимание привлечению еврейской молодежи в странах рассеяния для поселения в киббуцах. Под руководством Ицхака Табенкина и при поддержке членов сводного отряда из долины в киббуце были реализованы многие идеи, родившихся в Рабочем батальоне. Прежде всего, киббуц сформировал несколько бригад-рот, которые трудились по всей стране, там, где была работа. Планировалось, что все эти роты постепенно станут самостоятельными поселениями, организационно связанными с породившим их киббуцом. Вся эта кооперация поселений продолжала сохранять название киббуц Эйн-Харод.

В конце 1925 г. в киббуце было уже 75 детей, построили барак, в котором разместилась школа с двумя классами. Дети дошкольного возраста спали отдельно от родителей, в одном общем доме, а, достигнув школьного возраста, переходили спать в свои семьи.

Одним из достижений Табенкина и его единомышленников было расширение движения хе-Халуц, в основном в Польше и Германии, но также и в других странах Центральной и Восточной Европы. В 1926 г. он сам выезжал в Польшу, в группы по подготовке к переселению в Страну Израиля членов движения хе-Халуц. Вместе с ним в этой деятельности принимали участие многие другие члены киббуца Эйн-Харод. Так кооперация киббуцев создала собственные контакты с евреями диаспоры и мобилизовала их в свои ряды. Даже в условиях экономического застоя 1927 г. в Эрец-Исраэль, когда количество покидавших превышало число прибывавших в страну, такие индивидуальные контакты обеспечили замещение рабочих мест, покинутых разочарованными.

В 1927 г., ко времени созыва Совета по объединению киббуцев, в киббуце Эйн-Харод было уже 4 хозяйства-поселения и 8 рот в разных местах страны. Число членов киббуца Эйн-Харод достигло 900, около половины из них работали в указанных четырех хозяйствах. Только одно из этих хозяйств было большим, в остальных число членов немногим превышало 50 человек. Общность всех сторон жизни, видение киббуца как провозвестника нового общества, явились базой для формирования новых норм коллективной жизни. Члены киббуца считали, что воспитание должно подготовить личность к жизни в коллективе, что воспитанием детей должен заниматься коллектив, а не родители.

Киббуц Эйн-Харод был одним их самых первых, где формировались нормы киббуцного движения, коллективного труда и морали, экономики и ведения хозяйства, воспитания и обучения детей.

До 1930 года киббуц Эйн-Харод размещался во временных постройках, и рост его шел за счет приращения дополнительных хозяйств-поселений и групп, разбросанных по всей стране. Только с 1927 г. началось перемещение киббуца на холм Куми, и там появились первые постоянные строения. Перемещение киббуца на новое место закончилось только в 1930 г., и лишь тогда стал возможен рост его основного хозяйства так, что оно стало одним из самых больших в стране.

Дома строили из цемента и бетона с крышей из красной керамики. В доме было 4–6 комнат с балконом, одна комната для семьи. Около каждого дома был водопроводный кран. Для трех домов, т.е. для 12–18 семей, было две душевых и два туалета, по одному для женщин и для мужчин, но электричество появилось только в 1942 году. Переселение было для всех праздником, так как в палатках у источника Эйн-Харод был всего один душ, да и в новых туалетах впервые появились стульчаки и бачки с водой.

6. Преобразование киббуца Эйн-Харод в «Объединенный киббуц»

В идейной борьбе и противостоянии между Ицхаком Табенкиным, Левой Левитой и их приверженцами, стремившимися к объединению с другими киббуцами, и Шломо Лави и его сторонниками, которые стремились к автономности своего киббуцного хозяйства, победил Ицхак Табенкин с единомышленниками. Несмотря на противодействие, поселение Эйн-Харод постепенно превратилось в центр одной из ветвей киббуцного движения,

которое переняло его название и стало «киббуцем Эйн-Харод». К киббуцу Эйн-Харод присоединились многие дополнительные поселения, и они стали основой Объединенного киббуцного движения (ха-Киббуц ха-меухад).

В 1927 г. возникло сразу два объединения киббуцов, превратившиеся в общественно-экономические организации. Одно из этих объединений (ха-Киббуц ха-арци, т.е. Всеизраильское киббуцное движение) было создано на базе поселений партии ха-Шомер хацаир, и второе (ха-Киббуц ха-меухад, т.е. Объединенный киббуц) на базе киббуца Эйн-Харод, большая часть членов которого входила в партию Ахдут ха-авода. В киббуцах, объединившихся с киббуцем Эйн-Харод, было около 300 членов. Киббуц Эйн-Харод стал «столицей» этой расширенной кооперации. Здесь находились учреждения движения и здесь жили некоторые из его руководителей. История движения, идеи, вдохновлявшие киббуцников, и их воплощение сформировались в значительной степени под влиянием Ицхака Табенкина (8–39-47).

Однако большая часть членов киббуца Эйн-Харод, включавшая Лави, Дорсиная, Сабурая и их единомышленников, пыталась добиться выхода киббуца из движения «Объединенный киббуц». Они требовали помощи партии и Гистадрута, но и вмешательство последних не удовлетворило их. Видя резкое обострение отношений, которые сложились между приверженцами этих двух групп, Бен-Гурион предложил разделить киббуц на два, однако Лави и его единомышленники единодушно отклонили такое решение. В 1928 г., через год после создания Объединенного киббуцного движения, сорок человек из группы Лави, но без него, вышли из киббуца Эйн-Харод и основали новое поселение – мошав Кфар-Виткин, в 6 км. севернее Нетании.

В процессе формирования Объединенного киббуца было принято решение, что для принятия конкретного киббуца в объединение необходимо согласие 75% его членов, а для выхода из него достаточно простого большинства. Однако все эти решения были приняты после описанных событий и, по-видимому, по следам их.

Деятельность Табенкина и его сподвижников из киббуца Эйн-Харод вела к росту и укреплению киббуцного движения и содействовала процветанию этого киббуца. Увеличилось число поселений, примкнувших к движению, и число подразделений (рот) в киббуцах. Вместе с тем значительная часть членов поселения превратилась в общественных, профсоюзных (гистадрутовских) и партийных деятелей, которые большую часть времени проводили вне киб-

буца. Это вело к политизации киббуца и активному участию его членов во всех сторонах общественной и культурной жизни еврейского населения: воспитание молодежи в стране и странах рассеяния, быстрая мобилизация активистов на любые мероприятия партии и Гистадрута.

До создания Государства Израиль вся эта деятельность была на добровольных началах, и сторонники автономной жизни киббуца обвиняли общественных деятелей в уклонении от физических работ и в перекладывании ответственности за пропитание своих семей на плечи членов киббуца, которые трудились в поле и на производстве.

Среди киббуцных движений страны Объединенный киббуц был самым большим и влиятельным. Берл Кацнельсон, Ицхак Табенкин, как и другие, предпринимали усилия для объединения этих движений в единое или федеративное киббуцное движение всей страны, но смогли добиться совместной деятельности только в отдельных областях.

Вклад киббуцев в подготовку материальной базы для возвращения евреям политической независимости был неизмеримо больше, чем их численность в общем количестве еврейского населения в Стране Израиля. Трудно указать на какую-либо область жизни в стране, где бы киббуцное движение не оказало значительного, а часто и решающего, вклада. Особенно сказалось их влияние в идеологии и культуре, моральных и социальных нормах, отношении к работе и взаимной ответственности за судьбу народа.

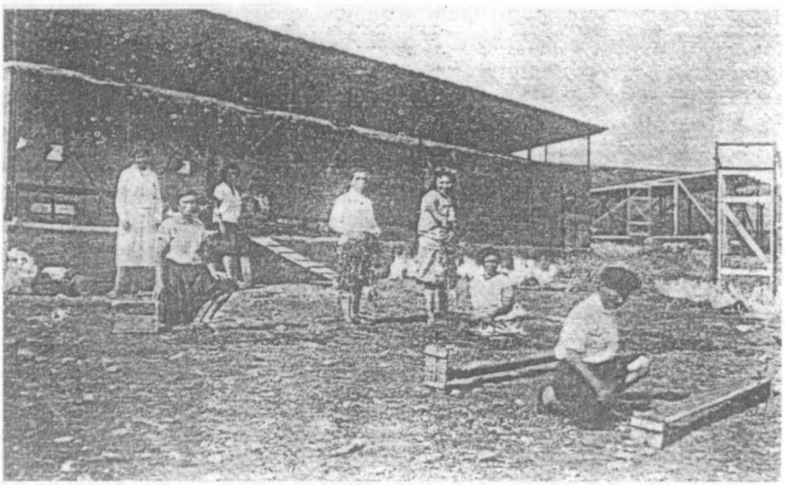
7. Влияние политики Советской России на происходившее в Эрец-Исраэль

Деятельность Коминтерна, 1-й учредительный конгресс которого состоялся в марте 1919 года, оказала значительное влияние на рабочее движение во всем мире, включая расколы в местных рабочих партиях. В Эрец-Исраэль это влияние проявилось в создании ПКП (Палестинской Коммунистической партии), ставшей членом Коминтерна, и в событиях, происходивших в Рабочем батальоне. Главным рычагом влияния была партия Поалей Цион смол (левосионистская рабочая партия), которая безоговорочно поддерживала все происходившее в Советской России и использовалась советской разведкой. Исраэль Шохат, глава движения ха-Шомер, надеялся добиться поддержки Советской Россией оборонных действий еврейского населения Эрец-Исраэль (13–121).

Исраэль Шохат (1886–1961), один из важнейших деятелей Второй алии, считал, что можно сотрудничать с советской разведкой и закупать советское оружие, чтобы бороться с британским мандатом. Он верил в возможность добиться у России признания Еврейского коммунистического государства, и получить нечто вроде «декларации Ленина» (13–121).

Однако основной ареной просоветского движения был Рабочий батальон, прежде всего его Иерусалимская рота.

Ионатан Шапиро пишет в своем исследовании: *«Так как основатели партии Ахдут ха-авода родились и выросли в России, и они оставили ее после нескольких лет политической деятельности, именно политическая культура России сформировала их политическое мировоззрение, а также отношение к политической системе и к роли политиков... Коллективное мировоззрение и сознание, что*

Эйн-Харод. Киббуцники за работой

нужно создать политическую организацию, которая будет править экономикой, были общими у большинства левых оппозиционных групп в России, когда ее оставили основоположники Ахдут-ха-авода. Эти идеи были путеводной звездой их первых шагов в стране как политиков» (28–10-11).

Еще в начале XX века, когда начали возникать группы противников царского режима, они придерживались коллективистских воззрений и поддерживали организацию общества в форме коллективных сообществ. Они считали, что «человек выполняет свое

предназначение, только если он служит обществу». Именно эти взгляды оказали большое влияние на мировоззрение основателей партии Ахдут ха-авода, большинство которых покинуло Россию между 1905 и 1910 годами.

При советской власти воззрения на коллективное хозяйство (колхоз) по обработке земли получили политическую окраску и стали считаться единственно правильными. Коллективизм был противопоставлен индивидуализму и свободе личности, базисным политическими критериям на Западе. В Советской России политические органы не только решали общие экономические вопросы, но и руководили экономикой отдельных предприятий. Структуры и администрация производственных, торговых, научных, учебных и иных учреждений являлись частью государственно-политической власти.

Среди последователей методов власти РКП(б) была и Ахдут ха-авода. Ее лидеры пришли к выводу, что в условиях, существовавших в стране во время Британского мандата, именно методы власти РКП(б) могут позволить ей победить и добиться главной цели: основания еврейского государства. Опасения лидеров партии Ахдут ха-авода, прежде всего Давида Бен-Гуриона и Берла Кацнельсона, в отношении марксизма и интернационализма не уменьшались, однако отношение к ним складывалось с учетом национальных интересов. Не близость взглядов к марксизму и социализму, а именно национальные интересы еврейского народа, желание обеспечить место партии Ахдут ха-авода среди рабочих партий других стран, побуждали лидеров этой партии прилагать усилия, чтобы присоединиться к Социалистическому интернационалу. Национальные интересы определили и отношение партии Ахдут ха-авода к Советской России. Элияху Голомб, один из лидеров партии Ахдут ха-авода, видел общее в деятельности своей партии и партии большевиков в том, что большевики, также как и евреи на своей земле, были вынуждены приспособиться к существовавшим социальным условиям (по-видимому, он имел в виду политику НЭПа).

Проф. Зеэв Штернхал подчеркивает, что уважение, которое питали основатели партии Ахдут ха-авода к Советской России, проистекало не из идейного единомыслия с ними, а из высокой оценки организационных способностей Ленина и его сподвижников, сумевших подготовить и успешно завершить захват власти (29–161).

Лидеры Ахдут ха-авода были хорошими учениками большевиков, но они брали от учителей не все, а только то, что считали практически полезным для своих целей. Убедив большую часть

еврейского населения Эрец-Исраэль в реальности своих национально-политических целей, в необходимости личных жертв ради достижения этих целей, партийные руководители превратили ее в основную политическую силу еврейского населения. Идеология сионизма оправдывала власть партии Ахдут ха-авода и все ее действия. Чтобы отделить собственную идеологию от коммунизма и социализма, лидеры партии стали называть ее конструктивным социализмом. Эта конструктивная социалистическая идеология являлась синтезом социализма и сионизма, развитием социализма в условиях достижения практических целей сионизма. Опираясь на эту идеологию, партия частично организовала, частично поддержала всю деятельность по приему новоприбывших евреев с помощью национального капитала и при посредстве профсоюзов (Гистадрута).

Ионатан Шапиро считает, что именно такие методы деятельности партии Ахдут ха-авода позволили ей и ее более поздним модификациям (МАПАЙ, Авода) добиться превращения еврейского населения Эрец-Исраэль в современное политически стабильное государство (28–11).

8. Влияние русской культуры и действительности в Советской России на происходившее в Эрец-Исраэль

Были ли строители нового общества в Эрец-Исраэль оригинальны? Этот вопрос волновал многих. Барух Канари ответил тем, кто считал, что киббуцное движение является не чем иным, как отростком революционного движения в России: оригинальность не измеряется степенью удаленности от всего известного прежде и не исчезает даже при сильном влиянии различных культур и идей. Вопрос не в том, где появилась впервые конкретная идея, определенный образ поведения, четкая формулировка, а что сделали с ними и каковы были результаты их реализации (15–10).

В 20-х годах многие в Эрец-Исраэль считали попытки строительства нового общества в стране схожими с путями социальных преобразований в Советской России. Значительная часть членов киббуцного движения хотела, оставаясь сионистами, реализовать то новое, что обещала революционная Россия. Они создали собственную идеологию с использованием советской терминологии (15–11). Эта терминология во многих случаях приводила к путанице и неверным аналогиям, так как советские теоретики исключали возможность строительства социалистического общества без захвата

власти, и попытки организации ячеек нового общества в капиталистическом мире считали продолжением утопических попыток прошлого.

Одним из примеров влияния русской культуры на действительность в Эрец-Исраэль может служить деятельность Ицхака Табенкина и Льва Левиты. Табенкин был одним из вождей партии Ахдут ха-авода (Единство труда) и ее позднейших модификаций, и в то же время одним из лидеров поселения Эйн-Харод, а позднее идейным руководителем киббуца Эйн-Харод. Табенкина обвиняли в эклектичности, указывая на российские источники его идей, однако путь киббуца Эйн-Харод, а затем движения ха-Киббуц хамеухад, был построен на оригинальности его идей и их воплощения в жизнь. Он участвовал во всех Сионистских конгрессах после Первой мировой войны и был членом Кнессета первых трех созывов. На склоне лет он руководил Идеологическим семинаром Объединенного киббуца.

Лев Левита (1904 – 1976), член молодежного движения сионистов-социалистов России, уже в 13 лет был среди организаторов отделения Гистадрута учащейся сионистской молодежи в Минске. Учился в Сельскохозяйственном институте в Москве. Его обвинили в сионистской деятельности, но заключение было заменено на высылку из России. Прибыл в Эрец-Исраэль в июле 1924 г., присоединился к Рабочему батальону, поселился в киббуце Эйн-Харод и многое для него сделал. Ездил в межвоенную Польшу, где в рамках движения хе-Халуц привлекал новых поселенцев в Эрец-Исраэль. Участвовал в организации нелегальной переправки евреев в Страну Израиля в годы Британского мандата. Был одним из ближайших сподвижников Ицхака Табенкина в движении ха-Киббуц хамеухад, инициатором создания «Яд Табенкин» и членом его правления. Лев Левита редактировал издание сочинений Ленина и Борохова на иврите. Левита писал, что, несмотря на парадоксальность, многое из того, что ему и его товарищам казалось не интересным там, стало актуальным и жизненно важным здесь. *«Взгляды, с которыми мы прибыли оттуда, сближали нас с партией Ахдут ха-авода, однако то, что партия сформировала в нас, углубило наше уважение к критериям Русской революции значительно сильнее, чем это смогли это сделать большевики в их стране»* (18–41).

Левита писал, что долгие годы он подчеркивал разницу между значением и влиянием Русской революции и ее политическим и административным воплощением и отрицательным отношением ко

многим явлениям послереволюционной России, гораздо дольше, чем Бен-Гурион и Табенкин (18–41).

Когда лидеры партии Ахдут ха-авода и Гистадрута поняли, что еврейские колонии (мошавот) не были готовы обеспечить работой новоприбывших сионистов, так как предпочитали более квалифицированных и более дешевых рабочих из арабского населения, они стали поощрять создание рабочих коммун и поселение их на земле.

Давид Бен-Гурион и руководимые им партия Ахдут ха-авода и Гистадрут, стремясь к принятию рабочим движением национальных задач, добивались этого коммунистическими методами. Проф. Зеэв Штернхал пишет, что Бен-Гурион признавал эффективность методов управления большевиков и хотел перенять эти методы, но не их идеологию. И так как у партии и Гистадрута не было возможности добиться политической власти в Эрец-Исраэль, они стремились добиться экономического влияния путем сосредоточения в руках Гистадрута управления развитием страны и распределением всех общественных и частных работ. Все хозяйства коммун на земле и в городе, все результаты труда отдельных коммун, были объявлены собственностью Гистадрута. Все доходы отдельных коллективов должны были поступать в общую кассу Гистадрута, который обеспечивал минимальные потребности рабочих в пище, одежде, жилье, развлечениях, воспитании детей и прочем (29–157). Однако равенство членов коммуны и экономическое влияние нужны были Бен-Гуриону и его коллегам не ради идей построения нового общества, а из-за их эффективности в концентрации финансов в единых руках и возможности использования их для создания Еврейского государства (9–100).

Социалистическое рабочее движение в Стране Израиля никогда не выступало против капитализма и частной собственности, оно с большим удовольствием использовало для национальных целей частный капитал, прибывавший в страну вместе с его владельцами, а также финансовую поддержку средних слоев мирового еврейства, собранную Сионистской организацией.

9. **Отношения киббуца Эйн-Харод с Ахдут ха-авода и Мапай**

Мы уже отмечали, что идейные разногласия Рабочего батальона с партией Ахдут ха-авода привели к его развалу и исчезновению. После первого раскола поселения Эйн-Харод все члены новообразованного киббуца придерживались взглядов, принятых в партии Ахдут ха-авода. Они считали, что социалистические элементы

в жизни киббуцев не являются самоцелью, что основная задача каждого киббуца состоит в том, чтобы содействовать осуществлению национальных целей путем, определенным партией. О значении киббуца Эйн-Харод в жизни партии свидетельствует проведение **ее** съезда в 1924 г. на **его** территории.

Вопрос о связи киббуцев с партиями и Гистадрутом и отношений между ними был очень важен. На одном из обсуждений, предшествовавших появлению Объединенного киббуца, Табенкин сформулировал эту проблему так: *«Киббуц является полем нашей коллективной деятельности, а партия – ареной нашей коллективной мысли, из чего следует, что киббуц представляет собой исполнительный орган политики, определенной партией и Гистадрутом»*. В другом выступлении он же утверждал, что в Гистадрут входят на основании социального положения, партия собирает единомышленников, а киббуц объединяет тех, желания которых близки. Из этого делался вывод, что идеология киббуца не должна быть оригинальной, и его задача исчерпывается ролью первопроходца в воплощении идеи (19–122).

При обсуждении роли и задач партии было отмечено ее значение в политическом воспитании масс. Однако в разные эпохи деятельности ведущих партий Ахдут ха-авода и МАПАЙ (с 1930 г.) активность киббуцников в формировании политики и линии партии менялась, иногда принимая генеральную линию партии, иногда требуя ее пересмотра. Часто киббуцники участвовали в деятельности партии как отдельные личности. Но нередко, даже без организованного кем-то единства мнений, у членов киббуца выявлялись одинаковые позиции по многим вопросам. Это, в свою очередь, вело к утверждению, что киббуц, намеренно или нет, превращается в идеологическую секцию партии и Гистадрута.

После создания партии МАПАЙ, объединившей две относительно небольшие партии в действительно массовое движение, ее органы на протяжении почти двух лет привыкали к новым условиям деятельности. В этот период в Объединенном киббуце (ха-Киббуц ха-меухад) изменяется взгляд на важность отношений между киббуцем и партией: эти отношения становятся центральным элементом идеологии киббуцного движения. Связь Объединенного киббуца с партией МАПАЙ, непререкаемая верность этой партии, воспринимаются как важнейшие элементы идеологии Объединенного киббуца. Именно члены киббуцев оказались сплоченной группой, имевшей по многим вопросам сформировавшееся мнение и оказывающей значительное влияние на партию.

Руководство партии высоко оценивало деятельность Объединенного киббуца в поселенческой работе и его инициативу в освоении новых направлений хозяйства, а также его участие в жизни партии и Гистадрута. Во многих сторонах жизни еврейского населения в Эрец-Исраэль, там, где требовалась инициатива, преданность национальным интересам и увлеченность делом, как, например, в поселенческой работе и обороне, Объединенный киббуц был ударным отрядом в выполнении заданий партии и Гистадрута (17–40).

Наступил период, когда, по словам Йаэль Ишай, участие членов Объединенного киббуца в деятельности партии сконцентрировалось в области идеологии, например, когда он противодействовал принятию соглашения, подписанного Д.Бен-Гурионом и З.Жаботинским, и также вел борьбу против предложения по разделу Страны Израиля на два государства. Объединенный киббуц даже стал требовать право автономии в поселенческой деятельности и в воспитании детей в соответствии с его идеологией и потребностями.

Руководство партии МАПАЙ признало право Объединенного киббуца на особое мнение по вопросам, имеющим отношение к поселенческой деятельности и к киббуцному движению. Однако когда члены Объединенного киббуца стали предпринимать действия, шедшие вразрез с планами руководства партии, возникла напряженность в отношениях партии и Объединенного киббуца. Партия стала обвинять членов киббуцев в том, что они присваивают себе функции партии и Гистадрута, что они принимают решения в областях, которые лежат вне сферы их деятельности. В свою очередь, деятели киббуцного движения обвиняли руководство партии в удалении от принципов социалистического сионизма. Партийному руководству стало ясно, что у Объединенного киббуца есть особые идеологические установки, и это усилило его опасения относительно влияния киббуцного движения. Напряженность отношений привела к взаимной потере доверия, и членов Объединенного киббуца перестали выдвигать на влиятельные и ответственные посты. Так возник разрыв между Объединенным киббуцом и партией МАПАЙ.

Со своей стороны, Объединенный киббуц стремился к сотрудничеству со всеми партиями, организациями, поселениями, которые придерживались сионистской и социалистической идеологии. Однако он готов был остаться только в партии с широким спектром мнений, которая бы позволяла иметь различные взгляды и мнения (13–121).

Эти надежды не сбылись. В 1944 г. Объединенный киббуц вместе с «Фракцией бет» («Сиат бет») вышел из партии Мапай и воссоздал партию Ахдут ха-авода, которая через два года слилась с партией Поалей Цион смол, а в 1947 – 1948 годах с движением ха-Шомер ха-цаир, создав партию МАПАМ (Объединенная рабочая партия). Создание этой партии совпало со временем, когда правительство Британии убедилось в нереальности раздела Эрец-Исраэль между евреями и арабами и передало решение судьбы этой земли в руки Организации Объединенных Наций. В период Войны за Независимость, вспыхнувшей после резолюции ООН, Объединенный киббуц отстаивал право еврейского народа селиться на всей территории древней Страны Израиля, за создание еврейского государства.

10. Роль киббуца Эйн-Харод в создании вооруженных сил еврейского населения

Коллективные и целенаправленные действия сионистских организаций и еврейского населения в Эрец-Исраэль вызвали противодействие арабского населения, которое сначала стихийно, а затем все более организованно стало оказывать сопротивление массовому возвращению евреев и поселению их на земле предков. Руководители еврейского населения часто вынуждены были, отложив все насущные проблемы заселения, обеспечения работой, поиска средств для покупки земли и поддержки безработных, заниматься вооруженной защитой евреев и плодов их самоотверженного труда от арабского террора.

Нападение арабских банд на поселение Кфар-Гилъади привело к гибели Иосефа Трумпельдора в 1920 г. и объединению его последователей в Рабочий батальон, названный его именем. Нападение арабов в 1921 г. на еврейские поселения и еврейские кварталы в Иерусалиме, Яффе и Хайфе привели к формированию отрядов еврейской самообороны, названной Хаганой. Однако если до середины тридцатых годов нападения арабов на евреев носили сравнительно стихийный характер, против которого были найдены меры противодействия, то во время «восстания» в 1936–1939 годах арабы изменили тактику. Они организовывали банды, которые нападали внезапно, часто из засады, на рабочих в поле, на транспорт на дороге, на случайных прохожих.

Еврейская самооборона, также как и британская полиция, далеко не сразу нашла методы борьбы с арабскими бандами. Полиция организовала массовую мобилизацию еврейской молодежи и

тысячи евреев получили таким образом свой первый боевой опыт. Хагана создала немногочисленные, но хорошо тренированные подвижные отряды, снабженные транспортными средствами, которые устраивали засады арабским бандам. До этого инициатива нападения была в руках арабов.

Таким образом, впервые в истории еврейских поселений, евреи перешли от пассивной обороны к наступательной тактике на территории арабских сел и городов. Киббуц Эйн-Харод служил одной из баз Хаганы, там формировались подвижные отряды, оттуда они выходили в ночные рейды.

Руководил ими Ицхак Саде (Ландоберг)[4], один из ближайших сподвижников Трумпельдора в организации хе-Халуц в России, служивший в русской армии во время первой мировой войны, а затем принимавший участие в гражданской войне в рядах Красной армии. Вместе с Менахемом Элькиндом и Иехудой Алмогом (Копелевичем) Ицхак Саде стоял во главе Рабочего батальона. Проф. Анита Шапиро пишет, что в 30-х годах Хагана представляла собой лишь федерацию групп охраны, организованных каждым поселением. По сравнению с Хаганой, подвижные отряды были централизованы, и воинов стали мобилизовывать на постоянную службу, а не только по мере надобности, как было прежде. В 1941 г. Саде стал организатором и первым командиром ПАЛЬМАХа (24–342).

Члены Эйн-Харода стали первыми солдатами ПАЛЬМАХа. Поэт Зрубавел Гильад, выросший в киббуце, написал гимн ПАЛЬМАХа.

Огромное влияние на членов Хаганы оказал английский офицер Чарлс Орд Уингейт (1903 – 1944), потомок шотландского рода военных, который, будучи протестантом, верил в необходимость возвращения евреев на землю предков. Он создал ночные отряды для защиты нефтепровода Ирак – Хайфа от диверсий арабских банд и мобилизовал в них воинов из нелегальных отрядов Хаганы. Штаб капитана Уингейта находился в киббуце Эйн-Харод, который являлся базой для ночных отрядов. Чарлс Орд Уингейт был талантливым военным и учителем, под его командованием евреи прошли отличную школу военной теории и практики. Его влияние на руководство Хаганы и на рядовых ее членов было огромным. Многие из

---

[4] См. о нем: *И.Берлин.* Ицхак Саде. *Публ., пер. с англ. и коммент. С.Векслер // ЕВКРЗ.* Т.3. С.223-239.

его учеников стали первыми командирами Хаганы и Армии обороны Израиля, среди них был и Моше Даян.

С усилением антиеврейской политики правительства Британского мандата Уингейт был переведен в Эфиопию с записью в личном деле, что ему запрещено появляться в Эрец-Исраэль. На новом месте он быстро дошел до ранга генерала. Погиб в авиационной катастрофе, в джунглях Бирмы. Ему посвящен особый раздел в музее «Бейт Штурман», расположенном ныне между двумя смежными киббуцами. Киббуц Эйн-Харод служил также исходной базой для основания новых поселений «стены и башни», которые возводились за одну ночь. По османским законам поселение имело право на существование, если наутро была построена стена и башня. В 1940 г. 39 членов киббуца записались добровольцами в Еврейскую бригаду. 29 июня 1946 г., в «черную субботу», были арестованы 300 членов киббуца, и часть их оставалась в заключении значительное время.

11. Раскол киббуца Эйн-Харод

Раскол Объединенного киббуца в 1952 г. произошел вследствие идейных и партийных споров, ожесточившихся во время Второй мировой войны и обострившихся после появления независимого еврейского государства. Важно подчеркнуть, что разногласия возникли на фоне холодной войны, враждебных отношений между Западными странами и Восточным блоком, а также противоречий в международном рабочем движении между различными фракциями социал-демократов, связанных с их отношением к антисионистской и антисемитской деятельности советских и просоветских организаций в последние годы жизни Сталина.

Члены партии МАПАЙ в киббуце Эйн-Харод были против ориентации большинства членов киббуца на партию Мапам, а затем и Ахдут ха-авода, очень положительно оценивавших происходившее в Советском Союзе и его внешнюю политику 1940 – 1950-х гг. Недовольство охватило все поселения Объединенного киббуца и привело к выделению несогласных в союз «Объединение групп и киббуцов» («Ихуд ха-квуцот ве-ха-киббуцим»).

В Объединенный киббуц перед его расколом входило 78 поселений. Сразу после раскола его оставило 21 поселение и два поселения отошли через два года. 4 поселения, и, прежде всего, киббуц Эйн-Харод, разделились. Эти разделы носили очень напряженный характер, сопровождались вызовами полиции и вмешательством судебных инстанций. В Объединенном киббуце осталось 51 поселение.

Раздел в киббуце Эйн-Харод продолжался четыре года и закончился соглашением только в июле 1955 г.

По договоренности, существовавшие поселения при разделе остались в руках большей части единомышленников из числа членов киббуца. Меньшая часть членов киббуца, не согласная с большинством, покинула обжитые места и была вынуждена создать новое поселение. Однако земли и водные ресурсы каждого киббуца были поделены поровну, вне зависимости от соотношения членов в разделившихся группах. Все прочее состояние киббуцев было поделено в соответствии с числом членов в каждой группе.

Так в 1954 г. появилось два самостоятельных и независимых друг от друга киббуца-соседа под одним и тем же историческим названием Эйн-Харод, которые различаются только по вторичному признаку. Один из них остался на прежнем месте, относится к прежнему объединению и называется с тех пор «объединенный» (меухад), а второй, находящийся поблизости от первого, является частью движения «Ихуд ха-квуцот ве-ха-киббуцим» (Объединение групп и киббуцов), сокращенно «ихуд». В распоряжении каждого из этих киббуцев 11–12 тыс. дунамов земли, и они занимаются разнообразными видами сельского хозяйства: садоводством и птицефермами, зерновыми культурами, пчеловодством и разведением рыбы в прудах. Имеется также промышленное производство: в одном существует завод металлоизделий «Пладот» и мебельная фабрика, а в другом есть типография и завод по упаковке цитрусовых.

* * *

Вклад киббуцев в подготовку материальной базы независимого государства был неизмеримо больше, чем их удельный вес в еврейском населении страны. Трудно указать на какую-либо область жизни в стране, где бы киббуцное движение не оказало значительного, а то и решающего влияния. Оно сказалось в идеологии и культуре, в формировании моральных и социальных норм, в отношении к работе, преданности стране и ответственности за судьбу народа.

Развернутое по всей стране поселенческое движение помогло почувствовать себя дома, закрепиться в Эрец-Исраэль десяткам тысяч людей, привлекло в Страну множество беженцев из Восточной Европы, давая им работу и спасая от смерти в нацистских лагерях. Киббуц Эйн-Харод, до сих пор называемый «русским киббуцем», всегда шел в фарватере, споря, ошибаясь, разочаровываясь, двигаясь вперед и добиваясь успехов.

Использованная литература

1. *Анер Зеэв.* Эйн-Харод – самый крупный киббуц. Рассказы о сорока киббуцах. 1988. С.174-178 (иврит).

2. *Бен-Аврам Барух* и *Нир Генри.* Исследование третьей алии. Ее образ и факты. Иерусалим, 1995 (иврит).

3. *Бейн Алекс.* История еврейских поселений в Стране Израиля со времени Герцля до наших дней. Рамат-Ган, 1976 (иврит).

4. *Вагнер Игал* и *Кафкафи Эйял.* Корень конфликта: историческое противостояние между рабочим движением и ревизионистами. Тель-Авив, 1982 (иврит).

5. *Видрих Шуламит.* Улица Бялика. Тель-Авив, 2004 (иврит).

6. *Гадон Шмуэль.* Эйн-Харод (1921 – 1971). Тель-Авив, 1971 (иврит).

7. *Гивъати Хаим.* 100 лет поселенческой деятельности. Тель-Авив, 1981 (иврит).

8. *Горен Йаков.* Общее положение во время создания киббуцных объединений. Сб. «Шорашим». Т.7. 1992. С.39-47 (иврит).

9. *Горни Иосеф.* Ахдут ха-авода (1919–1930). Тель-Авив, 1973 (иврит).

10. *Горни Иосеф.* Начало конструктивного (созидательного) социализма в Стране Израиля. Очерки идеологии движения Поалей Цион Второй алии. Дипломная работа. 1965 (иврит).

11. Евреи и XX век. Аналитический словарь. Ред. *Эли Бар-Нави* и *Саул Фридлендер.* М., 2004.

12. *Изхар Ури.* Между мечтой и властью. Партия Ахдут Ха-Авода–Поалей Цион до и после провозглашения Государства Израиль. Рамат Эфал, 2005 (иврит).

13. *Ишай Йаэль.* Основание партии МАПАМ // Сб. «Шорашим». Т.2. 1980. С.117-133 (иврит).

14. *Канари Барух.* Табенкин в Стране Израиля. Рамат Эфал, 2003 (иврит).

15. *Канари Барух.* Плановое хозяйство и социалистическое планирование хозяйства в сионизме. Рамат Эфал, 1993 (иврит).

16. *Кафкафи Эйял.* Раскол Эйн-Харода // Сб. «Исследования возрождении Израиля» . Т.3. 1993. С.430 (иврит).

17. *Клоский Аврахам.* Спор по поводу объединения киббуцного движения // Сб. «Шорашим». Т.2. 1980. С.40 (иврит).

18. *Левита Лева.* В Эйн-Хароде у подножия Гильбоа (1924–1928). Личное свидетельство. Рамат Эфал, 1983 (иврит).

19. *Нир Генри.* Киббуц и партия в идеологии Объединенного киббуца // Сб. «Шорашим». Т.1 (1929 – 1933). 1979. С.122 (иврит).

20. *Рознер Менахем, Шур Шимон, Чижик Моше, Авнат Александр.* Горизонты киббуцного социализма. Общее и различия между киббуцными движениями. Тель-Авив, 1989 (иврит).

21. *Тевет Шабтай.* Ревностность Давида. Жизнь Давида Бен-Гуриона. Том 2: Во главе Гистадрута. Иерусалим – Тель-Авив, 1980 (иврит).

22. *Цур Зеэв.* Объединенный киббуц в заселении Страны Израиля. Том 1. Годы 1927 – 1939; Том 4. Годы 1949 – 1960. Тель-Авив, 1979 г. (иврит).

23. *Шадми Менахем.* Коммуна в Израиле в исторической перспективе. Тель-Авив, 1985 (иврит).

24. *Шапиро Анита.* Меч голубя. Тель-Авив, 2002 (иврит).

25. *Шапиро Анита.* Новые евреи, старые евреи. Тель-Авив, 1997 (иврит).

26. *Шапиро Анита.* Путь к горизонту. Тель-Авив, 1988 (иврит).

27. *Шапиро Анита.* Политическое развитие Рабочего батальона 1920 – 1927. Тель-Авив, 1967 (иврит).

28. *Шапиро Ионатан.* История партии «Единство труда». Сила политической организации. Тель-Авив, 1975 (иврит).

29. *Штернхал Зеэв.* Строительство нации или реформа общества. Тель-Авив, 1986 (иврит).

30. *Янай Ахарон.* История Эйн-Харода. Тель-Авив, 1971 (иврит).

Дорогу

осилит

идущий

Бен-Цион Тавгер и его Хеврон

Исаак Резник (Бейт-Шемеш, Израиль)

Бен-Цион Тавгер

Сейчас, когда статья о профессоре Бен-Ционе Тавгере закончена, я могу в полной мере ответить самому себе на вопрос, почему было решено написать именно о нём. Ответ очень прост – уникальность этого человека, неординарность его поступков, на которые, при сходных обстоятельствах, способны лишь единицы.

Приносить в жертву своё благополучие, социальный статус, спокойную, размеренную и бесконфликтную жизнь во имя восстановления справедливости и защиты исторических ценностей своего народа может далеко не каждый.

То, что сделал и пережил Бен-Цион Тавгер за свою относительно короткую жизнь (1930–1983), с избытком хватило бы на несколько жизней. Раскрыть незаурядность этого человека, понять мотивацию его поступков, не вписывающихся в обычные рамки поведения человека, помогли его жена Белла-Нава Тавгер и друзья, гордые тем, что им посчастливилось общаться с такой неординарной личностью.

Белла-Нава Тавгер выполнила огромную по объему и сложности работу – на основе магнитофонных записей мужа подготовила и издала книгу «Мой Хеврон» на иврите и русском языке. История Хеврона семидесятых годов не утратила своей актуальности и через тридцать лет.

Бен-Цион Тавгер родился 5 августа 1930 года в г. Борисове, что в Белоруссии, совсем недалеко от Минска. Его отец, Арон Тавгер (1902–1980), и мать, Рахель Фидельгольц (1900–1983), были людьми, соблюдавшими еврейские традиции, и своего сына воспитали в уважении к ним. В то время, когда во многих еврейских

семьях старались не давать детям «неблагозвучные» имена, они назвали ребенка чисто еврейским именем Бен-Цион. Отец Бен-Циона слыл в городе человеком несколько странным, ибо каждый раз, в определённое время года, он строил некое непонятное для окружающих сооружение, которое, называется сукка[12]. Приобщаясь к соблюдению традиций, Бен-Цион оставался вполне современным любознательным юношей.

Его способности в физике, математике, химии проявились достаточно рано. Он участвовал и побеждал на олимпиадах по этим предметам, поэтому выбор им физико-математического факультета МГУ никого не удивил. Удивительным было другое – его, еврея, поступление в 1947 году на этот факультет самого элитного в Советском Союзе высшего учебного заведения.

Преподавали там корифеи науки, такие, как Нобелевские лауреаты академики Ландау и Капица. Но в 1949 году Тавгер перешёл в Горьковский государственный университет (ГГУ). Этот переход в ГГУ, судя по рассказу Игаля Галили, бывшего студента Бен-Циона, а ныне профессора, заведующего кафедрой Иерусалимского университета, был неслучаен. Академик Ландау, понимая, что одаренному студенту МГУ перекроют путь в науку, в связи с послевоенной юдофобской вспышкой, даёт ему рекомендацию на кафедру кристаллографии ГГУ. Тавгер закончил ГГУ в 1952 году, получив диплом с отличием.

Однако мысль об аспирантуре пришлось отложить и поехать по распределению на завод в Омск, где работа никоим образом не была связана с его профессией. Тавгер решил обратиться за помощью к Илье Эренбургу и добился встречи с ним. В то время многие евреи, чаще безрезультатно, искали защиты у именитого писателя. Но Эренбург проявил интерес к судьбе молодого человека, и в результате его вмешательства Бен-Циону была предложена преподавательская работа в Калининградском педагогическом институте. Это, конечно, было лучше омского завода, хотя и далеко от исследовательских центров, современных лабораторий и научной среды.

Не имея возможности проводить лабораторные испытания, молодой преподаватель занимается самостоятельно, но его иссле-

---

[1] Сукка – строение под открытым небом, которое покрывается листьями или соломой, в память о шалашах, где жили евреи после Исхода из Египта. Евреи должны жить в сукке в течение семи дней праздника «Суккот» («Кущи»).

дование завершается открытием нового физического явления – «магнитной симметрии».

Работа нашла своё развитие в кандидатской диссертации, защита которой успешно прошла в 1959 году в Московском государственном педагогическом институте. В.Кресин, товарищ Тавгера по аспирантуре, а в настоящее время профессор Калифорнийского университета и сотрудник всемирно известной лаборатории Беркли, вспоминает слова их общего научного руководителя, профессора Б.Т.Гейликмана, что «к нему поступил аспирант исключительных способностей» и что «Тавгер – идеальный аспирант, он поступил, практически имея готовую диссертацию».

В.Кресин отмечает также, что на защиту кандидатской диссертации Б.Тавгера приехал академик Шубников, автор классических работ по теории симметрии и кристаллографии, который дал высочайший отзыв о работе и удивился тому, что Тавгеру присуждается кандидатская степень, а не докторская. Кстати, как рассказывал Игалю Галили сам Б.Тавгер, при голосовании на Учёном Совете два голоса оказались против, хотя ни одного отрицательного отзыва не было. Эти два голоса ничего не решали, но кто-то из членов Совета возмутился, – два чёрных шара при полном отсутствии критики выполненной работы. Провели повторное голосование, – все были «за».

После окончания аспирантуры Бен-Цион начинает работать в ГГУ на кафедре теоретической физики. Он не только прекрасный учёный, но и замечательный педагог, который начинает формировать собственную научную школу. Проф. Галили отмечает, что для Б.Тавгера было характерно нестандартное мышление, у него полностью отсутствовал догматический подход как к парадигмам в науке, так и в методике преподавания. Студенты тянулись к нему. Давид Аксельрод, знавший Бен-Циона по Хеврону, тоже обращает внимание на независимость его мышления. Оно проявилось и при решении проблем общественной жизни, особенно в период борьбы Тавгера за восстановление еврейской жизни в Хевроне.

Тавгер приступает к развитию нового научного направления – магнитной симметрии, которая вошла во все фундаментальные учебники по теоретической физике. В это же время он начинает проявлять серьёзный интерес к еврейской истории и иудаизму – гены и воспитание в семье «потребовали» своей реализации.

В книге «Мой Хеврон» об этом написано так: он *«организовывает в ГГУ подпольный сионистский кружок, куда привлекает еврейскую студенческую молодёжь. Там они читают произведения*

Жаботинского, проводят пасхальный седер, отмечают другие еврейские праздники, знакомятся с историей и религией еврейского народа, короче, готовятся к будущей репатриации в Израиль. Впоследствии, едва появилась возможность, все участники этого кружка туда и уехали».

Из интервью с Беллой-Навой Тавгер

И.Резник: *Бен-Цион, если судить по его деятельности в Израиле, был сионистом, причём сионистом с ярко выраженной активной позицией. Но даже евреи сионистами не рождаются, они ими становятся. Как Бен-Цион пришёл к сионизму? Были ли его родители близки к сионизму? Когда он начал соблюдать традиции и соблюдал ли он их?*

Способствовала ли его приходу к сионизму обстановка в России с её государственным и бытовым антисемитизмом или это было проявлением обострённого чувства еврейского самосознания, которое есть в той или иной мере у каждого еврея?

Б.-Н.Тавгер: *Бен-Цион Тавгер родился и воспитывался в еврейской семье (достаточно обратить внимание на его имя – далеко не самое популярное и распространённое в б. Советском Союзе), и, прежде всего, был евреем. Как известно, евреи в рассеянии в течение двух тысячелетий никогда не переставали молиться и мечтать о возвращении домой, в страну Израиля, в Иерушалаим, в Сион. (И если им это не удавалось, то оставалась мечта, – хотя бы быть похороненными в Эрец-Исраэль.) Поэтому, будучи настоящим евреем в душе, Бен-Цион всегда был и сионистом. Он рассказывал со смехом о себе и об одном из близких друзей, Илье Виханском, что уже много лет назад, когда евреи-интеллигенты в Москве были в большинстве своём «демократами», они (Тавгер и Виханский) «старомодно» были сионистами.*

Нынешней молодёжи трудно себе представить, каким опасностям в СССР подвергал себя и своих близких человек, принявший идеологию сионизма – этого, согласно официальной советской доктрине, жупела народов мира. Утверждалось, что это «реакционная шовинистическая идеология движения, проводящего политику агрессивного буржуазного национализма и антикоммунизма под лозунгом общности интересов и объединения всех евреев».

Включившись в сионистскую деятельность, Б.Тавгер не мог рассчитывать на то, что она останется незамеченной в КГБ. Начались допросы, обыски, следствия. По свидетельству И.Галили, вес-

ной 1968 г. Тавгера и других участников сионистского кружка арестовывают. Бен-Циону грозит тюрьма сроком до 7 лет. Он находит единственный в той ситуации выход: симулирует психическое заболевание и скрывается в психиатрической клинике. Выйдя оттуда, он, не появляясь дома, исчезает в неизвестном направлении. Тавгера уволили с работы и лишили права преподавательской деятельности в Горьковской области.

Внутренний вид восстановленной синагоги «Авраам авину»

Правда, в опубликованной в интернете Книге памяти Нижегородской области (Репрессии доцентов) есть указание на то, что Тавгер Бен-Цион Аронович, 1930 года рождения, еврей, родившийся в г. Борисове Минской обл., кандидат физико-математических наук, доцент кафедры теоретической физики Горьковского государственного университета приговорён к заключению на два года и пять месяцев с 05.04.68 по 15.09.70 г. (дело 14777, 14778) за распространение антисоветской литературы. По этим архивным данным можно сделать вывод, что без решения суда, который не состоялся, сфабриковали документы об осуждении Тавгера.

В это время Бен-Цион находится в Новосибирске. Авторитет серьёзного учёного позволяет ему успешно пройти конкурс на должность старшего научного сотрудника Института физики полупроводников Сибирского отделения АН СССР и стать жителем местного Академгородка.

Здесь он продолжает развивать созданное им новое научное направление – теорию размерно-квантующих плёнок, имеющих большое практическое значение в разработке полупроводников, в изучении и технологическом применении явления сверхтекучести. В 1969 г. Тавгер защищает докторскую диссертацию, утверждения

которой в Высшей аттестационной комиссии (ВАК) он не дождался вплоть до своего отъезда в Израиль.

В Новосибирске Бен-Цион продолжает свою сионистскую деятельность. Он организует подпольную группу, цель которой – борьба за право свободного выезда в Израиль. Д-р Габи Бирин, познакомившийся с Тавгером в новосибирском Академгородке, а в настоящее время живущий в Израиле, отмечает его бесстрашие в пропагандистской работе. КГБ решает выдать этому возмутителю спокойствия разрешение на выезд в Израиль, кстати, первому учёному такого уровня в Академгородке и не только там.

В мае 1972 года он становится новым репатриантом и какое-то время живёт в центре абсорбции города Нацрат-Илит.

Приезд в страну известного учёного не был рядовым событием для израильской науки. Бен-Цион получает приглашение на работу в Тель-Авивский университет от его президента проф. Юваля Неемана. Но до принятия этого очень лестного приглашения он пытался устроиться на работу в Иерусалимский и Беэр-Шевский университеты. Уже тогда его не покидала мысль о переезде в Кирьят-Арбу, который территориально был ближе к этим университетам, чем к Тель-Авивскому.

Во время учёбы в ульпане Нацрат-Илита он услышал о новом поселении с прекрасным климатом и природой, а также о том, что это историческое для еврейского народа место, где в Пещере Меарат ха-Махпела похоронены наши праотцы и праматери.

Из интервью с Беллой-Навой Тавгер

И.Резник: *Александр Риман писал в газете «Вести» (02.05.2002), что до приезда в Израиль Бен-Цион не был религиозным человеком. Так ли это?*

Б.-Н.Тавгер: *Бен-Цион Тавгер всегда сознательно был евреем, он стремился учиться, углублять свои знания в еврействе и, естественно, со временем соблюдал всё больше и больше заповедей.*

Переговоры с Иерусалимским университетом остались безрезультатными. В новом тогда Беэр-Шевском университете свободные ставки были, но полученный ответ, как говорил Тавгер, его буквально ошеломил: *«Мне объяснили, что мой уровень слишком высок, и именно поэтому я им не подхожу... Что я им мог ответить? Не бойтесь меня, я – не Эйнштейн. Интересно, что бы ответили Эйнштейну, если бы он приехал сюда устраиваться на работу?»*.

В конце концов, мне пришлось принять предложение проф. Неемана и начать работать в Тель-Авивском университете».

До 1974 года проф. Тавгер работает в Тель-Авивском университете, но у него возникает идея создания Научно-исследовательского института физики твёрдого тела в Кирьят-Арбе, – своеобразного Академгородка, в котором могли бы найти работу многие специалисты из СССР. Бен-Цион даже составил картотеку потенциальных сотрудников из учёных-репатриантов. Нельзя сказать, что его не поддерживали. Как пишет Эли Люксембург в предисловии к книге «Мой Хеврон», *«Во всех инстанциях ему обещали содействие и финансовую поддержку. Но, увы, дальше обещаний дело не пошло – перед Тавгером словно вырастала глухая стена, пробить которую не мог никто. Долгие мытарства постепенно убивали надежду, и, наконец, кто-то сказал ему откровенно, что создавать научное учреждение в Хевроне нецелесообразно».*

Из интервью с Беллой-Навой Тавгер

И.Резник: *Бен-Циону не разрешили организовать в Кирьят-Арбе Институт физики твёрдого тела, даже несмотря на поддержку Юваля Неемана, являвшегося тогда президентом Тель-Авивского университета. В чём причины отказа? Кто за этим стоял? Почему он считал Кирьят-Арбу самым подходящим местом для создания такого Института?*

Б.-Н.Тавгер: *Тавгер хотел организовать в Кирьят-Арбе-Хевроне Институт физики по образцу новосибирского Академгородка – в условиях хорошего, горного климата, вдали от городской суеты, от центра страны, и при этом – в месте, которое несёт в себе важный заряд еврейской истории, традиции, духовности. Проект не был осуществлён из-за инерции властей и из-за политики ограничения развития «территорий». Возможно, он просто опередил своё время, потому что спустя 20 лет в Израиле были открыты так называемые «Технологические теплицы» для учёных и инженеров из бывшего СССР (одна из них – в Кирьят-Арбе).*

В 1974 году Бен-Цион решается оставить работу в Тель-Авивском университете и переехать в Кирьят-Арбу, ибо, как он сам отмечает: *«Несмотря на всё, я хотел жить именно в Кирьят-Арбе. Даже тогда, когда вопрос о научной работе и создании группы висел ещё в воздухе, я принял твёрдое решение поселиться в Кирьят-Арбе...»*

Бен-Цион Тавгер прикипел сердцем к этим издревле еврейским местам: Кирьят-Арба – городок, выстроенный рядом с Хевроном, первой столицей объединенного еврейского государства.

Он с любовью воспринимал здесь дыхание вечности и древнейшей истории нашего народа. И это, как он говорил, улучшало его настроение.

Но, с другой стороны, его поразило, «в каком ужасном состоянии находились еврейские места». Тавгер так описал свои впечатления от увиденного в Хевроне: *«Со времени знаменитого погрома 1929 года ничего не изменилось, будто бы это всё произошло вчера. Более того, были заметны более поздние разрушения и осквернения... Когда я впервые это увидел, не знаю, что испытал в большей степени: гнев или обиду... И сколько бы раз я это ни видел после, никак не мог смириться, не мог отделаться от обуревавших меня чувств».*

Бен-Цион не мог понять, почему евреям, в отличие от арабов, ограничен доступ в Меарат ха-Махпела, почему на месте Еврейского квартала, существовавшего пять веков и разрушенного королём Иордании Хусейном, находится арабский рынок. Он был крайне возмущён тем, что на месте синагоги «Авраам-авину» построена общественная уборная и устроен загон для скота, а древнее еврейское кладбище осквернено и разграблено. Он задавался вопросом, чем объяснить действия еврейских властей, мягко говоря, не способствующих, а иногда и противодействующих восстановлению еврейского квартала и других мест, связанных с историей нашего народа. Бен-Цион Тавгер был далёк от политики, – его волновало другое, что конкретно он, Тавгер, может сделать для изменения ситуации. Именно эту задачу он считает первостепенной, а не физику, в которой так преуспел.

Из интервью с Беллой-Навой Тавгер

И.Резник: *Хотелось бы понять побудительные мотивы поступков Бен-Циона, пусть даже очень благородных. Известный учёный, уже через 2 года после окончания университета открывший новое физическое явление (магнитной симметрии), практически сразу принятый на работу в Тель-Авивский университет самим Ювалем Нееманом, уходит из него, хотя его никто не увольнял, и начинает заниматься делом, которое отнимает массу времени и не даёт практически никаких средств к существованию.*

Неужели Бен-Цион считал, что устроившись на работу кладбищенским сторожем, он принесёт больше пользы еврейскому го-

сударству, чем физик-теоретик его уровня? Считал ли он решение заняться расчисткой хевронского кладбища и раскопками синагоги Авраам-авину более важным делом? Или он чувствовал снижение своего научного потенциала?

Б.-Н.Тавгер: *Бен-Цион был человеком с редким сочетанием исключительно острого самостоятельного мышления и желания действовать (а не только говорить). Он столкнулся с диким, нелепым, противоестественным и унизительным положением. При еврейской власти, в Хевроне, одном из древнейших и самых святых для евреев мест, колыбели нашей истории, именно еврейские дома, синагоги, иешивы, кладбище и т.п. разрушены и осквернены, и нет даже мемориальных досок, свидетельствующих о нашей жизни там. А ведь евреи всегда жили в Хевроне, со времён Авраама-авину, вплоть до арабского погрома 1929 года и последовавшим за ним насильственным трансфером, осуществлённым британской администрацией. Бен-Цион просто не мог принять этого! И когда он увидел, что никто другой не делает того, что нужно делать немедленно, он начал это делать сам, своими руками и по своему плану.*

Мемориальная доска на площади, названной в честь Бен-Циона Тавгера

Бен-Цион ушёл из жизни в возрасте 53 лет, в расцвете физических и творческих сил, когда его голова была полна множеством идей в разных областях. Одну из своих научных идей Тавгер доверил бывшему ученику и другу Игорю Гольдфарбу (Игалю Галили). Тавгер хотел, чтобы эта теоретическая идея была вначале доказана экспериментально и только после этого опубликована. Поскольку организовать эксперимент после смерти Тавгера было нелегко, в 1986 году материалы были посланы В.Кресину, который подготовил краткую теоретическую статью, и она была опубликована в ведущем

мировом журнале по теоретической физике, «Physics Letters». Это означает, что и через три года после смерти Тавгера никто из учёных-физиков в мире не опередил его. Профессор Ю.Нееман, один из ведущих учёных-физиков Израиля, написал после опубликования статьи в «Physics Letters», что проведение предсказанного Тавгером эксперимента и подтверждение его идеи станет открытием, равным открытию полупроводников и лазеров.

Решив бороться в одиночку, Тавгер начинает действовать. Он посылает письма в различные государственные учреждения в надежде, что там должны вникнуть в происходящее и предпринять меры к восстановлению справедливости. Бен-Цион наивно полагал, что евреям не может быть безразлична судьба святых мест. Одно из первых писем, отправленное тогдашнему премьер-министру Ицхаку Рабину, было опубликовано в газете «Неделя» от 30.04.1975 года, но, к сожалению, реакции не последовало. Тогда он инициировал открытое письмо бывших киевлян-участников демонстраций за увековечение памяти евреев, погибших в Бабьем Яре. Письмо звучало укором в адрес израильского общества, но отклика у властей так и не нашло. Перед Бен-Ционом встала проблема, что делать дальше, и он принял решение, которое казалось ему единственно правильным. В книге «Мой Хеврон» об этом сказано так: *«Я вполне отдавал себе отчёт, что, естественно, бороться не с кем. Только со своей же еврейской властью. Это отнимет силы у обеих сторон и в итоге ни к чему хорошему не приведёт. И пришёл к простому решению: если хочу восстанавливать синагогу (имеется в виду синагога "Авраам-авину". – И.Р.), то надо её восстанавливать. Не нужно ни с кем спорить, выяснять отношения. Если станут мешать, постараюсь эти помехи нейтрализовать. И не стану писать больше писем. Ибо нет в этом никакого смысла».*

И Бен-Цион продолжает реализовывать свои планы, но уже без иллюзий на получение хоть какой-то помощи со стороны государства.

Эли Люксембург в предисловии к книге «Мой Хеврон» пишет: *«Еврей не должен чувствовать себя чужаком в своей стране. Примером поведения для еврея может служить проф. Бен-Цион Тавгер, который сочетал в себе честность, справедливость, непримиримость, стойкость и мужество».*

Зная устремления Тавгера, местный Совет Кирьят-Арба включил его в группу активистов, хотевших привлечь внимание властей и общественности к недопустимому положению еврейского Хевро-

на. Но работе этой группы, позже названной Комиссией, препятствовала бюрократическая машина. На все надо было разрешение властей, что тормозило работы по восстановлению хевронских святынь. Бен-Цион решил «взять ответственность на себя и никого ни о чём не спрашивать». Он понимал, что это может привести к серьёзным конфликтам с властью, что он может быть арестован и оказаться под судом. Он был готов к этому, чтобы получить трибуну для начала публичного разговора о положении дел в Хевроне. Общественный резонанс на происходящее в Хевроне мог бы сдвинуть с мёртвой точки реализацию намеченной им работы. Судя по всему, государственного плана по восстановлению памятников еврейского присутствия в Хевроне не существовало. Всё, что делалось, носило достаточно спонтанный характер и было основано исключительно на инициативе таких людей, как Тавгер, и близких ему по духу соратников.

Из интервью с Беллой-Навой Тавгер

И.Резник: *Как в семье Бен-Циона относились к его общественным работам, которые занимали практически всё его время и приводили к острым конфликтам с властями?*

Б.-Н.Тавгер: *Члены семьи Тавгера были его единомышленниками и поддерживали его во всех его действиях.*

Тавгер действовал самостоятельно, не прячась за спины других, и находил поддержку среди самостоятельно мыслящих людей, в первую очередь, – среди молодёжи.

Итоги деятельности Бен-Циона Тавгера и его товарищей беспрецедентны. Эта маленькая группа людей смогла, вопреки всевозможным противодействиям, выполнить громадную по объёму работу – восстановить исторические, святые для еврейского народа места. Это был не только тяжёлый физический труд, – не менее важной стала духовная составляющая. Арабы быстро поняли, что евреи чтут свои святыни и не позволят безнаказанно топтать их национальное достоинство.

Уже отмечалось, в каком состоянии находилось хевронское кладбище – пример надругательства над памятью евреев. Предметом его особых забот стали осколки разрушенных могильных плит, часть из которых была растаскана и использована арабами для постройки заборов. Как рассказывает Бен-Цион в своей книге, он «часами сидел, склеивая и реставрируя их, стараясь прочесть высеченные на них имена». Ему удалось восстановить 26 надгробий. Были

найдены и восстановлены могилы знаменитого каббалиста XVI века, автора книги «Решит хохма» («Начало мудрости») раввина Элияху де Видаса, а также жертв погрома 1929 года. Эти могилы, как я мог воочию убедиться, находятся сегодня в ухоженном состоянии.

Особое место в хевронский период жизни Бен-Циона Тавгера занимают раскопки знаменитой синагоги «Авраама-авину», построенной сефардской общиной в XVI веке. По рассказам старожилов, описаниям в книгах и альбомах, Бен-Цион установил её месторасположение, что само по себе стало весьма важным достижением. Этот безымянный участок, загаженный навозом и мусором, был огорожен сетчатым забором из проволоки и служил загоном для коз и овец. Как выяснилось позже, он был сдан военной администрацией Хеврона в аренду одному из арабов. В договоре на аренду это место было квалифицировано как оставленное, брошенное имущество.

Бен-Цион дал всем понять, что этот участок является еврейской собственностью и не подлежит незаконной сдаче в аренду, для чего он тут же повесил на ворота новый замок и вывеску, заказанную на собственные деньги и гласящую, что *«Здесь была синагога "Авраам-авину". Воздвигнута в 1560 году, действовала до погрома 1929 года. Во время иорданского владычества и до 1975 года это место использовалось как загон для скота».*

Раскопками и восстановлением синагоги «Авраам-авину» решалась ещё одна, если так можно выразиться, стратегическая задача – возвращение евреев в старый еврейский квартал Хеврона, центром которого как раз и была эта синагога до событий 1929 года. Не имея разрешения военной администрации, Бен-Цион в 1975 году на свой страх и риск начал раскопки. В книге «Мой Хеврон» это описывается так: *«Совершенно один, с лопатой и корзиной в руках я стал приходить к синагоге и ежедневно расчищать её в строжайшей тайне от всех. Работа была нелёгкой – я разгребал навоз, собирал всевозможные банки и склянки. Арабы прямо здесь же закалывали скот, и было полно костей, гниющих кишок, шкур. Попадались и трупы мелких животных. Порой я задыхался от зловония».*

Он, по мере возможности, привлекал к этой работе учащихся соседней иешивы, репатриантов из СССР, туристов и даже арабов, живших по соседству. Все же основная часть раскопок была проделана им самим и сторожем кладбища арабом Хусейном, который, видимо, пытался таким образом искупить вину своих соплеменников за содеянное ими в Хевроне. Среди помощников был житель

Кирьят-Арбы столяр Шальриэль, Элиэзер Бройер – парень, отслуживший армию и решивший поселиться в Хевроне, а также бывший студент Новосибирского университета Володя Шухман. Группа добровольцев расчистила территорию еврейского кладбища, где, в частности, были похоронены великие раввины и цадики, и, как уже говорилось, жертвы погрома 1929 года.

Следует принять во внимание, что дело осложнялось не только отсутствием какой-либо существенной помощи со стороны власть предержащих, но и созданием искусственных помех в работе теми, кто должен был бы ей способствовать. Я имею в виду, в частности, местный религиозный совет, которому не понравилась инициатива какого-то приезжего еврея. Вот что рассказывает об этом Бен-Цион: *«Они решили, что я занимаюсь не своим делом, и прекратили выплачивать мне заработную плату сторожа, чтобы я вообще в этих местах больше не появлялся... Конечно, если бы члены религиозного совета последовали моему примеру, тоже взяли бы лопаты и вёдра, работая вместе со мной, не тратя время на угрозы, не омрачая мне жизнь, открытие синагоги наступило бы гораздо раньше».*

В 1978 году, в результате упорной и настойчивой работы общественности было получено разрешение на проведение раскопок.

А через шесть лет после их начала, 22 мая 1981 года, состоялось торжественное открытие синагоги, о котором Тавгер узнал случайно. Справедливости ради, необходимо, однако, сказать, что Бен-Циону было предоставлено право открыть и закрыть «арон хакодеш»[3]. Он этой чести заслужил, и было бы очень странным, если бы это сделал кто-то другой.

Среди славных дел Бен-Циона Тавгера следует упомянуть также борьбу за права евреев молиться в Меарат ха-Махпела. Даже после победы в Шестидневной войне (июнь 1967 г.) евреи не получили свободного доступа к своим святыням. Им позволили входить в Меарат ха-Махпела только на правах туристов в определённые дни и часы, в отличие от арабов, которые могли молиться в любое время.

Это не могло не вызвать возмущения у Тавгера, очень чувствительного к дискриминации евреев, не имевших возможности владеть тем, что им принадлежит по праву. От этого законного права у евреев остались только «семь ступенек» у входа.

---

[3] Синагогический ковчег (ларь), имеющий форму шкафа, в котором хранится свиток Торы.

И он решился на беспрецедентную акцию – вместе с сыном-подростком привязать себя заранее подготовленными цепями к дверям, ведущим к гробнице праматери Сары, дождаться окончания разрешённого времени посещения Меарат ха-Махпела и не покидать её, пока не будет реакции властей. Эти действия Бен-Циона были поддержаны ещё двумя евреями. Все были арестованы, но акция безусловно имела общественный резонанс.

За свои «противоправные» действия Тавгер неоднократно подвергался арестам и допросам. Морально это отягощялось тем, что арестовывали и допрашивали его не враги, а свои, евреи, честно выполнявшие, как им казалось, свои обязанности.

Все действия Бен-Циона, помимо желания восстановить историческую справедливость, были потребностью его еврейской души. Это стало его ответом на вопрос, сформулированный в одной из фундаментальных для иудаизма книг, посвящённых морали и этике «Пиркей-авот», – «Откуда ты пришёл и куда ты идёшь?». Вопрос, касающийся цели и смысла бытия, который до сих пор остается важнейшим из всех.

Тавгер никогда не подвергал сомнению правильность своего выбора – во всех жизненных ситуациях оставаться евреем – ни тогда, когда в Советской России организовывал сионистские кружки и привлекал туда еврейскую молодёжь, ни тогда, когда в полном одиночестве начинал раскопки и восстановление еврейских святынь. Он понимал, что забвение исторического прошлого народа не проходит бесследно для его будущего, который в этом случае уподобляется пингвину: крылья есть, а взлететь не может.

К Бен-Циону Тавгеру в полной мере можно отнести слова Ромена Роллана о евреях: *«Почему нам следует щадить евреев больше, чем христиан? Если я воздаю им должное, то потому что они этого стоят... Я знаю, сколько ещё величия заключено в этой нации. Я знаю всю способность к самопожертвованию, всё гордое бескорыстие, всю любовь и стремление к лучшему, неутомимую энергию, упорный и незаметный труд многих евреев. Я знаю, что в них живёт Бог. И потому-то негодую на тех, кто отрекается от него, кто ради позорного преуспеяния и низменного благополучия, предаёт судьбу своего народа. Бороться с ними – значит выступать против них от лица их народа, точно так же, как, нападая на разложившихся французов, я защищаю Францию...»* («Ярмарка на площади»)

Моральные принципы, которым следовал Бен-Цион, его отношение к своему происхождению и вечным ценностям еврейского

народа позволяют с полным основанием отнести его к категории аутентичных[4] евреев. Ж.-П.Сартр в работе «Размышления о еврейском вопросе» отмечает, что аутентичность еврея, приводящая его к сионизму, *«...представляется моральным самоопределением, приносящим еврею уверенность в этическом плане»* и *«вне всякого сомнения, аутентичность требует большей смелости и не только смелости, поэтому не может вызывать удивления то, что неаутентичность распространена значительно шире. <...> Аутентичность... предполагает способность трезво и адекватно оценивать ситуацию, брать на себя ответственность, принимать опасности, которыми ситуация чревата, и с гордостью или в унижении, а иногда с ненавистью и страхом отстаивать свои права. <...> Ситуация еврея такова, что он должен отвечать за свой выбор и перед собой и собой за судьбу и за саму природу еврейского народа».*

Профессор Бен-Цион Тавгер всей своей жизнью подтвердил справедливость вышесказанного. Его имя навсегда вписано в историю Страны Израиля и Хеврона, центр которого назван в честь этого замечательного человека.

---

[4] аутентичный – действительный, подлинный, соответствующий подлинному.

Еврейская Атлантида в скульптуре Льва Сегала

Григорий Фурман (Нетания)

Лев Сегал

В марте 2004 года в Нетании, на улице Герцля, собралась большая группа горожан. Здесь были и люди, знавшие, ради чего они пришли сюда, и случайные прохожие, видевшие двухметровые монументы, укутанные светлым покрывалом.

В этот день торжественно открывали скульптурную группу «Клезмеры». Когда полотна соскользнули, раздались аплодисменты и посветлели лица людей, глядящих на музыканта и его друга, танцующего под веселую мелодию. Были в этот день много благодарных слов в адрес скульптора Льва Сегала и энтузиастов из мэрии Нетании, которые помогли так удачно вписать веселую, светлую работу художника в городской пейзаж. А мэр Нетании Мирьям Файнберг напомнила собравшимся, как полюбилась горожанам скульптура Сегала «Скрипач на крыше», установленная еще в 1997 году в центре улицы Краузе.

Не нужно быть опытным искусствоведом, чтобы увидеть, – скрипач и его «собратья», клезмеры с улицы Герцля, созданы одним человеком, – на них явно лежит печать его индивидуальности.

Давайте познакомимся поближе с автором, чьи работы говорят не только о таланте, но и о художественном вкусе и чувстве юмора. Глядя на них, мы сразу понимаем, что, заполняя 5-ю графу анкеты в бывшем СССР, скульптор, следуя советам шутников, мог писать просто «да».

Родился Лев Сегал в Белой Церкви, и раннее детство его прошло в этом украинском городке, где едва ли не большую часть населения составляли евреи. Восемь лет было мальчику, когда в самом начале войны семья бежала, спасаясь от немцев, в Сталинград-

скую область. А потом была вторая эвакуация – в Новосибирск. Голодное и холодное детство – удел многих в те годы.

Возвратились из эвакуации уже в Киев, где Лева в 14 лет начал осваивать профессию механика, заканчивая одновременно вечернюю десятилетку.

Итак, «с чего начинается творчество».

– Лев, когда Вы начали рисовать, лепить?

– В детском саду, – совершенно серьезно отвечает мне Сегал, – а потом в школе, в армии, в художественной студии. Словом, сколько помню себя, – все свободное время занимался рисунком, скульптурой, хотя на жизнь пришлось зарабатывать ремонтом счетных и пишущих машинок.

Соломон Михоэлс
Рельеф. 29х29

Надо сказать, что в тогдашнем Киеве совсем не просто было заявить о себе, пробиться в салоны, выставочные залы даже одаренному человеку, особенно еврею. Но талант и упорство все же позволили Льву Сегалу участвовать в республиканской выставке и быть награжденным медалью. Несколько работ закупили музеи, часть отобрали для показа в столичном выставочном зале. Когда Льву позвонили и предложили поездку в Москву, и он продиктовал свои данные: «Лев Ионтелевич», – наступила длительная пауза. Через час сообщили, что поездка отменяется… К этому времени Сегал создал ряд чеканных портретов, в том числе, главного дирижера балета Киевского оперного театра Б.Чистякова, скрипачки О.Пархоменко, Шолом-Алейхема, военного оператора С.Стояновского, С.Михоэлса, П.Маркиша, Хемингуэя, Бетховена, Шота Руставели, И.Котляровского, Л.Украинки и др.

Жена предложила самостоятельно поехать на Всесоюзную выставку, и в 1970 году работы Сегала выставляли в московском Манеже. Чеканная композиция «Пастухи» была удостоена диплома.

Женился Лев в 25 лет на Валерии Шефтелевой, и история портрета С.Стояновского, заслуживающая отдельного рассказа, связана с этим событием в его жизни. В доме Шефтелевых Лев

обратил внимание на фотографию военного, висевшую на стене, и жена рассказала о судьбе своего дяди, Семена Абрамовича Стояновского, кинооператора, окончившего ВГИК 13 июня 1941 года. Через девять дней началась война. Ему присвоили офицерское звание и отправили на фронт кинооператором. С кинокамерой, постоянно находясь на передовой, прошел Стояновский по всем фронтам с первых военных дней. При взятии Вены, в момент съемок, он был смертельно ранен и скончался. Ему было всего 27 лет. 17 апреля 1945 года его похоронили на месте гибели, а затем прах перенесли на центральное кладбище, где отвели участок для павших советских воинов. Погиб он в чине капитана, его кинокамеру переслали матери. Во ВГИКЕ, на доске памяти 30 погибших кинооператоров, есть и имя Стояновского. Съемки, которые Семен Абрамович делал за несколько минут до смерти, вошли в документальный фильм «Падение Берлина», и он получил (посмертно) звание лауреата Сталинской премии, в числе десяти других кинооператоров.

Эта история очень взволновала Льва, и он переснял фотографию, сделал чеканный портрет и подарил его матери Валерии, родной сестре Стояновского. В течение многих лет никто из родных – ни мать Семена, ни сестры не могли посетить его могилу…

Через полвека, уже живя в Израиле, Лев и Валерия побывали в Вене, нашли могилу Семена Абрамовича, сняли ее любительской камерой и положили цветы.

Фотограф Александр Роговой, переснявший для чеканного портрета маленький снимок Стояновского, привел Сегала в киевский клуб имени Петра Запорожца, где встречалась еврейская молодежь, устраивала концерты и лекции, знакомилась с еврейской культурой, слушала записи Вильнюсского ансамбля «Анахну кан». Роговой и его друзья предложили Льву выполнить портрет Соломона Михоэлса, и Лев увлеченно работал под еврейскую музыку. Портрет получился, он был представлен на одной из встреч в клубе и одобрен зрителями. Роговой познакомил Сегалов с поэтессой Ривой Балясной, писавшей на идиш, и осужденной в годы борьбы с космополитизмом на десять лет. В это время Союз писателей Украины решил отметить ее шестидесятилетие, но в последний момент празднование отменили. Сегал по-своему поздравил Риву Балясную, подарив ей чеканный портрет Шолом-Алейхема.

В общем, круг знакомств определился, – это были люди, которые ориентировались на отъезд из Союза. Роговой знал большинство отъезжающих и всегда сообщал об этом членам кружка, – организовывал проводы. Однажды он сказал: «Все равно все евреи уе-

дут в Израиль. Кто умнее – тот раньше». Эти слова запали в сердце Сегала и были одной из последних капель для принятия решения о выезде. На проводах очередной семьи Сегалы дали свои данные для вызова. Вызов пришел…

В сентябре 1971 года, в день расстрела евреев в Бабьем Яру, в Йом Кипур, по Киеву разнесся слух, что люди соберутся на месте трагедии, чтобы почтить память погибших. Многие киевляне, в том числе и Валерия, потеряли там родных. Вечером масса людей в темноте (свет в квартале отключили) двигалась в одном направлении. Видны были только огоньки сигарет. Лев тоже отправился в сторону Бабьего Яра, семья жила недалеко от этого места.

Скрипач на крыше
Скульптура в центре Нетании. Высота 3 м.

Импровизированный митинг открыл писатель Виктор Некрасов. Он говорил о фашизме, о вреде антисемитизма, о том, что на этом месте должен стоять памятник. После него выступил Андрей Дзюба – журналист. Долго не расходились люди в этот вечер, многие благодарили Некрасова за его выступление, возложили венки, на одном была надпись: «Ваш памятник в наших сердцах». Немало активистов этого митинга получили от властей достойную «благодарность».

Через тридцать лет после отъезда Лев с женой приехали в Киев проведать родных. Памятник в Бабьем Яру давно стоит и – отдельно – самая страшная композиция – погибшим детям.

Когда Сегалы решили покинуть Киев, Риве Балясной сообщили одной из первых. Реакция ее была немедленной: она достала фотографию Нехамы Лифшиц, известной певицы, жившей уже в Израиле, и написала на идиш: «Помоги им. Это мои друзья». За помощью к Нехаме Сегалы не обращались. Но через несколько лет судьба свела их в деревне художников Са-Нур («Неси свет»). Дочь Нехамы – Роза – одно время была жительницей этой деревни, она фотограф-художник. В Са-Нуре эту фотографию отдали Нехаме.

21 января 1973 года семья Сегалов с сыном и годовалой дочкой оставила Киев. Для вывоза из страны произведений искусства необходимо было разрешение комиссии Русского музея, – Лев получил отказ. Пришлось ехать в Москву, в Третьяковскую галерею. На комиссию требовалось представить работу и фотографию с данными. На фотографии была надпись: «Голова старика». Через неделю получили ответ: «Разрешен к вывозу портрет С.Михоэлса». Это – единственная работа, которую удалось привезти в Израиль. Был у Сегалов также список желающих выехать, подшитый под подкладку шубки годовалой дочки, и подарок Ольги Маркиш брату Давиду Маркишу и его матери. В Израиле Маркишам подарки передали и, в разговоре, Лев сказал, что он привез портрет Михоэлса. Тут же Давид отвез его к дочерям Михоэлса – Нине и Наталье... Через некоторое время после знакомства Лев Сегал получил приглашение приехать с этим портретом в Иерусалим на открытие музея в Театре искусств «Идиш». Портрет поместили рядом с гримерным ящиком Михоэлса и костюмом короля Лира. По предложению министра туризма Моше Кола портрет был приобретен для музея.

Теперь портрет Михоэлса – на стене Национальной и университетской библиотеки в Иерусалиме, среди портретов великих евреев.

В Израиле Сегалы поселились в Нетании, в новом районе Кирьят-Нордау, с которым связана весьма символическая история. 31 августа 1969 года киевская газета «Культура и жизнь» опубликовала на одной странице две статьи: сверху – о творчестве Льва Сегала, с фотографиями нескольких его работ, снизу – о еврее, эмигрировавшем в Израиль, и, после двухлетнего пребывания там, вернувшегося в Киев. По иронии судьбы Сегалы вот уже 32 года живут в том районе, откуда вернулся на Украину этот человек. Газета, привезенная когда-то из Киева, до сих пор хранится в семейном архиве.

Клезмеры
Скульптурная группа
в центре Нетании
Высота 2 м.

Через две недели после приезда в Израиль

Лев начал работать вольнонаемным механиком на военной базе. Поездки на работу отнимали много времени. Большим испытанием стала война Судного дня (1973 год). Транспорт мобилизовали для армии, Лев добирался на работу и обратно попутками, телефонной связи не было. Но, несмотря на сложную жизнь, Лев не прекращал работать. Самое важное то, что здесь, в Израиле, он обрел свою главную тему, – вот уже тридцать лет стержневую в творчестве Сегала. Персонажи рельефов, скульптур, рисунков – это евреи России, такие, какими их помнит с детства и видит художник.

Еще до начала войны Судного дня он закончил свою первую работу в Израиле. Она получила название «Йом Кипур» – старый еврей в ермолке, задумавшись, смотрит вдаль. На первой же выставке, в 1976 году в Нетании, этот чеканный портрет купили.

Разлуку с родителями Лев переживал очень тяжело. Одну из работ он посвятил матерям, говорить с которыми теперь можно было только в письмах. Работая над эскизом «Мать с письмом», он слушал песню «Аидише маме». В день открытия первой персональной выставки собралось много посетителей. Сегал обратил внимание на пожилого человека, который стоял рядом с рельефом и пел «Аидише маме». Лев подошел к нему, обнял и рассказал, что создавал работу именно под звуки этой песни. С родителями Лев так и не встретился... Постепенно появлялись новые работы. Его заметили. Стал участвовать в выставках. На выставке в Нетании «Тахбив-75» (Хобби-75) и на всеизраильской выставке «Тахбив ха-Бима» (Сценическое хобби) получил дипломы участника. При клубе «Цавта» («Содружество») куратору-искусствоведу Марку Шепсу понравились работы Сегала, и он рекомендовал их для выставки в доме президента. Эта выставка состоялась в сентябре 1975 года.

Шолом-Алейхем с козой
Проект памятника писателю

На протяжении многих лет творчество Сегала было связано с деревней художников Са-Нур, основанной в 1986 году в Самарии. На возвышенности стояла старая турецкая крепость. Вокруг – парк, и в нем маленькие сборные домики. Все полуразрушено и запущено. Нужно было много времени, чтобы привести здание в порядок. Идея создания деревни художников принадлежала Виктору Богуславскому (один из участников самолетного дела в Ленинграде) и его жене Анне Хирам. Лев Сегал незадолго до этого перенес операцию на сердце и оставил работу графика в мэрии Нетании. Он входил в число первых приглашенных, в основном художников из Советского Союза.

Инициаторами стали восемь человек, затем группа увеличилась до тридцати, и, как обычно случается, часть людей отсеялась. Основателями деревни художников были: В.Богуславский – главный идеолог и организатор, А.Хирам – секретарь поселения, художники и скульпторы – Б.Сакциер, Л.Сегал, И.Капелян, А.Априль, Б.Пенсон, А.Лившиц, Х.Капчис, супруги Кармели. Они превратили необжитое место в нечто уникальное; большинство художников, обосновавшихся в Са-Нуре, пользуются международной известностью, их работы находятся во многих музеях и галереях мира, в частных коллекциях. Лев Сегал, чье творчество было представлено на 35 персональных выставках в Израиле, а также в США, Германии, Франции занимает в этом ряду достойное место.

В Са-Нуре Лев полностью отдался работе с объемной скульптурой, по преимуществу – малых форм, связанной с еврейской темой.

Ежегодно в Са-Нуре в Пурим, День Независимости и Хануку открывались новые экспозиции. Помимо работ местных художников, выставлялись работы гостей. На вернисажах собирались сотни посетителей – жители Самарии, депутаты Кнессета, любители искусства со всей страны. Наряду с центральной галереей открывались все студии, для многих гостей это была редкая возможность познакомиться с творческой кухней. Устраивались импровизированные концерты, нередко тут же приобретались произведения местных художников. Кроме постоянных, организовывались выездные коллективные выставки: Иерусалим – театр Жерар Бахар, Тель-Авив – Габима, Хайфа – театр Аудиториум и другие. И, конечно, на всех выставках, коллективных и персональных, продавались работы. Так портреты и скульптуры Льва попали в частные коллекции Израиля и другие страны.

Одна из работ, выполненных на заказ, – чеканный портрет еврейского поэта Давида Гофштейна, расстрелянного в годы сталинских репрессий. Жена и дочь поэта, знавшие Льва еще по Киеву, обратились к нему с просьбой написать портрет на основе фотоматериалов. Лев закончил его к юбилею Гофштейна. Работа получила одобрение не только родных, но и друзей, и близких, помнивших поэта.

В 1988 году, в дни «Неделя Израиля», Льва Сегала пригласили приехать с выставкой своих работ в город Сарсель (Франция, пригород Парижа). На персональной выставке в Культурном центре города, в зале «Форум», была представлена графика и чеканка. Выставка имела большой успех, а мэрия заказала у Льва чеканный герб города Сарсель.

Прошел год, и осенью 1989 года заказ был выполнен, герб вмонтировали в стену у центрального входа в мэрию. На торжественном открытии – флаги двух государств, музыка, речи на французском и иврите, во главе делегаций - мэры Сарселя и Нетании.

Гуляющий с собачкой
Высота 36 см.

В 1995 году в Нетании объявили конкурс на установку скульптуры в городе и Сегалу предложили участвовать в нем. Льву советовали не представлять проекты с изображением людей, а подготовить что-нибудь абстрактное. Были большие сомнения, что мэрия согласится утвердить реалистическую скульптуру человека, но Сегал не отказался от своей идеи. После долгих размышлений и колебаний он предложил комиссии два проекта: «Скрипач на крыше» и «Памятник Шолом-Алейхему». Большинством голосов комиссия приняла «Скрипача».

Утверждение и подготовка проекта длились более двух лет, преград на пути было немало, и установка скульптуры стала городской сенсацией и победой Сегала и его почитателей.

Так в феврале 1997 года на улице Краузе, рядом с мэрией, появилась трехметровая фигура, отлитая в бронзе, – «Скрипач на крыше». Это место стало одним из любимых и у жителей, и у гостей

города. Московский писатель и юморист А.Левенбук при встрече рассказывал: *«Все московские артисты знают эту улицу – любимое место для фотосъемок. Нам заранее рассказали и показали фотографии возле "Скрипача на крыше"»*.

А в 2004 году в марте появилось еще одно место для массовых фотосъемок – «Клезмеры» на улице Герцля. В праздник Ханука, рядом со скульптурной группой, хасиды установили двухметровую ханукальную менору, ежедневно зажигали свечи, пели, танцевали под звуки духового оркестра, вовлекая всех желающих.

К большому сожалению, Сегал должен был прервать работу в Са-Нуре. Во время последней интифады, сопровождавшейся массовым террорром, пребывание в Самарии и поездки в Нетанию стали опасными для жизни. Пережив очередную операцию, Сегал отдал ключи от мастерской.

Лев Сегал отметил в 2003 году свое 70-летие. Дом в Нетании – это и личная галерея Сегала. И нужно видеть, с какой любовью, с каким тщанием его жена Валерия собирает все, что имеет отношение к творчеству Льва, к его выставкам, связям с галереями. Все систематизировано, разложено, как говорится, по полочкам, сделано с большим вниманием и уважением к творчеству мужа.

У Льва Сегала по-прежнему есть замыслы, есть силы и желание творить, рассказывать людям о них самих, об их прошлом. Какую-то особую индивидуальность придает работам Сегала едва ощутимая гротескность, легкий, отнюдь не нарочитый наив, вкупе с глубоким знанием жизни, человеческой природы, во всем разнообразии типажей и характеров.

Искусствовед Григорий Островский в газете «Вести» писал так: *«Творческий мир Льва Сегала необычайно достоверный, конкретный, осязаемый. Это мир местечка с его стариками и беззащитными детьми, ремесленниками и торговцами, непременными козами, курами, лошадьми, мир большой нужды и маленьких радостей. Художник населил его множеством героев: наверное, их хватило бы и на реальный штетл*[1]*... Этот мир согрет бесконечной добротой, исходящей и от его обитателей и, прежде всего, от художника, воплотившего в медь и бронзу такие цельные и яркие характеры. Художник широкого и емкого творческого диапазона много и интересно рисует, успешно работает в жанре портретных барельефов. Этот мир воспринят не из вторых рук, он остал-*

[1] штетл – местечко (идиш)

ся с детских лет. Сегал, можно сказать, один из свидетелей и очевидцев этой еврейской Атлантиды, и свое предназначение как художника, видит в сохранении памяти о ней. И перед Шолом-Алейхемом он не остался в долгу: "Скрипач на крыше" и "Клезмеры" установлены на центральных улицах Нетании, а остро выразительный и эксцентричный проект памятника великому писателю еще ожидает своей реализации»[2].

Водовоз
Высота 36 см.

Хочу отметить один факт: все пишущие о творчестве Сегала как-то неоправданно, на мой взгляд, знают его бытописателем местечка и только местечка. Но почему? Ведь черта оседлости, эта резервация для еврейского народа, состояла отнюдь не только из местечек, в нее входило огромное количество больших (по тем временам) и малых городов. Вспомним ту же Белую Церковь, тот же Проскуров и Бердичев, Ковно (Каунас) и Вильнюс, Одессу и Каменец-Подольск, Житомир и Винницу. Еврейское население исчислялось в них десятками, а то и сотнями тысяч, и этих горожан мы тоже видим в работах Сегала. Я ни в коем случае не воспринимаю слово «местечковый» как оскорбительное для кого-либо; великий Шолом-Алейхем писал не только о Егупце (Киеве), он посвятил немало своих произведений местечку.

Лев как-то сказал, что его учителем был и навсегда остался Шолом-Алейхем, и это просматривается во многих работах Сегала.

Дорель Шор, искусствовед, в статье «Лев Сегал», опубликованной в журнале на румынском языке «Orient exspres» (№534 от 12.6.2005), пишет, что Шолом-Алейхем наверняка остался бы доволен портретами художника.

Мир черты оседлости не единственная тема, волнующая скульптора. Чтобы понять это, достаточно увидеть рельефы, на которых Бетховен, Паганини, Жаботинский, Давид Гофштейн и

[2] Газета «Вести». 14. 7. 2006.

другие. Впрочем, описывать работы художников, скульпторов – дело сложное и, на мой взгляд, неблагодарное. Особенно, если их можно увидеть и на улицах Нетании, и на выставках, а если очень хочется, то и дома у Сегалов, они не откажутся показать свой музей на дому, где многое говорит не только глазам, но и сердцу.

Приложение

Персональные выставки Льва Сегала (всего 35)

В их числе:

1976 г. Нетания – галерея «Ган ха-Мелех».
1978 г. Иерусалим – культурный центр «Тель-Ор».
1979 г. Иерусалим – «Биньяней ха-Ума».
1986 г. Нетания «Педагогический центр».
1988 г. Сарсель (Франция) – зал «Форум», «Неделя Израиля».
1989 г. Сарсель, «Форум»; эмблема города установлена на здании мэрии.
1991 г. Дортмунд (Германия) – мэрия, «Неделя Израиля».
1992 г. Нетания, ул. Саломон, Культурный центр.
1997 г. Аэропорт Бен-Гурион – зал приема высокопоставленных пассажиров.
1997 г. Нетания, городская галерея.
1998 г. Тель-Авив – галерея «Матусевич».
1998 г. Нетания – городская галерея.

Лев Сегал – участник свыше 60 коллективных выставок

В их числе:

1968 г. Киев – Клуб пищевиков.
1969 г. Киев, Октябрьский Дворец – награжден медалью, две работы закуплены Украинским музеем.
1970 г. Москва, Манеж – участник всесоюзной выставки, удостоен диплома.
1975 г. Иерусалим – Дом президента Израиля.
1975 г. Тель-Авив – театр «ха-Бима».
1976 г. Тель Авив – театр «Цавта».
1976 г. Иерусалим – «Иерусалимские встречи».
1982 г. Иерусалим – институт «Моше Шарет».

1984 г. Дортмунд (Германия) – международная выставка «Trefpunkt Kunst».

1986 г. Массачусетс (США) – галерея «Стар» – международная выставка «Expressions – 86».

1987 г. Иерусалим – Кнессет.

С 1987 г. участник всех выставок Са-Нура – деревни художников в Самарии.

1989 г. Тель-Авив – галерея «Иудаика».

1993 г. Нетания – галерея «Белаташ».

1995 – 1997 Эйлат – галерея гостиницы «Рояль Бич».

1996 г. Аэропорт «Бен-Гурион» – «Бизнес класс».

1996 г. Реховот – городская галерея.

1998 г. Герцлия – «художники для туристов».

1999 г. Кирьят Моцкин – культурный центр.

2000 г. Тель-Авив – «Габима», 20 лет поселениям.

2000 г. Хайфа – театр «Аудиториум».

2000 г. Иерусалим – «Жерар Бахар».

1998 – 2003 г. Тель-Авив – галерея «Давид Интернейшнл».

1985 – 2003 г. Нетания – участник всех (около 20) групповых выставок объединения художников Нетании.

Работы Льва Сегала в музеях

1970 г. Киев, Музей украинского искусства.

1971 г. Музей Леси Украинки.

1973 г. Портрет С.Михоэлса приобретен для Иерусалимского музея театра «Идиш», в данное время находится в Еврейской Национальной и университетской библиотеке в Иерусалиме, среди портретов знаменитых евреев.

1989 г. Сарсель (Франция) – выполнен герб города и установлен над входом в мэрию.

1991 г. Дортмунд (Германия) – скульптура Льва Сегала подарена музею города мэром Нетании.

1997 г. Нетания, ул. Краузе – установлена скульптура «Скрипач на крыше» (3 м.).

2004 г. Нетания, ул. Герцля – установлена скульптурная группа 2 м. «Клезмерим» («Музыканты»).

В частных коллекциях

Рельефы и скульптуры малых форм находятся в Израиле, Украине, России, США, Германии, Франции, Голландии, Бельгии.

Монус Соминский – ученый, литератор, человек

Хаим Венгер (Иерусалим)

М.С.Соминский с академиком А.Ф.Иоффе
В парке Физико-технического института
1957 г.

Монус Соминский будущий видный физик и математик, литератор и страстный библиофил, родился в Кронштадте в 1908 году. Его отец был известным в городе часовым мастером, мать – домашней хозяйкой. В Кронштадте прошла юность будущего ученого. После школы Монуса призвали на действительную службу в Туркестанский полк, который в свое время отличился в боях с басмачами. Завершив армейскую службу, он в 1931 году поступил на инженерно-физический факультет Ленинградского политехнического института. С блеском закончив это престижное учебное заведение, он в 1936 году начал работать в Ленинградском физико-техническом институте, в лаборатории профессора С.Ф.Родионова, занимавшегося вопросами атмосферной оптики. Монус вместе с группой ученых несколько раз совершал восхождение на Эльбрус, поднимаясь на высоту 4800–5300 метров над уровнем моря. В числе прочего, они изучали прохождение сквозь атмосферу ультрафиолетовых лучей, а также занимались разработкой и усовершенствованием приемников ультрафиолетовой радиации, так называемых «Счетчиков света». Работы лаборатории публиковались как в закрытых источниках, так и в доступных широкому кругу читателей научных журналах. С началом войны М.Соминский вместе с А.Александровым, будущим президентом Академии наук СССР, был откомандирован на Балтийский флот для размагничивания корпусов кораблей, что уменьшало опасность их минного поражения. Эта непростая сама по себе ра-

бота проводилась под непрерывной бомбежкой немецкой авиации. И все же задание было успешно выполнено.

В 1941 году Физико-технический институт эвакуировался в Казань, где должен был заниматься военными разработками особой важности. И тут весьма ощутимо сказалась нехватка кадров, так как очень многие сотрудники института были призваны в армию. М.Соминскому, в то время заместителю директора, пришлось не только заниматься организацией работы, но и, в первую очередь, поиском квалифицированных кадров. А их опять-таки приходилось искать на фронтах Отечественной войны. Характерно в этом смысле письмо И.В.Курчатова жене, в котором он, в частности, пишет: *«Монус – голова, именно он нашел мне достойное применение».* Очень многие в будущем крупные ученые, благодаря Монусу, оказались в составе института, внесли неоценимый вклад в науку. Среди них доктор физико-математических наук профессор Э.А.Аб, впоследствии, как и М.Соминский, репатриировавшийся в Израиль. Чрезвычайная важность их разработок подтверждается тем, что всё, чем они занимались, курировали лично Сталин и Берия.

В 1944 году институт вернулся в Ленинград. В этом же году произошли два важных события в жизни Монуса Соминского. Он защитил кандидатскую диссертацию и женился на Тамаре Ферстер, лингвисте по специальности. В результате в его доме стали мирно уживаться «физика» и «лирика». Через год у супругов родилась дочь. Отец дал ей библейское имя Мириам. Так звали сестру Моисея (Моше Рабейну) и Аарона. М.Соминский еще с тех лет и до конца жизни был предан еврейской традиции.

В 1952 году от Физико-технического института отпочковалась лаборатория полупроводников, директором которой назначили академика А.Ф.Иоффе, и Монус стал работать в этой лаборатории. Среди причин, по которым А.Ф.Иоффе был «отставлен» от созданного им института, не последней по важности была общая атмосфера в стране, отравленная борьбой с «безродными космополитами». Абрам Федорович фактически не имел другой возможности, кроме как написать заявление «по собственному желанию». Он воспользовался своими правами полного академика, чтобы создать собственную лабораторию, в которую перешли из Физико-технического института многие его сотрудники. Через два года на базе лаборатории Президиум Академии наук организовал Институт полупроводников (ИПАН), назначив его директором опять же А.Ф.Иоффе, а его заместителем – Монуса Соминского. Одновременно

Иоффе назначил Соминского начальником отдела термоэлектрических охлаждающих устройств.

Осенью 1960 года Академия Наук и вся научная общественность готовилась отмечать 80-летие А.Ф.Иоффе. В соответствии с академическим регламентом к юбилею должны была появиться *Personalia* в журнале «Успехи физических наук». Ее подготовили один из первых воспитанников «школы Иоффе» академик И.К.Кикоин и заместитель директора ИПАН М.С.Соминский. В момент печати последнего листа для октябрьского номера «Успехов» пришло известие о внезапной смерти Абрама Федоровича, и юбилейная статья появилась на свет вместе с некрологом[1].

В 1960 году на Соминского обрушились две невосполнимые потери: смерть академика Иоффе и уход из жизни в возрасте 50 лет его жены и друга Тамары. Монусу в ту пору было 52 года, дочери Мириам – всего 15 лет. С тех пор он больше не женился, целиком посвятив себя работе (в то время он заведовал лабораторией облучения, которую сам же создал) и дочери. В 1964 году М.Соминский защитил докторскую диссертацию, и ему было присвоено профессорское звание. В том же году издательство «Наука» выпустило его книгу о человеке, которого он всегда благодарно помнил, – учителе и друге академике А.Ф.Иоффе. Ее объем составил 643 страницы, включая 54 иллюстрации. Книга пользовалась таким успехом, что уже на следующий год вышло ее второе издание. Цензура требовала, чтобы из текста было изъято все, связанное с еврейским вопросом. Но Монус добился того, что она вышла без сокращений. Видимо, этому способствовали его мужественный, твердый характер, а также широкая известность, как в научных кругах, так и среди просвещенной интеллигенции. Ведь за плечами ученого было 16 книг и монографий, а также 27 научных статей в области экспериментальной физики, 22 по истории физики, 34 научно-публицистических и популярных. Всего 136 работ, не считая закрытых статей.

О мужестве Монуса Самуиловича рассказывает Савелий Юрьевич Дудаков: *«В конце 1950 – начале 60-х годов ему предложили показать институт физикам из Египта. Чуть подумав, Соминский предложил пятницу. Сопровождающее лицо, поговорив с гостями, сказало, что они не могут по религиозным соображениям и пред-*

---

[1] *И.К.Кикоин* и *М.С.Соминский.* Абрам Федорович Иоффе (к восьмидесятилетию со дня рождения) // Успехи физических наук. 1960. Т.72. С.307-321

лагают субботу. На что Монус Самуилович отчеканил: "А в субботу я не могу – я еврей"»[2]. Такая нестандартная самостоятельность прошла без последствий, видимо, верхи не были очень заинтересованы в широком раскрытии дверей перед «нашими арабскими братьями».

В начале 1969 года в возрасте шестидесяти лет М.Соминский вступил в ленинградскую подпольную сионистскую организацию, поставив под удар и свое благополучие, и научную карьеру. Членами организации были будущие узники Сиона Гилель Бутман, Давид Черноглаз, Владимир Могилевер и другие. *«Это было поразительно,* – рассказывал Г.Бутман. – *Будучи значительно старше остальных участников кружка и в гораздо большей "весовой категории", Монус держался очень скромно, хотя был одним из тех, на чьи денежные взносы организация держалась на плаву. О его мужестве говорит такой эпизод. Когда Соминский подал заявление об отъезде в Израиль, было устроено "чистилище", на котором секретарь парторганизации строго спросил его: "А если в Израиле Вам придется поселиться на оккупированных палестинских землях, что Вы будете делать?". Монус Самуилович веско отразил нападение: "А Ваша дача, насколько мне известно, находится на Карельском перешейке"»*[3].

В декабре того же года арестованные члены комитета этой организации предстали перед судом. М.Соминский выступал свидетелем защиты, и после процесса Монуса уволили с работы и исключили из партии. Соминский с дочерью Мириам и зятем Алексеем Хозиасом подали документы на выезд в Израиль. Все девять лет до обращения в ОВИР Монус ежедневно, как на работу, ездил в Публичную библиотеку и нередко проводил там целый день. С удивительным упорством он собирал материалы для своих будущих статей и книг. В частности, для задуманной им статьи об академике Петре Капице. Эту статью, объемом сорок страниц, он написал уже в Израиле, но по непонятным причинам не опубликовал. Какое-то время их продержали в «подвешенном состоянии». Перед отъездом запрещенную к вывозу скрипку Монус подарил близкому родственнику. Но антикварную мебель, которую он, наряду с библиотекой, собирал многие годы и тоже запрещенную к вывозу, пришлось

---

[2] Из выступления С.Ю.Дудакова на заседании Иерусалимского клуба библиофилов «Монус Соминский как издатель и библиофил (Вечер памяти) » 27 апреля 2006 г.

[3] Из выступления Гилеля Бутмана на указанном вечере памяти.

продавать частным лицам. Среди них были артисты Миронова и Менакер, поэт Расул Гамзатов, режиссер Лариса Шепитько.

В феврале 1980 года семья Монуса, получив разрешение, репатриировалась в Израиль. Сначала они поселились в центре абсорбции в иерусалимском районе Гило, а затем в амидаровской (государственной) квартире в том же районе. Этот новый район Иерусалима стал впоследствии особо известным тем, что в течение полутора лет подвергался обстрелам палестинскими террористами, засевшими в расположенном рядом с библейским городом Бейт-Лехем поселении Бейт-Джалла. Надо сказать, что М.Соминский не представлял себе жизни вне Иерусалима. Еще живя в Ленинграде, он мечтал об этом городе. А, приехав в Иерусалим, полюбил его сразу и безоговорочно, был верен этой любви до конца своих дней.

Желая глубже изучить историю еврейского народа, основы и принципы иудаизма, М.Соминский целый год занимался в иешиве при организации ШАМИР (Союз еврейской религиозной интеллигенции). Впоследствии эти занятия очень пригодились ему при работе над книгой «Антисемитизм и антисемиты». Затем он поставил перед собой цель основательно познакомиться с землей Израиля. Вместе с зятем и дочерью они объездили всю страну, побывали не только в больших и малых городах, но и во многих деревнях, мошавах и киббуцах.

Прошло несколько лет, и в крупном ученом-физике проснулся литератор. Впрочем, истоки этого превращения следует искать уже в его книге об академике Иоффе. Несмотря на преклонный возраст, М.Соминский взялся за бескрайнюю, ответственную, серьезную тему, не страшась обвинений в закомплексованности с одной стороны и в национализме с другой. Тема эта – «Евреи в мировой культуре», которая вынашивалась им еще в годы жизни в Советском Союзе. Он стал выпускать книгу за книгой, где сам подбор материала говорил за себя, доказывая только фактами, насколько беднее была бы мировая культура без этих героев. Задумав выпустить серию книг «Евреи в мировой культуре», он стал ее вдохновителем, организатором и главным редактором. К работе в редакционной коллегии он привлек доктора исторических наук профессора Соломона Абрамовича Могилевского, автора 60 с лишним монографий и статей, и доктора философии Иерусалимского университета Савелия Юрьевича Дудакова, автора исторических исследований «Петр Шафиров и его потомки» (о еврее Петра Великого, дочери которого родили в законных браках сынов лучших родов России: Гагариных, Волконских, Витте, др.) и «История одного мифа»

– о «Протоколах сионских мудрецов». Несмотря на небольшие размеры книг, они очень полновесны и значительны.

Вот что рассказывает об этой серии ее непосредственный участник доктор С.Ю.Дудаков: *«Будучи опытным администратором, он обычно ставил уже разрешенные для него задачи следующим образом: "Я уже говорил с Могилевским. Итого: нас двое против одного". Или наоборот: "Соломон Абрамович, я согласовал этот вопрос с Саввой. Большинство – за!" В разговорах с Соломоном Абрамовичем мы только дружески посмеивались. В принципе ошибок в выборе персоналий у нас не возникало. Но иногда споры были, но я всегда уступал ему, доверяя его годам...Будучи пунктуальным и дотошным, он вычитывал тексты до дыр и задовал вопросы при каждом сомнении. Соминский был движущей и единственной финансовой силой, толкавшей телегу издания. Иногда "Сохнут" покупал сотню-другую книг, но это была лишь малая толика необходимого для окупаемости. Средства изымались из своего скудного социального обеспечения. Часто деньги он одолживал у зятя. Иногда, благодаря хорошо подвешенному языку, мне удавалось выудить у сильных мира сего деньги на продолжение серии»*[4].

Первую книгу написал Монус Соминский о своем наставнике и друге А.Ф.Иоффе. Несколько слов о других авторах. Обаятельный человек, бывший ленинградский театровед, ставший в Иерусалиме радиожурналистом Эдуард Капитайкин (псевдоним Капит), к несчастью рано умерший, написал несколько десятков очерков, которые были напечатаны в трех книжках под названием «Имена». Они посвящены участию евреев в культурной и общественной жизни России. Очерки читаются с большим интересом, тем более, что в них чаще всего рассказывается о людях, которые подчас нам вообще были неизвестны. Позволю себе рассказать об одном из героев – Якове Львовиче Тейтеле, организовавшем в 1920-30-е гг. благотворительность для эмигрантов в Европе. Ведь тогда не было министерства абсорбции! В числе созданных Тейтелем организаций одна, под названием «Дети–друзья», несла задачу воспитания в детях (часто заброшенных родителями, занятыми поисками пропитания) активного добра, потребности помощи друг другу. Эта идея заинтересовала ученых Европы и Америки. К сожалению, великий труд Тейтеля забыт, а жаль… Но читать о нем более, чем интересно.

---

[4] Из выступления С.Ю.Дудакова в Иерусалимском клубе библиофилов на вечере памяти М.С.Соминского 27 апреля 2006 г.

Второй плодовитый автор – Яков Львович Сорокер, как и Капитайкин, написал три книги серии: о Борисе Гольдштейне и два томика словаря о российских музыкантах-евреях. Книга уникальная и чрезвычайно ценная. Яков Львович был замечательным человеком и, в числе прочего, поражал способностью редактировать тексты на 9 языках.

Среди авторов других книг серии много интересных имен, – профессор Нина Елина, написавшая о Василии Гроссмане, которого она хорошо знала, скрипач Метрополитен-Опера Артур Штильман, рука которого умело водит не только смычок, но и перо, Майя Улановская, создавшая монографию о жизни и творчестве Артура Кестлера.

Издание получило признание в странах СНГ, Западной Европе и Америке, откуда поступали заказы на книги серии. К сожалению, 27-й выпуск оказался последним в связи с финансовыми затруднениями.

Издание серии требовало немалых денег, но поиск спонсоров не увенчался успехом. Тогда Монус Самуилович с Саввой Дудаковым стали ходить по организациям, связанным с алией и абсорбцией. Сумма, выделенная министерством абсорбции, оказалась явно недостаточной. В итоге выпуск многих книг был осуществлен за счет средств семьи Соминского. Первая книга серии увидела свет в 1986 году. За десять лет, то есть до 1996 года, вышли 27 книг этой серии[5]. Среди них: «Джакомо Мейербер (автор М.Давыдова), «Вильгельм Стейниц» и «Эмануэль Ласкер» (автор М.Левидов), уже названный «Петр Шафиров» (автор С.Дудаков), «Исаак Левитан» (авторы И.Евдокимов и известный советский писатель К.Паустовский). Книги покупали частные лица и общественные организации, в частности, русский отдел «Джойнта».

В 1988 году Соминский опубликовал книгу «Правда и ложь об операции “Мир Галилее”». В ней он разоблачил домыслы крайне левых во главе с Ури Авнери и движением «Шалом ахшав» («Мир сегодня»), пытавшихся представить террор засевших в Ливане банд ООП (Организации освобождения Палестины) против Израиля в качестве национально-освободительного движения. Более того, левые утверждали, что операция «Мир Галилее», или как ее еще называли «Ливанская война», была несправедливой и необязательной, что особенно возмущало Монуса Соминского. Почувствовав угрозу своему правлению со стороны обосновавшихся в Иордании

[5] Список изданных книг см. в приложении.

палестинцев, король Хусейн решил наказать распоясавшихся пришельцев. В течении 12 дней (с 16 по 27 сентября 1970 года) иорданская армия громила вооруженные силы ФАТХа и других боевых подразделений ООП. В итоге многие палестинцы были уничтожены, остальные бежали в Ливан. Это событие вошло в историю под названием «Черный сентябрь». Доказывая жизненную необходимость для Израиля Ливанской войны, М.Соминский в своей книге пишет: *«Появившись в Ливане, палестинцы покрыли территорию страны сетью военных баз, учебных лагерей, в том числе, для подготовки террористических групп из других стран мира. Повсюду, где это считалось удобным, они устанавливали дальнобойные артиллерийские орудия, ракетные установки "Катюша", минометные батареи. Весь этот военный арсенал был нацелен на северные районы Израиля. Причем ООП занималась террористическими и диверсионными актами, направленными против сугубо гражданского населения еврейского государства, против евреев и еврейских организаций в разных государствах мира. В результате до начала операции "Мир Галилее", то есть до июня 1982 года, погибло только израильтян 1392 человека, и было ранено 6500 человек. Некоторые из них впоследствии скончались, многие остались инвалидами на всю жизнь».*

Мошав Ша'ар-Ишув (Верхняя Галилея)
Монус Соминский (справа)
с дочерью Мириам и жителем мошава

В 1991 году Монус Соминский издал книгу «Антисемитизм и антисемиты» (652 страницы), над которой трудился несколько лет. Только перечень источников, с которыми он работал, занимает 16 страниц. На этот раз существенную помощь в издании столь грандиозного труда оказал Центр абсорбции ученых министерства абсорбции Израиля. В книге тщательно проанализированы корни, природа, разновидности и движущие силы антисемитизма как явления. Вскрыта психология его апологетов, их ущербность и беспринципность.

В книге также с исчерпывающей полнотой и достоверностью рассказано не только об известных трагических страницах в истории еврейского народа, но есть и малоизвестные факты гонений и мучений, через которые прошел многострадальный народ за последние две тысячи лет. Например, ни для кого не секрет, что немецкий композитор Рихард Вагнер был антисемитом, что в частности за это нацисты особо чтили память о нем. Но, наверное, мало кому известно, что в 1869 году Вагнер выпустил антисемитскую книгу «Евреи в музыке». В ней он безудержно клеветал на великих композиторов еврейского происхождения, например, на Джакомо Мейербера (это при том, что на пути Вагнера к известности его опекал и материально поддерживал именно Мейербер), Жака Оффенбаха, Феликса Мендельсона, Жоржа Бизе и др.), вылил ушаты грязи на их замечательные произведения. Что его отец, умерший вскоре после рождения сына, по многим дошедшим до нас сведениям, был евреем. По этому поводу Монус Соминский пишет: *«Радикальный антисемитизм Вагнера, призывавшего лишать евреев гражданских прав, надо думать, объясняется тем, что, узнав об истинной причине своего появления на свет, он возненавидел подлинного отца, а вместе с ним и всех его соплеменников, за то, что тот испортил ему чистоту немецкой крови».* Монус нарисовал впечатляющую картину отношения интеллигенции разных стран мира во все времена к еврейской проблеме, воздав должное и тем, кто ненавидел евреев, и тем, кто мужественно их защищал. Среди них – писатели, художники, артисты, философы, государственные деятели.

На базе этого труда Монус написал и в 1995 году опубликовал книгу «Антисемитизм» (краткий очерк). В том же году жюри и учредители всемирного конкурса на лучшее антифашистское произведение назвали «Антисемитизм» в числе восьми лучших книг на эту тему из 265, представленных на конкурс, присвоили Соминскому звание лауреата и наградили грамотой.

Но, занимаясь литературой и издательским делом, Монус старался поддерживать свой высокий профессиональный уровень ученого. Не случайно, когда израильская авиационная промышленность работала над созданием уникального самолета-истребителя «Лави», Монуса Соминского привлекали в качестве консультанта. Отказ Соединенных Штатов от участия в финансировании проекта разделил страну на два лагеря: сторонников и противников продолжения работ над созданием самолета «Лави», как тогда говорили, самолета будущего. Монус Соминский, конечно же, был в лаге-

ре сторонников проекта. Голосование в Кнессете принесло победу его противникам, хотя в то время были уже изготовлены два опытных образца самолета, превзошедшие по своим технико-экономическим показателям все расчетные данные. Монус отнесся к этому решению как к личной утрате.

Мне посчастливилось знать Соминского и довольно тесно общаться с этим незаурядным человеком. В повседневной жизни он был простым, доступным, отзывчивым и принципиальным, – открыто выражал свои правые политические взгляды. Больше того, горячо и страстно отстаивал их. Не случайно Монус Соминский поддерживал партию правой ориентации «ТХИЯ» («Возрождение»), возглавлявшуюся известным физиком-атомщиком, профессором Ювалем Нееманом и Геулой Коэн, безупречным и принципиальным политическим деятелем, в прошлом диктором радиостанции «Голос еврейского подполья». Это она, в знак протеста против отдачи Менахимом Бегиным всего Синая, публично разорвала в Кнессете текст Кемп-Дэвидских соглашений и вышла из партии Ликуд. Надо же было такому случиться, что именно алия 90-х годов из бывшего Советского Союза на очередных выборах не поддержала эту партию, в результате чего ей не удалось набрать необходимое количество голосов, чтобы войти в Кнессет следующего созыва. Ведь обычно выходцы из СССР, помятуя о прелестях «развитого социализма», голосовали за правые партии. Как же переживал Монус Соминский эту, по его словам, вопиющую несправедливость! Значительно позже, во время правления партии «Авода», побывав на встрече с известной журналисткой и литератором Майей Каганской, правые убеждения которой он полностью разделял, позвонил мне на следующий день и сказал, что я просто обязан сделать с ней интервью. Я выполнил его пожелание, причем, наша беседа с Майей продолжалась 4 часа. Десять дней я готовил это трехполосное интервью к печати, но, к сожалению, в силу сложившейся в стране политической ситуации, оно опубликовано не было. Было очень обидно, что труд потрачен напрасно. Утешая меня, Монус искренне и глубоко переживал сам.

Соминский любил принимать гостей, не отказывал себе в удовольствии выпить рюмку-другую хорошего коньяка. Он всегда выглядел намного моложе своих лет, был легок на подъем, энергичен и жизнерадостен. А какой необыкновенной скромностью отличался этот человек! На мои неоднократные и весьма настоятельные просьбы дать мне интервью, он всегда отвечал вежливым,

но решительным отказом[6]. В этой связи не могу не привести очень красноречивый факт, о котором поведала мне дочь Монуса – Мириам. Издав в Союзе книгу об академике А.Ф.Иоффе, Соминский не включил в большое число иллюстраций фотографию, на которой сидит с академиком Иоффе на скамейке парка Физико-технического института. На вопрос дочери, почему он так поступил, Монус ответил, что с его стороны было бы нескромно помещать в книге эту фотографию.

Надо сказать, что он был не только талантливым высокообразованным ученым, но и широко эрудированным человеком. Круг интересов Соминского прекрасно отражает огромная, многотемная библиотека, собранная им еще в Советском Союзе и непрерывно пополнявшаяся здесь в Израиле. Он не успокаивался до тех пор, пока не доставал заинтересовавшую его книгу, сколь бы редкой и труднодоступной она ни была. Большой раздел его библиотеки был посвящен книгам по профессии, энциклопедиям, энциклопедическим словарям и различным справочникам. При такой многогранности интересов, они просто были необходимы ему, тем более, что интернет еще не существовал. Кстати, учитывая характер моей работы, Монус нередко покупал различные справочные пособия и для меня. Пользуясь ими, я с благодарностью и теплотой думаю об этом заботливом и чутком человеке.

Соминский очень любил музыку и прекрасно в ней разбирался. В юности он несколько лет учился игре на скрипке, а потом все годы учебы в институте играл в созданном там оркестре. И впоследствии он много лет не расставался со скрипкой. Интересно, что вступлению в подпольную организацию сионистов предшествовало его знакомство с ними в среде любителей музыки[7].

Музыкальные способности Монуса Самуиловича еще раз подтверждают широкую талантливость его натуры. Выступавший на Вечере памяти д-р Старобинец справедливо заметил, что интерес к жизни и сохранившаяся до старости почти детская любознательность способствовали долголетию ученого.

---

[6] Проведу параллель: Л.Юниверг открыл упоминавшийся вечер памяти Монуса Самуиловича воспоминанием об его отказе провести юбилейное заседание Клуба библиофилов в связи с выходом из печати 25-й книги серии «Евреи в мировой культуре».

[7] Из воспоминаний Соломона Дрезнера на заседании Иерусалимского клуба библиофилов «Монус Соминский как издатель и библиофил (Вечер памяти)» 27 апреля 2006 г.

Последние годы Монус работал над книгой, рассказывающей о жизни и деятельности основателя научного сионизма Теодора Герцля. Все, что сделал и написал Монус до этого, позволяет утверждать, что нас ждала встреча с замечательным, ни на что не похожим трудом. К великому сожалению, тяжелая болезнь не позволила закончить работу над книгой. 19 октября 2005 года не стало Монуса Соминского. Ему было 97 лет.

Талантливый человек талантлив во всем. Таков Монус Самуилович Соминский. Человек высокой порядочности и принципиальности, большой ученый, глубокий литературовед, сумевший привлечь к изданию «Евреи в мировой культуре» цвет творческой интеллигенции, музыкант, и все это без кичливости, – он был и остается одним из центральных действующих лиц русско-еврейского Израиля.

Приложение

Книги серии «Евреи в мировой культуре»

1. *Соминский М.* Академик А.Ф.Иоффе. 1986. 150 с.
2. *Тихонов Н.* Армин Вамбери. 1986. 126 с.
3. *Давыдова М.* Джакомо Мейербер. 1987. 96 с.
4. *Левидов М.* Вильгельм Стейниц. 1987. 159 с.
5. *Левидов М.* Эмануэль Ласкер. 1987. 94 с.
6. *Капит Э.* Имена. Евреи в культурной и общественной жизни России. Кн.1. 1987. 94 с.
7. *Классен В.* Фердинанд Лассаль. 1988. 100 с.
8. *Капит Э.* Имена. Кн.2. 1988. 94 с.
9. *Порозовская Б.* Людвиг Берне. 1989. 119 с.
10. *Вейнберг П.* Генрих Гейне. 1989. 151 с.
11. *Дудаков С.* Петр Шафиров. 1989. 118 с.
12. *Гольдштейн М.* Петр Столярский. 1989. 98 с.
13. *Каган В.* Борис Бруцкус. 1989. 96 с.
14. *Сорокер Я.* Борис Гольдштейн 1989. 96 с.
15. *Ауэр Л.* Моя долголетняя музыкальная жизнь. 1989. 156 с.
16. *Евдокимов И., Паустовский К.* Исаак Левитан. 1989. 169 с.
17. *Мельник С.* Антон и Николай Рубинштейны. 1990. 100 с.
18. *Поповский М.* Владимир Хавкин. 1990. 144.
19. *Вольф Э.* Иосиф Поппер. 1990. 71 с.
20. *Капит Э.* Имена. Кн.3. 1991. 98 с.

21. *Каневский Э.* Рудольф Самойлович. 1991. 88 с.
22. *Сорокер Я.* Российские музыканты-евреи. Био-библиографич. словарь. Часть 1. 1992. 132 с.
23. *Сорокер Я.* Российские музыканты-евреи. Био-библиографич. словарь. Часть 2. 1992. 120 с.
24. *Лельчук Н., Штильман А.* Абрам Ямпольский, Яков Флиер, Миша Райцин. 1993. 95 с.
25. *Елина Н.* Василий Гроссман. 1994. 252 с.
26. *Улановская М.* Свобода и догма. Жизнь и творчество Артура Кестлера.1996. 176 с.
27. Выгодский Л.С.: Начало пути (Воспоминания С.Ф.Добкина о Льве Выгодском. Ранние статьи Л.С.Выгодского). Публикация, редакция, предисловие и комментарии *И.М.Файгенберга*. 1996. 108 с.

Личность светлая, прекрасная, талантливая... (Яков Львович Сорокер)

Леонтина Бас (Иерусалим)

Я.Л.Сорокер

Яков Львович Сорокер... Скрипач – солист, ансамблист, оркестрант, педагог, музыковед, аналитик, биограф, библиограф, редактор, лектор-популяризатор. Талантливость сочеталась в нем с фантастической трудоспособностью, обширность и глубина знаний – с профессиональной «дотошностью». История, литература, искусствоведение и, конечно, музыка разных эпох и народов, композиторские и исполнительские школы – все это было в его рабочем арсенале.

Биография Якова Львовича началась в Бельцах, – он родился 27 апреля 1920. Музыка постоянно звучала в доме Сорокеров на Дворянской улице. Его отец – Лейб Натан, скрипач-клезмер, был первым учителем сына, у которого очень рано проявились необходимые для будущего профессионала слух, ритм, память и природная техника. Удивительная трудоспособность в сочетании с талантливостью сделали Яшу известным в своем городе. Еврейские меценаты добились согласия выдающегося румынского скрипача, дирижера и композитора Джордже Энеску прослушать вундеркинда.

Прекрасно играя сложные для его возраста произведения, мальчик произвел сильное впечатление на всемирно известного музыканта. Энеску обратился к богатым евреям с настоятельной просьбой – обеспечить Яше учебу за границей. Ответом на письмо Энеску стала стипендия, – денежная субсидия, и, таким образом, Яша оказался в Париже. Там он поступил в высшую парижскую музыкальную школу Scola cantorum, директором которой был друг Дж.Энеску профессор М.Шайе. Вся семья Сорокеров, как могла, помогала Яше. Так продолжалось три года, но, несмотря на успехи в учебе, мальчику пришлось вернуться домой, – денег на оплату всех расходов не хватало.

«Парижская история» получила удивительное продолжение. В 1981 году директор Scola cantorum Жак Шайе (сын М.Шайе) принял документы младшей дочери Якова Львовича – Розы, поступавшей по классу клавесина. Эстафета семьи Сорокеров…

Возвратимся в 30-е годы. После приезда домой Яша продолжил учебу в классе скрипки профессора Мордехая Пестера.

В 1940 году, после аннексии Бессарабии Советским Союзом, последовали значительные события в музыкальной жизни Кишинева. Именно тогда приехали в столицу Молдавии ученики профессора П.Столярского из Одессы, именно тогда стали приглашать в Молдавию видных московских артистов и музыкантов.

«И вот разнесся слух – к нам едет Давид Ойстрах», – так вспоминает это событие Яков Львович. «*Мы знали о нем из газет, по передачам советского радио: Лауреат первой премии Брюссельского конкурса 1937 года… едет к нам, мы его увидим и услышим!… Группа "заводил" недавно открытой Кишиневской консерватории решила встретить его по-своему – самостоятельно… Перед главной железнодорожной станцией Кишинев есть захудалый полустанок Вистерничены, вот туда мы и отправились (пешком, конечно)… Бегая вдоль поезда, мы увидели столь знакомое по газетам лицо. Давид Ойстрах выглядывал из окна. "Здравствуйте, товарищ Ойстрах, с приездом! Мы желаем быть первыми, кто приветствует Вас в Кишиневе!.."*. *Он был явно растроган и смущен… Вечером, в антракте концерта, та же группа пыталась проникнуть за кулисы, что было непросто. Но он, увидев нас издали, … сообщил во всеуслышание: "Эти молодые люди встречали меня где-то возле Черновиц!" Не было меры нашей гордости… На второй день он посетил консерваторию, прослушал нескольких молодых музыкантов (среди них довелось быть и мне)… Это было началом нашего знакомства, перешедшего, я смею утверждать, в дружбу, которая длилась до конца дней великого музыканта*»[1].

Зима 1940-41 г. внесла много яркого, нового в жизнь Якова Сорокера: после прослушивания в Кишиневе молодой профессор решительно высказал свое мнение, – он хочет видеть Сорокера в числе своих учеников.

Тогда же, на встрече Нового года, Яша познакомился со студенткой пединститута Фримой Фридман. Новогодняя ночь стала прологом к долгой совместной жизни. Война разбросала их в разные стороны. Как студент Кишиневской консерватории Яков ока-

[1] *Сорокер Я.* Давид Ойстрах. Иерусалим: «Тарбут», 1991. С.6-7.

зался в Саратове, Фрима – в Ташкенте. «Связным» стал Давид Федорович Ойстрах, – он помог им найти друг друга: получив пропуск, необходимый во время войны для любого передвижения, Фрима уехала в Саратов. Довоенный директор Кишиневской консерватории Давид Григорьевич Гершфельд организовал там молдавский музыкальный ансамбль «Дойна», в нем Яков работал скрипачом, Фрима танцевала в хореографической группе, а затем ведала костюмами. Осенью 1944 года Московская консерватория открыла новый учебный год уже в столице. Яков Сорокер стал студентом скрипичного класса профессора Ойстраха, он вместе с Фримой осел в Москве.

Рассказывает Левия Гофштейн, скрипач и педагог: *«С Яшей Сорокером мы познакомились в 1945 г., будучи студентами Московской консерватории, и сразу прониклись взаимной симпатией, которая переросла в многолетнюю дружбу. Яша был прекрасным скрипачом, обладал незаурядными знаниями в истории искусства, музыке, знал в совершенстве французский, немецкий и др. языки. Основательность, историческая точность отличают все его исследования, начиная с первых изданных работ о скрипичном творчестве Прокофьева, об исполнении сонат Бетховена. Достаточно увидеть богатство библиографии и дискографии в маленькой книжечке о Прокофьеве, чтобы понять серьезность и глубину, с которой Яша изучал огромный материал, прежде чем опубликовать свою работу».*

В годы учебы в Москве Яков нашел работу в одном из музыкальных издательств. Возможно, именно тогда пробудились в нем способности музыковеда, интерес к анализу музыкальных произведений и стремление рассказать о них устно и письменно.

Окончив консерваторию, Яков возвращается в Кишинев и становится педагогом скрипичных классов музыкального училища и школы-десятилетки. Он часто выступает по радио в ансамбле с пианистом Е.Заком. Вместе они записали на Кишиневском радио все сонаты Бетховена для скрипки и фортепиано.

В 1951 году Яков Сорокер подает документы в аспирантуру Московской консерватории по двум специальностям – скрипка (профессор Д.Ф.Ойстрах) и музыковедение (профессор Л.С.Гинзбург). Учился он в аспирантуре заочно, темой диссертации были «Скрипичные сонаты Бетховена». Эту работу опубликовали в Москве в 1963 году.

По завершении аспирантуры Я.Л.Сорокер из всех предложенных ему мест работы выбрал Алма-Ату. Яков Львович легко

«вписывается в педагогический пейзаж» Казахского музыкального вуза, выступает с концертами. Нередко ему аккомпанирует старшая дочь Жанна, учившаяся в музыкальной десятилетке.

Летом 1962 года в курортном городке Моршин судьба сводит Якова Львовича с ректором Дрогобычского пединститута. Рассказы о музыкальном факультете и обещанная дирижерская должность склоняют Я.Сорокера к решению о переезде в Дрогобыч.

В Дрогобыче Яков Львович наряду с педагогической, дирижерской работой много времени отдает игре в камерных ансамблях. Об этом с глубоким восхищением и благодарностью рассказывает Леонид Розенберг – скрипач, многолетний партнер Я.Сорокера и муж его старшей дочери. Исполнительский репертуар был очень интересен – скрипичные дуэты, двойные концерты И.С.Баха и А.Вивальди, соната для двух скрипок С.Прокофьева и многое другое. В начале 60-х годов Яков Львович подготовил докторскую диссертацию, которую, попросту говоря, «зарезали». Яков Львович продолжает работать в Дрогобыче. Однако место кафедры музыки в общем раскладе педагогического института и музыкальный уровень учебных программ явно не «дотягивали» до консерваторских, распределение часов, где львиную долю отдавали общественно-политическим программам, антисемитский душок Западной Украины, пытавшейся укрепить национальный стержень, – все это вызывало внутренний протест, накапливавшийся с годами. Еврейское самосознание Я.Сорокера было сформировано с раннего детства. Приглушаемое советской властью, оно требовало самоутверждения…

Задуманная репатриация осуществлялась по программе 70-х годов: общее собрание коллектива, дружно-единогласное осуждение «антипатриотов», увольнение с работы. И если с созывом собрания и увольнением все происходило в установленных рамках, то осуждение не состоялось. Профессиональный и человеческий авторитет Якова Львовича был настолько высок, что его «антипатриотические» планы вызвали… поддержку и одобрение сослуживцев. Уникальный случай!

В 1976 году Яков Львович с женой и маленькой дочкой ступили на израильскую землю. Как у многих, все предшествующее образование и профессиональный опыт оказались подготовкой к жизни в Израиле. Здесь он полностью раскрыл свои возможности и способности – творческие и организаторские. Исполнительская практика – выступления в составе камерных ансамблей и работа в оркестре, музыковедение и редакторская

деятельность... За неполные двадцать лет он успел сделать очень много.

Яков Львович приехал в Израиль, владея ивритом: в далеком прошлом Яша Сорокер был учеником хедера в Бельцах, где занятия шли на языке предков. Спустя много лет, благодаря способностям к языкам, он сумел восстановить знания, полученные в 20-е годы. Оказалась вакансия в Хайфском симфоническом оркестре, и поступило предложение стать директором консерваториона (музыкальной школы) в Кирьят-Ата. Год директорской деятельности показал нежелание и неумение заниматься административно-финансовыми делами. Взимание с учеников платы за учебу, контроль за расходами школы, «выбивание» средств на покупку необходимой мебели, – все это было очень далеко от творческих, педагогических и исполнительских планов Якова Львовича. Доведя учебный год до конца, он ушел с «руководящего» поста. Тем временем в Иерусалимском симфоническом оркестре радио и телевидения объявляется конкурс на замещение должности альтиста, Я.Л.Сорокер успешно проходит его и работает в оркестре до выхода на пенсию.

В Израиле возобновляются его связи с ранее уехавшими друзьями. *«Мы виделись на ежегодных встречах в Иерусалиме у памятника расстрелянным 12 августа 1952 года еврейским писателям и деятелям культуры,* – рассказывает Левия Гофштейн, – *иногда гуляли по старому городу. Часто Яша присылал мне в Тель-Авив интересные материалы, найденные им в архивах, помню, об Й.Энгеле, о Береговском и др... Долгие часы (он) просиживал в библиотеках, архивах, много писал, сотрудничал в энциклопедиях, печатался в газетах, издавал свои книги на русском, английском, немецком языках. И мог бы еще очень много сделать, если бы не преждевременная смерть».*

Живы и ярки воспоминания Артура Зиссермана об отношениях с Я.Сорокером, насчитывающих более полувека. *«...Окончательно мы "воссоединились" в Израиле. Я приехал спустя два года после Якова Львовича. Меня встретил заботливый друг, который помог в устройстве на новом месте. Мы нередко встречались, вместе играли в камерных ансамблях, выступали в концертах. Яков Львович был бесконечно скромен. Он никогда не выпячивал себя, не расталкивал локтями окружающих»*, – завершает свой рассказ Артур Леонидович.

Новые штрихи к портрету Я.Сорокера открываются в воспоминаниях Марии Розенталь, которая училась у Якова Львовича в Кишиневской музыкальной десятилетке. *«Однажды, – это было в*

начале 80-х годов, – моя семья проводила лето под Аккерманом. В шесть утра мы были уже на берегу моря, и муж пытался "словить" по радио новости из Израиля. И вдруг сквозь шум и треск глушителей до меня донесся такой знакомый, нет, родной голос. Ошибиться было невозможно, и тут же радио подтвердило: "Выступал доктор музыковедения Яков Сорокер". Яков Львович в Израиле!... В 1986 году мы приехали в Израиль. Родственников здесь у нас не было. Я вспомнила голос Якова Львовича, и в первый же день нам помогли найти номер его телефона. "Он будет через час", – сказали мне. А через час я услыхала: "Мы сегодня встречаемся..." Учитель сразу стал нашим опекуном: приносил фрукты, соки, приглашал в ресторан, под любым предлогом пытался помочь деньгами. Ну, а самое главное, – Яков Львович настаивал, чтобы я начала работать. "Я же не знаю ни одного слова на иврите", – пыталась я отговориться. Тогда он составил словарик самых необходимых терминов – "рука, кисть, плечо" и др. И я начала преподавать в музыкальной школе Псагот, где тогда открылся класс скрипки. Все мои первые шаги в Израиле были связаны с Я.Л.Сорокером – он даже нашел для меня частных учеников. Еще до нашего приезда в Израиль Яков Львович, работая в библиотеке университета, увидел книги, написанные моим отцом и изданные в Бухаресте. Отец, Залман Розенталь, был широко известен в еврейских кругах Румынии и Бессарабии как автор многочисленных книжек для детей, журналист и издатель самой большой ежедневной газеты на идиш "Унзер цайт". "Жизнь, отданная Сиону. Залман Розенталь" – так называлась статья Якова Сорокера (1989 г.). Яков Львович был интереснейшим собеседником. А его преданность музыке и верность данному слову вообще не имели границ: перенеся операцию на ухе, с перебинтованной головой, он играл в концерте, ранее назначенном на этот день».

Постепенно положение семьи Якова Львовича стабилизируется. В 1978 году из Средней Азии приезжает старшая дочь Жанна с мужем Леонидом и сыном. Так восстанавливается камерный ансамбль: Леонид Розенберг (скрипка), Яков Сорокер (скрипка или альт), Жанна (фортепиано) и Моше Фридман, виолончелист Иерусалимского оркестра. Нередко в концертах участвует и старинный друг Сорокеров – Артур Зиссерман (скрипка). Выступления этого квартета или квинтета постепенно приобретают известность. Интересный репертуар – произведения Р.Шумана, Ц.Франка и другие, артистизм, тщательная отделка деталей – все создавало убедительное яркое впечатление от музыки. *«Мы не "гонялись" за концер-*

тами, но и не отказывались от приглашений», – вспоминает Жанна Розенберг. Концерты бывали в самых разных местах – в матнасах[1] и в престижных залах.

Вскоре после приезда в Израиль Яков Львович «зазвучал» на страницах газет и журналов. Статьи, очерки, корреспонденции, интервью – все публицистические жанры привлекали его. Перечень печатных работ говорит и о широком круге интересующих его тем и о профессиональных пристрастиях. Вот лишь отдельные примеры: «Давид Ойстрах – известный и неизвестный» («Наша страна» 14 мая 1976 г.) и там же «О династии Крейнов» (29 июля 1976 г.), «О конкурсе им. А.Рубинштейна (11 июля 1977 г.). Материалы о Б.Гольдштейне появляются в газете «Наша страна», в журнале «Круг».

Титульный лист одной из книг Я.Л.Сорокера

На столетие Джордже Энеску – скрипача, дирижера, композитора Яков Львович откликается воспоминаниями о встречах с юбиляром. О событиях общественно-музыкальной мысли Иерусалима становится известно в Париже – в газете «Русская мысль» Я.Сорокер рассказывает о роще имени Дмитрия Шостаковича, посаженной в столице Израиля. В румынской газете печатается его статья о выдающемся деятеле еврейской культуры Залмане Розентале.

Постепенно завязывались и укреплялись деловые и дружеские связи Якова Львовича с журналистами, издателями, литераторами, музыкальными деятелями. Глубина и обширность знаний, научная добросовестность импонировали всем, кто имел с ним какие-либо творческие отношения. Неудивительно, что, начиная с 1984 года, он становится сотрудником Краткой Еврейской Энциклопедии и автором большинства статей, связанных с музыкой. С 1994 года работает и в Российской Еврейской Энциклопедии. И когда приехавший в

[1] Дома культуры и спорта в городах Израиля.

1990 году Михаил Аронович Пархомовский готовится к изданию многотомного труда «Евреи в культуре Русского Зарубежья», к нему присоединяется Яков Львович Сорокер. *«Меня познакомили с Я.Л.Сорокером, и вскоре он стал моим первым учителем по компьютеру*, – вспоминает Михаил Аронович. – *В работе над книгами он был незаменим – наборщик, корректор, редактор музыковедческих статей и рубрик. Аккуратность, ответственность и скромность отличали его. Мы встречались иногда возле поликлиники на улице Штраус в Иерусалиме, где я тогда работал, и иногда в садике Дома Тихо».*

Яков Львович стал редактором музыкальной рубрики в серии книг «Евреи в культуре Русского Зарубежья». Он был не только блестящий музыковед, но и полиглот, работал с текстами на немецком, французском, итальянском, румынском языках, владел латынью.

В это же время был завершен его кропотливый труд – музыкальный био-библиографический лексикон в двух частях «Российские музыканты – евреи» (из серии «Евреи в мировой культуре». Иерусалим, 1992). Скрупулезно собранные биографические сведения о евреях-музыкантах, живших в России, а затем в СССР, касались всех музыкальных специальностей. В «Лексиконе» названы имена композиторов, вообще ранее не публиковавшиеся в советской музыковедческой литературе (например, Е.М.Розенфельд), появляются новые сведения из жизни и творчества еврейских музыкантов.

В серии «Евреи в культуре Русского Зарубежья», где Яков Львович успел поработать всего четыре года до своей кончины в 1995 году, он был не только редактором, но и автором глубоких и увлекательных статей. В очерке о Йоэле Энгеле[3], известном еврейском музыкальном деятеле, критике и фольклористе, Яков Львович проводит мысль о национальной природе его творчества. «Отец еврейской музыки», «За песнями в Эрец-Исраэль», – это разделы очерка под общим названием «Говорят, есть такая страна…».

Рассказывая об Антоне Рубинштейне, Я.Сорокер делает акцент на явлении, о котором в России старались умалчивать, и цитирует Й.Энгеля: *«Весь мир признал в нем* (А.Рубинштейне. – *Л.Б.*) *гениального короля пианистов, замечательного композитора, а Россия, сверх того, и основателя музыкального просвещения. Но,*

[3] *ЕВКРЗ*. Т.2. Иерусалим, 1993. С.374-391.

кроме всего мира, кроме России, автор "Демона" принадлежит еще и еврейскому народу, из среды которого он вышел».

Замечательному еврейскому скрипачу Науму Блиндеру[4], уроженцу Евпатории, выступавшему в разных западноевропейских странах, концертмейстеру оркестра в Сан-Франциско на протяжении четверти века, посвящен рассказ Я.Сорокера «Темперамент и грусть: Скрипач Наум Блиндер». О Натане Мильштейне[5], ученике П.Столярского, ставшего легендарным, Яаков Львович пишет очерк «Брамин со скрипкой».

Не менее значителен и интересен материал о виолончелисте Йоахиме Стучевском[6] – талантливом исполнителе, написавшем много книг об игре на виолончели. «Последним из могикан» называет его Яков Львович, вынося это определение в заглавие. В своих статьях и очерках Я.Сорокер рисует живые образы героев, что делает чтение его просветительских статей еще более увлекательным.

В Израиле Яков Львович познакомился с Я.Сусленским, одним из организаторов общества еврейско-украинских связей. Общество издает бюллетень «Диалоги», Я.Сорокер помогает готовить бюллетень и дает свои статьи.

По времени участие в «Диалогах» совпадает с работой над книгой «Украинские музыкальные элементы в классической музыке», изданной в 1995 году в Торонто. На 124 страницах серьезного исследования рассматривается использование украинских мелодий и характерных интонаций когортой западноевропейских классиков, начиная с И.Гайдна, Л.Боккерини, В.-А.Моцарта, Л. ван Бетховена, и завершая Ф.Шопеном, С.Монюшко, К.Шимановским и Б.Бартоком. Затем автор приводит примеры в творчестве русских композиторов – И.Хандошкина, М.Глинки, А.Даргомыжского, А.Серова, участников «Могучей кучки», П.Чайковского, С.Танеева. А.Глазунова, Р.Глиэра, Н.Мясковского, С.Прокофьева и Дм.Кабалевского. Нотные иллюстрации как бы «озвучивают» текст книги, и особенно интересны примеры сопоставления классических фрагментов с конкретными песенными первоисточниками. Как правило, есть и общая характеристика творчества композитора и штрихи его биографии. В этой работе Яков Сорокер выступает как ученый-теоретик, прекрасно владеющий методикой музыкального анализа,

---

[4] *ЕВКРЗ.* Т.3. Иерусалим, 1994. С.429-438.
[5] Там же. С.463-467.
[6] Там же. С.335-345.

обладающий творческой индивидуальностью. Впрочем, это касается и других его работ.

Я имею в виду две книжки «Давид Ойстрах»[7] и «Борис Гольдштейн»[8]. Обе они отличаются широтой охвата темы и живым дыханием истории.

Я.Сорокер чувствует атмосферу, в которой жили Д.Ойстрах и Б.Гольдштейн, он современник своих героев, ему понятна их психология и поступки, он общался с теми же людьми, которые окружали обоих музыкантов.

Книга Якова Львовича Сорокера о Давиде Ойстрахе – это рассказ о своем Учителе и великом Скрипаче, о бесконечно близком человеке, с которым он был связан в течение почти 35 лет. «Колорит присутствия» достигается благодаря многочисленным цитатам из писем, точному воспроизведению самых различных эпизодов и событий, отлично сохранившихся в памяти Я.Сорокера. В частности, в книге идет речь о споре в кругах крупных музыкантов – в каком стиле исполнять произведения эпохи барокко и И.-С.Баха, – в современном или возрождать характер эпохи. *«Давид Ойстрах,* – пишет Я.Сорокер, – *стремился к идеальному – "классическому" – примирению противоположных концепций, к верности "букве" баховского творчества и его вечному, бессмертному, а значит и современному духу».* Яков Львович приводит примеры поведения профессора: во всех ситуациях Д.Ойстрах не изменял понятиям благородства. *«Издавна шла некая скрытая война,* – пишет Я.Сорокер, – *между представителями классов Ойстраха и Ямпольского* (речь идет о Московской консерватории – *Л.Б.*). *Помню, на одном из заседаний научного студенческого общества, на котором выступал А.Ямпольский, Давид Ойстрах из зала обратился к нему с просьбой помочь в одной трудной педагогической ситуации. Важен был сам факт публичного обращения Давида Ойстраха – тогда уже в зените славы – к старшему коллеге за методической помощью».* Давид Федорович тайно поддерживал находившихся в опале пианиста Вс.Томилина, поэта Анну Ахматову. В книге о Д.Ойстрахе (она вдвое больше издания о Б.Гольдштейне) широко представлены многочисленные отклики и рецензии на концертные выступления великого скрипача. Особенно сильное впечатление оставляет сделанный Я.Сорокером подбор отзывов – широчайшая панорама музыкальных «звезд» XX века – Дж.Энеску, С.Проко-

[7] Изд-во «Тарбут». Иерусалим, 1981.

[8] Серия «Евреи в мировой культуре». Вып.14. Иерусалим, 1989.

фьев, Дм.Шостакович, А.Хачатурян, А.Рубинштейн, Г. фон Караян, Ю.Орманди, С.Рихтер, М.Ростропович и др.

Музыкально-просветительские фрагменты, пожалуй, выводят книгу об Ойстрахе из разряда сугубо популярной литературы, приближая ее к изданиям для опытных любителей музыки.

А вот отрывок из книги о Б.Гольдштейне: *«Искусство замечательного скрипача... и явные, бесспорные успехи – всеобщепризнанные! – не получили должного поощрения со стороны советских функционеров, руководящих искусством. Достаточно сказать, что почти за 40 лет(!) вдохновенного и самоотверженного служения искусству Советской России ему не было присвоено ни одного, из столь распространенных там, почетного звания!»*

Существенна роль эпиграфов в книжке о Б.Гольдштейне – они очень удачно раскрывают смысл глав и разделов. Именно так сделана глава «Скрипач Борис Гольдштейн – индивидуальность и стиль». Мини-очерк открывается цитатой-эпиграфом, взятой из рецензии: *«Гольдштейн раскрыл нам Баха – полного жизни, силы и поэзии».*

Язык обеих книг прост, естественен. Такая манера изложения особенно ценна, когда речь идет об исполнении музыки концертирующими скрипачами. Тогда характеристики музыкальных сочинений, лаконичные и, словно «рассыпанные» в тексте, органично вписываются в рассказ о выступлениях на эстраде. Если речь идет о музыке, мало известной широкому читателю, Я.Сорокер сообщает сведения, которые могут быть полезны.

Стремясь в каждой из книг обрисовать индивидуальные качества ее героя, Я.Сорокер находит и то, что роднило обоих художников: преданность музыке, беспредельное трудолюбие, вдумчивая работа над произведениями, ответственность за каждый сыгранный звук.

Тонкость, чуткость проявляет Яков Львович, анализируя отношения между двумя знаменитыми скрипачами. На протяжении многих лет общения эти отношения менялись, и Я.Сорокер справедливо находит причины в неодинаковости их судеб и душевных качеств, предоставляя читателям возможность раздумий, размышлений...

Яков Львович оставил после себя богатое наследство. Это книги и музыковедческие статьи, бесспорно ставшие фрагментами общей панорамы «Музыка XX века» и свидетельством роли еврейской музыкальной культуры в общемировой. Это ученики, получившие у него не только профессиональные, но и нравствен-

ные уроки. Это память благодарных слушателей и многих людей, которым он помог словом и делом. Он по-прежнему с нами.

Мой очерк о Якове Львовиче во многом основывается на воспоминаниях членов его семьи – жены Фримы, дочерей Жанны и Розы, зятя Леонида Розенберга, а также его друзей – Артура Зиссермана, Левии Гофштейн, Марии Розенталь, Михаила Пархомовского, Якова Суслeнского. За их помощь и искреннее желание, чтобы о Якове Львовиче «замолвили слово», – сердечная благодарность автора.

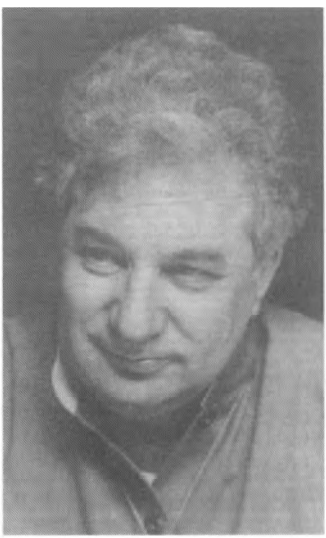
Список основных печатных работ Я.Л.Сорокера

1. Скрипичные сонаты Бетховена. М., 1963.
2. Скрипичное творчество Прокофьева. М., 1965.
3. Йожеф Сигети. М., 1968.
4. Камерно-инстументальные ансамбли Прокофьева. М., 1973.
5. Давид Ойстрах: Художественно-документальный очерк. Иерусалим, 1981. В 1982 г. книга вышла в Иерусалиме на английском языке.
6. Рефераты (около 100) в сборниках «Зарубежная литература о музыке». М., 1978; М., 1988.
7. Борис Гольдштейн. Выпуск 14 серии «Евреи в мировой культуре». Иерусалим, 1989. Вначале (в 1983 г.) эта книга вышла в Иерусалиме на немецком языке.
8. Российские музыканты евреи. Био-библиографический лексикон. В 2 частях. Выпуски 22 и 23 серии «Евреи в мировой культуре». Иерусалим, 1992.

А также очерки и эссе «Йоахим Стучевский», «Йоэль Энгель», «Наум Блиндер», «Увертюра Прокофьева на еврейские темы» (на идиш), «Дмитрий Шостакович и еврейская музыка» (на иврите), «Встречи с Джордже Энеску» (на румынском), «Евреи в музыке Украины» (на украинском) и др.

Дирижерской палочкой он творил чудеса (Юрий Аронович)

Михаил Пархомовский[1] ***(Ашкелон, Израиль)***

Юрий Аронович

Иногда мне кажется, что самое страшное из того, что происходит в мире – это потеря человеком духовности. Его унификация. Превращение в винтик мистифицированной системы. Не мною это придумано. Культура всегда предупреждала об апокалипсисе расчеловечивания. Все великие мудрецы мира предостерегали от этой опасности. Дирижер Юрий Аронович был одним из них. Сегодня мало кто не согласится с тем, что он был великим дирижером. Он нашел, быть может, самое сильное средство противостоять судьбе – Музыку.

Какой стойкий дух был у этого человека, какое преодоление трагизма существования!

Человек не должен подчиняться человеку. Только морали. Только внутреннему долгу. Конечно, чем больше Свободы, тем громче говорит Закон. Таковы уроки жизни, усвоенные этим выдающимся человеком. В его печальном сердце были тяжесть и беспокойство, стремление сказать свое слово в музыке ограничивалось жесткими рамками действительности.

Юрий Аронович родился в 1933 году в Ленинграде. Его отца репрессировали. Сам Юрий пережил все ужасы в осажденном городе, а после первого прорыва блокады был эвакуирован на Большую Землю. Такое событие любого романтика превратит в философа.

---

[1] Художественный руководитель ансамбля скрипачей «Виртуозы Израиля».

Судьба свела меня с Юрием Ароновичем в 1956 году. Он, недавний выпускник дирижерского факультета Ленинградской консерватории, еще никому неизвестный музыкант, был приглашен в Саратовскую филармонию на должность второго дирижера местного симфонического оркестра, в котором я, солист филармонии, состоял помощником концертмейстера. Наше знакомство быстро переросло в дружбу: оба холостяки с неустроенным бытом, в чужом городе, оба дышали музыкой, стараясь вобрать в себя все лучшее, что встречалось на нашем пути.

Но более всего нас сблизила общая любовь к Натану Рахлину, гению, не оцененному по достоинству властью, но в наших глазах бесспорному лидеру советских дирижеров. Юра считал Рахлина своим учителем, хотя формально не числился в его учениках и только ездил из Ленинграда в Киев, где жил и работал Натан Григорьевич, позаниматься у Мастера. Как мы хотели, чтобы этот человек знал, чего он стоил! Мы даже приурочили даты своих свадеб к саратовским гастролям Рахлина, который благословил двух еврейских мальчишек, почтив присутствием оба праздничных стола, от чего мы с Юрием были безмерно счастливы. К сожалению, брак Юры не стал счастливым, с женой он расстался.

В памяти запечатлелись три, связанных с Юрой, музыкальных события саратовского периода. Прежде всего, его блистательный дебют на концерте, целиком состоявшем из произведений Яна Сибелиуса. С музыки Сибелиуса в Советском Союзе только недавно сняли «табу» (Финляндия ведь была союзницей фашистской Германии), но Юра еще во время учебы в Ленинграде включил в свой репертуар все семь его симфоний – случай беспрецедентный для того времени, как с политической, так и с творческой стороны. Более того, Юрий переписывался с композитором, музыка которого была ему близка своей северной строгостью.

В Саратове же Аронович произвел подлинный фурор, – он первым из советских дирижеров отказался в концертной практике от использования партитуры и дирижировал наизусть. Это не было бравадой, на концерте ноты ему мешали, без них он более полно раскрывался эмоционально. Другое событие – концерт памяти обожаемого Юрой Сергея Прокофьева. Напомню, Сергей Сергеевич умер 5 марта 1953 года, в один день со Сталиным, – ему еще успели сообщить о смерти его главного врага.

Прокофьев, как и Сибелиус, написал семь симфоний, последняя была посмертно удостоена Ленинской премии. И вот эту Седьмую симфонию, вместе с сюитой из балета «Ромео и Джульетта» и

концертом для скрипки с оркестром №1, выбрал Аронович для концертной программы памяти композитора. Солистом в скрипичном концерте посчастливилось выступить мне. Это был такой праздник души! Помню, точно вчера случилось…

Зал тогда не смог вместить всех желающих. Юрий Аронович уже был любимцем саратовской публики, но даже самые тонкие ценители музыки получили неожиданный подарок.

Следующее событие – участие симфонического оркестра Саратовской консерватории в VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве летом 1957 года. Стержнем программы была Вторая симфония Рахманинова, тогда почти не исполнявшаяся, примерно по тем же причинам, что и музыка Сибелиуса и Прокофьева. Что греха таить – не жаловала Москва периферийных выскочек, но Ароновичу удалось повергнуть столицу в шок.

Дирижирует Юрий Аронович
«Фауст-Симфония» Ференца Листа
Национальный оркестр радио и телевидения. Турин. Октябрь 2001 г.

Вспоминается забавный эпизод. На фестивальном концерте к Юре подошел руководитель ансамбля песни и пляски одной из Северокавказских республик по фамилии Аронов и спросил, откуда Аронович родом – из Украины, Литвы или Белоруссии? Юра ответил, что Ароновичи оттуда, где не стесняются своей фамилии и не сокращают ее. Аронову только и оставалось, что стыдливо ретироваться…

После фестиваля в Москве мы расстались. Было совершенно очевидно, что Ароновичу нужен оркестр, в котором он был бы творческим хозяином – главным дирижером и художественным руководителем. Из всех предложений Юрий выбрал Ярославль – родину первого в России драматического театра – и за семь лет превратил заурядный оркестр в жемчужину. Лучшие столичные исполнители – Коган, Гилельс, Ростропович – приезжали в Ярославль за день-два до очередной своей премьеры в Большом зале

Московской консерватории, чтобы провести «генеральную репетицию» с Ароновичем и его оркестром. Очень любила его Мария Юдина. С большой симпатией к дирижеру относились Владимир Софроницкий, Дмитрий Шостакович. Тихон Хренников покровительствовал ему …

В эти годы Юра и сам много гастролировал, часто появляясь перед столичной публикой, и совершенно не удивительно, что в 1964 году он переехал в Москву, где возглавил симфонический оркестр Всесоюзного радио и телевидения. Молодой коллектив скоро вошел в число лучших оркестров страны, несмотря на то, что председателем Всесоюзного комитета по радио и телевидению был патологический антисемит Лапин. Когда московским евреям хотелось выругаться матом, они говорили просто: «Иди ты к Лапину!». Тихон Хренников прекрасно знал об антисемитизме некоторых членов Гостелерадио и, прежде всего, председателя Комитета. «Спасительного варианта» для изменения фамилии у Хренникова быть не могло. Хренников избрал другую тактику: *«Дирижер Аронович блистательный,* – говорил он, – *фамилия его может, правда, показаться не очень благозвучной, но, знаете, будучи повторяемой в эфире часто, – "Юрий Аронович, Юрий Аронович", – она очень скоро сделается привычной ушам массового радиослушателя…».*

Антисемитская атмосфера Комитета, где Юра, несмотря на свое положение, чувствовал себя человеком второго сорта, и где на первое место выдвигалась не одаренность музыкантов, а анкетные данные, привели к тому, что Аронович решил изменить свою жизнь. В 1971 году он подал заявление на выезд. Надо знать его любовь к русской культуре, его гордость за принадлежность к ней!

Но неприятие советской системы пересилило. У него не было каких-то двойных стандартов, которым, ни о чем не задумываясь, он готов был подчиниться. Решение не было спонтанным. Предмет его неизменной страсти – Музыка, так, как он ее понимал, не находила выражения в существующей обстановке. Это была трезвая самооценка, – потребность преодолеть разрыв между двумя мирами превратилась в необходимость. Вероятно, существует не сразу приходящее ощущение, нуждающееся в помощи рефлексии. Даже если она противоречива или сбивчива. Просветление наступает позже, когда человек приближается к принятию решения.

В противоположность большинству своих коллег, он не обладал ни хитростью, ни изворотливостью. Имея все данные «звезды», тем не менее, не был из когорты «звезд», и в дальнейшем жил как бы на обочине большого международного круга. Даже его внешний

вид – маленький рост, отсутствие светского шарма – не соответствовал неписаным правилам «звездной когорты», чтобы он мог прочно обосноваться в этом круге. Слишком прямой, слишком непосредственный, слишком скромный, – он выглядел человеком наивным, не стараясь прибегать в разговоре к политесу или дипломатии… Он мог схватить дирижерскую палочку из полированного дерева, чересчур длинную для него, – у кого-то это вызывало улыбку. Но этой палочкой он творил чудеса. Его манера исполнения, быть может, не соответствовала общепринятым канонам, но, уничтожая культ дирижера, давала ощущение интимности и дружелюбия.

Естественность и открытость его исполнения были так велики, что это казалось даже подозрительным.

Но Аронович не мистифицировал. Вещи, вызывающие страдание, оставляли в его душе неисчезающий след, как и его одиночество, и приводили к неожиданным результатам, – оптимизму, открытости, безмятежности. В его исполнении были простота потока радости, внимание к личности. Первым впечатлением после окончания концерта оставались его импульсивность и воодушевленность, они-то и вызывали непрерывное музыкальное напряжение души…

Накануне отлета в марте 1972 года, в «благодарность» за заслуги перед державой, Аронович, разумеется, по указанию свыше, был избит уголовниками – в самом центре Москвы, недалеко от здания Радиокомитета, на улице Качалова. В результате на следующий день по прибытию в Иерусалим он вынужден был отказаться от приглашения маэстро Айзека Стерна посетить его концерт в Тель-Авиве. Этим он на долгие годы заработал незаслуженно негативную репутацию в определенных кругах Израиля, не знавших, да и вряд ли бы понявших событие, послужившее причиной отказа.

В том же 1972 году он женился. Ангел, покровительствующий Юрию Ароновичу на небесах, с невероятной чуткостью из всех возможных женщин нашел для него Тами Ив. Это был какой-то поистине священный брак, где Мастера, идущего сквозь все тернии жизни и роковые удары судьбы, понимала, охраняла и оберегала его Маргарита – верная, любящая, прекрасная...

Конечно, его мечтой была не Америка, не Европа, – мечтой был Иерусалимский симфонический оркестр. Его горение, взволнованность, напряженность – все это предназначалось Иерусалиму…

Жизнь распорядилась иначе, и, проработав всего год на посту второго дирижера этого коллектива (при наличии свободной вакансии главного!) Аронович, вопреки своему желанию, вынужден был покинуть оркестр, а вместе с ним и страну.

– Да разве это важно? – вопрошают многие сегодня.

Романтик, стирающий грань между философией и искусством, переливающий фантазию в жестокую реальность жизни, он десять лет был главным дирижером кельнского «Герцених-оркестра», пять – главным дирижером Шведского королевского оркестра. Дирижировал в оперных театрах Лондона, Чикаго, Будапешта, Парижа…

Но сердце его оставалось в Иерусалиме.

Здесь мы и встретились после двадцатилетнего перерыва.

Из газет я узнал о приезде Ароновича для традиционных выступлений с Иерусалимским симфоническим оркестром радио и телевидения, любимцем которого Юрий оставался до конца своих дней. Он был ИХ, то есть НАШ, израильский!

Впрочем, на самом деле все было куда сложнее…

Я позвонил Юре и немедленно получил приглашение встретиться. Наверно, старому другу было приятно слышать, что ни одна моя гастрольная поездка в Петрозаводск, Саратов и Ярославль не обходилась без многочисленных рассказов о нем местных музыкантов, которые хорошо помнили, кому обязаны своей выучкой.

К тому времени ансамбль скрипачей набирал обороты, мы успели дать первый десяток концертов в разных городах Израиля и выступить в популярной тогда телепрограмме Ярона Лондона «Соф шавуа» («Конец недели»). Я пригласил Юру и его супругу Тами посетить назначенную на ноябрь 1991 года в Кфар-Сабе официальную презентацию коллектива и премьеру нашей первой программы. Аронович пообещал. После многих лет дружбы я знал: Юра мог не обещать, но сделать. А наоборот? Никогда! Стояла скверная погода, у Юры было воспаление легких, и, узнав об этом, я умолял его не приезжать, – тем более что на следующий день ему предстоял перелет в Германию. И все-таки он приехал! И был встречен аплодисментами публики…

Не пропустив ни одного его концерта в Израиле, я с радостью отмечал, как уникальное мастерство Ароновича обрело мудрость высокой простоты и глубину философского осмысления жизни. При этом его пылкость, возвышенность музыкального духа делала

технические качества игры менее важными, но никогда не поверхностными, напротив, полными глубокой информации.

Он относился к старой музыкальной школе, для которой общее было всегда важнее частностей, скрывавших духовное богатство и интеллектуальность. Его движения акцентировались на технических моментах так, чтобы не нарушить цельность произведения и профессиональность исполнения: техника важна, но не первостепенна.

Однажды Юра сказал во время репетиции: «Мы должны играть каждую ноту так, как будто это наш моральный выбор, вся наша жизнь в каждой ноте, которую мы исполняем».

Последняя фотография Юрия Ароновича С женой Тами в Париже, где под его управлением Парижский оркестр исполнял концерт Скрябина «Божественная поэма» *4.10.2002*

Эти слова произнесены человеком маленького роста, решительным и деликатным одновременно, который как бы извинялся перед обществом за свое присутствие, человеком, который любил слушателей и был полон такта по отношению к каждому. Это выглядело даже преувеличенным и вызывало иногда улыбку.

Между тем, сам он был именно таким человеком, моральный выбор значил для него все.

В некрологе «Слово об Ароновиче» («Вести», 7.11. 2002) Йосси Тавор пишет:

«Он был почетным членом Шведской королевской академии, его посвятили в рыцари ордена Полярной звезды. По правилам, Ароновича должны были перекрестить, но он заявил, что не готов пойти на это. И тогда был найден своеобразный компромисс: король возложил ему шпагу сначала на левое плечо, потом на правое и сказал: "Этим я посвящаю тебя в рыцари"»...

В начале 80-х годов Юрий Аронович получил доступ в Венский Государственный архив, где в его поле зрения попали редчайшие материалы – неизвестные письма Вагнера к его второй

жене Козиме (внебрачной дочери Ференца Листа, в первом замужестве – фон Бюлов).

Аронович был очень взволнован, перед ним раскрылась такая страшная бездна, что он даже усомнился в подлинности этих писем. Он спросил директора архива, подлинные ли это документы? «Да, к сожалению», – был ответ.

Вполне понятна растерянность Юрия Ароновича, с трудом поверившего своим глазам. Здесь не место говорить о проблеме Вагнера, но стоит привести небольшие отрывки из его писем.

«Евреи – это черви, крысы, глисты, трихины, которых нужно уничтожить, как чуму, до последнего микроба, потому что против них нет никакого средства, разве что ядовитые газы». Подумать только, какое «провидчество» за 80 лет до Холокоста! *«Я пришел к выводу, что даже одной микроскопической капли еврейской крови уже достаточно, чтобы человек никогда не смыл с себя позор быть евреем, и он должен быть уничтожен».*

Юрий Аронович исследовал оригинальные тексты оперы Вагнера «Парсифаль». Там он тоже обнаружил интересные вещи…

Юрий дирижировал его произведениями в России и в начале своей деятельности на Западе, записал пластинку с Венским оркестром, и даже был назван немецкой критикой в числе трех лучших интерпретаторов музыки Вагнера рядом с Вильгельмом Фуртвенглером и Гербертом фон Караяном.

Потом он много лет не прикасался к вагнеровским произведениям. И вдруг – включил в программу американского турне с Лондонским симфоническим оркестром музыку Вагнера. При этом сочинения Вагнера Аронович дирижировал… в белых перчатках, как некогда сам Вагнер исполнял «Итальянскую симфонию» Мендельсона. Прославленный дирижер поставил себе цель предохранить людей от слепого непонимания личности Вагнера и объяснить им, в каких случаях его музыка смертельно опасна, а в каких – нет: «Разумеется, те партитуры опер Вагнера, где он говорит о евреях и своем отношении к ним, я и в руки не возьму. Даже в белых перчатках. Но я убежден, что со временем мы все больше будем отдаляться от личности Вагнера и все больше приближаться к его музыке».

К сожалению, у него самого времени оставалось немного. Он скончался в Кельне 31 октября 2002 года.

Ленинградец, музыкант мира – он всей душой прикипел к Иерусалиму. Его тянуло в этот город, прошедший тысячелетия страданий, и выстоявший, и победивший.

Теперь Юрий Аронович навеки в Иерусалиме, который считал для себя родным. Похоронен он на кладбище Гиват-Шауль.

Сотни музыкантов еще долго будут говорить: «Я играл с Ароновичем», и сотни тысяч слушателей будут вспоминать его несравненные интерпретации музыкальных шедевров.

Есть у Бориса Пастернака известная строка: «Цель творчества – самоотдача, а не шумиха, не успех…».

Вероятно, одному Господу Богу известна эта цель. Проиграв сотни произведений, выступив в многочисленных концертных залах более чем двадцати стран, в течение полувека, я не знаю цели творчества. Во всяком случае, не рискну определять ее. По-видимому, они безграничны и необъятны.

Юрий Аронович смог выразить себя, свою позицию музыканта и человека. Форма его самовыражения была настолько чудесной, что веришь ей безоговорочно. Он убеждал без слов: самый трудный путь – самый легкий. Норма – совершенство… Главное, ЧТО ты хочешь сделать? Так делай. Немедленно, сейчас…

«Золотая цепь»
(Еврейский поэт Авраам Суцкевер)

Арон Гройсман (Бейт-Шемеш, Израиль)

Я никогда не встречался
с еврейским поэтом
А.Суцкевером, но он
научил меня тому, что
мы, мечтатели, должны
превратиться в солдат.
Его стихи и его пример всегда со мной
и необходимы
мне, как хлеб и вино.

Латиноамериканский писатель Луис Сепульведа

29 апреля 1944 года в газете «Правда» был напечатан очерк И.Эренбурга «Торжество человека». В очерке шла речь о еврейском поэте, пережившем кошмары Виленского гетто и сражавшемся с фашистами в партизанском отряде. Имя этого человека Авраам Суцкевер.

А.Суцкевер родился в июле 1913 г. в местечке Сморгони в окрестностях Вильно. Во время Первой мировой войны евреев переселяли из прифронтовых районов, опасаясь их неблагонадежности. Семья Суцкеверов не избежала этой участи и оказалась в Сибири, в Омске. Там в тридцатилетнем возрасте умер отец Авраама. Вспоминая об этом в стихотворении «К 30 годам», Суцкевер напишет:

Отец мой в тридцать лет скончался от удара,
Когда на скрипке он играл в избушке старой.
Лежала скрипка на плече, как маленький ребенок,
И голос скрипки был прозрачен, чист и звонок.
Весь мир притягивал тот голос, как магнит,
В сибирский хутор, что людьми давным-давно забыт.
Где я, мечтатель семилетний, отца колени обхватив,
На них качался – и навеки запомнил тот мотив[1].

Вскоре мать увозит детей обратно в Вильно. Вспоминая этот переезд, 20-летний поэт писал:

---

[1] Здесь и далее перевод стихов А.Суцкевера с идиш автора.

От дома к дому путь далек.
Сквозь дикие просторы –
Мелькает где-то огонек,
Долины, реки, горы.
Откуда? – ясно, но куда? –
Неведомо покуда.
Что ждет нас? – радость ли, беда?..
А вдруг свершится чудо
И, холод позабыв и страх,
Мы снова будем дома.
Пока ж – улыбка на губах,
В ногах пучок соломы,
И кнут извозчика свистит
И вдаль несутся сани…
И скоро ли нас приютит
Дом, полный чудесами.

А.Суцкевер

Авраам Суцкевер прошел путь, обычный для еврейского ребенка из интеллигентной среды, где стремились давать детям, помимо традиционного, и образование светское. Начинал учиться в хедере, затем с домашними учителями; потом – еврейско-польская гимназия и Виленский университет, куда он записался вольнослушателем. Вильно был центром еврейской культуры, его посещали известные писатели, поэты, ученые, – среди них Т.Герцль, А.Эйнштейн, З.Фрейд. В столице Литвы издавалось множество литературных, научных и политических журналов на идиш. «Иерушалаим де-Лита» – с почтением говорили о городе. В 14 лет Суцкевер начинает писать стихи на иврите, а в 1930 году вступает в молодежную организацию скаутов, члены которой впоследствии вошли в литературную группу «Юнг Вилне» («Молодая Вильна»). В «Юнг Вилне» Суцкевер познакомился с поэтом и прозаиком Хаимом Граде, а также поэтом Х.Гликом. Позже, будучи в Виленском гетто, Глик написал Гимн еврейских партизан на мотив известной песни Д.Покрасса: «То не тучи грозовые – облака…». Первое стихотворение на идиш появилось в газете «Вохеншрифт фар литератур» («Недельная литературная газета») в феврале 1933 года, в 1937 – уже сборник стихов «Лидер» («Песни»). В 1935-м, во время поездки в Варшаву, он познакомился с известными писателями –

Н.Прилуцким, А.Цейтлиным, Ю.Тувимом. После захвата Прибалтики Советским Союзом Суцкевер получил работу на радио. С ужасом наблюдал он варварское разрушение основ еврейской жизни. Советские власти закрыли все еврейские культурные учреждения и все некоммунистические издания на идиш, запретили работу сионистских организаций. Причастные к сионистской или бундовской деятельности, а также «буржуазные элементы» были заключены в тюрьмы и концлагеря, отправлены в ссылку в глубь СССР.

Война и оккупация Литвы немцами сразу же началась с гонений на евреев, в которых участвовало и местное население. Суцкевер был «дважды враг» – еврей и советский работник, он скитался вместе с женой и матерью на захваченной территории, а затем оказался в Виленском гетто. Здесь судьба вновь свела его с Прилуцким. Немцы поручили видным еврейским деятелям культуры разобрать уникальную библиотеку иудаистики, завещанную когда-то Маттитьяху Страшуном – еврейским философом, писателем и библиофилом – своему городу, а также труды ИВО[2]. Часть книг была вывезена во Франкфурт-на-Майне, но кое-что удалось спасти. Суцкевер, Прилуцкий и их товарищи сохранили важные архивные документы, в их числе рукописи XV–XV1 веков, а также рисунки Репина, письма Л.Толстого, Горького, Шолом-Алейхема и др. Часть спасенных книг впоследствии переправили в Израиль, они хранятся в Еврейской национальной и университетской библиотеке в Иерусалиме.

В Виленское гетто немцы согнали 100 тысяч евреев из города и окрестностей:

В кровоподтеках, избитых, раздетых
За улицей улицу гонят нас в гетто,
Шагают в слезах, ковыляют калеки,
Дома провожают несчастных навеки.
Идут старики – в тфиллин[3], как в коронах,
Еврей из села – на веревке теленок.
Другой тащит скарб свой в плетеной верейке,
И старую мать поднимает еврейка.
Учительница, всем известная в Вильно,
Несет на руках годовалого сына.

---

[2] «ИВО» – аббревиатура от «Идише виссеншафтлихе организацие» («Идишская научная организация»), международный центр исследования языка идиш, литературы и фольклора на идиш, а также еврейской истории и культуры.

[3] Тфиллин (иврит) – филактерии, молитвенные принадлежности у евреев.

А рядышком с Мирой идут ребятишки,
Она их читать научила по книжке.
К воротам пришли, они зев открывают
И в ад постепенно людей пропускают.
Ворота, колючий забор, а за ними
Развалины только, одни лишь руины.
В одном из подвалов, без окон, без света
Опять будет Мира учить своих деток.
Она их считает, боясь ошибиться,
Сто тридцать головок – ровно сто тридцать.
Она заплетает всем девочкам косы,
Она отвечает на все их вопросы.
На всех ни тетрадей, ни книг не хватает,
Но Мирале все наизусть им читает
Из Шолом-Алейхема, Корчака, Переца,
И дети смеются... И просто не верится,
Что завтра их будет уже не сто тридцать,
Что двадцать из них не придут к ней учиться.
И так каждый день их все меньше приходит,
И все-таки Мирале силы находит,
И снова смеются несчастные дети,
Не зная, что жить им осталось на свете
Недолго. И вот, Боже мой, напоследок
С ней остаются лишь семеро деток.
Но Мира своей не чурается школы,
Она, как цветок, а детки, как пчелы.
Цветок поседел и так мало надежды,
Но завтра опять расцветет он как прежде.

(«Учительница Мира»)

«Первая ночь в гетто – это первая ночь в могиле, потом привыкаешь» – написал Суцкевер.

Суцкевер пережил гибель жены и маленького сына. Его ответом стало участие в боевой подпольной организации. Подпольщики достали шрифт для газеты и радиоприемник. Смертники гетто слушали советское радио, печатали сводки Информбюро, отмечали еврейские праздники. Суцкевер рассылает призывы к сопротивлению во многие гетто Центральной Европы, с которыми удалось установить связь. В гетто люди жили от облавы до облавы, стараясь найти себе дело, быть занятыми. Суцкеверу не надо было искать себе занятие – он писал. Цикл стихотворений «Пенимер им зумпф» («Лица в трясине») был написан в середине 1941 г., а его поэма

«Дос кейверкинд» («Дитя могил») получила в 1942 г. первую премию на конкурсе литераторов-узников лагерей[4].

Бегут, бегут колеса,
Куда? – не знают сами,
Они везут телегу,
Телегу с башмаками.
Изношенных, истоптанных
Их целая гора...
Откуда столько обуви?
Кто вас носил вчера?
То ль свадьба, то ли праздник,
А, может, карнавал? –
Я пригляделся ближе и многих я узнал.
Одни почти что новые,
Другие – черствый блин.
Из старых улиц Вильно их гонят на Берлин.
Не спрашиваю, чьи они,
Но сердце на куски.
Где ноги, что носили вас? –
Скажите, башмаки...
Вот туфли моей мамы
Средь прочих вижу я.
В субботу надевала их
Родимая моя.
Бегут, бегут колеса –
Вохин, вохин, вохин[5]
Из старых улиц Вильно
Нас гонят на Берлин.

«Телега с башмаками»

В 1942 г. была также написана поэма «Кол нидрей» («Все обеты»), по теме напоминающая древнегреческую трагедию: старик, потерявший всю семью, убивает последнего сына, которого ждут пытки и смерть. Лейт-мотив поэмы – нет предела человеческой самоотверженности, как нет предела и человеческой низости.

Незадолго до ликвидации Виленского гетто Суцкевер с участниками боевого отряда выбрались по канализационным трубам из гетто и присоединились к партизанскому отряду в Наровчанских лесах. Илья Эренбург, знакомый с Суцкевером с довоенных лет, инициировал акцию по переправке его в тыл. Осенью 1944 года

[4] Краткая Еврейская Энциклопедия. Т.8. Стлб.661.

[5] Вохин (идиш.) – куда.

советский военный самолет после нескольких неудачных попыток приземлился во вражеском тылу, в расположении партизанского отряда, и Суцкевер оказался в Москве. Там он встречается с И.Эренбургом и Б.Пастернаком, там он выступает перед Еврейским антифашистским комитетом, по радио и на литературных вечерах, рассказывая о трагедии Виленского гетто.

Великий Бог! День памяти сегодня!
День памяти о голых и голодных,
Когда к тебе новорожденное дитя
Взывало о спасении от смерти.
День памяти холодного дождя
Тогда, в суровом сорок третьем.
День памяти о времени моем,
Застывшем навсегда в земле, в Понарах[6],
Расстрелянных, закопанных живьем...
День памяти гнилой последней вишни,
Последней спички и свечи последней.
День памяти!...Отмсти, Всевышний,
За всех ушедших без вины бесследно.
День памяти о скрипке – друг мой музыкант
Ее держал в руках уже остывших.
День памяти субботы, чистой как бриллиант,
Всех наших колыбельных песен милых.

(«День памяти»)

В 1946 году Суцкевер пишет книгу «Фун Вильнер гетто» («О Виленском гетто»). Свои новые стихи и прозу Суцкевер читает на идиш Борису Пастернаку, с которым они часто встречаются в Москве.

Февраль 1946 года. Нюрнбергский процесс над нацистскими главарями. «Одним из основных свидетелей выступает Авраам Суцкевер. Он не называет цифр, он говорит о судьбе своей семьи, о жене, на глазах которой был убит ребенок, о том, как впоследствии на его глазах застрелили жену»[7].

В декабре 1946 года Суцкевер выезжает на 22-ой Сионистский конгресс – первый после окончания войны. В то время такая поездка была еще возможна: Сталин хотел создать советский плацдарм на Ближнем Востоке, видя в будущем еврейском государстве нечто

---

[6] Понары (Понеряй) – место массовых расстрелов евреев в окрестностях Вильнюса.

[7] *Полевой Б.Н.* В конце концов. Нюрнбергские дневники. Книга на сайте: <militera.lib.ru/prose/russian/polevoy3/index.html>

вроде «семнадцатой союзной республики» и временно терпел деятельность Еврейского антифашистского комитета. На конгрессе А.Суцкевер встречается с Голдой Меир, там он начинает серьезно обдумывать свой переезд в Палестину. Знакомство с действиями советской власти в Литве, тотальное уничтожение всего еврейского, антисемитизм, поднявший голову почти сразу после окончания войны, перечеркнул и в его душе всякое уважение к Советскому Союзу и веру в крикливый интернационализм. Надежда на «страну-освободительницу» ушла, наступило разочарование и опустошение:

Не хочу я родниться с твоею судьбой,
Непредсказуемой, словно вулкан,
И не стану вдыхать твою радость и боль,
Самой глупой из многих известных мне стран.
После всех моих жертв, после всех моих бед
Не хочу я гореть с этой дикой страной.
Что в твоей мне суровой и странной судьбе,
Если так поступила жестоко со мной.
И несытен твой хлеб, и туманен твой свет,
И никак не уймет мою жажду вода...
Но лишь в той стране, каждый камень –
Мой дед,
И поэтому память стремится туда.

В сентябре 1947 года Голда Меир помогла А.Суцкеверу нелегально въехать в Палестину.

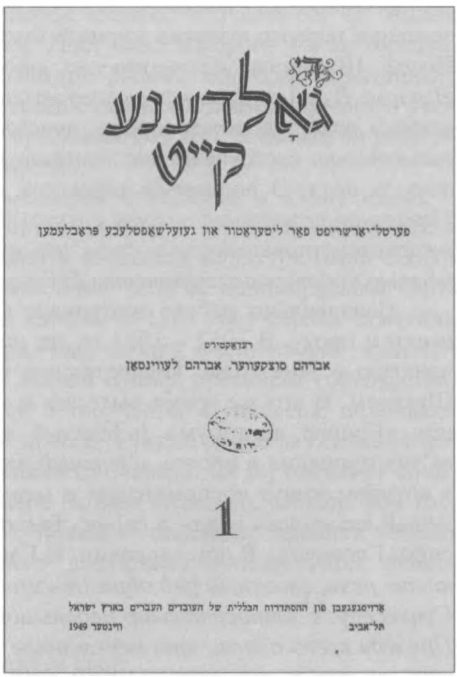
Здесь тема пережитого продолжает оставаться основной в его творчестве. В 1947 году, уже в Палестине, Суцкевер продолжил работу над начатой в Москве поэмой «Гехеймштот» («Тайный город»), где описана жизнь десяти евреев, выживших в полном мраке канализации.

Суцкевер попал в Эрец-Исраэль перед провозглашением Государства Израиль и с новорожденной страной переживает все тяготы. Во время Войны за Независимость он служил военным корреспондентом, принимал участие в освобождении Негева. Появляются произведения, связанные уже с новой родиной: цикл стихов «Лидер фун Негев» («Песни о Негеве»), поэма «Гайстике эрд» («Одухотворенная страна»).

Творчество его на языке идиш, и только на нем, носило несколько демонстративный характер: Суцкевер доказывал, что «маме лошн»[8] продолжает жить. В годы создания еврейского очага в

[8] Название родного языка на идиш.

Палестине и формирования иврита, как современного языка общения всех ветвей еврейского народа, отношение к идиш было пренебрежительным. Идиш считался языком галутного[9] рабства, непригодным для построения новой жизни в собственном государстве. Дело доходило до варварских акций, когда под лозунгом «рак иврит»[10] разорялись литературные редакции на идиш, газетные киоски, книгоиздательства, театры, на улице оскорбляли прохожих, говоривших на идиш.

Обложка журнала «Золотая цепь», издаваемого Авраамом Суцуевером на идиш

Между тем, идиш и идишская культура были уникальным явлением в истории человечества: народ, рассеянный по разным странам Европы, говорил на этом языке и создавал культурные и философские ценности. И, если религия, – как отмечал исследователь культуры восточноевропейского еврейства д-р Г.Клепфиш, – выполняла функцию внутренней крепостной стены, то на долю языка идиш выпала роль внешней стены, защищавшей евреев Восточной Европы и других континентов, куда они эмигрировали, от растворения в окружающих народах. Парадоксально, но теперь уже на своей земле надо было отстаивать достоинство языка и культуры идиш. Израильский журналист-идишист Мордехай Цанин вспоминает: *«С упорством, достойным лучшего применения, некоторые лидеры Израиля уничтожали удивительную культуру идиш... Следовало ли сеять ненависть к языку, с помощью которого идеи сионизма стали*

[9] Галут (иврит) – изгнание, рассеяние.
[10] «только иврит» (*иврит*).

достоянием большинства представителей еврейского народа?». Суцкевер продолжал упрямо двигаться по избранному пути. В 1949 году он создает журнал на идиш «Ди голдене кейт» («Золотая цепь») – самое современное периодическое издание на идиш – и является его бессменным главным редактором по сегодняшний день. На презентации первого выпуска журнала выступил председатель Кнессета Иосеф Шпринцак: *«Естественно, что иврит нормальное явление в Израиле. В атмосфере ивритского звучания рождается ребенок, засеваются поля, строятся города, прокладываются дороги. Но вполне естественно восстановление литературного наследия, на основе которого должно подняться идишское слово и идишская культура. Сердечное пожелание, чтобы вокруг "Золотой цепи" собрались все творческие литературные силы, чьи произведения на идиш станут частью культурного богатства Государства Израиль»*[11].

Параллельно работе в журнале Суцкевер продолжал писать стихи и прозу. В 1952 – 1953 гг. он опубликовал поэму «Сибирь», начатую в 30-е годы. Иллюстрации к книге выполнены Марком Шагалом. В это же время выходит в свет первая часть произведения «Гринер аквариум» («Зеленый аквариум»), с подназванием «Стихотворения в прозе». «Зеленый аквариум» – это пространство, в котором живут воспоминания о мертвых. На русском языке «Зеленый аквариум» издан в серии Библиотека–Алия в переводе Иосифа Глозмана. В предисловии И.Глозман пишет: *«Метафоричность речи, сложный ряд образов-символов и ассоциаций позволили Суцкеверу в относительно небольшой книге сказать о многом. Прежде всего о том, что пережитое – живо, что оно не забыто, что его нельзя забывать. О том, что погибшим должно быть навечно дано место среди живых. Сказать о том, что насильственная смерть не только уродлива, но что она уродует все то, что продолжает жить».* Вот тема одного из рассказов «Янина и зверь»: Янина – полячка, пианистка и ревностная католичка, спасает крохотную еврейскую девочку, затерявшуюся в толпе беженцев. Янина приезжает в родной город, где долго отсутствовала, и объясняет соседям, что находилась у близких, там родила ребенка, мужа ее мобилизовали в армию, а она с девочкой решила вернуться домой. Девочка явно семитской внешности, – ничего общего с белокурой, светлоглазой матерью. Слухи о «подозрительном» ребенке расползаются по городку, и в дом Янины начинает заходить эсэсовец имевший кличку «Зверь», ценитель классической музыки,

[11] Журнал «Ди голдене кейт». Вып. 1. Тель-Авив, 1949.

под предлогом, что хочет послушать талантливую пианистку. Невзначай он намекает Янине на «случайно» выясненные факты: в боевых частях ее муж не служит, а ребенок приемный. Янина не хочет понимать намеки, и тогда офицер предлагает ей, как истинной католичке, поклясться перед иконой, что девочка ее. Янина встает на колени и крестится. Поступок, которого он не ожидал, ломает все убеждения эсэсовца, он рыдает, благодарит женщину, которая вернула ему человеческий облик, оставляет армию и уходит в лес, к партизанам. Его принимают за агента немецкой разведки. Приговор – расстрел на месте…

Постепенно в стране меняется отношение к языку идиш, – трагедия европейского еврейства, приток в Израиль уцелевших в Катастрофе, для которых идиш и идишская культура были способом и средой общения, сделали идиш если не полноправным партнером иврита, то хотя бы не изгоем. В 1963 году страна отметила пятидесятилетие А.Суцкевера. Был создан специальный юбилейный комитет, возглавлял его Залман Шазар, президент государства. Был выпущен сборник статей о творчестве Суцкевера, опубликованных в Израиле и мировой прессе, а также издан двухтомник поэта. Тема прошлого не оставляла Суцкевера. Ей он посвятил сборники стихов «Цайтике пенемер» («Лики времен»), «Лидер фон тогбух» («Стихи из дневника»), поэмы – семейные хроники «Майн зейденс федер» («Перо моего дедушки»), «Майн тотес фидл» («Скрипка моего отца»).

Люди!
Эти строки нацарапал на стене
Ариэль Бланк, музыкант.
Здесь у стены лежит в футляре скрипка
Творение вселенной – мой ребенок.
Вся жизнь его была холодной, хлипкой,
Был мир его, как струны скрипки тонок
И оборвался…
Люди!
Возьмите заступ и откопайте
Сокровище, что мне милей всего,
И вундеркинду-мальчику отдайте,
Новорожденному Паганини.
Мой дар и кости сына моего
Пусть скрипкой обернутся для него,
Волшебной скрипкой.

(«Люди!»)

Трагическая гибель цвета еврейской интеллигенции от руки «отца народов» жгла Суцкеверу душу. Он стал инициатором и одним из составителей антологии произведений двенадцати расстрелянных еврейских писателей (в их числе П.Маркиш, Л.Квитко, Д.Бергельсон, Д.Гофштейн, И.Фефер).

В 1969 году флагман идишской литературы – А.Суцкевер был отмечен премией Мангера[12], врученной ему президентом государства. Награжден Суцкевер также премией главы правительства (1976 г.) и Государственной премией Израиля в 1985 году. Авраам Суцкевер – почетный гражданин Тель-Авива.

Человек, побывавший в «девятом кругу» ада; партизан – о таких говорят, вспоминая не только Катастрофу, но и Героизм европейского еврейства; борец за сохранение и продолжение культуры на языке идиш, – Авраам Суцкевер – писатель, поэт, гражданин навсегда вписан в «Книгу жизни» своего народа.

Кто останется, что останется
После нас на белом свете?
Птичий клин, что к югу тянется,
Да прибрежный свежий ветер,
Облако, что зацепилось
За вершину чудо-дерева,
Озеро, что вдруг покрылось
Пеленою тумана серого.
Кто останется, что останется? –
Вечным будет только море,
Что на теплый берег катится,
Роза, лепестки которой
Как живые к солнцу тянутся.
Верю я – звезда останется
Та, что в этот миг упала.
Бог останется, Бог останется! –
Разве этого вам мало?

[12] Мангер Ицик (1901, Черновцы, – 1969, Гедера). В Израиле с 1967 г. Известный писатель, поэт и драматург. Писал на идиш. Стихи Мангера включены в «Антологию мировой поэзии», изданную в 1961 г. по инициативе ЮНЕСКО. В Израиле учреждена премия им. Мангера, присуждаемая деятелям искусств за их вклад в развитие культуры на языке идиш.

Список использованной литературы

1. Журнал «Топлпункт» («Двоеточие»). Тель-Авив. 2003. №7.

2. Журнал «Идише культур» («Идишская культура»). Нью-Йорк. 2004. №6–7.

3. Издание Всемирного Конгресса идишской культуры «Фун дер найер идише литератур» («Из новой идишской литературы»). Нью-Йорк. 2003. №6.

4. *Супельведа Луис.* Шалом, поэт. Перевод *О.Ясинского.* <http:// lebed. con/ 2002/art2863. htm>

5. *Дербаремдикер Марк.* Язык идиш в свете проблемы культурно-духовного наследия европейского еврейства в XX веке. Доклад на конференции Института иудаики. Киев, 26.8.2005.

6. *Громан Шломо.* Идиш и XXI век: прогнозы и реальность. Доклад на конференции Института иудаики. Киев, 26.8.2005.

7. *Эренбург Илья.* Торжество человека // Газета «Правда». Москва, 29.04.1944.

Авраам Карпинович – народный писатель

Сара Лапицкая (Тель-Авив)

Авраам Карпинович

Город Вильно (нынче столица Литвы Вильнюс), опоясывает живописная река Вилия, возле которой в молодые годы любили кататься на лодках, плавать и загорать два закадычных друга, два Абраши: будущий известный поэт Авраам Суцкевер и будущий выдающийся писатель, журналист и общественный деятель Авраам Карпинович.

Дружили они всю жизнь, и разлучила их лишь кончина А.Карпиновича 23 марта 2004 г. Их объединяло не только литературное творчество на «мамелошн», языке идиш, но и страстная любовь к городу Вильно, хотя уроженцем его был только Карпинович: *«Я должен признаться от имени горсточки выживших виленчан, которым удалось сбежать из родного города, превращенного злодеями в единую окровавленную Немецкую улицу, от имени всех прошедших через гетто, концентрационные лагеря, партизанские леса и фронты, от имени их всех я должен признаться, что мы были влюблены в Вильно».*

Во всех его шести книгах, посвященных родному городу, мы находим по рассказу, точнее оде довоенному Вильно. Впрочем, их и одами назвать нельзя, скорее всего, это крик души автора по самому дорогому, что было в его жизни и сгорело в пожаре Катастрофы…

Впервые Карпинович стал публиковаться в 1948 году на Кипре, в лагере для перемещенных лиц, переправленных из Европы в 1946 году на судне «Теодор Герцль». Судно безуспешно пыталось прорваться в Эрец-Исраэль, англичане приказали высадить всех на Кипре, – в квоту, установленную британскими властями, эти «нелегалы» не входили. Среди пассажиров был и Авраам Карпинович.

От чувства безысходности и желания хоть как-то приблизиться к закрытой для него стране, Авраам записался на семинар по ивриту, которым руководил молодой офицер английской армии Дов Ной, нынешний лауреат Израильской государственной премии, профессор Иерусалимского университета. В рамках этого лагерного учебного заведения были учреждены Джойнтом[1] литературные награды. Первой премии удостоился Авраам Карпинович за рассказ «Гофзана», в основе которого – история армянской девушки, полюбившей еврейского парня и решившейся разделить его судьбу. Тема эта сегодня казалась бы весьма тривиальной, но после Катастрофы евреи были морально разбиты и испытывали недоверие к нееврейскому окружению, – «Кол ха-Олам негдейну»[2], – была такая израильская песня. Сюжет рассказа давал лучик надежды во враждебном мире, – вопросы доверия между народами и дальнейшая судьба собственного народа были весьма болезненны и серьезно волновали А.Карпиновича.

Писатель Карпинович родился 29 мая 1918 г. Его отец Моше был известным и уважаемым в городе человеком.

Маленький Абраша рос в многодетной семье, где помимо него воспитывались еще пятеро братьев и сестер, да трое приемных сирот. Мать большого семейства, Рахель, сумела создать в доме атмосферу терпимости и уважения между домочадцами.

В соответствии с еврейской традицией, мальчика рано отдали в начальную религиозную школу – хедер. Затем он продолжил учебу в реальной гимназии, в которой преподавание всех предметов велось на идиш. Из этого учебного заведения юноша вынес на всю оставшуюся жизнь привязанность и преданность родному языку и литературе.

Авраам начал писать еще до войны, и обстановка в семье во многом этому способствовала, – отец, Моше Карпинович, был основателем и директором первого идишского театра и прекрасным журналистом; известными журналистами были и его братья Давид и Мейлех.

В реальной гимназии, где учился Авраам, преподавал идишскую литературу прославленный поэт Моше Кульбак[3], в которого

---

[1] Джойнт – американская еврейская благотворительная организация.

[2] «Коль ха-олам негдейну» – «Весь мир против нас» (иврит).

[3] Кульбак Моше (1896, Сморгонь, Белоруссия, – 1940, ?). Поэт, романист, драматург. Писал на идиш. В 1937 г. репрессирован, погиб в лагере строгого режима.

были влюблены все гимназисты. За лучшие сочинения Авраам частенько удостаивался награды провожать домой учителя и нести его портфель.

Почти все свободное время оба Абраши – Суцкевер и Карпинович проводили в читальном зале знаменитой Страшунской библиотеки[4], созданной в конце XIX века.

Трудился в ней фанат своего дела библиотекарь Хайкл Лунский, беззаветная любовь которого к книге заражала молодых людей, а Карпинович и Суцкевер буквально боготворили этого человека, который не в малой степени повлиял на их будущее. Хайкл Лунский царствовал над всеми книжными богатствами. Не существовало ни одной проблемы, которая была бы ему не подвластна. В обычаи этого еврея входило разговаривать со школярами с таким уважением, будто беседовал он с профессорами из Виленского университета. Память о нем увековечит А.Карпинович в рассказе «Беньемка-философ», опубликованном в книге «Ойф Вильнер гасн» («На виленских улицах»).

Однако А.Карпиновича занимают судьбы не таких людей, как Хайкл Лунский, – еврейскую элиту он отображает в своих рассказах лишь эпизодически. Его внимание привлекают воры, чудаки, женщины легкого поведения, сутенеры, попрошайки, – люди, оказавшиеся по воле рока на обочине социальной среды. Их образ жизни и их умозаключения волнуют писателя. Поражает всесторонняя осведомленность автора о каждом из них. Порою кажется, что Карпинович проживал вместе с людьми на том «дне», где они оказались.

А.Карпинович вместе со своим закадычным другом и тезкой А.Суцкевером бывали частыми посетителями еврейского театра. Моше отправлял ребят на галерку, которую тоже бесплатно посещали асоциальные типы, отображенные впоследствии в шести книгах виленских рассказов сына. На галерке Авраам хорошо познакомился со средой, как теперь говорят «бомжей», частенько доверявших ему свои тайны. Почему писатель решил именно этих людей увековечить в своем творчестве? Выбор типажей не случаен. А.Карпинович считал, что эти евреи были также составной частью

---

[4] Страшунская библиотека – уникальное собрание книг по иудаистике. Создана Маттитьяху Страшуном, еврейским ученым, меценатом и библиофилом, завещавшим ее в 80-е годы XIX века виленской общине. В 30-е годы XX века библиотека насчитывала уже 35000 томов, среди них пять инкунабул и свыше 150 ценных рукописей.

виленской общины. Именно они, по мнению автора, и создавали особый колорит и накладывали особый отпечаток на жизнь виленских евреев. Вместе со всеми знатными виленчанами сгорели они в пламени Второй мировой войны, а значит и память их должна быть увековечена наравне со всеми святыми. Такова была жизненная философия А.Карпиновича.

Писатель А.Карпинович разделил участь своего многострадального народа, испытав горечь тюрем, гетто и лагерей.

Одним из первых ему удалось вернуться в родной Вильнюс в надежде найти кого-нибудь из большой семьи в живых. Стоял возле толком не зарытой ямы в Понеряй, где по рассказам очевидцев, погибли родители с младшей сестрой Дворой и ее семьёй. Авраам вернулся в город совершенно разбитым.

К счастью остались в живых старшие братья Эли, Давид и Мелех и любимая сестренка Ривка, ученица С.Михоэлса. Она единственная вернулась в родной город, но немедленно покинула Вильнюс после посещения Понеряй.

И вновь пересеклись жизненные пути двух Авраамов. Две истерзанные войной родственные души были теперь вместе в разрушенном еврейском районе Вильнюса. Но находиться продолжительное время в городе, ставшем для евреев кладбищем, не хватало сил. В 1946 году они решают покинуть Литву. Пути друзей расходятся. В 1947 году А.Суцкевер с помощью Голды Меир нелегально уезжает в Палестину, а А.Карпинович – в Польшу в надежде найти своих братьев.

Вскоре после того, как А.Карпинович поселился в городке Еленя Гура (Оленья Гора), что неподалеку от Вроцлава, он был потрясен новым актом вандализма, который учинили в Кельце польские антисемиты. Казалось, что в Польше уже почти и евреев не осталось, однако место для погрома все же нашлось.

Этот случай заставил Авраама переосмыслить суть дальнейшего жизненного пути. В том же 1946 году он принимает решение поселиться в Эрец-Исраэль и записывается в организацию «Бриха» («Побег»), которая занималась нелегальной отправкой евреев в Страну Обетованную. Переполненное эмигрантами судно было задержано англичанами у берегов Хайфы, а пассажиры отправлены на Кипр в лагеря для перемещенных лиц. За попытку побега А.Карпинович был схвачен и осужден на три года тюремного заключения в Фамагусте. Лишь в 1949 году, по прошествии более полугода после провозглашения независимого Государства Израиль, Авраам был освобожден.

Когда в январе 1949 года после всех мытарств А.Карпинович в конце концов появился в Израиле, его друг А.Суцкевер, принял в обустройстве бывшего узника самое горячее участие, обеспечив его жильем и талонами на питание. В молодой стране была карточная система.

Помогли А.Карпиновичу в трудоустройстве актеры, служившие до войны в отцовском театре. По их рекомендации он был принят в театр сатиры и юмора «Матате» («Метла») в качестве администратора. Вскоре А.Карпинович женился на виленчанке Ривке Бергер, с которой его свела судьба еще во время «путешествия» на «Теодоре Герцле». Она была очень образованной и мудрой женщиной и вместе с Авраамом Суцкевером приложила немало усилий, чтобы заставить будущего прозаика взяться всерьез за литературное творчество. Друзья жили неподалеку друг от друга, пользуясь «роскошью» человеческого общения.

Два Авраама – два друга (А.Карпинович и А.Суцкевер)

Как-то раз автор этих строк удостоилась чести быть приглашенной к писателю домой на встречу с А.Суцкевером. А.Карпинович был после тяжелой травмы – недавно овдовел. Суцкевер жаждал поближе познакомиться со мной, чтобы порассуждать о судьбе идишской культуры, но через несколько минут оба совершенно забыли о моем присутствии, уйдя с головой в свои разговоры. Когда они были вместе, то не помнили об окружении.

В театре «Матате» писатель работал недолго. Вскоре был объявлен конкурс на замещение вакантной должности административного директора в Израильском филармоническом оркестре. Желающих получить эту работу было предостаточно. Карпинович вышел победителем благодаря знанию языков. В его «арсенале» были иврит, идиш, польский, русский, немецкий, английский и французский. Вскоре он стал членом правления этого оркестра и отработал в нем почти 30 лет.

Рассказы и публикации Карпиновича в идишской прессе появились, когда он был еще на Кипре, конечно же, он продолжил пи-

сать на идиш в Израиле. За один из первых израильских рассказов «Ди маме вэт нох спондже махн» («Мама еще будет работать на уборке квартир») был награжден первой литературной премией идишской газеты «Лэцтэ найес» («Последние новости»).

После создания в 1949 году журнала «Ди голдене кейт» («Золотая цепь»), который служил главной трибуной лучших идишских литераторов, А.Карпинович становится постоянным автором издания.

Поражает трудоспособность Карпиновича, ушедшего в те годы с головой в литературное творчество. А.Суцкеверу хотелось сплотить вокруг журнала «Ди голдене кейт» молодых литераторов и вновь создать группу по подобию довоенного литературного объединения «Юнг Вильне» («Молодые виленчане»). Эту задумку поддержал А.Карпинович и принял самое активное участие в создании нового писательского содружества.

26 и 27 октября 1951 года в киббуце «Ягур» собрались 17 молодых людей, писавших на языке идиш, – так родился творческий коллектив под названием «Юнг Исроэл» («Молодые израильтяне»), членом которого был и А.Карпинович. Первое десятилетие (1949 – 1959) проживания писателя в Израиле дало «обильный урожай». Помимо журнала «Ди голдене кейт», Карпинович печатается и в многочисленных местных и заграничных изданиях, пишет юморески для самых популярных эстрадных актеров – Шимона Джигана и Исраэля Шумахера.

В 1959 году вышла в свет первая книга, написанная им в Израиле, – «Дер вег кейн Сдом» («Дорога в Содом»).

И хотя рассказы отражают сложности молодого, «неопытного» государства, которого не было на карте две тысячи лет, они полны оптимизма и надежды. А.Карпинович так любит Израиль, что в его рассказах даже скудная природа Негева выглядит одушевленной: *«Скалы выровнялись под солнцем, тела их загорали. Их нагота бросается в глаза. Бесстыдно, оголенные от всяческого растительного одеяния, лежат они, окаменевшие содомские бабы, и умиляются огненной жарой. Органы тела бессовестно разбросаны, страстные груди и могучие бедра выставлены к небу, смеются над наивными людьми, которые ползают, как мурашки по их телам и пытаются их одолеть...»*[5]

Автор не сомневается, что народ государства, не достигшего к тому времени и подросткового возраста, в борьбе с природой тоже выйдет победителем.

---

[5] «Дер вег кейн Сдом»

В рассказе «Воры» автор делает попытку поселить на Земле Обетованной своих виленских персонажей, которые в новой среде поразительно меняются; они уже не в состоянии обкрадывать своих братьев по крови и становятся честными людьми.

В 1962 году А.Карпиновича приняли в союз писателей Израиля – редкая по тем временам честь для идишского литератора. А еще через два года он заочно заканчивает исторический факультет Лондонского университета.

Годы идут, а ностальгия по отчему дому не проходит. Авраам возвращается к теме виленских евреев, пишет о тех бедолагах, которые находились на самой низшей ступени социальной лестницы.

В 1967 году увидела свет первая из шести книг виленских рассказов «Байм вильнер дурхгойф» («У виленского проходного двора»). Книга имела большой успех у читателей. Исторический фон всех произведений – Вильно в период между двумя Мировыми войнами, герои – его еврейские обитатели. Рассказы отличаются краткостью, но при этом насыщены захватывающими событиями, разнообразны по тематике и исторически правдивы. Одни и те же персонажи встречаются во многих рассказах, но всегда предстают перед читателем в совершенно новой ситуации. У каждого есть свой исторический прототип. Все действующие лица названы подлинными именами, чтобы земляки их не забывали. Автор стремится показать своих героев в различных ракурсах, не пропуская ни хороших, ни плохих деяний своих «подопечных», воскрешая их из небытия.

Было бы ошибочным считать, что писатель дает портреты лишь людей «из низов». Он никогда не забывал, что Вильно был центром еврейской культуры, и в его произведениях мы находим отражение всей еврейской жизни общины и ее колорита. Перед читателем картинки происходящего на улицах города, в многочисленных синагогах, школах, библиотеках, театре.

Свои яркие новеллы Карпинович дополняет описанием парков, садов, реки Виленки.

Природа показана так же органично и естественно, как люди:

«Виленка опьянела. Ей вдруг захотелось поравняться с настоящими реками, и она испила весной весь снег с Трехкрестовских гор, не считая того, что ей подсунули проталины у французской мельницы. Она плутала с расхлябанными берегами через Бернардинский сад, чтобы сплюнуть в Вилию – авось полегчает. Попутно она напропалую рычала, тащила подмышками унылые вербы и подбила бока нескольким хатам Софъяников». (Рассказ «Лейке ди

шварце» – «Черная Лейка» из книги «Байм Вильнер дурхгойф» – «У виленского проходного двора»).

Художник мастерски связал в единое целое жизнь всех слоев виленской общины, где люди, стоящие на самой низшей ступени социальной лестницы, органично вписываются в среду и находят там свое место.

А между тем писателя волновали события, назревавшие в собственной стране. А.Карпинович вспоминал день начала войны Судного дня, описывая даже такие трагические события с присущим ему юмором. Молился он в синагоге вместе с актером Шимоном Джиганом, своим другом. Когда они вышли из синагоги и увидели что машины разъезжают во все концы улиц, Джиган воскликнул: *«Нет у нас больше страны! Разъездились тут, безбожники, в Судный день. Управы на них нет!»*.

В этот же день пришел писатель на сборный пункт и предложил свои услуги в качестве водителя на собственной машине. Военное руководство разрешило ему развозить грузы в места, где шли бои. Вполне понятно, что довелось ему повидать немало… Под впечатлением пережитого родилась в том году книга «А тог фун милхоме» («День войны»). Во всех произведениях писателя чувствуется тепло и человечность, в каждом, даже самом отрицательном персонаже, он находит крупицу добра. В рассказе «Дер зелнер» («Солдат») рассказывается об израильской больнице, где рядом лежат два раненых бойца – еврей и араб. Ненависть между ними постепенно исчезает, – больничная обстановка, боль, борьба за выживание помогают им увидеть друг в друге человека.

Еще одну важную проблему поднимает Карпинович в рассказе «Дер инвалид» («Инвалид»). Он заставляет читателя задуматься о судьбе солдат, прикованных к инвалидным коляскам. Он показывает семью инвалида, в которую пришла непоправимая беда, пишет о страданиях самого героя рассказа, который мучительно ищет ответ на вопрос: «Что лучше – жить инвалидом или умереть?»

В трилогии израильских рассказов А.Карпинович призывал читателя к взаимопониманию с соседями и к готовности в трудный час защитить свой дом от врага. Он верил, что мир в нашей стране обязательно наступит.

Военный 1973 год был весьма плодотворным у А.Карпиновича. Он опубликовал еще одну книгу, на сей раз на иврите, «Бронислав Губерман», которую посвятил великому скрипачу и основателю израильского филармонического оркестра. Авраам Карпинович говорит о великом музыканте как о пророке и провидце; в 1933 г.

Б.Губерман направил во все ведущие газеты Европы и Америки письмо, в котором предвещал приближающуюся Катастрофу[6].

Годом позже увидела свет книга «Дер коах фун идишн хумор» («Сила еврейского юмора»).

А.Карпиновича интересуют абсолютно все сферы искусства. В его доме стены увешаны картинами, большинство из которых подарены авторами, – в коллекции находится также картина Марка Шагала с дарственной надписью.

Неудивительно, что он принял самое горячее участие в составлении и издании книги большого музыканта, композитора и фольклориста Шауля Березовского. Книга «Лидербух фун Шаул Березовски» («Сборник песен Шауля Березовского») была издана в 1976 году. Это панорама жизни и творческой деятельности знаменитого музыканта, иллюстрации его произведений и фольклорных песен, которые Ш.Березовский собирал всю жизнь.

Работа в Израильском филармоническом оркестре повлияла на творчество писателя. После многих положительных рецензий на книгу «Бронислав Губерман» Карпинович решил написать либретто по мотивам книги Шолем-Алейхема «Стемпеню» на музыку композитора Дуби Зельцера. Концерты, где исполнялся этот «мюзикл», постоянно проходили с аншлагом.

А вечерами, приходя с работы, А.Карпинович вновь «общается» со своими земляками, которых никогда не забывает. Плодом этого своеобразного «общения» была следующая книга рассказов о родном городе «Ойф Вильнер гасн» («На виленских улицах»), опубликованная в 1981 г.

Почти в каждом рассказе А.Карпинович воспроизводит образ какого-нибудь виленского чудака. Это и портняжка Беньемка, который решил переквалифицироваться в философа, и сапожник Френчик, который безуспешно пытается выдрессировать диких животных, и целый ряд других оригиналов.

Автор как бы вводит читателя в особый мир языка идиш, который был достоянием только виленчан. В его рассказах речь простого люда, они изобилуют специфическими подробностями, так что не всегда читатель их поймет. Но они-то и придают особый виленский колорит и разнообразие повествованию.

Одним из важнейших мотивов в его творчестве является неразделимость жизни и смерти, связь начала и конца пути.

---

[6] Музыкант также первым создал проект единой Европы (примеч. ред.)

В рассказе «Шнейке дер фидлер» («Скрипач Шнейка») главному герою повествования снится, что его посетил давно умерший отец и выговаривает ему:

– Шнейка, лабушник, горе отцу твоему в раю. Я ведь вижу, что ты почти собрался превратиться в иноверца. Зацепился с какой-то графиней, свистульки чтобы свистели у нее в горле. Я вырастил тебя превосходным клезмером[7], и посмотри, в кого ты превратился.

Когда читаешь рассказы А.Карпиновича, создается впечатление, что он до сей поры живет в довоенном Вильно. В его произведениях мы находим подробные описания всех улочек и закоулков, в которых до войны жили евреи, – столь глубоко они врезались в память писателя. Идиш помогает писателю добиться достоверности и особой манеры письма.

Вместе с тем он горячо полюбил Израиль, ему приходилось сталкиваться с множеством людей, иногда из высших эшелонов власти. Голда Меир, которую он называл матерью еврейского народа, обожала его.

В 1985 году увидела свет последняя книга израильской трилогии «Цу фус кейн Эрец Исроэль» («Пешком на Землю Израилеву»). Тематика рассказов разнообразна: о проблемах захваченных ливанских земель, о репатриантах, которым не удавалось найти достойную работу, о тех, кто с большими трудностями добирался до Земли обетованной, о тоске по местам исхода… Почти все рассказы не утратили актуальности и в наши дни.

Через два года выходит новый сборник «Ойф Вильнер вегн» («На виленских дорогах»). В этой книге опубликован рассказ «Дер гаст» («Гость») – одно из лучших произведений в творчестве писателя – об уличной женщине, которая приняла на ночь верующего парня, забеременела от него и возомнила, что сын ее пророк Элияху. Рассказывает А.Карпинович и об обитателях Синагогального двора, в котором его семья жила до войны. Трогает новелла «Ди кац» («Кошка»), посвященная матери писателя, которая с любовью выхаживала всех раненых птиц и домашних животных, а имя главного героя рассказа «Пурте фун ди цигл» («Кирпичных дел мастер Пурте») стало нарицательным у виленчан. Пурте, которого один приезжий француз нанял копать глину, разыскивает коробку, спрятанную Наполеоном в Вильно во время бегства после проигранной войны. В коробке письмо Наполеона

---

[7] Клезмеры – еврейские музыканты. Обычно играли в бродячих ансамблях.

к жене. Реакция Пурте, который надеялся найти клад, трагикомична:

– *Письмо? Угробить тысячи из-за какого-то письма? Что Наполеон мог уже писать своей жене после такого поражения? Чтобы она сторожила ему трон? Выдраила до блеска корону?*

В результате и Пурте, и француз проигрывают в этой сделке…

Творчество А.Карпиновича – это панорама израильской жизни и картины довоенного Вильно.

В 1993 году, когда праздновали 80-летие Авраама Суцкевера, ведущий вечера Шалом Розенфельд представил А.Карпиновича такими словами:

– Юбиляра поздравляет его коллега и друг юных лет, чьё сердце по сей день разрывается между Тель-Авивом и Вильно.

Точнее о душевном состоянии писателя сказать нельзя было, хотя тема родного города все же звучала чаще.

В 1991 году выходит книга «История виленского истинного прозелита графа Валентина Потоцкого». Подвиг молодого графа, принявшего еврейскую веру, которого католическая церковь сожгла за это на костре, на Кафедральной площади Вильно, не давала покоя не только Аврааму, но и его старшему брату Давиду. Последний начал собирать о графе материалы, но вскоре скончался, и начатое им дело довел до конца А.Карпинович. Хоть и привык автор писать рассказы и новеллы, однако это историческую эпопею он передал весьма достоверно.

Самую дорогую сердцу книгу «Вильне, майн Вильне» («Вильно, мой Вильно») с посвящением мне я получила в подарок от автора в 1993 году.

Завершающей вехой в творчестве А.Карпиновича явилась книга «Гевен, гевен амол Вильне» («Было, было когда-то Вильно»), изданная в 1997 году. Большая часть рассказов содержит в себе синтез юмора и сатиры. Часто автор беззлобно шутит над своими персонажами. Но он любит их всех: и воров, и женщин легкого поведения, и торговок рыбой, и старых чудаков. Ко всем ним он относится с нежностью. Все, что А.Карпинович создал, динамично, проникнуто теплом и пониманием героев, сочувствием к ним. Каждое произведение насыщено шутками, поговорками, лишь автору свойственными выражениями.

Вот торговка из рассказа «Хане-Мерке ди фишерке» («Торговка рыбой Хане-Мерке»), которая составляет список проклятий: *«Не все проклятия она включила, другие уж были слишком солеными, в рот не взять. Как бы там ни было, но она собрала пачку по-*

желаний, которые тоже были весьма далеки от новогодних благословений:

– Чтоб росла ты как луковица – головой в землю.

– Чтобы ты знавала врачей, а врачи тебя.

– Чтобы на твоих кишках вешали сушить белье».

Характеристика творчества А.Карпиновича была бы не вполне отражена без анализа его публицистической деятельности. Он был первым человеком, опубликовавшим в варшавской газете «Дос найе лебн» («Новая жизнь») в июне 1948 г. статью о реакции кипрских узников, когда они узнали о провозглашении Государства Израиль. В первые годы жизни в Израиле он постоянно печатается во всех еврейских газетах страны и зарубежья. Двум основным темам посвящено его творчество – израильская действительность и пережитая Катастрофа. Не забывает он притянуть внимание читателей к «Литовскому Иерусалиму» – Вильнюсу, на который равнялись все довоенные восточно-европейские общины. Журналиста постоянно заботит судьба евреев диаспоры и положение языка и культуры идиш как в Израиле, так и за рубежом. Все израильские войны «прошли» через статьи А.Карпиновича, в них есть место и трагедии, и надежде, и никогда не изменяющему автору чувству юмора. Он освещал, в основном на идиш, всю многогранную, сложную и изменчивую жизнь евреев Израиля, писал и о диаспоре.

А.Карпинович был весьма популярен как лектор. Его приглашали преподавать в Оксфордский университет в те годы, когда там руководил кафедрой талантливый молодой ученый проф. Давид Кац. Он читал лекции в родном Вильнюсском университете, в университетах Москвы и Биробиджана, на летних, интенсивных курсах в Молдове, Украине, Варшаве, знакомя слушателей с идишской литературой, стараясь, чтобы они почувствовали вкус к ней.

Писатель никогда не отказывался и от общественных лекций, с которыми он объездил весь Израиль и многие еврейские общины за пределами страны. Блестящий оратор, прекрасно владеющий аудиторией, А.Карпинович снискал доверие и большое уважение слушателей.

Для поддержания и развития еврейской культуры в 1976 году был образован Всемирный совет по идишской культуре; писателя избрали вначале членом правления, а затем и сопредседателем этой организации. А.Карпинович прилагал массу усилий для того, чтобы богатейшая идишская культура продолжала жить: организовывал ежегодный праздник «Симхат идиш» («Праздник идиш»), издал книгу молодого молдавского поэта Моше Лемстера и т.д.

Литературное наследие А.Карпиновича отмечено целым рядом наград. Важнейшие из них: Премия им. Менделе Мохер Сфарима, присужденная в 1976 г. тель-авивским муниципалитетом; Премия им. Ицика Мангера в 1981 г.; Премия Главы израильского правительства в 1988 г.; Премия им. Шейвера в 1990 г.; Премия им. Давида Гофштейна в 1991 г. Однако, больше всего гордился он тем, что был признан народным писателем.

Карпинович был удостоен и целым рядом зарубежных премий, важнейшие из которых: американская им. Хаима Граде в 1989 г. и мексиканская в 1996 г.

Книги писателя переведены на иврит, испанский, немецкий, польский, русский и литовский языки. Получена просьба из Канады разрешить перевод и издание сборника виленских рассказов на английском языке. Его произведения включены в большой ряд различных антологий. О нем самом можно прочитать в различных энциклопедиях.

А.Карпинович удивительно прозорливо сумел спрогнозировать будущее идишской культуры, предсказав, что она станет привилегией интеллектуалов. Сегодня мы находим тому подтверждение – наличие многочисленных учебных пособий и академических центров во всем мире, где изучают творчество пишущих на идиш и, конечно, А.Карпиновича.

В 2004 году в престижном тель-авивском зале «Цавта» отмечали 91 год со дня рождения А.Суцкевера. Виновник торжества среди прочего сказал, что он очень любит имя Авраам за то, что им нарекли нашего праотца, за то, что сам он назван так, а главное, что так звали его лучшего друга писателя А.Карпиновича.

Многих людей Авраам Карпинович поддержал в трудную минуту, помог им своими статьями и публикациями в газетах и журналах.

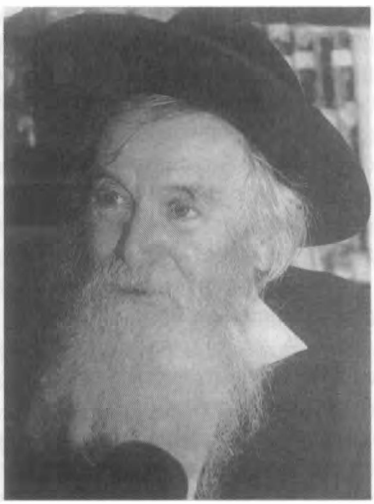
А.Карпинович был прекрасным семьянином, преданным другом и обладал железной выдержкой. Он останется в памяти всех, кто его знал, спокойным, скромным, мудрым, источавшим море обаяния человеком.

Весьма достойно увековечили память любимого писателя виленчане: в Еврейском государственном музее выделен зал с постоянной экспозицией о жизни и творчестве А.Карпиновича.

И так хочется, чтобы труды писателя, отдавшего душу и сердце своему народу, не были забыты в Израиле.

Рав Ицхак Зильбер
Не улыбайтесь, но он был нам как отец

Гидон Бродский (Иерусалим)

Рав Ицхак Зильбер

9 ава 2004 г. не стало рава Ицхака Зильбера. В последнюю дорогу его провожало почти 15 тыс. человек, с трудом проехавших в иерусалимский район Санхедрия Мурхевет. Назавтра, в двух иерусалимских религиозных газетах на главной полосе появились большие статьи, а рядом его фотографии, улыбающегося, такого, каким он остался в памяти людей, тех, кто с ним встречался, кого он поддерживал, кому помогал.

Родившись в 1917 г., Исаак вкусил все прелести первого в мире рабоче-крестьянского государства. Уже в начале новой власти его отец, рав Казани, был направлен за тунеядство на принудительные работы и каждый день должен был собственным многокилометровым ходом добираться до места пешком. Из прежней квартиры семья была изгнана. Основную свою ценность – большую библиотеку рав передал на хранение простой русской женщине, которая в холодную зиму протопила ею большую русскую печь. (Что делать, холод, голод, разруха). Будущий рав Ицхак Зильбер не ходил в советскую школу, а получил домашнее образование и был принят на рабфак без справки об окончании 9 классов. После рабфака он поступает на химический факультет Казанского университета, а впоследствии переходит на математический. Проявив на новом факультете замечательные способности, Исаак Яковлевич становится одним из наиболее близких учеников выдающегося русского математика – академика Чеботарева. О своем учителе рав Зильбер говорил всегда с большой теплотой. Под его руководством он специализировался по

теории Галуа, высшей алгебре и теории чисел. Увлекался одаренный студент и физикой, работая одно время в лаборатории Е.К.Завойского, открывшего эффект парамагнитного резонанса. Университет Исаак закончил в 1941 году и получил направление на работу в школу села Столбищи, близ Казани, где проработал учителем больше года. Он жил в одной комнате с тремя сыновьями квартирной хозяйки. Для того чтобы помолиться, приходилось либо забираться на чердак, либо запираться в школьной лаборатории, либо выходить далеко за пределы села. Из посуды у него имелась только кружка. Не было ни времени, ни возможности готовить себе еду, и питался молодой учитель в основном хлебом и парным молоком. После возвращения в Казань он проработал около 20 лет в различных школах, техникумах и институтах. Женился, на свадьбу удалось пригласить 10 верующих евреев. Накануне свадьбы его арестовали, пытались расшифровать его пометки в записной книжке, на что рав отвечал: «Это я записал свои расходы на бедных».

– А это что за подозрительные сокращения, – продолжали допрашивать его.

– А это комментарии к Талмуду. И рав рассказывает чекистам содержание целого талмудического отрывка со всеми комментариями, которые пережили за многие сотни лет не одно Чека. Урок Торы в застенках. Подобные «необычности» будут сопровождать рава всю жизнь. Воспитанный в традиционной еврейской семье, Ицхак, тогда еще Исаак Яковлевич, старался не нарушать заповеди иудаизма. Его переход с химического факультета на математический отчасти был связан с тем, что давал больше возможностей не нарушать субботу. Книга «Пламя не опалит тебя», написанная равом уже в Израиле, начинается с краткого рассказа о самом себе: *«Материальные условия, в которых жила наша семья, были крайне тяжелыми. Ютились мы в маленькой комнатушке коммунальной квартиры, знали холод и голод. После поступления в Казанский университет я не прекращал своих занятий Торой. Именно в этом возрасте я стал постигать всю глубину Танаха и Талмуда, всю их правду. Мудрость, заключенная в еврействе, приводила меня в восторг. Сухие, казалось бы, законы ритуального убоя скота, правила кашрута, чистоты семейной жизни раскрывали передо мной, как говорится, "врата вечности"... Безупречная точность нашего древнего лунно-солнечного календаря вызывала восхищение. Глубокие знания еврейских мудрецов в области анатомии, физиологии, медицины, изложенные в Талмуде, были для меня неоспоримым свидетельством небесного происхождения Устной и Письменной Торы».*

В годы учительствования для соблюдения традиций приходилось прибегать к разным ухищрениям: то он заранее проставлял оценки ученикам в классный журнал, то брал бюллетень, то перевязывал палец, – лишь бы не работать в субботу.

Не раз близкие друзья-евреи, для которых не было тайной его мировоззрение, говорили: «Почему ты Исаак, не живешь, как все? Зачем тебе все эти мучения? Ведь рано или поздно об этом узнают, тебя лишат диплома и выгонят с работы». Исаак Яковлевич отвечал на это, что если бы знал о еврействе, сколько знают они, – то есть практически ничего, то вместе со всеми удивлялся бы поведению такого человека.

В начале войны его комиссовали по состоянию здоровья, но однажды задержали на казанской улице, приказав явиться в военкомат, отпустив на короткое время домой для сборов. Рав Казани спросил сына, прочел ли он дневную норму Письменной Торы. Услышав, что нет, – сказал: «Сделай это сейчас, ведь там, куда тебя посылают, Торы не будет». В армию его так и не призвали.

Я хотел бы рассказать некую историю, произошедшую с Исааком Яковлевичем в 1951 г., в разгар сталинской антисемитской компании, нареченной «борьбой с космополитизмом». Рав Зильбер вошел в один дом, чтобы возвратить хозяину долг, 5 послевоенных рублей. Увы, там были чекисты, которые арестовывали всех входивших, с целью проверки. Причем, не только арестовывали, но и проводили обыск на их квартирах (времени у милицейской братии было много). И вот следователь обнаруживает в комнате рава Зильбера весьма весомую пачку облигаций «золотого займа». Зная, как рав беден, он спрашивает: *«Кто тебе их дал? Я ведь понимаю, что у тебя не может быть таких денег, а, кроме того, "мы" пристально следим за всеми, кто появляется в местах продажи облигаций "золотого". Скажи мне кто, и я немедленно выписываю тебе пропуск»*, – прельщал следователь. А рав Зильбер не сказал и был посажен в советский лагерь из-за того, что не хотел выдать опричникам другого человека. В лагере рав Зильбер работал какое-то время в паре с уголовником, который однажды начал раскачивать стропила (они работали наверху, стоя на шатких досках). Рав упал и поломал руку, что позволило ему пролежать в лагерной больнице целых три недели. «Я был счастлив, целых три субботы прошло без забот», – рассказывал он потом. Свои страдания он принимал с «пониманием». А основой его самоотверженности была удивительная вера. *«В Торе рассказывается "о минимальной площади" в 2 метра,* – вспоминал впоследствии рав Зильбер. – *Мне хорошо известно, что*

такое эта самая "минимальная площадь". В лагере я работал водоносом, приносил воду для трех тысяч узников. Было страшно холодно, а я был весьма плохо одет и обут, чудом не заболев воспалением легких. Воду я носил бегом, выкраивал минуту, а затем стоя на вышеупомянутой "минимальной площади" – в двухметровой каморке, где лежали старые валенки, учил при свете 40-ватной лампочки Мишну. (Талмуд это комментарии к Мишне). Как я ее достал? А мне вручил ее сам парторг нашего лагеря Вишнев». (Я еще расскажу об этом событии, плохо объяснимом с точки зрения логики). Однажды наступил период, во время которого рава сильно мучил некий заключенный уголовник. Рав рассказывал, что стало невтерпеж. И вот тогда, когда он подумал, что больше не выдержит этих избиений и издевательств, уголовник неожиданно заговорил с ним голосом, полным страха и раскаянья. По его словам, ночью во сне к нему явилась его бабка, строго наказавшая ему не обижать, а защищать рава Зильбера. С уголовниками у рава связано не только печальное. Однажды перед Песах он получил из дома посылку с мацой под кодовым названием «печенье к чаю». Тут уже постаралась его жена, рабанит Гитл. Посредством сложных ухищрений ею было выпечено 24 кг. мацы для узников того лагеря, где находился муж. Мацу она везла на санках, и по дороге ее остановил милиционер и потребовал показать, что за груз она везет. Гитл отказалась. По свистку остановившего ее милиционера пришел второй. Только тогда она сказала: «Печенье к чаю». Для того чтобы убедиться, что это за печенье, достаточно было только приподнять покрытие санок. Но представители казанских органов милиции этого не сделали. Переговорив по-татарски, совершенно неожиданно один из них махнул рабанит рукой и сказал, что она может идти. Так рабанит привезла в лагерь свое «печенье». Хранить мацу необходимо (как и другие пасхальные продукты) в месте чистом от хлеба и хлебных продуктов. Проблема заключалась еще и в том, что уголовники, как правило, эти посылки отбирали. Что делать? В лагере был, естественно, пахан – главарь, которого боялись все. И вот этот самый пахан, оказавшийся евреем, запирает мацу рава, разломанную на небольшие кусочки, в надежную тумбочку со строгим наказом ко всей братии к ней не подходить. Затем рав получает от него 100 рублей на приобретение кошерного провианта. Примечательно, что подобные обстоятельства сопровождали рава на протяжении всей его долгой, почти девяностолетней жизни. Вот еще один поразительный пример. В конце января 1953 г. по лагерю поползли слухи о готовящейся депортации советских евреев в рай-

он Верхоянска, в неотапливаемые бараки. И вот заключённый, которого звали Айзик Миронович, взорвался гневно, сказав раву, что верить надо только в солнце народов, а ты, Исаак, лезешь со своей верой. На это Исаак Яковлевич отвечал «истово верующему чекисту», что Сталин всего лишь из крови и плоти и тоже смертен, и никому не известно, что с ним будет через полчаса. При этом не следует забывать, что сейчас Пурим, а в этом время Создатель спасает евреев в самых сложных ситуациях. Вскоре пришел инженер,

Рав Ицхак Зильбер в кругу семьи

живший «на воле», и принес весть о том, что по радио передали о внезапном резком ухудшении здоровья Сталина и о постигшем его кровоизлиянии. При этом он указал время радиопередачи. Получилось, что она была точно через полчаса после слов рава о том, что может случиться через полчаса. У рава сохранился лагерный сундучок, который он привез с собой в Израиль. Однажды охранники проводили очередной «шмон» среди голодных и оборванных узников. Они отбирали у несчастных сундучки, вытряхивая содержимое на снег. Делалось это ввиду перевода заключенных в другой лагерь. «Ящики эти из лагерного дерева», – кричали вертухаи, – а посему мы их у вас конфискуем» Для рава эта конфискация означала дополнительный срок: на дне сундучка покоились филактерии и книжка «Мишнает», подаренные парторгом лагеря Вишневым.

Когда один из охранников взялся за крышку, начальник охраны вдруг сказал: «У этого не трогать. Ему сундучок из дому прислали». Как-то родители спросили меня, почему рав после еды собирает со скатерти крошки. Я ответил им только одним словом: «Лагерь». Выйдя из заключения, Исаак Яковлевич купил килограмм сахара и сразу съел его.

В лагере с его волчьими законами Исаака Зильбера уважали все. И не только уважали, но и любили. Суметь примирять ненавидящих и быть в их глазах авторитетом, несмотря на то, что «сотрудничаешь» и с «недругами», – может лишь человек, хорошо поработавший над собой и, как следствие этого, несущий высший Свет. С равом можно было проговорить очень долго, он никогда не прибегал к злословию, что является вещью довольно редкой. Свобода, которую получил Исаак Яковлевич была весьма относительна, – он продолжал оставаться под надзором властей и в 1956 г. подал заявление на выезд. После некоторых подач заявлений на выезд в Израиль последовала гневная статья в газете. Это было в январе 1960 г, а затем пришла повестка из отделения государственной безопасности Казани. Посоветовавшись со знакомым прокурором, рав ушел «в бега». Он добрался до Ташкента, был принят на какую-то копеечную работу и получил крохотную, совершенно пустую каморку. В нее приехало семейство рава, которому тайно сообщили о его местонахождении. Известный писатель Эли Люксембург вспоминал, как он и его отец, автор книги «Созвездие Мордехая», тоже жившие в Ташкенте, получили визу от властей для выезда в Израиль. Денег, чтобы рассчитаться с государством и купить билеты, у них не было. И тогда рав Зильбер принес нужную сумму, вызволив их из социалистического рая. В 1972 году он и сам вместе с семьей покидает Советский Союз и репатриируется в Израиль. Семья поселилась в новом, освобожденном в результате Шестидневной войны иерусалимском районе Санхедрия Мурхевет. Рав Ицхак начал преподавать математику в известном учебном центре «Кирьят ха-Ноар». Рабанит Гитл, инженер-электрик по специальности, работала в лаборатории женского семинара в Бейт-Яаков. Рав преподавал также небольшой группе новых репатриантов, знакомя их с иудаизмом. К ним, людям, оторванным от своих корней, рав относился не слишком требовательно.

Звание раввина – «смиху» он получил в 1972 году в США у знаменитого рава Моше Файнштейна, главного «посека» нашего времени. Посек – это выдающийся рав – ученый, принимающий практические решения на основе Галахи (нормативной части иудаизма, регламентирующей религиозную, семейную и гражданскую

жизнь евреев). Долгие годы рав Ицхак преподавал Тору в иешиве «Двар Иерушалаим» и математику в школе для девочек «Бейт Яаков». Обычно занятия в иешиве проходили под открытым небом, в уютном садике. У меня дома висит на стене большое фото в рамке: я сижу рядом с равом под деревом садика рядом с иешивой.

«Уроки рава всегда сопровождались интереснейшими занимательными историями, наполненными юмором и доброй мудростью. Интересно, что в преподавании Торы равом как бы отсутствовала система. Но это было глубоко продуманной и испытанной системой; не оказывая никакого давления на учеников, он привлекал их к себе, приобщая к Торе. Здесь его секрет, – рассказывает Яков Островский. – *С каким бы вопросом ты ни пришел к раву Ицхаку, разговор с ним всегда оставлял ощущение, что проблема не так страшна»*, – вспоминает тот же Яков Островский.

Беседа рава о разведчиках из 4-й книги Торы записана на магнитофонную ленту. *«Как известно, они с корыстными целями оклеветали землю Израиля. Рассказ разведчиков испугал евреев, принесенная ими гигантская гроздь винограда заставила людей поверить в то, что и жители в тех краях огромны и непобедимы. Разведчики вернулись восьмого числа месяца ав. "И плакал народ в ту ночь. И сказал Всевышний: "За то, что плакали вы в эту ночь понапрасну, я заставлю ваши будущие поколения плакать всегда в эту ночь, если вы совершите нечто заслуживающее наказания". Обратимся к историческим фактам. 9 ава войска Вавилона, захватившие Эрец-Исраэль, разрушили и сожгли Первый храм. 9 ава, через 420 лет после возведения Второго храма, он был разрушен и сожжен римлянами. Иосиф Флавий, не зная слов устного предания, записанных впоследствии, поражался этому удивительному совпадению. 9 ава 135 г. н.э. пал оплот повстанцев Бейтар, а Бар-Кохба, возглавивший восстание против Рима, был убит. 9 ава 1290 г. евреев изгоняют из Англии, в тот же день в 1306 г. – из Франции, отобрав все имущество. 9 ава 1492 г. император Фердинанд изгоняет евреев из Испании. 9 ава 1555 г. евреев Рима насильно переселяют в гетто, в квартал рядом с Тибром, изолированный высокой стеной с несколькими воротами. 9 ава 1914 г., с началом Первой мировой войны, разрушился устоявшийся быт еврейских общин Литвы, Латвии, Польши, России, Украины и Австро-Венгрии. До сегодняшнего дня мы отмечаем этот день постом».*

Помню, как рав Ицхак рассказывал, сославшись на книгу великого пророка, о гибели Вавилона. При этом он цитировал как текст книги, так и статьи виднейших археологов, которые полностью подтверждали предсказанную пророком гибель «империи

зла», несмотря на то, что крепостные стены, окружавшие ее столицу, были сорокаметровой толщины.

В первой части книги рава «Беседы о Торе» есть интереснейшее приложение под рубрикой «Чудеса в природе». Я бы хотел привести отрывки из него.

«Все угри из Англии, Испании, Северной и Южной Америк, Африки плывут метать икру в Саргассово море, а их дети, развившиеся из икринок, спокойно, спустя несколько месяцев, возвращаются в исходные пункты. Причем установлено, что потомки угрей возвращаются не только в ту же страну, но и в ту же реку, где обитали их родители; так поступают и африканские, и американские, и европейские угри».

«Самка осы, когда ей предстоит отложить яйцо, выкапывает сначала в почве длинный коридор, с расширенным концом. Потом она отыскивает гусеницу бабочки-сфинкса, парализует ее уколом своего жала и приносит к приготовленной норке. Как надо знать анатомию гусеницы, чтобы укол ее не убил, а только парализовал? Ведь, если гусеница погибнет, она сгниет. Если она будет способна двигаться, то повредит личинку. Оса затаскивает гусеницу в норку, откладывает яйцо и прикрепляет его к гусенице, закрывает вход и никогда больше сюда не возвращается. Когда у нее образуется второе зрелое яйцо, она выкапывает другую норку, находит еще одну гусеницу и повторяет всю процедуру. Из яйца вылупляется личинка, которая питается гусеницей. Но самое интересное, что оса знает, какого пола у нее будет потомство! Для развития самца достаточно одной гусеницы на его питание, а если из яйца вылупится самка, то для ее питания потребуются две гусеницы бабочки-сфинкса. В этом количестве роющая оса никогда не ошибается. Потомство этой осы не имеет никакой связи с родителями. Они не могут "узнать" у них, как рыть коридор (на сколько гусениц), как прикреплять к гусенице яйцо и т.д. Мы, люди, растим своих детей, получаем радость от общения с ними, наблюдая за их развитием. А какие родительские радости известны животным? Ведь роющая оса даже если увидит, то не узнает свое потомство. И, тем не менее, "готовит" для него пищу (гусеницу). Она как бы выполняет чей-то приказ, воплощая заповедь «плодитесь и размножайтесь». Кто мог научить этому насекомое?»

Сколько подобных рассказов поведал нам рав. У него хватало времени на все и на всех. Рассказывает женщина из сефардской общины, дочь которой училась в семидесятые годы в школе «Бейт Яаков»: *«Старший брат Яэль (имя ученицы) был тяжело ранен во время войны Судного дня. Мысли Яэль по этой причине были очень*

далеки от математики, которую преподавал ей рав. Два раза в неделю учитель приходил в нашу семью. Как он умел находить слова, – мы сразу почувствовали в нем близкого человека. И, когда он уходил, всегда щемило сердце. Он рассказывал нам и о своих злоключениях, на фоне которых наши проблемы уменьшались, несмотря на всю боль». А вот свидетельства еще одной семьи из иракской общины: *«Мы тогда очень нуждались. Отец был тяжело ранен на войне. Рав приходил к нам с корзиной, полной всякой всячиной. Приносил продукты для всей семьи. А ведь он сам был новым репатриантом, и дочери его были на выданье. У другого человека мы бы ни за что не взяли. Стыдно бы было. А у него брали, ему невозможно было противостоять. Он стал как бы одним из нашей семьи. Где это видано, чтобы в сегодняшнем мире были такие люди?».*

Особенно внимателен был рав Зильбер к репатриантам из России, волею советской власти потерявшим всякую связь с еврейством. Его усилиями были открыты центры и иешивы для выходцев из СССР «Шамир», «Швут ами», «Шовей гола», а также отделения для русскоязычных репатриантов в иешиве «Ор самеах» и ряде других, где он преподавал Тору. Рав Ицхак давал также домашние уроки Торы в местах, где проживало много репатриантов из России, в частности в иерусалимском районе Неве-Яаков.

Помимо преподавания в школах и иешивах, рав Зильбер много работал за границей, помогал в создании московской иешивы «Торат хаим», организовывал семинары и пасхальные седеры в еврейских общинах. Сейчас многие его ученики возглавляют учебные центры и иешивы для русскоязычных евреев. За границей рав разыскивал мужей, бывшие жены которых нуждались в разводном документе «гете». Вспоминается случай, когда рав попросил в бухгалтерии иешивы свою крошечную зарплату за три месяца вперед. Оказалось, что муж одной женщины, живший за границей, требовал за развод с женой «отступные» в сумме 5000 шекелей. На это и потребовались раву Зильберу деньги, но знать об этом не должен был никто… А однажды рав Зильбер был избит «бывшим мужем», Правда, посмотрев на рава, он тут же раскаялся, слезно прося прощения. Расстались они друзьями, даже «пригубив» за компанию. Однажды рав приехал в Италию, чтобы получить «гет» для жены израильтянина, находившегося в тюрьме за торговлю наркотиками. Сопровождавший его рав Хаим Коэн, начавший молиться, услышал такие слова: *«Хаим, сейчас не время молиться с "расстановкой". Ведь если мы не получим гет, его "бывшая" выйдет второй раз замуж, родит мамзеров… А ты молишься. Кому нужна такая*

молитва?! Быстрее кончай и не задерживайся ни секунды» (из рассказа Хаима Коэна). «Везде, где рав появлялся, оживали вера и желание поддержать» (известный раввин Йоэль Гиварц). У рава Ицика всегда находились нужные слова для общения «и с профессором и с юнцом». Очень часто я ловил себя на мысли, что иногда именно образ рава Зильбера не дал мне совершить то, что совершать было нельзя. В течение двадцати пяти лет я встречался с ним в самых различных ситуациях. Как-то раз рав рассказал мне, что в молодости у него было весьма агрессивное животное начало. А это сложная задача: совершить правильный шаг, «выбрать жизнь», все больше совершенствуя в себе начало нравственное. Огромная вера рава Ицхака помогла ему одержать трудную победу над отрицательными силами.

В последние годы, из-за плохого здоровья, рав питался весьма «условно». Ломтик хлеба, стакан молока. Очень скромная одежда.

Такие, как он приходят в этот мир ради нас, их задача – помочь всем, кто будет им послан. Когда он находил на все это время? Учить, организовывать семинары, возвращая российских евреев к их корням и укрепляя в них чувство самоуважения, заниматься поисками «беглых мужей», устраивать праздники и свадьбы, помогать из своих скромных средств, навещать больных и терпеливо всех выслушивать – лечить души. Как библейский Нахшон, он всегда был первым; не считаясь со временем и средствами, мчался, ехал, летел, чтобы выполнить то, что считал своим человеческим долгом. Его «улыбчивый», «негромкий» героизм никогда не забудется. Ведь он был всего лишь человеком. Вечная ему память на Небе и на Земле.

Книги и статьи рава Зильбера

1) Я принадлежу моему другу. Иерусалим, 1991.
2) Пламя не спалит тебя. Иерусалим, 1984.
3) Беседы о Торе: «Берешит», «Шемот», «Ваикра», «Бамидбар», «Дварим». Иерусалим, 2003.
4) Чтобы ты остался евреем. Иерусалим, 2003.

Вначале было слово... на иврите

В четырех шагах от задуманного

Абрам Соломоник (Иерусалим)

Абрам Соломоник

Это история о невозможности, – по-видимому, невозможности принципиальной, – реализовать какой-то важный замысел до конца. Можно купить все заранее намеченные предметы, выполнить все заданные на сегодня уроки, но очень трудно оформить и выставить на обозрение некую идею как законченный продукт интеллектуальной деятельности. Всегда возникают дополнительные соображения, непредвиденные осложнения и сомнения, так что автор идеи не получает полного удовлетворения от собственного детища, сколько бы он ни бился над его окончательным совершенством. Разочарования неизбежно следовали за каждым периодом активности, которую я проявлял. Таких периодов за время моей жизни в Израиле было четыре. О них и будет идти речь ниже.

Родился я в 1927 году в небольшом городке (он так и называется – Городок) неподалеку от Витебска, но пробыл там всего несколько недель после рождения. Моя мама, давно вылетевшая из родного гнезда, вернулась туда рожать своего первенца. Сразу после родов она, врач-педиатр, уехала к месту очередной работы. Мы разъезжали с ней по городам и весям до 1933 года, пока не перебрались в Ленинград, где и жили до самой ее смерти. Вскоре после маминого ухода, я уехал вместе с семьей в Израиль «на постоянное место жительства», но ранее не раз возвращался к местам, где родился, навещая своих родственников. Они, эти места, памятны мне как осколок ушедшей в прошлое еврейской жизни, которую я больше уже нигде не видел. Впрочем, мне не довелось вкусить от

нее достаточно, чтобы почувствовать всю ее неординарность и прелесть: я оставался полностью ассимилированным в советской действительности октябренком, пионером и комсомольцем до полного возмужания уже после Второй мировой войны, когда мы вернулись в Ленинград из эвакуации.

Если что-то и произвело на меня в жизни сильное и устойчивое впечатление, то это – город на Неве, величественный и прекрасный. В нем я окончил школу, юридический институт, а потом и аспирантуру по своей второй специальности – преподавателя английского языка. Защищался я в Педагогическом институте имени Герцена в довольно солидном возрасте: мне было около сорока лет. Только после защиты диссертации, посвященной наглядности обучения иностранным языкам, я начал активно заниматься наукой, о чем и пойдет речь далее.

В 1966 году, сразу после защиты кандидатской, я поступил по конкурсу на должность старшего научного сотрудника в НИИ Академии педагогических наук, где разрабатывал методику преподавания иностранных языков взрослым. По-моему, я был единственным специалистом такого рода во всей стране. Фронт работы был огромный, и идеи сыпались из меня как из рога изобилия. До 1973 года я опубликовал в своем институте около двадцати печатных работ. Но, как мне теперь ясно, это было только разбегом для качественно иного вступления в науку уже здесь, в Израиле.

Дело в том (это важно для дальнейшего изложения), что в бывшем Советском Союзе занятия наукой предполагали нечто иное (во всяком случае, в той среде, к которой я относился), чем в Израиле, и, полагаю, на Западе вообще. Вместо того чтобы вкладывать усилия в практически применимые разработки, ученые (и псевдоученые в том числе) занимались сочинением плановых статей, заведомо обреченных пылиться на полках. Достаточно было написать заявленные по плану работы и что-либо из этих трудов опубликовать, чтобы круглый год бездельничать и получать крохотную, но постоянную зарплату, на которую худо-бедно можно было существовать. Никого (за исключением одержимых наукой) не интересовала дальнейшая судьба миллионов этих опусов. Более того, выдвижение оригинальной идеи, а тем более ее настойчивое продвижение, вызывали подозрения у руководителей и вели к постоянным неприятностям для таких нетипичных представителей ученого мира. Везде в мире высказывание новых, еще не апробированных идей наталкивается на некоторое сопротивление, и его приходится преодолевать. В Израиле, однако, как я убедился на лич-

ном опыте, сопротивление новому оказалось не столь упорным, как в СССР, а возможностей получить поддержку – несравненно больше. Оглядываясь на свое решение покинуть Союз, считаю, что с этой точки зрения оно было абсолютно верным.

Приехав в Израиль, я стал искать работу и, как ни странно, нашел весьма престижную должность в Министерстве просвещения как раз за счет тех бросовых, как мне казалось, разработок, которые я выполнял в Ленинграде. Израиль – маленькое государство с еще очень короткой историей, в том числе и в подготовке высококвалифицированных кадров в разных областях. Так что в начале 70-х годов у новых жителей страны были шансы устроиться по специальности. Исходя из своего опыта, должен сказать, что процесс притирки новых для страны людей к здешней практике проходил и проходит не гладко, с большими трудностями для обеих сторон, однако обычно завершается благополучно. Я был принят на должность методиста по преподаванию иврита взрослым репатриантам из разных стран в ульпанах (курсов по изучению иврита), сам еще в достаточной мере не зная языка. Это было тяжело как для меня, так и для моего начальства. Только через несколько лет в наших взаимоотношениях установилось относительное равновесие.

Еще во время моих занятий в ульпане я был поражен отсутствием самых необходимых учебных и наглядных пособий, необходимых для эффективного обучения языку. Оставалось надеяться на квалификацию учителей, которые в моем случае оказались на высоте, и на энтузиазм и высокую мотивацию их подопечных. На основе этого опыта я пришел к выводу о необходимости создания пособий, позволяющих репатриантам быстрее и лучше изучить язык. Когда мой иврит достиг уровня «молочно-восковой спелости», я решил составить грамматику для русскоговорящих учащихся. Эта работа оказалась для меня весьма удачным стартом, став фундаментом для многих последующих разработок. Одновременно я занимался методикой преподавания иврита в ульпанах различного плана и, кажется, весьма удачно: написал множество пособий и методических записок для учителей и инспекторов, занятых организацией обучения взрослых в этом типе учебных заведений. Мне очень помогало то обстоятельство, что я сам только что прошел тот же маршрут и знал, что надо, а чего не надо делать.

Так в моей жизни начался период занятий методологией обучения языку взрослых в ульпанах. Я очень скоро обнаружил, что методология обучения языкам в Израиле была иной, нежели в Союзе. Там можно было быть отличным методистом, не зная в

полной мере преподаваемый язык. Более того, такое положение вполне устраивало советскую власть, которая не заботилась о том, чтобы граждане страны владели иностранными языками. Ей больше требовалось пассивное знание языков. Умение читать специальные тексты ценилось превыше всего, а вот возможность общаться с иностранцами на их языках вызывала подозрение. Лишь собственная инициатива и способности давали человеку шанс овладеть вторым, третьим и т.д. языками.

В Израиле же более всего нужны были именно навыки активного разговора, чтения и письма. Как уложить все это в минимальный пятимесячный срок обучения взрослых в ульпанах, представляло и представляет до сих пор почти неразрешимую задачу. Дополнительными проблемами были крайне большой разброс в возрасте учащихся, их сложившиеся профессиональные и личностные характеристики и другие факторы. Так что дел мне хватало. Расскажу о двух направлениях моей работы, первое из которых так ничем и не завершилось, а второе – принесло желаемые результаты.

Одно время я носился с мыслью внедрить во все существующие ульпаны методы работы, принятые в университетах. В Израиле при каждом университете существует подготовительное отделение для студентов-иммигрантов, прибывших в страну без знания иврита, и его там преподают значительно лучше, чем в ульпанах обычных. Там более основательно подготовлены учителя, есть специальные учебники, созданы аудиовизуальные и иные учебные пособия. Но самое главное – при университетах совершенно иначе организован сам процесс обучения. В то время как в обычных ульпанах один и тот же учитель ведет полный курс иврита от начала до конца, в университетских ульпанах этот курс разбивается на подразделы: отдельно преподается базовый курс, отдельно – чтение на иврите, иногда – грамматика и письмо. У меня не было иллюзий, будто в условиях обычного ульпана удастся организовать такое же разделение учительского труда, но обеспечить двух учителей для одного потока мне казалось возможным. Например, один из них (он же классный руководитель) вел бы базовый курс, а второй – грамматику или письмо.

Несколько раз я организовывал эксперименты такого плана в разных учебных заведениях. Преимущества подобного рода обучения казались мне неоспоримыми: учащиеся получали бы две опоры вместо одной в своих усилиях одолеть новый язык, слышали бы два варианта произношения; они, наконец, могли бы опробовать раз-

ные подходы для овладения ивритом. Но в конце эксперимента я каждый раз оказывался у разбитого корыта. Хотя и учащиеся, и учителя отзывались об эксперименте весьма положительно, нововведение не закрепилось. Причина неудачи очевидна: оба учителя должны были каждый день координировать свои усилия, тратя немало времени, чтобы не оказаться в положении, когда один преподает одно, а второй – совершенно иное. Эти часы не оплачивались, у государства всегда не хватало денег для достойных зарплат учителям, обремененных семьями и бытовыми заботами.

Второй случай, о котором я хочу рассказать, связан с репатриацией из Эфиопии. Когда в начале 80-х годов она приняла массовый характер, мы в Министерстве просвещения были в панике, – ведь всех новоприбывших надо было обучить ивриту. А как это сделать, никто не знал; новые граждане были в большинстве своем безграмотными и не только не знали иностранных языков, но и на своем родном не могли ни писать, ни читать. Пытаясь как-то подготовиться к предстоящему испытанию, я попросил отпуск, чтобы поехать в какой-либо ульпан и попытаться преподавать иврит евреям Эфиопии. Такое разрешение я получил. Этот период оказался для меня одним из самых интересных в жизни. Я по природе своей – учитель: люблю объяснять, обучать; много лет работал обычным учителем английского языка в ряде ленинградских средних школ. Но никогда и нигде я не чувствовал такой отдачи, как тогда, в ульпане Кирьят-Гата. Было ощущение, что у меня в руках глина, которая легко поддается моим усилиям и принимает те формы, которые я хочу ей придать.

Некоторые учащиеся (молодые, по преимуществу) продвигались вперед семимильными шагами, некоторые топтались на месте с точки зрения овладения языком, но все же заметно прогрессировали в понимании моих требований и указаний. Словом, за два месяца в ульпане я получил более или менее адекватное представление о том, с кем нам предстоит работать. Возникло немало интересных проектов, которые впоследствии удалось воплотить в жизнь; родилась идея специальной подготовки учителей для преподавания в классах, укомплектованных выходцами из Эфиопии. Разумеется, не я один был занят этой лихорадочной деятельностью, в нее были вовлечены многие учителя и методисты, но мы все-таки добились в этом случае значительных успехов. Большинство семей евреев из Эфиопии, живущих сейчас в Израиле, овладели ивритом и сделали его своим основным языком общения.

В конце концов, я сосредоточился на использовании средств наглядности в ульпанах. В период моей собственной учебы в 1974 году их не было вовсе. В последние годы работы в Министерстве просвещения я разработал проект оснащения ульпанов лингвистическими лабораториями – опорными центрами, минимально обеспеченными техническими средствами (для большего не хватало ни денег, ни специалистов). Лабораторию должен был обслуживать один человек, непременно учитель, знакомый с преподаванием языка в ульпане и с контингентом обучаемых. Ему следовало работать с магнитофонами и проекторами, обеспечить их наглядным материалом и языковыми упражнениями, хранить все это в должном порядке и выдавать учителю по первому требованию. Класс по расписанию приходил в лабораторию на двойной урок во главе со своим педагогом. Учащиеся прослушивали записанные на ленту тексты, работали с ними устно и выполняли письменные задания, возвращались к ним по отдельности или в группе – в самой лаборатории или же позднее в классе. Навыки понимания устной речи на иврите и ее воспроизведение легко усваивались уже через несколько уроков.

Ответственный за лабораторию составлял списки учащихся для самостоятельных занятий, знакомил учителей с методами работы в лаборатории и имеющимися в ней материалами. Словом, эта была новая страница в жизни ульпанов, введение которой стало самым важным моим достижением в тот период. К моменту моего ухода на пенсию уже 35 ульпанов имели такие мини-лаборатории. Интересовался я и другими сторонами методологии изучения иврита. Венцом проделанной работы оказалась книга для учителей, написанная на иврите, – «Главные понятия в обучении дополнительному языку». В ней поднимались все важные для учителей ульпанов вопросы, обсуждались спорные и животрепещущие проблемы, обобщался опыт многих стран по обучению взрослых новым для них языкам.

К этому времени я уже достаточно поднаторел в своих методических штудиях: много читал, участвовал в симпозиумах и конференциях по разным профессиональным темам, интересным для меня, сам делал на них сообщения. Занимаясь научной деятельностью, я обнаружил у себя любопытную особенность: самый незначительный вопрос интересовал меня лишь в рамках более общего и расширенного контекста. Только тогда, когда мне представлялась вся конструкция в целом, я начинал рассматривать этот вопрос со всех сторон. Тогда я шел дальше и глубже, выясняя все его аспекты

в рамках данной области знаний. Так было и в этом случае: после накопления достаточного количества конкретных фактов я задумался над тем, чем отличается обучение ивриту евреев в Израиле от преподавания иностранных языков в Союзе.

Кажется, именно тогда я сделал шаг за пределы мне доступного. Дело в том, что такая постановка вопроса затрагивала самые основы нашей науки. В профессиональной литературе по методике обучения иностранным языкам существует сложившийся и повсеместно распространенный взгляд, согласно которому на свете есть только два вида такого обучения: *обучение иностранным языкам* и *обучение второму языку*. Первый из них распространяется на тех, кто хочет изучить любой не известный ему язык. Это понятие включает в себя и обязательные занятия в школе любым языком, кроме родного. Все, чем занимаются ребята в обычных школах при изучении языков, не являющихся для них родным, подпадает под такое определение. Для этого хорошо изученного процесса созданы теоретическая база, методология, учебники и учебные пособия, готовятся учителя и другие специалисты.

После Второй мировой войны, в связи с массовой миграцией населения выяснилось, что внутри исторически сложившихся национальных территорий появились иноязычные анклавы, жители которых не говорили на языке титульной нации, но жили и работали там на постоянной основе. Процесс овладения ими языком местного населения стал обозначаться как *овладение вторым* (на самом деле он мог быть третьим, четвертым и т.д.) *языком,* что принципиально отличалось как по своему содержанию, так и по мотивации учащихся от знакомого всем процесса изучения иностранного языка. Значительно повышался удельный вес страноведческой, религиозной и культуроведческой составляющих, усиленно изучалась идиоматика. Словом, все согласились, что этот вид обучения должен отличаться от принятого до сих пор. Появились соответствующие теоретические и практические разработки новых методов преподавания.

Мне показалось, что вопрос об овладении ивритом евреями из разных стран не вписывается в рамки общепринятых канонов, ибо здесь речь идет о возвращении некогда единого народа к своим истокам, обычаям и традициям – к своим корням. В этом случае еще больше увеличивается объем культурного и исторического пластов языка, а главное состоит в том, что при таком подходе мы апеллируем к самым глубинным национальным устремлениям людей, решившихся репатриироваться в новую для них страну и изучить ее

язык. Именно при таком подходе мы можем добиться от учащихся полного погружения в иврит и максимально быстрого его освоения. Самые упорные среди них, те, кто не останавливается в попытках выучить новый язык и в конце концов непременно добивается этого, – люди религиозные, считающие иврит святым языком, данным им Богом. Они практически не задаются вопросом, изучать его или нет, а если да, то до определенных пределов или всю свою дальнейшую жизнь. Это – как дышать воздухом, поэтому они всегда преуспевают в овладении ивритом. У светских учащихся мотивация для длительного и иногда мучительного овладения новым средством общения, как правило, не столь сильна. При предложенном мною подходе мы значительно ее усиливаем.

Я обозначил этот процесс как принципиально новый в учебной практике и назвал его *изучением языка своего народа*. Мне казалось, что данное понятие можно применить не только к изучению иврита евреями, но и к любому случаю возрождения языка и приобщения к нему представителей того народа, который занят его возрождением. Таких случаев в мире предостаточно – вспомним хотя бы появление новогреческого на базе древнегреческого после освобождения Греции от турецкого ига, а также возрождение норвежского языка после разрыва Норвегией унии с Данией. Еще и сейчас возрождаются валлийский, ирландский и ряд других языков, а люди, изучающие их в рамках второго языка, могут быть охарактеризованы как *изучающие язык своего народа*.

Я носился с этой идеей много лет: докладывал ее на лингвистических форумах, внедрял в свою практическую деятельность (все мои словари выходят с подзаголовком «Язык народа»). Все внимательно слушали, сочувственно качали головами, восклицали: «Какая прекрасная мысль!», – но дальше этого дело не шло. Правда, сейчас уже не услышишь определения, что изучение евреями иврита это изучение иностранного языка, но зато бытует формула, что это – изучение второго языка. Я же ратовал за совершенно иную формулировку. В чем тут дело – в инерции ли мышления, недостаточной распространенности самой идеи, либо в ее неадекватной разработке автором, мне трудно судить. Вероятно, во всем понемногу. Но это был первый случай, когда я не смог преодолеть слишком высоко поставленную планку, и неудача оставила в душе неприятный осадок.

Второй период моей творческой активности начался после выхода на пенсию в 1994 году. Его без преувеличения можно назвать лексикографическим, так как я занимался преимущественно со-

ставлением словарей – их вышло семь – и редактурой трех словарей профессиональной лексики, составленных другими. Разумеется, речь идет о словарях, связанных с изучением иврита.

Моя первая встреча с ивритской лексикографией состоялась раньше, еще в начале 80-х годов. Пришел ко мне владелец небольшого издательства Михаил Кляйнбарт, сам по специальности филолог, и сказал, что намерен заняться составлением иврит-русского и русско-ивритского словарей под одной обложкой, поскольку ожидалась большая волна репатриации из Советского Союза, а положение со словарями было просто катастрофическое. Кляйнбарт предложил мне сотрудничество в этой работе. В оценке ситуации он был прав, но я тогда не имел никакого опыта и боялся начинать новое предприятие. «Ничего, – сказал Михаил, – не боги горшки обжигают». С этого все и началось.

Словарь вскоре вышел и сразу завоевал рынок; не знаю, в какой мере в том была заслуга авторов, но в тот момент в этой сфере не издавалось ничего серьезного. Уже потом словари стали выходить один за другим, а тогда… С Кляйнбартом мне довелось работать и дальше, мы составили иврит-русский словарь педагогической лексики. Так я приобрел опыт и имя в иврит-русской лексикографии, несколько раз ездил за рубеж на разного рода конгрессы, делал там доклады, стал членом Европейского лексикографического общества и почувствовал себя зрелым словарных дел мастером.

Все это здорово мне пригодилось, когда после выхода на пенсию меня пригласили работать в организацию «Мила». Ее создали для обучения ивриту людей, которым не нравились существовавшие в стране методы преподавания. При ней был свой ульпан с нетрадиционными методическими подходами и издательство для выпуска необходимой учебной литературы. Мы выпускали, в основном, словари, как обычной, так и необычной направленности. Первым был подготовлен иврит-русский словарь, основанный на глагольных корнях. Это была революционная работа для традиционной лексикографии вообще, и я горжусь ею как самым значимым своим достижением в тот период. Дело в том, что в семитских языках основа словообразования – глагольный корень. Другие корни в расчет не принимаются. Еще в VI-VII вв. появились первые грамматики иврита, которые строились на отыскании трехбуквенного корня в глаголах, на основе чего объясняли все остальное. Это один из возможных способов построить грамматику языка, просто он не принят для иных языков, кроме семитских.

Я был составителем словаря и отвечал за все примененные в нем новации. Мы выделили 1640 глагольных корней, инициировавших огромное большинство действующих сегодня глаголов. Корни ставились во главе словарных статей и шли один за другим в алфавитном порядке. Из корня выводились глаголы в том 'биньяне' (глагольной форме), который принят для них в современном языке. Рядом с каждым глаголом помещалось в скобках число, обозначавшее номер таблицы, приводившейся в конце книги и дававшей полное описание всех форм его парадигмы (спряжение в настоящем, прошедшем и будущем временах, в повелительном наклонении и инфинитив). Так что пользователю не надо было догадываться, какой будет та или иная форма глагола в одной из этих категорий; он мог ее увидеть. Это было главным нововведением, ведь в обычном словаре дается лишь одна исходная форма глагола, максимум еще одна или две. Мы же нашли способ дать все возможные формы любого из приведенных глаголов (их оказалось несколько тысяч). Для этого пришлось сочинить 158 таблиц, включавших все глаголы в словаре. Если все же оставались такие глаголы, которые выбивались из рамок, рядом с ними давались разъяснения, чем они отличаются от образца в таблице.

Вместе с глаголами из корня выводились и другие части речи того же семейства – существительные, прилагательные и прочие. Все они переводились на русский и английский языки. Таким образом, мы обработали огромный пласт современной ивритской лексики. Пользователь видел сконцентрированные в одном месте разнообразные семантические поля, образованные по одним и тем же моделям однокоренными словами. Регулярно пользуясь словарем и привыкая к одинаковым словообразовательным моделям, он входил в самую гущу языка и постепенно овладевал им. Все это определило характер словаря: из простого собрания слов он становился еще и учебным пособием для постоянного совершенствования в изучаемом языке, своего рода «учебным словарем». Это направление стало для нас решающим; все наши следующие словари составили серию «учебных словарей».

Выпустив словарь и получив положительные на него отклики, мы стали развивать успех. Сначала сделали вариант этого же словаря на английском языке – «Корневой иврит-английский словарь». В его выпуске принимал активное участие Давид Морисон, американский еврей, спонсировавший организацию «Мила», включая и издательство при ней. Обнаружив незаурядный лингвистический талант, он переводил ивритскую часть всех наших словарей на анг-

лийский язык. Наши первые словари мы обозначили словом *Маскилон*, так же стала называться вся серия учебных пособий, выпущенная нами в свет: *Маскилон-I, Маскилон-II* и т.д. *Маскилон* – неологизм в иврите: слово *маскиль* означает «образованный человек», а *маскилон* – пособие для такого человека. Этим словом мы хотели подчеркнуть, что наш словарь необычен, что он предназначен для людей с особой мотивацией в занятиях языком, для тех, кто хочет проникнуть в самую глубину его. Это же обстоятельство подчеркивалось и постоянным нашим *слоганом* на обложке: «Язык народа», – о значении которого я писал выше.

В конечном счете, за семь-восемь лет нам удалось выпустить в свет две серии *Маскилонов*: иврит-русскую и иврит-английскую. В первой были три книги – корневой словарь, грамматика иврита с упражнениями и пояснениями на русском языке и учебный иврит-русский (и обратный русско-ивритский) словарь. Во второй – четыре: вместо общего иврит-английского (англо-ивритского) словаря мы издали их в двух отдельных томах. Так они сейчас и продаются сериями и порознь, как в обычных, так и в интернетовских книжных магазинах. Так что в итоге получился целый набор учебных пособий, который позволяет учащимся овладевать новым языком не только по учебнику.

В то же время нам удалось выпустить и три словаря профессиональной лексики, незнание которой препятствует нормальному вхождению специалистов в языковую среду в своей области. Эта проблема до сих пор остается актуальной в ивритской лексикографии. Даже одна и та же профессия требует множества лексикографических разработок, а сколько таких профессий вообще не имеют словарного обеспечения!

Дело в том, что составление профессиональных словарей связано с определенными трудностями. Прежде всего, нужно хорошо знать специфический слой лексики, который нигде четко не зафиксирован. Автор постоянно должен выбирать между нормативной лексикой письменных текстов и расхожими, но ненормативными названиями тех же самых реалий, бытующими на практике. Зачастую используются термины, заимствованные из иностранных языков и прибывшие из других мест вместе с тем, что они обозначают. Более того, один и тот же предмет может называться по-разному в разных частях страны.

Есть еще одна специфическая для таких словарей трудность. Возьмите, для примера, ботаническую лексику. Любое растение, кустарник или дерево в одной стране выглядит иначе, нежели в

стране с иными климатическими условиями. Так, в Израиле сосны больше похожи на кусты, чем на огромные строевые деревья в России. А как объяснить израильтянину, что такое ель, когда он ее по-настоящему и в глаза не видел? Есть у растений и более тонкие различия, как морфологического, так и чисто визуального плана.

Поэтому в профессиональных словарях приходится вводить язык-посредник, который объединял бы одни и те же понятия для предметов, различающихся в силу климатического разнообразия. Обычно таким посредником служит английский язык ввиду своего особого статуса в современном мире и развитой национальной лексикографии. А в ботанических словарях и словарях названий животных посредником является латынь, на которой были сделаны первичные классификации живых организмов в мировом масштабе. Надо отметить, что во всех трех профессиональных словарях, выпущенных издательством «Мила», был применен язык-посредник.

Ни один профессиональный словарь не окупает себя в коммерческом плане. На его подготовку уходят минимум два-три года, издание стоит дорого, а расходится он, за редким исключением, только в нескольких сотнях экземпляров. Поэтому авторы, а особенно издатели, не рвутся участвовать в выпуске в свет таких словарей. Заранее известно, что эта работа требует спонсорского участия. В нашем случае, на пике активной работы издательства «Мила», такая поддержка была. Через газету «Вести» я обратился к репатриантам из России, специалистам разного профиля (дело было в середине 90-х), и предложил тем, у кого были наборы слов по своей специальности, оформить их с нашей помощью в виде словарей. Мы обещали им помочь в лексикографическом оформлении словаря, составлении его электронной версии и финансировании его издания. Было много откликов, из них были отобраны три предложения. Не буду подробно рассказывать о хождениях по мукам как авторов, так и издателей, но три словаря появились в печатном виде. Все они были иврит-русскими и предназначались для большой алии из России: «Словарь деловой лексики» Б.Магида, «Ботанический словарь» Е.Бандес и «Словарь-справочник машиностроителя» А.Цвияка.

Основная сложность в работе над первым из них, составленным специалистом по экономике и финансам, приехавшим из Ленинграда, была в том, что почти все деловые термины в России понимались не так, как в Израиле. Автор поставил целью не только и не столько отбор терминологии, но и ее объяснение, релевантное для новых условий. Именно объяснению каждого термина отводи-

лось центральное место почти в каждой словарной статье. Он блестяще справился со своей задачей; словарь не только предоставлял пользователям подходящий ивритский термин, но и превратился в своего рода учебник по разъяснению всех экономических понятий в словаре. А.Цвияк тоже создал некий гибрид между собственно словарем и справочником по машиностроению, что и было отражено в названии книги. Особенно ценными в ней оказались сравнительные таблицы стандартов в машиностроении, принятые в бывшем Союзе и в Израиле (переводы из сантиметрового масштаба в дюймы и другие подобные соотношения). Е.Бандес создала небольшой, но очень «уютный» для пользователей словарь, полезный как профессионалам, так и любителям-садоводам и тем, кто разводит цветы дома. Мне часто приходилось выслушивать слова благодарности от незнакомых людей за выпуск этих книг, слова, которые в принципе должны были быть адресованы их авторам. Три словаря заняли почетное место среди немногочисленных других работ этого направления, но предприятие это требует дальнейших усилий, тем более что в последние годы оно почти заглохло.

Занятый практической работой по выпуску словарей, я продолжал и теоретические занятия в области лексикографии. Как уже отмечалось выше, мне довелось выступать на специальных международных форумах с докладами, посвященными все более и более общим лексикографическим проблемам. Как всегда, добравшись до вершины пирамиды, я пришел к выводу, что книги, которые мы издаем, называя их словарями, на деле таковыми не являются. Само название «словарь» определяет жанр предполагаемой продукции, ведь это – «собрание слов». То же самое вытекает и из иностранных названий, определяющих тип публикации: «wörterbuch», «słovnik», «dictionary» и т.д. Так оно и было до самого последнего времени. Посмотрите любые словари до начала двадцатого столетия, и вы увидите большее или меньшее собрание слов, объяснявшихся тем или иным способом. Это относилось как к одноязычным, так и к многоязычным словарям.

Но наука не стоит на месте. В середине девятнадцатого века языкознание начало активно разрабатывать языковые единицы, меньшие, чем слова, и выяснилось, что они (корень, аффикс, окончание) тоже имеют значение. Это могло быть значением полного слова, если корень по форме совпадал с полным словом; это могло быть отвлеченным значением приставки или суффикса (например, русского суффикса «оч» – нечто маленькое, как в слове «девочка»), грамматическим значением (как в английском окончании «s» – со

значением множественного числа существительных или третьего лица настоящего времени глаголов). Такой подход вскоре повлиял на содержание словарей. Во-первых, их составители стали включать в них чистые морфемы (префиксы, суффиксы и даже окончания), указывая, что они обозначали. Во-вторых, заглавное слово словарной статьи они начали маркировать по-новому. Они подавали его не только как самостоятельную и независимую словарную единицу, требующую объяснения, но и как заготовку для всех возможных его форм в соответствующей парадигме. Такая подача имеет значительные преимущества перед простым воспроизведением слова. Мало того, что само слово появляется в словаре, оно еще и разбивается на значимые части, – а это дает представление о его словообразовательных возможностях. Постепенно во многих национальных лексикографиях именно такая подача слов стала наиболее распространенной.

Возникает естественный вопрос: можно ли по-прежнему относиться к словарю как к простому собранию слов? Не следует ли переименовать или, по крайней мере, переосмыслить наш жанр? Выступив с этим предложением на съезде лексикографов, я говорил о том, что заглавная часть словарной статьи должна оставаться в виде слова только там, где она не может быть разбита на составляющие ее морфемы. В противном случае она должна появляться в виде комбинации: слово-морфема либо как набор морфем в составе рассматриваемого слова. И опять та же реакция, что и при первом моем поражении. Глубокомысленные покачивания головой, одобрительные похлопывания по плечу и… ничего больше. Снова, казалось бы, здравая и плодотворная идея повисла в воздухе, и снова горечь неудачи.

Следующая история связана с изложенным выше. Я уже упоминал о том, что, по моему мнению, изучение иврита евреями не укладывается в рамки принятых методических конструкций, что оно должно быть обозначено как «изучение языка своего народа». Проблема эта в ином ракурсе связана с проблемой возрождения языков. Мы справедливо гордимся возрождением древнего иврита на новой историко-культурологической основе, но иногда забываем, что это не единственное в мире возрождение языка. Выше уже приводились примеры возрождения иных языков; возрожденных и возрождаемых языков наберется весьма много. Каждый случай такого рода уникален по своим характеристикам, но есть в них и общие черты, связанные с появлением на свет огромного корпуса знаков, составляющих языковую систему. Эти общие характери-

стики должны изучаться (и они изучаются, хотя и не в систематическом плане) лингвистами в разных странах. Решил подключиться к этому делу и я.

Начитавшись специальной литературы о возрождении иврита (а ее предостаточно), я поехал в Уэллс, чтобы изучить на месте процесс возрождения валлийского языка. Воспользовавшись предстоящим мне 'шабатоном' (продолжительным отпуском для повышения квалификации на заранее накопленные деньги) я отправился в Кардиффский университет. Там я начал заниматься валлийским в ульпане (так местные жители назвали учебные заведения для преподавания валлийского языка взрослым учащимся) и на месте изучал, насколько в Уэллсе продвинулись в возрождении языка. Оказалось, что процесс возрождения языков имеет много общего для любых конкретных случаев, что он управляем и во многом зависит от воли и желаний самих обучаемых. Здесь-то и сказывается мотивация тех, кто возвращается к истокам своего народа, его культуры и языка. Начав возрождение языка примерно в то же время, что и мы (80-е гг. XIX века), валлийцы все же изрядно от нас отстали. Организовав детские сады и средние школы на своем языке, они остановились на пороге высшей школы и не рискнули перевести язык преподавания в вузах (а следовательно и в науке) на вновь возрождаемый валлийский. Такое нежелание мотивировалось недостатком специальной лексики, а также хорошо подготовленных преподавателей. А родители не желали отдавать своих чад в вузы, где те получат высшее образование на языке, который впоследствии только помешает им применить свои знания на практике.

Если вы не знаете, то мы в Израиле тоже столкнулись с подобной проблемой. Когда в ишуве организовывался Технион[1], встал вопрос о языке преподавания в нем. Тогда организаторы планировали преподавание на немецком языке, языке передовой тогда европейской культуры. Но будущие студенты, выпускники ивритских школ, воспротивились этому. Они требовали вести преподавание в новом вузе на иврите. Разразилась языковая война, которая потрясала ишув два года, пока правление нового вуза не сдалось и не объявило, что будущим языком обучения в вузе будет иврит. Это был поворотный пункт в деле полной победы иврита на пути

[1] Здание Техниона (Хайфского политехнического института) было заложено в 1912 году, но, в связи с разразившейся Первой мировой войной и «языковым конфликтом», открытие учебного заведения состоялось лишь в декабре 1924 года.

своего возрождения – проникновение его на самую высокую ступеньку языкового развития.

Ни в Уэллсе, ни в Ирландии указанный порог преодолен не был, и основным языком преподавания в вузах там остается английский. В остальном процесс возрождения языка в этих странах происходит планомерно и, я бы сказал, интересно, с многочисленными нюансами, которыми и нам бы не мешало воспользоваться. Когда я вернулся домой, я стал писать об этих нюансах, всячески пропагандируя их редупликацию на израильской почве. Более того, я решил организовать конгресс для лингвистов тех стран, где происходило и происходит возрождение языков. Я пробивал эту идею пять лет, пока Министерство просвещения не согласилось финансировать проект. В октябре 1990 года в окрестностях Иерусалима собрались ученые из 17 стран; они представили доклады о возрождении языков в своих странах.

Конгресс этот вызвал живейший отклик внутри Израиля, но, к сожалению, не имел продолжения. А ведь проблема эта актуальна и сейчас, особенно на постсоветском пространстве, где десятки лет Россия сдерживала нормальное развитие местных национальных языков, подсовывая вместо них русский язык – «старшего брата». Я потом выступал на Украине с докладом о проблемах языкового возрождения, доходили слухи о заинтересованности Казахстана, но дальше этого дело не пошло; оно везде было отдано на самотек. А жаль!

Наконец, четвертое искушение, которое я переживаю сейчас. Оно называется *семиотикой.* Семиотика по прямому своему назначению должна быть *наукой о знаках и о знаковых системах.* Живя в Ленинграде и работая методистом по преподаванию иностранных языков, я заинтересовался сведéнием всех методов обучения в единую иерархическую схему. Почему мы используем именно такие, а не другие методы на определенном этапе учебного процесса? Как изменяются методы обучения по мере все большего вживания в учебный материал? Над этими и подобными им вопросами я размышлял постоянно. Еще в Союзе, в так и не увидевшей свет монографии о наглядных пособиях в преподавании иностранных языков, я попробовал изложить свои мысли более или менее последовательно. Затем наступил длительный перерыв, связанный с репатриацией.

Только в середине 80-х годов я возобновил занятия семиотикой, теперь уже на базе моих новых лингвистических интересов.

Мне захотелось попытаться представить язык как систему знаков, ведь любое слово это знак, за которым стоит что-то им обозначаемое. Об этой своей работе я писал в статье, помещенной в четвертом томе данного издания[2]. С тех пор вышли в свет пять моих книг, посвященных семиотическим выкладкам, и множество статей того же плана.

Существуют два типа окружающей нас реальности: *онтологическая* и *семиотическая*. Онтологическая реальность дана нам изначально в ощущениях.

Сумма всех знаков и знаковых систем, результат индивидуального и коллективного изучения онтологической реальности, составляет *реальность семиотическую*. Она хранится в сознании каждого члена человеческого сообщества, а также в виде научных разработок. Семиотическая реальность и должна, по моему мнению, составлять предмет семиотики как науки. Ни машины, ни растения, ни животные не могут создавать семиотическую реальность, она – результат разумного человеческого труда. Только человек может сознательно создавать новые знаки и наделять уже имеющиеся вещи знаковыми свойствами.

Различные науки работают каждая по своим методам, но результаты непременно фиксируются в знаках.

Методы науки, однако, напрямую зависят от ее содержания, а содержание семиотики (с этим соглашаются все, кто занимается данным вопросом) составляют знаки и их системы. И здесь вступают в силу высказанные ранее соображения: знаками мы можем признать только то, что намеренно и сознательно выделяется исследователями для обозначения чего-то другого. Автоматическое наделение свойствами знака чего-то, что по законам природы просто следует одно за другим, является неправильным. Скажем, утро неизменно следует за ночью, но это не значит, что без специального акцентирования этого факта в мозгу человека утро выступает как *знак* завершения ночи. Так происходит только тогда, когда мы сознательно наделяем его таким свойством. В противном случае утро *только наступает, происходит, но ничего не обозначает*. Только сознательная и целенаправленная деятельность людей обращает существующие предметы и явления в знаки. Эти знаки объединяются в системы, действующие по правилам, которые мы же и создаем. Более того, вскоре человеку становится недостаточным

---

[2] *Соломоник А.* Семиотический подход к лингвистике // *ЕВКРЗ*. Т.4. Иерусалим, 1995. С.173-184.

производить знаки из уже существующих в природе вещей, и он начинает создавать знаки искусственно. В настоящее время имеется гораздо больше искусственно созданных знаков, чем взятых в готовом виде – все иконы (образы), слова и числа являются таковыми. У меня появляется абсолютно новая классификация существующих в обращении знаков и знаковых систем. Частично об этом я уже писал в работе, помещенной в данной серии (Т.4), на которую ссылался выше.

К сожалению, в сегодняшней семиотической практике все это – еще не признанное новаторство. Нет того, что Т.Кун в своей блистательной книге назвал общей научной парадигмой, – необходимого условия для занятия нормальной и зрелой наукой в современных условиях разделения научного труда по четким границам и в соответствии с предварительной договоренностью в отношении того, что именно изучает данная область науки и какими способами[3].

Вот это все я и хочу изменить, наделив семиотику «лица не общим выраженьем». Едва ли мне это удастся – не по Сеньке шапка. Однако грех не попытаться, иначе я снова остановлюсь в шаге от намеченной цели.

---

[3] *Кун Т.* Структура научных революций. Изд-во «АС». М., 2001.

Иврит – моя любовь

Барух Подольский (Тель-Авив)

Барух Подольский (2004)

Каждый из нас, российских евреев, шел к Израилю своим путем. Мой путь начался с детства.

Мои родители, учителя средней школы в Москве, были большими любителями еврейской культуры. Мама закончила еврейский педагогический техникум и, отработав несколько лет в школе преподавателем языка идиш, поступила, а затем успешно закончила в 1938 г. Московский пединститут, отделение языка и литературы идиш. Начала учиться в аспирантуре, намереваясь писать диссертацию по языку идиш. Увы, в том же году это отделение было закрыто, равно как и школы на идиш, – один из шагов по ликвидации еврейской культуры в СССР. Она вынуждена была перейти на преподавание русского языка и литературы, которые также отлично знала.

Отец работал учителем истории. Он очень неплохо знал еврейскую историю и часто рассказывал мне эпизоды из ТАНАХа, целые главы из «Истории евреев» Дубнова. Оба много читали на идиш, и для них было естественно передавать ребенку какие-то сведения о нашей культуре.

Мама научила меня в десять лет читать на идиш. Хотя языка я тогда почти не знал, тем не менее, я охотно брал в руки книжки Шолом-Алейхема и пытался в них разобраться. Времена для этого были не самые благоприятные: антисемитизм разгуливал по России при активной поддержке властей. В газетах появлялись фельетоны о «Пине из Жмеринки», со скандалами раскрывались псевдонимы (но только евреев; тот факт, что Ленин, Сталин, Горький пользовались псевдонимами и даже превратили их в свои фамилии, не упоминался). Были евреи, которые стеснялись своей

национальности. Я же, напротив, выходил во двор с еврейской книжкой в руках и читал ее на глазах у всех.

Несколько позже отец, пользуясь оставшимся от бабушки молитвенником, научил меня читать на иврите. Он не был верующим человеком; но допустить, чтобы его сын совсем не знал еврейскую историю, еврейскую культуру, не мог. А иврит – это древний язык, которым пользовались не только наши отдаленные предки. На протяжении веков на иврите евреи молились, читали Танах, вели деловые записи, а в XIX веке начали создавать новую литературу.

Немало ивритских слов и выражений я узнал от отца: священную формулу *Шма Исраэль*, формулу бракосочетания, которую жених говорит невесте под хупой (свадебным балдахином). Я узнал, кто такой *бен-йохид* (единственный сын), *хазн* (кантор), *мехутоним* (родственники мужа или жены). Читая книги на идиш и листая идиш-русский словарь, я обращал особое внимание на своеобразные слова явно не немецкого или славянского корня. Уже в то время меня интересовали разные языки и письменности; я выучил грузинский и армянский алфавит, позднее научился читать по-корейски и даже пытался самостоятельно учить китайский. Идиш и иврит, естественно, нашли свое место в моей душе.

В 1955 году случилось то, что должно было случиться и что в корне изменило мою жизнь. Гуляя по улицам Москвы, я чисто случайно оказался в Большом Спасоглинищевском переулке (позднее улица Архипова) и обнаружил там синагогу. Это было тогда единственное место в Москве, где теплилась хоть какая-то еврейская жизнь. Я стал регулярно посещать синагогу, слушать канторское пение, знакомиться с молитвами. Во время праздника Симхат-Тора познакомился с сотрудником израильского посольства Элияху Хазаном, который начал снабжать меня литературой: газетой на идиш, «Историей евреев» на английском, иврит-русским словарем Певзнера.

Летом 1957 года, во время Московского фестиваля молодежи и студентов, я вместе с моей подругой Лидой искал членов израильской делегации, заговаривал с ними.

В это время я уже был студентом Московского университета. Я хотел заниматься ивритом и родственными ему семитскими языками. Однако на весь огромный Советский Союз было лишь два отделения, где преподавались эти языки: в Тбилисском университете, где обучение велось на грузинском языке, которого я не знал, и на Восточном факультете Ленинградского университета. Но в 1956 г., когда я закончил школу, на отделение

семитологии там не было приема. В Москве как раз тогда был создан Институт Восточных языков при МГУ, и я поспешил туда поступить. Отделение арабского языка, куда я подал, в тот год не было открыто, и меня перевели на отделение хинди. Там я изучал хинди и санскрит. Через год открылось арабское отделение, и я использовал каждое «окно» в своих уроках, чтобы заняться арабским.

Осенью того же года я начал брать частные уроки у Григория Давыдовича Зильбермана. Еще в конце XIX века Зильберман был членом движения «Ховевей Цион» (палестинофилов, буквально – «Любящих Сион»); он хорошо знал ТАНАХ и обучал детей древнееврейскому языку. За это, как я узнал уже на следствии, он дважды был осужден и отсидел много лет. Через несколько месяцев, усвоив некоторую базу языка, я увидел, что современного иврита он не знает. Основу языка я от него получил, но как двигаться дальше?

Каким-то образом отец узнал о человеке, готовом преподавать современный иврит. Я приехал к нему домой и познакомился со странным человеком средних лет по имени Халил. Я догадался, что это был палестинский араб, вынужденный эмигрировать, очевидно, по политическим мотивам. Это был хорошо образованный человек, который отлично владел современным израильским ивритом и обучил меня сегодняшнему произношению. Как правило, в конце урока он рассказывал мне что-либо об арабской литературе, читал стихи по-арабски. Поскольку основа иврита у меня уже была заложена Зильберманом, уроки с Халилом были хоть и непродолжительны, но очень продуктивны. Арест всей нашей семьи в апреле 1958 г. положил конец этим занятиям.

За сотрудниками израильского посольства велся постоянный надзор. Естественно, не прошли мимо внимания КГБ и мои встречи с израильтянами. За нами стали следить. Литературу, которая приходила от израильтян, мы не только читали сами, но и давали некоторым знакомым. В частности, из большого тома «Истории Израиля» на английском, я перевел Декларацию Независимости и давал ее читать. Кроме того, моя мать написала целый ряд статей о положении евреев в СССР. Статьи эти были переданы сотрудникам израильского посольства; одна из них была опубликована в израильском литературном журнале на идиш «Ди голдене кейт», под псевдонимом, разумеется. КГБ вело за нами наблюдение, подслушивало разговоры, и в конце

апреля арестовало моих родителей, меня, Зильбермана (ему тогда шел 81 год, и о нашей деятельности он ничего не знал) и еще трех человек: Тину Бродецкую, ее отчима Евсея Дробовского и Иосифа Камня.

Следствие велось на Лубянке целых восемь месяцев. КГБ планировало устроить показательный процесс, с доказательствами «преступной деятельности» сионистов и с кающимися преступниками. Однако ничего у них не вышло: не было преступной деятельности, не было кающихся преступников. Мы твердо стояли на своем: евреи в Советском Союзе лишены своей культуры, не имеют возможности изучать свой язык, и потому мы вправе искать информацию о своей культуре.

Чтобы создать громкий процесс, Комитет госбезопасности попытался также обвинить моих родителей в военной измене: они, мол, знали некоторые военные секреты, например, наличие на окраине Москвы, в Филях авиазавода и могли (именно так: могли!) передать эти сведения израильтянам. Между тем, остановка «Авиазавод» громогласно объявлялась кондукторами. Дело разбиралось в Военной коллегии Верховного суда, который вынес решение: в военной измене – оправдать; за «антисоветскую деятельность с использованием национальных предрассудков» мои родители были приговорены к 7 годам, я к пяти, а остальные – от одного до трех лет заключения.

Летом 1959 года я очутился в Мордовии, в так называемом Дубравлаге.

Условия в лагерях тогда были, правда, не столь суровые, как в сталинский период: не расстреливали, от голоду мы не умирали. Вместе с тем тяжелая работа, скудное питание и само отсутствие свободы – все это было не просто. Я переносил лагерные условия сравнительно легко: уверенность в своей правоте не давала повода к душевному надлому, а к физическим трудностям я относился спокойно, как исследователь в тяжких полевых условиях. Мой интерес к языкам нашел в лагере широкое поле деятельности: я познакомился с целым рядом новых для меня языков, пытался говорить по-литовски, занимался туркменским, арабским, эстонским. Даже для занятий ивритом представилась неожиданная возможность.

Старый еврей Ошри-Юдилевич, знаток как иврита, так и идиш, дал мне слова израильского гимна «Ха-Тиквы». Песню «Хад-Гадья» (козленок), которую евреи много веков поют в конце пасхального седера, Ошри-Юдилевич записал для меня в под-

линнике – на арамейском языке – и тут же перевел на иврит и русский.

Одно время мы с отцом находились в двух соседних зонах: отца, как инвалида, держали в лагерной больнице, я же находился в рабочей зоне. Отец познакомился со старым евреем из Киева, Меиром Дразниным, тоже осужденным за сионизм. Дразнин прекрасно знал иврит, и мой отец стал с ним заниматься, даже составил рукописный иврит-русский словарь. Время от времени нам с отцом давали свидания: его приводили в нашу зону, где мы с ним могли общаться. Отец приносил мне свои записи по ивриту, и я смог заниматься самостоятельно.

В лагере же я впервые заговорил на иврите.

Подходил конец моего срока, я был в растерянности: возвращаться мне некуда, ибо нашу комнату в коммунальной квартире после ареста городские власти забрали, да и вообще в Москву лиц с такой судимостью не пускали. Профессии не было, ведь я в момент ареста был студентом. Куда ехать, что делать? Нужно было посоветоваться с отцом, благо он тогда был рядом со мной. Но как разговаривать на свои личные темы, когда кругом бывшие полицаи, власовцы, бендеровцы? Политзаключенных обычно держали вместе с военными преступниками. И тогда я заговорил с отцом на иврите.

Выйдя на волю (или «большую зону», как называли ее политзаключенные), я кое-как устроился в городе Александрове Владимирской области – знаменитый 105-й километр, где уже можно было селиться отбывшим срок «преступникам». Вначале работал подсобным рабочим в ремонтно-строительном управлении, но вскоре перебрался в деревню и стал преподавать немецкий язык.

До Москвы было недалеко – два часа езды электричкой, поэтому я все свободные дни проводил там. На концерте прекрасной еврейской певицы Нехамы Лифшицайте я встретил старых друзей: осужденную вместе со мной Тину Бродецкую и Давида Хавкина, с которым познакомился в лагере. Они связали меня с несколькими сионистски настроенными евреями – Давидом Драбкиным, Виктором Польским, и вскоре я подключился к переводу книги Юриса «Эксодус».

Эту книгу на английском я прочел еще в лагере: один из заключенных, русский литератор из Ленинграда, получил ее вместе с другими книгами от жены, понятия не имевшей, что это за книга. Тот передал ее молодому сионисту из Минска Анатолию Рубину, и от него книга попала ко мне. Несколько человек, знавших английский,

тайком перевели ее на русский, и Абрам Шифрин сумел вывезти перевод из лагеря. Однако в Москве этого перевода не было, и мы взялись заново переводить книгу.

Через Хавкина я раздобыл также несколько книг на иврите. К тому времени вышел в свет Иврит-русский словарь Ф.Л.Шапиро. С огромным интересом я читал словарь и приложенный к нему грамматический очерк иврита, написанный крупным семитологом Бен-Ционом Мееровичем Гранде.

Не забывал я и идиш: подписался на журнал «Советише Геймланд» и регулярно получал его в своей деревне.

Через три года я женился на своей давней подруге Лиде, дочери нашего подельника Иосифа Камня, и перебрался к ней в Краматорск Донецкой области. Работал я там переводчиком технических текстов на большом машиностроительном заводе.

Летом 1967 г. от меня попытались получить материал для обвинения Хавкина в сионистской деятельности. Поскольку я категорически отказывался давать такой материал, мне «сшили» дело о хулиганстве и отправили на два года в лагерь.

Тем временем началась первая волна алии: в 1968-69 годах в Израиль смогли уехать из СССР две тысячи евреев. Среди уехавших были и мои родители. Мы тоже подали документы, но получили отказ. Началась борьба за право выезда: вновь и вновь подавали заявления, мое письмо Генеральному секретарю ООН было прочитано по израильскому радио на русском языке. Через полтора года, в апреле 1971 г., мы все-таки уехали в Израиль.

Здесь все сложилось как нельзя лучше. Моя жена и ее отец начали работать по специальности: жена инженером на заводе, тесть преподавателем в Холонском институте. Я наконец-то смог осуществить свою мечту и пошел изучать семитские языки в Тель-авивский университет. В 1973 г. я и сам начал преподавать в университете, где через несколько лет получил вторую, а затем и третью степень – звание доктора философии. Здесь, на кафедре языка иврит, я работаю по сей день.

Теперь уже моя связь с ивритом вышла на новый уровень. Вначале я делал переводы с иврита на русский («Дети с улицы Мапу» и «Через три подполья» в библиотеке «Алия»), с русского на иврит (всевозможные документы из истории билуйцев). Познакомившись с живущими в Холоне самаритянами, я стал переводить для самаритянской газеты «Алеф-Бет Хадшот а-Шомроним») научные заметки из русских востоковедческих журналов.

Поскольку мало кто знает, кто такие самаритяне, расскажу вкратце их историю.

В VI веке до н.э. вавилонский царь Навуходоносор захватил Страну Израиля и угнал евреев в плен. Спустя полвека персидский царь Кир, завоевавший Вавилонию, позволил евреям вернуться на родину. По возвращении евреи стали строить в Иерусалиме новый, Второй храм, взамен разрушенного вавилонянами храма Соломона. Жители Самарии захотели принять участие в строительстве храма, однако евреи отвергли их как чужаков. С этого момента ведется история особой, очень интересной еврейской общины – самаритян.

Ортодоксальные евреи считают их чуждым народом, который был переселен Навуходоносором из Мидии (Северный Иран). Сами же самаритяне считают себя потомками двух колен Израиля: Эфраима и Менаше, и убеждены, что Навуходоносор отправил в плен только жителей южной части страны, Иудеи, а жители горных деревень Самарии остались на месте.

Когда-то самаритяне были большим народом. Но арабские завоеватели вынудили многих из них принять ислам, другие были уничтожены, и к началу XX века их осталось около 150 человек, живших в большой нужде в городе Шхеме.

Сегодня их насчитывается около 500 человек, половина из которых живет в Шхеме, а вторая половина – в самаритянском квартале Холона, в 10 километрах к югу от Тель-Авива.

В середине XIX века богатый караим из Крыма, Авраам Фиркович, путешествуя по Ближнему Востоку, скупал древние рукописи. Самаритяне, буквально умиравшие с голоду, продали ему массу рукописей, которые позже у Фирковича купила петербургская Публичная библиотека. Таким образом, Ленинград стал обладателем богатейшей коллекции самаритянских рукописей. Ленинградские семитологи время от времени публиковали в научных журналах материалы из этой коллекции, а я переводил их на иврит.

В 1982 году профессор Вениамин Файн после нескольких лет борьбы за выезд приехал в Израиль и создал амуту (товарищество) «Тарбут» («Культура») для распространения еврейских знаний среди русских евреев. По его инициативе профессор Арон Долгопольский, Александр Большой и я подготовили самоучитель иврита «Живой иврит». Самоучитель этот был издан, нам удалось переправить его в СССР, там он завоевал огромную популярность и неоднократно размножался повсюду, от Прибалтики до Сибири.

Спустя три года я написал краткую «Практическую грамматику языка иврит», которая тоже нашла себе дорогу за железный занавес. Поскольку в те годы советская власть не допускала ввоза литературы на иврите, единственным путем было издать книгу карманным форматом, чтобы западные туристы могли провезти ее незаметно. Поэтому я писал свою грамматику предельно кратко, за что мне предъявляли претензии люди, не имевшие понятия, как и почему грамматика оказалась такой маленькой.

Позже очень многие говорили мне, что своему знакомству с ивритом они обязаны этим двум книгам.

После самоучителя и грамматики пришла пора заняться словарями. Я давно мечтал об этом; на полях большого словаря Эвен-Шошана писал русский перевод, выписывал на листках слова, которых у Эвен-Шошана не было. Правда, имелись три неплохих словаря: вышедший в Москве в 1963 г. иврит-русский словарь Ф.Шапиро, иврит-русский словарь М.Дрора и русско-ивритский И.Керена. Но все они были составлены еще в пятидесятые годы, содержали много устаревших слов, а новых там не было. То, как в них были поданы слова, меня тоже не удовлетворяло. Так, в иврит-русском словаре глаголы помещены по корню. Например, глагол ריכה находится под корнем רכנ. Такая система хороша для человека, отлично знающего ивритскую грамматику, но не подходит массовому читателю, который не учился в ивритской гимназии.

В 1988 г. я отредактировал иврит-русский словарь «2000+», из которого в дальнейшем вырос «Суперсловарь», опять-таки под моей редакцией. Позже, кстати, была издана амхарская версия словаря «2000+», которую я сделал совместно со специалистом из Эфиопии.

В 1990 году мне предложили взяться за редактирование двух больших словарей – иврит-русского и русско-ивритского. Условия работы были очень тяжелыми: персональные компьютеры были тогда еще редкостью, вся работа выполнялась людьми на карточках. Каждую карточку, а их было около 55 тысяч, требовалось проверить, снабдить научным аппаратом, огласовкой. После набора приходилось два или три раза корректировать, а издатель нажимал со сроками. Всю работу я делал в свое свободное время, ибо оставлять университет не хотел. Тем не менее, словарь получился неплохой и вышел в свет в двух томах в 1992 году.

В том же году меня пригласили в Институт стран Азии и Африки при МГУ (тот самый, в котором я учился в 1956-58 годах) прочесть курс ивритской грамматики. Преподаватели иврита там

были, но, как заметил заведующий арабской кафедрой (группа иврита была тогда в составе этой кафедры), «они прекрасно знают язык, но они же не ученые».

Да, изменилась Россия! В мое время об иврите в МГУ нельзя было и подумать. Точнее, студентам арабского отделения был предложен курс древнееврейского как второго восточного языка (на каждом отделении учили помимо основного восточного и западного – английского или французского – еще и второй восточный). У студентов это не вызвало энтузиазма: зачем нам древнееврейский, – заявили они, – лучше дайте персидский или турецкий.

Теперь же я в течение месяца читал научную грамматику иврита. Помимо собственно студентов, на занятиях присутствовало несколько вольнослушателей, в частности евреев из Биробиджана, планировавших позднее ввести преподавание еврейских предметов в Еврейской автономной области.

За месяц работы мне уплатили 4000 рублей, что составляло тогда 18 долларов.

В 1992 году начались передачи радио РЭКА на русском языке, и я стал вести консультации по ивриту, которые продолжаются вот уже 13 лет. Неоднократно мне доводилось читать лекции и отвечать на вопросы по ивриту в клубах, МАТНАСах. Для учителей русского языка я прочел целый курс грамматики иврита в сопоставлении с русской. Вся эта деятельность шла, естественно, в свободное от работы время.

Из моего двухтомного словаря был сделан – уже без моего участия – пухленький словарь в одном томе, содержащий по 12 тысяч слов с каждой стороны, и два маленьких словарика по три тысячи слов.

Позже, по инициативе Льва Балцана и Леонида Короля, с помощью компьютера была обработана огромная масса текстов, профессиональный словарь языка СМИ «С газетой на ты», содержащий практически все слова иврита, необходимые для понимания газеты, радио- и телевизионных передач. Таким образом, потребности очень многих репатриантов были удовлетворены.

Однако меня тревожило, что и двухтомный словарь недостаточен для тех дотошных репатриантов, которые пытаются читать ивритскую литературу. И я сел за составление нового иврит-русского словаря.

На сей раз я делал его сам, сразу на компьютере. Прошло около года – и появился словарь примерно на 45 тысяч слов. Напомню: мой иврит-русский словарь 1992 года содержит 26 000, словарь

Дрора – 30 000 слов. Подача ивритских слов, их размещение, научный аппарат – все было иным. Место ударения в ивритских словах никогда прежде не отмечалось; здесь оно помечено цветом.

С изданием словаря в виде книги возникли затруднения, и я передал весь материал группе программистов ОЛАН, сделавшей прежде словарь «С газетой на ты». Они добавили к иврит-русскому словарю обратный, русско-ивритский индекс; помимо того, они вставили в словарь все формы спряжения ивритских глаголов и формы словоизменения прилагательных и существительных. Все это в огромной степени облегчает пользование словарем. Вместо того чтобы думать, как можно найти слово в словаре, человек просто вводит в компьютер найденную им форму слова и немедленно получает ответ: будущее время, первое лицо множественного числа от такого-то глагола, или женский род, множественное число от такого-то прилагательного.

В январе 2004 словарь появился в продаже в виде компакт-диска. За год вышли пять обновленных версий словаря ИРИС. Два огромных преимущества компакт-диска перед бумажным словарем: колоссальный объем и возможность внесения дополнений и исправлений. Если напечатать то, что содержится в словаре ИРИС, понадобится не менее 10 солидных томов. К тому же каждый месяц у меня набирается не менее ста новых слов и выражений, которые вводятся в очередную версию компакт-диска.

Число ивритских слов и выражений, включающее также распространенные сокращения, географические названия и даже некоторые имена собственные, дошло до 50 тысяч.

Сейчас я занят составлением большого русско-ивритского словаря, который заменит в новом варианте компакт-диска индекс.

При том, что иврит является моей самой большой любовью, я не ограничивался им. В университете я преподаю древнеэфиопский и амхарский языки, курсы «Языки мира» и «Письменности мира». Выпустил два иврит-амхарских словаря, небольшой словарик урумского (греко-татарского) языка, материал для которого я собрал, находясь в заключении. Составил и поместил в интернет идиш-русский словарь объемом 25 000 слов. В компьютере находятся небольшой словарь еврейско-татского языка и амхарско-ивритский словарь.

В ближайшие планы входит написать большую грамматику иврита и подготовить к печати идиш-русский и джухури (еврейско-татский) – русский словарь.

История одной книги

Леонид Зелигер (Иерусалим)

В конце лета 1986 года на таможне ленинградского аэропорта у одного из туристов, прибывших из Скандинавии, были изъяты запрещенные к ввозу в СССР книги – несколько десятков томиков карманного формата. Примерно в эти же дни в полуподпольные кружки иврита в Москве, Днепропетровске, Кишиневе, Риге и Минске поступили долгожданные партии книг в таком же переплете и с тем же названием, что и конфискованные в Ленинграде. На обложках значилось: «*Леонид Зелигер*. Иврит. Иерусалим, 1986».

В середине 80-х годов немногочисленные прежде кружки по изучению иврита уже представляли собой целую сеть, охватившую практически все крупные города страны, и действовали почти открыто. Это было время больших ожиданий и сомнений в среде активистов сионистского движения. Настроения колебались от отчаяния в начале 80-х годов до возрождения новых надежд, связанных с приходом к власти М.Горбачева. В эти годы значительно увеличилось число отказников. Отказ означал длительное, многолетнее ожидание людьми решения своих судеб, но одновременно продлевал и период их подготовки к отъезду. Сотни евреев изучали иврит, многие десятки из них успешно продвигались в изучении языка, так что очень скоро в кружках стала ощущаться острая нехватка как учебного материала, так и преподавателей, обладающих глубоким знанием предмета и способных обучать ивриту на серьезном уровне.

Книга «Иврит» появилась в тот момент, когда жизнь поставила перед сионистским движением новые задачи и потребовала их срочного решения. Эта книга была предназначена главным образом для преподавателей иврита и могла служить также справочным пособием для тех, кто изучал язык самостоятельно. Она представляла собой первую попытку объединить под одной обложкой все материалы, необходимые для изучения основ иврита. В пособии было 673 страницы, и оно быстро завоевало большую популярность везде, где русскоязычные евреи изучали иврит. Бывали в связи с его появлением и курьезы; так, уполномоченный КГБ в беседе с одним из задержанных «для профилактики» активистов еврейского движения посоветовал ему не ходить в подпольный кружок, а

изучать язык самостоятельно, «по хорошей книге Зелигера», и показал ему свой экземпляр.

Теперь события более чем двадцатилетней давности кажутся мне мимолетным сном. Они канули в далекое прошлое, оставив после себя лишь смутные воспоминания, почти потерявшие всякую связь с реальностью, начавшейся после репатриации. Но рано или поздно наступает момент, когда нужно оглянуться назад и постараться осмыслить происходившее.

Я родился в 1949 году в городе Свердловске. По указанию отца, который в это время был в оккупированной Германии, бабушка потихоньку пошла в синагогу и организовала все, что нужно, когда в еврейской семье рождается мальчик. В честь покойного деда с папиной стороны мне дали имя Дов. Семьи обоих родителей оказались в Свердловске в эвакуации, а отец, врач-подполковник, участвовал вначале в войне с Финляндией, потом с Германией и Японией, а после победы – снова был послан в Германию и опять на Дальний Восток. Мама, окончив институт, немного поработала учительницей, а потом уехала с моим старшим братом к отцу. Я же до трех лет жил у дедушки с бабушкой в маленьком бревенчатом доме, на окраине Свердловска, больше похожей на какое-нибудь белорусское местечко, чем на город.

У нас был огород, под домом бабушка держала кур и индюшат; неподалеку от нашего дома, на берегу большого пруда, стояла водная станция с вышкой, где проводились спортивные праздники. Летом в хорошую погоду в пруду купались, а зимой стирали в проруби белье. На противоположном берегу виднелись доменные печи Верх-Исетского завода, и ночью над ними вспыхивали отблески пламени.

Бабушка с дедушкой говорили между собой только на идиш, и вовсе не потому, что хотели что-то скрыть от меня, а по той простой причине, что это был их родной язык. По вечерам, особенно в выходные, они частенько запускали патефон и слушали еврейские пластинки. Телевизоров тогда не было и в помине, и я даже не помню, были ли у нас еще какие-нибудь пластинки, кроме еврейских; наверное, были, но в памяти не остались.

Дед работал на том самом Верх-Исетском заводе, а бабушка вела хозяйство. Когда я подрос, мне рассказали, что дед был членом партии (этот факт вызывал смех у него самого), вступил в нее в двадцатых годах в маленьком белорусском городке Толочине. Возможно, на него повлияла романтика революционной борьбы за свободу и права простых людей – старший брат деда, Шмерл Хшиво,

друг и соратник Нестора Махно в Гуляйполе, был схвачен царской охранкой и казнен в Екатеринославе в 1909 году. Как бы то ни было, членство в партии помогло деду занять почетную должность в местной пожарной команде, а впоследствии спасло жизнь семье: за несколько дней до прихода немцев его как коммуниста послали сопровождать колхозные стада на восток. Бабушка прождала пару дней дома, а потом собрала нехитрые пожитки и двинулась с младшей дочерью и сыном вслед за дедом. Мама, которая в это время была студенткой Белорусского университета, бежала из Минска уже под бомбами, босая, и присоединилась к бабушке только через несколько дней. Так, двигаясь на восток, где пешком, где на телегах, где на товарняках, они добрались до Свердловска.

Леонид Зелигер

Папина семья попала в этот город примерно таким же путем. Корни этой семьи были в Слуцке, где Зелигеры жили непрерывно на протяжении не менее двухсот пятидесяти лет. Старинный манускрипт «Пинкас хевра кадиша шел Слуцк» (сегодня он находится в отделе еврейских рукописей Национальной библиотеки в Иерусалиме) сохранил имена восьми поколений моих предков. Возможно, именно там, в Слуцке, и родилось мое притяжение ко всему еврейскому, в особенности, к ивриту. Я чувствовал в нем некое облагораживающее начало, его буквы, казалось, хранили в себе тайны мироздания и ключ к скрытой мудрости. Принадлежность к еврейству представлялась мне с самого раннего детства такой же естественной и безусловной частью моего «я», как, скажем, веснушки на носу. Может, не очень красиво, не предмет гордости, но – свое. Бабушка с дедушкой, будучи людьми простыми, не скрывали своего еврейства, которое включало все реалии повседневной жизни: имена, речь, еду, музыку, книги, шутки…

Если бы я прожил в Свердловске дольше, то, наверное, усвоил бы идиш как родной язык, но в конце 1952 года отец вернулся с Дальнего Востока, и мы переехали в Ленинград, где у него были две комнаты в большой коммунальной квартире, которые простояли запертыми всю войну. С этого момента и до самого отъезда в

Израиль я жил в Ленинграде и считаю его своим городом. За тридцать пять лет жизни там я сменил пять квартир, учился в пяти школах, окончил институт, женился и успел поработать в трех местах. Первая из этих квартир, на улице Некрасова (бывшая и нынешняя Бассейная, та самая, где жил человек рассеянный), осталась в памяти как самая интересная. Это была огромная коммуналка, когда-то принадлежавшая царскому генералу Чебучеву. Он перешел на сторону революции и сохранил свое звание, но семью его уплотнили. Им оставили только три комнаты, а в остальные вселили множество посторонних людей, в том числе две еврейские семьи – нашу и Левитиных. Все жили дружно, несмотря на национальные и классовые различия, и продолжали поддерживать связи еще долгие годы после того, как разъехались кто куда.

Я помню, как в один из пасмурных мартовских дней 1953 года по радио целый день играли одну и ту же мелодию – «Грезы» Шумана, а улицы заполнились хмурыми и озабоченными людьми. Умер Сталин. Дома у нас это событие прошло совершенно не замеченным, никак не нарушив обычного течения жизни.

На каникулы мы довольно часто ездили к дедушке с бабушкой в Свердловск, и там началось мое более или менее систематическое знакомство с ивритом. Учебником был старый сидур – молитвенник. По вечерам, сидя с дедом за столом, я тщательно перерисовывал в блокнот буквы и слова, а он объяснял мне правила чтения и значение слов. После одной из таких поездок, в 1959 или 1960 году, сочтя, видимо, что уровень моих знаний уже достаточен, отец обучил меня двум стихотворениям на иврите, которые я запомнил на всю жизнь в ашкеназском произношении. Вот одно из них:

Ал халойн, ал халойн	על חלון, על חלון	На окне сидела
Омдо ципойр йофо.	ציפור יפה עמדה	Птичка-красавица.
Йелед роц эл халойн –	ילד רץ אל חלון –	Подбежал мальчик к окну –
Ципойр офо, офо.	ציפור עפה, עפה	Птичка улетела.
Бойхе йелед, бойхе –	בוכה ילד, בוכה –	Горько мальчик плачет –
Айе ципойр йофо?	איה ציפור יפה ?	Где птичка-красавица?
Эйн ципойр ал халойн,	אין ציפור על חלון	Птички нет на окне,
Ципойр офо, офо.	ציפור עפה, עפה	Птичка улетела.

Много-много лет спустя я встретил в Симферополе пожилую женщину, которая в молодости была членом детской сионистской организации «Поалей-Цион», просуществовавшей дольше других при советской власти, видимо, благодаря своей марксистской ориентации, и знала немного иврит. Сидя за пасхальным столом, она,

вспомнив свое детство, запела эту песенку, и для нее было ошеломляющей неожиданностью то, что я вдруг подхватил эти слова и продолжил песенку до конца. Тогда я припомнил рассказ отца о том, что и он в детстве был членом организации «Поалей-Цион» в Слуцке. Наверное, это стихотворение было частью программы изучения иврита в те годы. Другой стишок – это просто детская считалка, которой я больше никогда и ни от кого не слышал:

Ани ѓолахти ба-дерех.	אני הלכתי בדרך.	Я шел по дороге.
Пога би иш хозок	פגע בי איש חזק	Напал на меня силач
Шмой козок,	שמו קוזק,	По прозванию казак,
Ѓоняйка бе-йодой	הונייקה בידו	С плеткой в руке
Ве-херев бе-цидой.	וחרב בצידו.	И саблей на боку.
Ки ѓу омар эйлай:	כי הוא אמר אלי	Он мне приказал:
«Деньги давай,	"דנגי דאוואי,	«Деньги давай,
А сам ступай!»	א סאם סטופאי !"	А сам ступай!»

Эта считалка примечательна тем, что в нее включены элементы местного русско-белорусского говора (гоняйка – нагайка, плетка). Должно быть, слуцкие ребятишки неплохо владели древнееврейским языком и свободно пользовались им в играх. Тому существует немало доказательств. Например, евреи дразнили деревенских темных мужиков, приезжавших на своих телегах на рынок, так: «Эй, смотри, у тебя *ламнацеах* на плече!» – и простодушный мужик начинал искать у себя на плече этот самый «ламнацеах», не догадываясь, что этим словом начинаются многие псалмы Давида на иврите. Вот еще фразы на этом языке, которые запомнились мне в ашкеназско-литовском произношении:

Анойхи мейвин дибур иври	אנוכי מבין דיבור עברי	Я понимаю ивритскую речь
Ма шмехо, йелед?	מה שמך, ילד ?	Как тебя зовут, мальчик?
Ани хофейц ановим	אני חפץ ענבים	Я хочу виноград

Ну и, конечно, –

Эйд лэй овдо тиквосейну עוד לא אבדה תקוותנו Еще не пропала надежда наша

Это из израильского гимна «Ха-Тиква».

Впоследствии, уже в Израиле, мне удалось найти и прочитать интересные исторические и мемуарные материалы о еврейской общине Слуцка. Необычный документ, который я уже упоминал, – «Пинкас хевра-кадиша шел Слуцк», регистрационная книга похоронного общества, – является уникальным свидетельством

повседневной жизни евреев этого города с 1678 по 1924 год. Записи велись на иврите, в который вкрапливались русские слова, записанные еврейскими буквами: «больница», «начальство», «следствие», «дилижанс» и т.д. Но еще больший интерес представляют другие примеры. Хорошо известен обычай обитателей еврейских местечек давать друг другу различные прозвища. И в «Пинкасе» мы находим такие прозвища: רופא – *врач*, יתום – *сирота*, סומא – *слепой*, אילם – *немой*, לבן – *белый*, שחור – *черный* – и даже דבר אחר – *другое дело*. Это ли не свидетельство того, что иврит всегда был на устах у этих людей, даже самых простых?

Мой дед Дов-Бер Зелигер был учителем Закона Божия для еврейских учеников в слуцкой гимназии. В 1892 году он получил звание «частный начальный учитель с правом обучать только своих единоверцев». И хотя формально дед должен был преподавать только религиозные предметы, основной акцент, по воспоминаниям знавших его людей, он делал на обучении ивриту и литературе на этом языке. Слуцк не был обойден вниманием еврейских писателей. Писал о нем Менделе Мохер Сфарим, а И.Д.Беркович, ивритский писатель, зять Шолом-Алейхема и его основной переводчик на иврит, был родом из Слуцка и, по семейным воспоминаниям, дед был с ним знаком.

К середине двадцатого века практически все потомки слуцкой старьевщицы имели высшее образование, среди них были инженеры и врачи, доценты и профессора, а одна из ветвей нашей семьи (Гразовские) даже породнилась с сэром Гербертом Сэмюэлем, первым верховным комиссаром подмандатной Палестины. Кстати, И.-Л.Гразовский (Гур) был видным лексикографом, другом Э.Бен-Иехуды. Их совместный словарь иврита в течение десятков лет был одним из основных источников для изучения современного иврита. А до выхода в свет толкового словаря А.Эвен-Шошана толковый словарь И.-Л.Гура был главным нормативным словарем этого языка.

Таким образом, иврит все время незримо присутствовал как неотъемлемая часть культурного наследия и предмет домашнего образования в нашей семье, хотя степень увлеченности им и уровень знаний не у всех были одинаковы.

В условиях почти полного отсутствия книг и людей, знавших иврит, я стремился расширять свой лексикон, пользуясь самыми разнообразными источниками: переводами и оригинальными произведениями на идиш Шолом-Алейхема, надписями на случайно попавших в руки предметах из Израиля и надгробиями на старом еврейском кладбище, поблизости от которого мы жили.

К началу шестидесятых годов мой словарный запас составлял уже сотни слов, однако это был хаотический материал, конгломерат самых разных понятий. Большой проблемой было произношение. Основное ядро я усвоил от отца и деда в ашкеназском варианте, в то время как в современной печати транскрипция ивритских слов отражала израильское произношение. В 1963 году у нас дома появился первый мощный радиоприемник, с помощью которого можно было поймать радиостанцию «Коль Исраэль», и это сыграло решающую роль в упорядочении моих знаний. Как раз в это время начались передачи уроков иврита по радио, и мы с отцом регулярно дважды в день (по-русски и на идиш) прослушивали их, подробно все записывали, стараясь не пропустить ни слова. В результате в течение полутора-двух лет я полностью перешел на израильское произношение и расширил свой запас до двух-трех тысяч слов.

Примерно в это же время культурные связи между Израилем и СССР несколько расширились. Вышел в свет иврит-русский словарь Ф.Л.Шапиро, были изданы несколько сборников рассказов израильских писателей, стали публиковаться, хотя и очень малыми тиражами, работы по семитологии. С большим трудом, но эти книги все же можно было достать. Постепенно у меня появлялись знакомые, в основном люди старшего поколения, которые изучали в молодости иврит, но в течение многих лет были вынуждены молчать, так как знание этого языка, а особенно его распространение, было небезопасно и могло даже послужить поводом для репрессий со стороны властей. Я хорошо помню, как взволнованы были эти люди каждый раз, когда с неожиданностью для себя открывали во мне собеседника, способного общаться на иврите. Всего я встретил за свою жизнь в России человек шесть-семь, владевших ивритом настолько, что они могли на нем говорить, читать и писать. В основном это были выходцы из Прибалтики или Польши, некоторые – из Белоруссии и Кишинева, все когда-то учились в иешивах, а большинство – и в гимназиях сети «Тарбут», где преподавание общих предметов велось на иврите. Особенно запомнился мне эпизод на старом еврейском кладбище в Ленинграде. Мне было тогда лет пятнадцать, и я зашел туда после школы попрактиковаться в чтении.

Когда я стоял у плиты и расшифровывал длинную надпись, ко мне подошел старый еврей, из тех, что за деньги читали молитвы у могил. Он с подозрением спросил у меня, что я тут делаю. Я ответил: «Читаю надпись». «А ты что, можешь прочитать тут что-нибудь?» – спросил еврей (он, видимо, все еще считал меня подозрительной личностью, возможно, хулиганом). «Да», – ответил я и прочитал ему

одну строку. Старик обомлел от изумления, а потом у него в глазах показались слезы. Он взял меня под руку и подвел к нескольким могилам, где были особенно интересные эпитафии. Он также показал мне могилу человека по фамилии Гитлер, умершего в 1933 году. Попутно он все время допытывался, не приехал ли я из другого города, так как, по его мнению, в Ленинграде не было и не могло быть молодых людей, знающих древнееврейский язык.

После Шестидневной войны разговоры об отъезде принимали все более конкретный характер. Сионизм был для нас само собой разумеющейся системой взглядов, и впервые после двадцатых годов появилась надежда на то, что выезд когда-нибудь станет возможным. Это только усилило мой интерес и тягу к ивриту. Постепенно расширялась домашняя библиотека. Некоторые уникальные издания на иврите удалось приобрести в букинистических магазинах. Видимо, они попали туда по недоразумению: кто-то решил, что это разрешенный язык идиш. Иврит же по-прежнему считался инструментом враждебной клерикально-сионистской пропаганды.

В 1970 году отец скоропостижно скончался, так и не дождавшись перемен, но полный надежд, что они непременно наступят.

К середине семидесятых годов я уже неплохо знал классический иврит и одновременно мог объясниться на основные обиходные темы. Однако теперь началась полоса тотального глушения радиопередач израильского радио, и это повлекло за собой перенесение акцента на книги, которые постепенно собирались в домашней библиотеке. У меня были несколько томов Д.Фришмана, включая его перевод книги Ф.Ницше «Так говорил Заратустра», «Жан Кристоф» Р.Роллана (на обложке московского издательства Штыбеля было напечатано «יוטסירק ן'י», т.е. «Ян Кристоф»), большой том Х.-Н.Бялика, переводы ранних рассказов Горького, несколько подшивок журнала «Ахиасаф», книги совершенно не известных сегодня ивритских писателей конца девятнадцатого века, лекции по еврейской истории тогда еще молодого И.Клаузнера, которые он читал в Одессе в «образцовой иешиве», три тома «Еврейской истории» Рабиновича и многое другое. Были книги и собственно по ивриту: большой словарь О.Штейнберга, словарь Э.Бен-Иехуды – И.-Л.Гразовского, учебник грамматики О.Штейнберга (Вильно, 1880) на русском языке. Это издание было довольно курьезным, так как его язык можно было назвать русским лишь с большой натяжкой. Был учебник И.Г.Троицкого (СПб, 1908) для Православной духовной академии, а также прекрасный учебник классического (библейского) иврита Х.-Ц.Лернера «Морэ ха-лашон» (Вильно, 1906) и другие.

Однако жизнь не стояла на месте, и я занимался не только изучением иврита и еврейской истории. Более того, иврит и все что с ним связано, относились к скрытой, не видимой посторонним жизни. На виду была другая ее сторона: вполне благополучная жизнь средней интеллигентной семьи, где отец – врач, а мать – учительница, и детей, естественно, учат музыке. Когда в третьем классе меня поставили перед фактом, заявив, что я буду ходить в музыкальную школу, мне предоставили право выбора инструмента. Я выбрал виолончель (хотя дома было пианино), полагая, что экстравагантность выбора спасет меня от повинности. Не помогло, инструмент достали, и я в течение пяти лет истязал своих близких, соседей и себя самого нудными упражнениями. Через пять лет я встретил свою первую любовь – рисование, – сказал виолончели твердое «нет» и ушел заниматься в студию при Высшем художественно-промышленном училище им. В.Мухиной. С тех пор смычок я не держал, а карандаш и кисть не выпускаю из руки до сегодняшнего дня.

Настал момент выбора средней школы, и семейный совет постановил: школа с физическим уклоном при Институте полупроводников АН СССР. А потом – Электротехнический институт, захватывающе интересная специальность: системы инерциальной навигации, то есть управление всем, что движется вслепую, – под водой, в воздухе или в космическом пространстве. После защиты диплома ко мне подошел один из ведущих преподавателей Ю.А.Щербаков (он получил Ленинскую премию за ту самую ракету, которая облетела Луну и сфотографировала ее обратную, невидимую сторону) и тихо сказал: «Если бы вы защищались не здесь, то вам бы следовало сразу присудить кандидатскую степень. Уезжайте, если сможете». И отошел в сторону. Я не поверил собственным ушам, но эти его слова запомнил на всю жизнь.

По распределению я попал в огромный НИИ, из которого летом на испытания под Феодосию выезжали сотни людей. Я проводил на берегу Черного моря по восемь месяцев в году, и это открыло передо мной неожиданные возможности для усовершенствования в иврите. Дело в том, что Крымский полуостров, за исключением узкой полосы от Судака до Ялты, был весь напичкан военно-морскими и военно-воздушными базами, и западные радиостанции там не глушили. Поэтому, к моему изумлению и великой радости, я мог там свободно слушать не только «Коль Исраэль» на русском языке, но и «Решет-алеф» и «Решет-бет», а также московскую радиостанцию «Шалом ве-кидма» и даже вещание на иврите из Каира и Дамаска. Невероятно, но на одном из военных аэродромов из установленного на мачте

репродуктора во всю мощь звучали передачи «Решет-бет». В основном это была хорошая западная музыка, прерываемая каждые полчаса короткой рекламой и сводками новостей. Как объяснил мне аэродромный техник: «Это турки. Самую лучшую музыку передают». В Феодосии меня застала война Судного дня. В порт приходили эшелоны с танками, которые грузили на огромные транспортные суда, направлявшиеся в Египет и Сирию. Двойная жизнь продолжалась, и конца ей не было видно.

В 1976 году я познакомился с Мирой Зайчик, и вскоре мы поженились. Атмосфера в ее семье была пропитана еврейским духом, сионизмом и иудаизмом. Мирин отец, Залман Израилевич Зайчик, глубоко религиозный человек, хорошо знал иврит, Танах, Мишну, Гемару и молитвы. В течении многих лет его регулярно приглашали на осенние праздники в Симферополь, а потом – в Баку, в качестве хазана. У Миры в доме была очень большая библиотека еврейских книг, в основном ее составляли ѓалахические сочинения, хотя встречались и многие другие издания, в том числе редкие.

Круг еврейского общения у меня теперь значительно расширился. Пасхальный седер мы отмечали в семье старого ленинградского раввина А.Лубанова, а от большого знатока еврейской мудрости, раввина по образованию и советского служащего в повседневной жизни А.Медалье, я получил в качестве свадебного подарка прекрасное издание Вавилонского Талмуда 1857 года в двух огромных томах. С Мирой у нас были две свадьбы. Вторая – официальная, открытая, а первая – тайная, под хупой в крошечной квартире, которая с трудом вместила человек тридцать, причем многие гости из-за отсутствия места вынуждены были стоять. Ктубу[1] написал жених, то есть я сам, церемонию проводил С.С.Эпштейн, а свидетелями были друзья детства моего тестя. Один из них, А.Г.Плискин, через двадцать четыре года был свидетелем на свадьбе нашей старшей дочери в Иерусалиме и снова поставил свою подпись под написанной мною ктубой. Этому удивительному человеку, скульптору из Ленинграда, имевшему специальное разрешение ваять бюсты Ленина, сегодня уже больше девяноста лет, и я бы искренне хотел, чтобы он поставил свою подпись на ктубе нашей внучки, первой уроженки Израиля в семье.

Мы с Мирой сразу решили, что больше ждать нельзя, надо добиваться выезда. Я работал в закрытом институте, и поэтому

[1] Ктуба – документ, удостоверяющий согласие жениха и невесты вступить в брак и перечисляющий обязательства мужа по отношению к жене.

шансов получить разрешение было мало, но это ничего не меняло, решение мы приняли. Перед подачей заявления на выезд надо было уволиться и подыскать что-то новое, а это было непростой задачей для еврея-инженера в Ленинграде конца семидесятых годов. И все же после долгих мытарств и унижений мне удалось, в конце концов, найти сносную работу, которую можно было использовать в качестве стартовой площадки для подачи, что мы и сделали в 1979 году. Отказ не заставил себя долго ждать. Начался новый этап жизни.

В эти годы в Ленинграде уже действовали несколько подпольных кружков иврита. Я знал об их существовании, но не вступал в прямой контакт с ними до подачи заявления на выезд. После подачи все сдерживающие факторы потеряли силу, и я включился в преподавательскую работу. Поначалу мешала некоторая неуверенность в себе. Имена отказников-преподавателей были окружены ореолом самоотверженности и героизма. Их авторитет в знании иврита считался непререкаемым, этому способствовали, в том числе, и враждебные публикации, периодически появлявшиеся в центральной прессе, начиная с Ленинградско-Рижско-Кишиневских процессов 1970-71 годов. Однако мои опасения оказались напрасными, эти отважные люди в большинстве своем были новичками-энтузиастами в иврите. Зачастую преподаватель опережал своих учеников лишь на несколько уроков в учебнике, по которому преподавал. Оказалось, что я знал иврит, который учил с детства, на уровне, вполне достаточном для преподавания в кружках.

Обложка книги Л.Зелигера

Я начал работать с небольшой группой уже немолодых людей, большинство из которых были отказниками, а их дети – активистами движения. Основным пособием служил тогда сборник «Элеф милим» («Тысяча слов») Учебников катастрофически не хватало, и их приходилось самому фотографировать, а потом печатать дома на фотобумаге в ванной комнате или специально оборудованной кладовке.

О множительной технике никто и не мечтал. Использование ее подпадало сразу под несколько статей уголовного кодекса, да и находились все копировальные машины под неустанным контролем КГБ.

Постепенно круг моих учеников расширялся. Большинство перешли на вторую ступень «Элеф милим», а одна или две группы занимались уже по третьей части. Шаг за шагом вырабатывалась система подачи материала, а ученики оказались разделенными на три категории:

– немногочисленная группа наиболее продвинутых, которые в подавляющем большинстве сами были преподавателями;

– самая большая группа среднего уровня – люди, которые изучали иврит с целью репатриации или самообразования;

– небольшая группа пожилых людей, которые либо пришли сюда вслед за своими детьми, либо были движимы воспоминаниями юности и стремились восполнить утраченные знания.

К каждой из этих категорий следовало применять особый подход. Если в первой группе бóльшая часть времени посвящалась теоретическим основам, грамматике и анализу текстов, то во второй наиболее эффективным оказался подход, основанный на диалогах, пересказах прочитанного и коротких сочинениях. В третьей же группе темп занятий был неторопливым, зато большое внимание уделялось фольклорным элементам, фрагментам из Танаха и сидура, а также ивритским элементам в идиш.

Наибольший интерес для меня представляла, конечно, первая группа. Помимо собственного продвижения в изучении языка, целью этих людей было обучение начинающих. И мне казалось, что необходимо дать им в руки такой информационный материал, из которого они могли бы черпать теоретические знания и перерабатывать их в соответствии с принятой методикой преподавания. В то время в наличии не было ни одного систематического учебника иврита, описывающего весь строй языка. Все пособия, поступавшие из-за границы, были сугубо прагматическими, в методике господствовал эмпиризм, который полностью себя оправдывал в израильских ульпанах или на курсах быстрой подготовки где-нибудь во Франции или США. Но в условиях затяжного ожидания, отсутствия каких-либо контактов с носителями языка, современной литературы и прессы, а также с учетом исторически сложившихся в России подходов к академическому образованию, здесь требовалось нечто иное: нужна была обширная монография, которая включала бы в себя, как анатомический атлас, различную информацию об иврите. Так, чтобы каждый учитель смог найти там формальные сведения по любому во-

просу фонетики, морфологии, синтаксиса, стилистики и истории иврита, а затем переработать их применительно к конкретным нуждам учащихся в соответствии с избранной методикой преподавания.

Я решил взяться за решение этой задачи, благо за многие годы занятий ивритом у меня накопилось огромное количество заметок, записей и комментариев, а также собралась большая – по меркам того времени и места – библиотека об иврите и на иврите.

Период с 1979 по 1987 год был насыщен противоречиями в международной обстановке. Противостояние Запада и Востока то обострялось, то смягчалось. Детант шел нога в ногу с программой «звездных войн». Афганская война достигла своего апогея, а в Кремле один за другим умирали правители. Официоз представлял народу Израиль как злобного врага Советского Союза, но именно в этот период неофициальные контакты между двумя странами расширялись. В СССР часто приезжали израильские делегации под предлогом участия в международных конференциях, по окончании которых люди разъезжались по разным городам, где встречались на частных квартирах с активистами еврейского движения. Мне часто приходилось выступать в роли переводчика на таких встречах в Ленинграде. Именно в этот период наши контакты с Израилем были как никогда ощутимы. Большую агитационную роль играли Московские международные книжные ярмарки, после которых десятки книг со стендов израильского павильона растекались по еврейским кружкам в разных городах СССР. Я использовал эти встречи для укрепления контактов с Израилем, для передачи списков книг, необходимых для поддержки преподавания иврита и для выполнения намеченного мной проекта – написания большой монографии о иврите на русском языке.

Через некоторое время начали приходить по почте посылки с книгами, и моя библиотека значительно пополнилась серьезными израильскими изданиями по ивриту. Нет никаких сомнений в том, что властям было хорошо известно об усилении контактов между местными еврейскими активистами и представителями Израиля и зарубежных еврейских общин, приезжавших с частными визитами в СССР. Тем более им было известно о каждой книге, прибывающей из-за границы по почте. Мы хорошо знали, что большое количество печатной продукции изымалось почтовой службой и конфисковывалось на таможне. Но в то же время многие из книг, которые я просил прислать, благополучно приходили. Позже, уже в Израиле, я встретился с доктором Бенционом Фишлером из Сохнута. Оказалось, что именно он получал значительную часть моих заказов и готовил подборки книг к последующей отправке в СССР. Этому человеку

принадлежит большая заслуга в закладке прочного фундамента для возрождения преподавания иврита в СССР в восьмидесятые годы.

Говоря о помощи в изучении иврита, которую нам оказывали израильтяне, следует отметить неоценимую роль переписки на иврите – в основном, с энтузиастами из киббуцев. Из этих писем мы не только познавали реалии израильской жизни, но и учились современному живому языку. Я просил своих корреспондентов не просто отвечать на мои послания, но анализировать и исправлять ошибки в словоупотреблении и стиле. С чувством глубокой благодарности я вспоминаю покойного Эзру Инбара из киббуца Кфар Сольд и Сару Хаммель из киббуца Саад. Их письма читались и перечитывались на занятиях, а многие десятки присланных ими фотографий позволили сотням людей приобщиться к реалиям Израиля, находясь за тысячи километров от него.

Итак, материал для книги собирался, необходимо было его переработать, систематизировать и подготовить к печати. Где и как напечатать книгу, не было никакого представления. Но работа продолжалась. Поскольку пособие предназначалось для русскоговорящих читателей, не имевших никакой подготовки в филологии вообще и в семитских языках в частности, изложение материала в понятной форме оказалось непростой задачей. К этому времени уже был печальный опыт краткого грамматического очерка языка иврит Б.Гранде в приложении к словарю Ф.Л.Шапиро. Казалось бы, доступный и вполне легальный материал был написан малопонятным для непосвященных языком, что значительно повлияло на его практическую ценность.

Отсутствовала устойчивая терминология, касающаяся иврита. Даже само название языка не было однозначно определено в литературе. С одной стороны, на русском языке, включая энциклопедии и словари, все еще доминировало название «древнееврейский». С другой, в специальной литературе все чаще пользовались названием «иврит», хотя при этом возникало ощущение некоторого исторического разрыва. Антисемитская пропаганда активно насаждала идею о том, что сионисты придумали искусственный язык и назвали его ивритом. Была еще одна тенденция – пользоваться термином «еврейский язык», как бы подчеркивая уникальность иврита как исторического национального языка и, игнорируя такие языки, как идиш, ладино и др. После некоторых колебаний я остановился на термине «иврит» и, как оказалось, не ошибся.

Сегодня это название повсеместно принято для языка во всем его историческом объеме, оставляя за «древнееврейским» место на

определенном раннем этапе развития иврита. Понятие же «еврейский язык» практически исчезло из употребления, причем идиш и ладино сохранили свои особые названия. Поскольку изложение ориентировалось на образованного читателя, мне пришла в голову мысль о том, что за основу надо взять хорошую монографию по русскому языку и изложить свойства иврита, отталкиваясь от известных читателю понятий русского языка. Неожиданно оказалось, что на полках книжных магазинов отсутствуют, казалось бы, элементарные книги по грамматике русского языка. Пришлось искать каталоги, оставлять заявки и месяцами ждать выхода в свет новых трудов. Продолжая свои занятия по систематизации материала, я пришел к выводу, что надо стремиться к максимальной унификации изложения, стараясь свести все разнообразие форм к возможно более универсальным моделям и разработать соответствующие таблицы.

К началу 1985 года основная работа над рукописью завершилась. В ней было более 1000 страниц текста и около 300 таблиц. Усвоение материала регулярно проверялось на занятиях в кружках, и при необходимости текст соответствующим образом корректировался. Теперь возникла новая задача: переправка рукописи в Израиль, издание ее там и доставка книг обратно в СССР. Сообщение о наличии готового к печати пособия по ивриту на русском языке вызвало большой интерес в израильских кругах, помогавших возрождению еврейской жизни в СССР. Было принято решение сфотографировать рукопись и сконцентрировать фотокопии в одном центре.

Сара Хаммель взяла на себя координацию этого непростого мероприятия. Более восьми месяцев ушло на то, чтобы отснять и переправить материалы в Израиль. В этой необычной операции приняли участие более десятка человек из Израиля, США, Англии, Ирландии, Франции, Мексики и Норвегии. Встречи с ними всегда носили характер остросюжетного детектива. Участники операции друг друга не знали, встречи происходили конспиративно и под покровом темноты. Иногда фотограф сам не имел представления, что он снимает и для чего. Предпринимались меры для защиты негативов, иногда делались дубли. Никогда не было известно, удалось ли провезти пленки через границу, а подтверждение получения из Израиля приходило с большим опозданием и в очень туманной форме. В конце 1985 года после долгого молчания вдруг пришло письмо от Сары, она спрашивала, согласен ли я, чтобы рукопись была отредактирована доктором А.Соломоником, и чтобы он написал предисловие. Был задан еще один важный вопрос: согласен ли я, чтобы на обложке стояло мое имя.

На первые два вопроса ответ был дан сразу. Хотя я не знал доктора А.Соломоника лично, но имя его встречал в библиографиях, посвященных методике преподавания иврита, и поэтому сразу согласился с его кандидатурой. А вот по поводу имени я колебался: предполагалось, что книга будет нелегально доставлена назад, в СССР. Не станет ли это поводом для репрессий против автора и его близких? В конце концов, на семейном совете было принято решение: на обложке должно стоять мое имя именно для того, чтобы открыто заявить о своем праве обучать ивриту и изучать его. И уж если суждено пострадать, то, по крайней мере, за святое дело. Таков был ответ, отосланный в Израиль по всем каналам связи.

Прошло несколько месяцев, и в начале лета 1986 года к нам приехал один из связных, на этот раз – обладатель французского паспорта. Вынув из сумки темно-зеленую бутылку невиданного коньяка «Реми Мартен», он торжественно вручил мне только что изданную в Израиле книгу, на обложке которой стояло: «*Леонид Зелигер*. Иврит. Иерусалим, 1986».

Сейчас, когда прошло почти двадцать лет со дня первого издания этой книги, я вижу ее многочисленные недостатки, основной из которых состоит в том, что это только половина задуманного. Многое я бы сейчас переписал заново, в тексте есть немало неточностей и опечаток, полиграфия не отвечает требованиям дня. Но я все равно горд тем, что до сих пор это самый первый и всеобъемлющий труд об иврите на русском языке. На книгу и сейчас ссылаются в публикациях и в популярных уроках иврита по радио.

И снова не обошлось без курьезов. Однажды у меня дома раздался неожиданный телефонный звонок. Говорила сотрудница МИДа, которая некогда курировала связь с евреями Советского Союза. Начав издалека, она осторожно расспросила о наших делах и здоровье, и только убедившись, что все в порядке, рассказала следующую историю. По пятницам, накануне наступления субботы, есть на израильском радио такая передача – «Букинист». Ведет ее известный журналист-библиофил, ему звонят радиослушатели и просят найти ту или иную старую книгу. И вот позвонила одна женщина, давно живущая в стране, говорившая с легким русским акцентом, и попросила найти ей книгу Зелигера «Иврит». Она объяснила, что, несмотря на долгие годы жизни в Израиле и хорошее знание языка, хотела бы иметь эту книгу, столь подробно описывающую иврит. Об авторе она знала только то, что он, будучи глубоко пожилым человеком, видимо, уже несколько лет назад скончался.

Моя знакомая из МИДа, услышав подобное заявление, поспешила справиться о моем благополучии. На следующий день меня встретили на работе возбужденные коллеги: их поразило известие о моей смерти, а также факт издания книги. Через неделю ведущий программы сообщил, что автор книги жив и здравствует, а вот книгу уже достать никак нельзя: она давно разошлась. И это при том, что ее выпустили в Израиле с двукратной допечаткой тиража, а в Москве появилось по меньшей мере одно пиратское издание. Все, что вышло в Израиле, было отправлено для бесплатного распространения в СССР, в то время как московское издание спокойно продавалось в израильских магазинах русской книги. Такова жизнь...

С преподаванием иврита у меня связан еще один эпизод, сыгравший в моей жизни важную роль. В 1982 году политическая ситуация в СССР резко ухудшилась. В воздухе витал призрак надвигавшихся репрессий, возросло число узников Сиона, антисемитская пропаганда стала более ожесточенной. Людей бросали в тюрьму на основании статьи о тунеядстве и паразитизме, хотя на самом деле это было преследованием инакомыслящих и среди них – еврейских активистов. Пытаясь каком-то образом защитить свой статус преподавателя иврита, я попросил западные академические центры заочно проэкзаменовать меня по ивриту и гебраистике и выдать на основании результатов диплом. Я обратился к Джоэлу Берковицу, своему хорошему другу из Бостона, с просьбой подыскать подходящее учебное заведение. В ноябре 1983 года доктор Х.Померанц из Службы еврейского образования в Северной Америке (JESNA) получил через Дж.Берковица мое письмо с просьбой об экзамене. Доктор Х.Померанц и его коллеги из Национального лицензионного комитета, организации, которая выдает дипломы учителям в США и Канаде, подготовили на иврите специальный экзамен, состоявший из четырех разделов:

– Танах
– Ивритская литература
– Грамматика иврита
– Сочинение на свободную тему («Письмо к другу»).

Экзаменационные листы были отправлены мне через Дж.Берковица. Мой ответ был получен ровно через год и передан д-ру Э.Граду, председателю Национального лицензионного комитета. Как писал потом Балтиморский журнал «Jewish Times» в майском номере за 1987 год, *«члены комитета были поражены и глубоко тронуты полученным результатом. Стиль изложения на иврите и глубина ответов Зелигера были далеко за пределами ожиданий*

членов комитета. Те, кто был готов выдать Зелигеру чисто формальный диплом, были потрясены тем, что он полностью заслужил признание своей квалификации». В июне 1986 Национальный лицензионный комитет выдал Леониду-Дову Зелигеру постоянный диплом преподавателя еврейской школы.

В 1987 году вся наша семья получила разрешение на выезд в Израиль. Приехав в Иерусалим, я встретился со всеми людьми, которых знал только заочно и которые сыграли такую большую роль в моей судьбе, – с Эзрой Инбаром, Сарой Хаммель, Абрамом Соломоником, Бенционом Фишлером и другими.

В Израиле мы сразу погрузились в новую жизнь, наполненную непривычными трудностями, заботами и впечатлениями. Первый год в Израиле мы прожили в центре абсорбции, что освобождало от срочной необходимости искать квартиру и выдвигало на первый план проблему трудоустройства. Хотя репатрианты в центре абсорбции пользовались всеми коммунальными услугами, условием получения стипендии было обязательное посещение занятий в ульпане. Эти занятия продолжались с утра до вечера, и времени на поиски работы практически не оставалось. Однако после первой же беседы с директором ульпана я был полностью освобожден от занятий, что радикально изменило наше положение. Через три месяца после приезда я уже работал инженером в одной из крупных корпораций Израиля. Так завершился интереснейший этап моей жизни, этап изучения и преподавания иврита. На память о нем у меня остался висеть в рамке диплом почетного члена профсоюза израильских учителей, выданного «Леониду Зелигеру – распространителю языка иврит и культуры нашего народа среди наших братьев в Советском Союзе».

Занятий языком я, однако, не оставлял, хотя они приобрели иной характер. В тот период наибольшую потребность студенты ульпанов испытывали в современных двуязычных словарях. Особенно большой дефицит в них появился с началом массовой алии 90-х годов. Как раз в это время я познакомился с крупным израильским лексикографом д-ром И.Гури. Он выступил с инициативой составления компактного двуязычного словаря, который в наиболее адекватной форме отражал бы самую употребительную и современную лексику русского языка и иврита. К работе были привлечены высококвалифицированные специалисты: семитологи, лингвисты и лексикографы. На мою долю выпал перевод иврит-русской части словаря, а также составление таблиц спряжения глаголов, которые явились новинкой для изданий подобного рода. Новизна состояла в том, что почти все многообразие частных спряжений удалось свести к огра-

ниченному числу типовых моделей, а в тексте словарной статьи глагола стояла ссылка на соответствующую модель. Кроме того, особое внимание было уделено полиграфической стороне издания, то есть типу и размеру русского и ивритского шрифтов.

В результате в 1992 году в издательстве «МАТАХ» вышел в свет под редакцией д-ра И.Гури «Современный словарь», который выгодно отличался от других изданий не только хорошо выверенным содержанием, но и четким удобочитаемым шрифтом, что сразу сделало его необычайно популярным. Тысячи экземпляров словаря немедленно разошлись с полок книжных магазинов.

В том же году и в том же издательстве вышел в свет трехязычный, иврит-русско-английский «Электротехнический словарь». Меня пригласили быть консультантом и редактором уже в качестве инженера-электрика. Для меня это было интересным опытом синтеза двух областей: инженерной и филологической.

На одной из конференций, организованной Еврейским агентством, я познакомился с пожилым и необычайно интересным человеком. Полиглот и литератор, Х.Балцан принадлежал к легендарному поколению еврейского ишува. Он стоял во главе Союза еврейских журналистов в подмандатной Палестине и был автором первого учебного пособия по ивриту для британских полицейских. Х.Балцан вместе с выдающимся поэтом Н.Альтерманом был также энтузиастом модернизации ивритской письменности и введения системы полного обозначения гласных. Результатом нашего знакомства и сотрудничества стал необычный «Практический словарь», в котором ивритские слова были записаны фонетически кириллицей и расположены в порядке букв русского алфавита. Словарь вышел в издательстве «Карта» в 1995 году и тоже завоевал широкую популярность.

Со дня нашего приезда в Иерусалим прошло восемнадцать лет. Выросли дети, родилась в Иерусалиме внучка Ной. Но диплом преподавателя еврейских школ, полученный мной в 1986 году, по-прежнему висит в рамке у меня дома рядом с другим дипломом еврейского учителя, который больше 100 лет назад получил Дов Зелигер из Слуцка – дед Дова Зелигера из Ленинграда-Иерусалима.

Иврит – это просто (Или «Смотри в корень»)

Рина (Инна) Раковская (Тель-Авив)

Начало пути

Д-р Рина Раковская

Я бывшая москвичка. Окончила институт и аспирантуру МГПИ им. Ленина. Начинала карьеру как преподаватель русской литературы и диссертацию защитила по творчеству Льва Толстого.

Преподавала в Московском историко-архивном институте. Через нескольких лет возникли профессиональные проблемы с голосовыми связками: больше не могла читать лекции в больших аудиториях. Единственным выходом было – перейти на работу в маленькие классы. Так я занялась новой для себя областью – преподаванием русского языка иностранцам.

Оцените, как было поставлено образование в Союзе. Меня, учителя русского языка и литературы, кандидата филологических наук и вузовского преподавателя, – отправили на годичные курсы переквалификации на кафедру русского языка как иностранного (РКИ) в МГУ. Нас готовили очень основательно и серьезно! Да оно и понятно. Ведь преподавание русского языка иностранцам являлось экспортным товаром. И как всё, предназначенное на экспорт, было на уровне самых высоких мировых стандартов. Мы даже шутили, что если бы нас обучали английскому языку так, как мы учим иностранцев русскому, мы бы владели *инглишем* лучше самих британцев.

Учась в МГУ, выяснила, что *преподавание языка как иностранного и преподавание языка как родного* – это, как говорят в Одессе «две большие разницы». Совершенно разные методики. Поэтому меня не перестает удивлять один факт, имеющий далеко идущие и крайне печальные последствия.

Как известно, главная задача Государства Израиль – абсорбция новых репатриантов. Для того чтобы эта абсорбция была успешной, в первую очередь необходимо дать им иврит. Причем сделать это в кратчайшие сроки. Поэтому парадоксальным является факт, что ни в одном из университетов Израиля нет факультета преподавания иврита как иностранного языка!.. То есть профессионалов-филологов в этой области просто не готовят, и, согласно статистическим исследованиям, лишь 30-40% представителей «большой алии» овладели приемлемым ивритом, остальным это сделать не удалось.

Поэтому в глазах израильтян мы просто недоумки, которые за 10 лет оказались неспособными овладеть одним из простейших языков мира (о том, что *иврит – это просто*, я расскажу и покажу не раз).

Русские и всякие прочие шведы

Работала на кафедре РКИ в Институте нефти и газа им. Губкина на Ленинском проспекте. Потом меня пригласили на должность старшего преподавателя с огромной зарплатой в 250 рублей в МФИ (Московский финансовый институт), что на проспекте Мира. Через год стала ведущим методистом 3-го курса.

Сразу же хочу уточнить, что русский язык относится к наиболее сложным языкам мира, иврит же считается и является одним из самых простых языков.

Вспоминается один случай. На кафедру в сопровождении переводчика пришла группа новых аспирантов в возрасте 30-40 лет. По-русски они не знали ни слова. Когда меньше чем через 3 месяца мы проводили для аспирантов новогодний вечер, то с нами за столом сидели люди, вполне сносно изъяснявшиеся на разговорном языке. А еще через несколько месяцев они уже начали работать над диссертациями, читая литературу по-русски и делая выписки.

Так неужели же мы, «русские» евреи, цвет русской интеллигенции, настолько тупы, что не можем овладеть одним из самых простых языков мира?..

Эпоха перестройки

Шли годы перестройки. Со мной произошла история, очень характерная для этого периода. Еще в школе я была капитаном команды КВН и получила подкову за остроумие. Позднее, как вы помните, КВН запретили. Тогда стала популярной шутка о

причинах его закрытия: Все веселые уехали на БАМ, а находчивые – в Израиль.

После «реанимации» КВН студенты-иностранцы тоже присоединились к модной игре. Поскольку я всегда была человеком пишущим, то меня назначили от кафедры РКИ ответственной за нашу команду. Написала тексты, все отрепетировали. Состоялась игра трех команд студентов-иностранцев: МГУ, ВГИК и МФИ. Выиграл МФИ, все нас поздравляли.

Однако назавтра меня вызвали к декану по работе с иностранцами. Было сказано, что в моих текстах присутствует антисоветская пропаганда. А посему такого-то числа мне надлежит явиться на заседание парткома (хотя членом партии я никогда не была). Результатом такого заседания могло быть только увольнение с волчьим билетом. Казалось, что жизнь кончена. Но через несколько дней Горбачев выступил с речью, в которой говорил о гласности. Прозвучала его знаменитая фраза о том, что *все, что не запрещено, то разрешено*. В итоге судилище не состоялось, сделали вид, что ничего не произошло. Так Горбачев спас меня.

В эпоху перестройки я получила направление на работу в Чехословакию, где преподавала русский язык. По существующему тогда порядку, после работы в социалистической стране можно было уже работать и в капиталистической. Ждала командировку в США.

Но тут начался массовый отъезд в Израиль. А поскольку это было моей мечтой еще со студенческих лет, то я, разумеется, стала собираться в дорогу.

Моя заведующая кафедрой уговаривала не уезжать и сказала врезавшуюся в память фразу: *Инночка, пришло Ваше время*. Она имела в виду, что теперь можно будет дать свободу творчеству, развивать новые методики, новые подходы.

Но все же в июне 1991 году я уехала. Жизнь сложилась так, что новые методики начала создавать уже в области преподавания иврита.

Первые шаги в иврите

В Тель-Авиве училась в ульпане, который по сей день считается одним из лучших. Здесь же поняла, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Трудовую деятельность начала по специальности, – преподавала русский язык израильтянам.

Когда я была в стране чуть больше года, одна знакомая, убежденная в моих хороших знаниях иврита, попросила ей помочь. Поскольку, как и многие из вас, я читала книжку «*Физики шутят*», то запомнила фразу: *Самый короткий путь что-то выучить – начать это преподавать*. Стала помогать подруге, та привела мужа, муж привел друзей, друзья привели своих друзей... Так образовалась первая группа.

Конечно, в те годы мой иврит оставлял желать лучшего, но я владела методиками преподавания РКИ – и они были первоклассными! Говорят, что *истинный учитель – это не тот, который знает все, а тот, который может научить большему, чем знает сам*. Владение методиками РКИ позволило мне сделать это.

Я преподавала и одновременно писала свой первый учебник «*Последние трудности – первые трудности*». По этой книге мы работали много лет.

Тогда же начала писать *«Грамматические сказки: Корни иврита»*. Книжка выдержала уже 3 издания, в 1994–1995 годах печаталась в газете *Новости недели*, позднее – в *Вестях*. Кстати, именно по названию этих сказок мои курсы и получили название *Корни иврита*.

Однажды ко мне на лекцию пришла Нора, руководитель отделения Сохнута в Бат-Яме. По окончании она сказала: *Инночка, я ищу Вас уже 10 лет! Вы именно тот преподаватель, который нам нужен.* Тогда я находилась в Израиле меньше 3-х лет. Так я начала вести курс иврита в Сохнуте. Работа была интересной, но потом, к сожалению, отделение закрыли. Я перешла в *Ассоциацию учителей-олим*.

В 1997 году был создан колледж *Микцоан 2000 (Профессионал 2000)*. Его руководитель Наум Спектор ранее был заместителем генерального директора и одним из основателей *Ассоциации учителей-олим*. Цель колледжа – создание альтернативной системы образования, прежде всего, в обучении языкам. Поэтому я с радостью перешла туда.

Опять студентка

Я человек академический – привыкла учиться. Понимая, что мне недостает знания иврита на академическом уровне, в 1998 году решила поступить в *Тель-Авивский академический педагогический колледж Левински*.

Отделом переквалификации заведовала д-р филологии Ривка Герон. Она не хотела меня принять. В Израиле не было прецедента,

чтобы «русский» филолог, да еще и с 3-ей степенью, учился на факультете иврита. Лишь после долгих проволочек меня все же приняли. Одновременно училась на двух отделениях: иврита и истории. Параллельно продолжала работать: читать лекции, писать, готовить новых преподавателей и т.д. За два года учебный курс составил почти полторы тысячи часов. Прошла педагогическую практику в двух *Тихонах* (выпускных классах): гимназии «Герцлия» в Тель-Авиве и «Новом тихоне» в Рамат-Гане. Получила удостоверение: *старший преподаватель иврита и истории с 3-ей степенью.*

Когда завершила учебу, Ривка Герон сказала: *Инна, я даже не предполагала, что такое возможно... Из русского филолога Вы стали филологом израильским.* С тех пор, если я кого-то рекомендую, д-р Герон относится к этим людям внимательно и уважительно.

Путь к снятию языковых проблем

Я руковожу курсом «Корни иврита» в рамках Школы языков «Микцоан 2000». Лозунг курсов Корни иврита – говорить с израильтянами на равных. Наш курс состоит из трех ступеней (240 часов).

На первой ступени ученики начинают ориентироваться в грамматике, снимают проблемы понимания разговорного иврита, умеют выразить свои мысли в бытовых ситуациях, не делая кальку с русского языка.

На второй ступени грамматические проблемы практически снимаются. Речь обогащается израильскими речевыми оборотами, включая сленг. Формируется достаточно грамотная письменная речь, умение читать документы, газеты, слушать радио и даже думать на иврите.

На третьей ступени занятия включают диалоговые произведения современной израильской литературы. Здесь достигают уровня языка, который необходим каждому, кто хочет сделать карьеру. Это тот иврит, который позволяет комфортно жить, учиться и работать. Полное решение языковой проблемы для тех, кто действительно хочет знать язык без всяких чудес, – 360 часов. Программа ульпана «алеф» рассчитана на 500 часов, и зачастую люди даже не успевают пройти запланированный курс. Наша система домашних заданий направлена на выработку автоматизма. Знать – недостаточно. Знанием надо уметь свободно пользоваться. Мы не обещаем чудес, но с теми, кто действительно хочет знать язык, мы добиваемся хороших результатов. У нас, помимо методики, прекрасно подготовленные преподаватели-профессионалы.

Поскольку мы находимся в возрасте, когда с молоком матери язык нам уже не впитать, необходимо усвоить готовый язык, его словосочетания и целые блоки. Понимая, как эти блоки построены и осваивая их, мы овладеваем языком. Вслед за этим необходимо выработать автоматизм, и я разработала методику, как это сделать. Наша методика охватывает все аспекты языка (чтение, понимание на слух, разговорную и письменную речь, фонетику, словообразование, синтаксис и т.д.).

«Методика изучения иврита, разработанная Риной Раковской, была утверждена такой авторитетной структурой, как Еврейский университет в Иерусалиме»[1].

Году в 1993 я прочла в американском журнале статью, посвященную проблеме освоения английского языка эмигрантами. Ученые пришли к выводу, что отличие между носителями языка и изучающими его заключается в наличии или отсутствии чувства языка: наличие – у первой группы и отсутствие у второй.

Обложка книги Рины Раковской

Из этого был сделан вывод: развитие чувства языка – путь к решению языковой проблемы.

Методика *«Корни иврита»* – это, с одной стороны, комплексный, а, с другой, индивидуальный подход. Комплексность методики *«Корни иврита»* проявляется в нескольких плоскостях.

1. **Одновременная мобилизация всех органов чувств**

Как известно, все сущее, включая язык, человек воспринимает с помощью органов чувств. Но не все они развиты одинаково.

---

[1] *Марина Аристова.* Доктор Раковская – прорыв на гуманитарном фронте // Вести (Тель-Авив). 18.11.96.

Кому-то, чтобы понять и запомнить, надо прочитать текст, – зрительная память. Кому-то достаточно услышать – восприятие на слух. Кому-то необходимо проанализировать – логическое мышление. Кому-то надо ввести в речь – говорение, активизация органов речи. Из сказанного вытекают две цели:

– мобилизовать все органы чувств для выполнения задачи – освоения языка. Ибо чем больше органов чувств участвует в процессе восприятия, тем оно эффективнее.

– Развить недостаточно развитые органы чувств, что значительно увеличивает возможность восприятия.

Для оптимального усвоения необходимо задействовать все органы чувств. При этом нужно *учитывать индивидуальные особенности* каждого учащегося.

Приведу пример. Приходят два человека.

Один работает у компьютера. В его задачу входит прочитать полученную информацию и дать свои замечания. Поэтому он хочет научиться лишь читать и писать.

Второй работает с телефоном. Он считает, что ему необходимо понять сказанное и правильно ответить.

Каждый просит, чтобы их научили только этому. Я всегда объясняю, что такое возможно, но потребует гораздо больше времени, труда, сил и средств. Человек поражен. Ведь он был убежден, что так – гораздо быстрее.

Почему? Рассудите сами. Скажем, вам надо запомнить фразу. Подумайте: когда результат будет выше: когда вы будете производить одно или два действия, то есть, скажем, только писать или только произносить ее? Или же сначала прочтете и разберете фразу, – то есть *поймете* ее значение и как она построена, а также *воспримете зрительно*. Затем произнесете вслух, то есть подключите *слуховую память и органы речи.* Потом письменно составите предложение, – то есть подключите *двигательную и зрительную* память. Затем введете эту фразу в диалоги, сценки и речевые ситуации, – вновь *подключив слуховую память и органы речи.* Разыгрывание сценок, психодрама позволяют активизировать даже органы вкуса и обоняние. Таким образом, вы *задействуете все виды памяти.* Вот тогда эта фраза станет действительно вашей. Может быть, вам покажется странным, но путь этот неизмеримо короче, эффективнее и результативнее, чем, скажем, только ввод фразы в речь.

Таким образом, *методика «Корней иврита» отвечает потребностям любого человека, независимо от того, какой вид памяти развит у него лучше. Ибо в этом подходе учитываются все.*

Более того, я разработала специальные тренинги, позволяющие, опираясь на виды памяти, развитые лучше, развивать более слабые.

2. Одновременное изучение всех сторон языка

Наша методика охватывает все аспекты языка (чтение, понимание на слух, разговорную и письменную речь, фонетику, словообразование, синтаксис и др.). Зачем? Не сложно ли это? Совсем наоборот. Ведь для того, чтобы задействовать все виды памяти, нам необходимы все стороны языка. Чтение – это зрительная память и тренировка органов речи. Понимание на слух – это слуховая память. Письменная речь – это зрительная и двигательная память. Устная речь – это слуховая память и тренировка органов речи. Знание законов языка – это единственная возможность не тупо зубрить, а понять, то есть свободно оперировать своими знаниями. Иначе взрослый человек языком овладеть не может.

3. Три пути разрешения языковых проблем:

а) Для того чтобы воспринять и запомнить, взрослому человеку, прежде всего, необходимо понять. Это объясняется особенностями его физиологии. Известно, что лишь порядка 10% (!) взрослых могут запоминать, не понимая. Именно поэтому вы всегда задаете вопрос «Лама?» («почему»), однако вместо объяснения слышите, как правило, «Каха» («потому»). Ибо очень часто тот, кого вы спросили «почему», – не может вам ответить, так как не является специалистом ни в области иврита, ни в области методики его преподавания. А быть просто носителем языка – недостаточно.

б) Дело еще и в том, что человеческая память состоит из двух параллельных процессов: запоминания и забывания. Поэтому большую часть запомненного или вызубренного человек забывает. Взрослый человек по совершенно объективным психофизиологическим причинам не может на продолжительное время овладеть никакой информацией, не понимая ее, будь то язык или что бы то ни было другое. Именно этим и объясняется неудача так называемых интенсивных, то есть коммуникативных методик, – овладения языком в процессе речевого общения. На подобных курсах человек начинает говорить довольно свободно в течение короткого срока – и в течение столь же короткого срока забывает выученное. Ведь когда вы не понимаете, как и почему употребляете именно эту

форму или почему именно так строите фразу, – то достаточно выпасть одному слову, как рушится все.

в) Если коммуникативные методы базируются на понимании структуры языка, то результат их совершенно иной. Тогда, даже если вы и забываете слово, то легко заменяете его другим. А если забываете фразу, то просто перестраиваете ее или используете другую. Но и это еще не все.

г) Однако, овладев структурой языка и готовым языком, вы все еще можете затрудняться в подборе нужной фразы или делать ошибки.

д) Чтобы избежать этого, необходимо выработать автоматизм. Автоматизм снимает сложности в понимании на слух, чтении, письме, говорении. Более того, мы применяем методы, активизирующие подкорку мозга. Уже давно доказано, что информация, записанная на подкорке, не исчезает никогда, даже если нам кажется, что мы все забыли. С помощью определенных методик ее всегда можно восстановить.

Методика «Корни иврита» – это не зубрежка правил, это не та грамматика, которая внушает нам отвращение, а понимание построения данного языка, знание структуры языка. А поскольку иврит считается и является одним из самых простых языков мира, то понять его структуру достаточно легко.

Иврит – язык нескольких формул. Поверьте, я ничуть не преувеличиваю. Структура иврита – проста и логична настолько, что отпадает необходимость запоминать каждое слово, достаточно знать корень и модели. Структура же – это скелет, на который очень быстро нарастает мясо – словарный запас. А достаточный словарный запас – это возможность общения. Здесь знания входят в активную речь, и разрушается психологический барьер. Речевые и ролевые игры в нашей методике построены так, что вы говорите не потому что вынуждены говорить, а потому, что вы этого хотите.

Делаем мы это несколькими способами, в том числе и в состоянии релаксации. Как известно, в состоянии релаксации человек достигает полного сосредоточения. Все постороннее уходит, ничто не мешает. Именно в этом состоянии с помощью необходимых методик вы и запоминаете целые блоки готового языка.

Ассоциативное (быстрое) запоминание. Поскольку у многих людей есть проблемы с памятью, то использование этого подхода является необходимым.

Разумеется, чтобы сочетать все эти методики, их надо было основательно переработать и адаптировать, учесть специфику конкретной аудитории, принять во внимание присущие именно ей способы освоения нового языка и еще многое, многое другое…

Когда в 1992 году я только начинала свой путь преподавателя иврита, мне, очарованной этим фантастическим в своей логической простоте языком, – очень хотелось как передать свою любовь к ивриту ученикам, так и показать им эту простоту, дав тем самым кратчайший путь в иврит, а, следовательно, и в новую жизнь. Я начала писать Грамматические сказки для работы в аудитории со своими взрослыми учениками. Однако вскоре выяснилось, что Сказки пришлись по вкусу не только моим ученикам, но также и их детям и внукам.

«Грамматические сказки "Корни иврита" являются новым словом в учебной литературе, а их содержание так увлекательно, что читается книга на одном дыхании. Но мне удалось это сделать только после малолетнего племянника, который категорически отказывался вернуть книгу, пока не прочел ее»[2].

Сказки действительно пришлись ребятам по вкусу. Они с удовольствием читали о Синей Бороде, Коротышках и Принце, а их словарный запас изменился так, что школьные учителя выражали родителям одобрение за то, что те взяли репетитора.

Ученики показали «Сказки» своим родственникам и знакомым, те – своим. Вдруг, к своему величайшему изумлению, я была приглашена на интервью на радио РЭКА (в 1993 году). Позднее мне предложили вести раздел иврита в газете «Новости недели» (1994–1995 годы), потом в газете «Вести» (1997 год). А потом и на радио, где у меня есть своя передача «Тайны географических названий». Это уроки иврита и еврейской истории. Судя по большому количеству писем от радиослушателей и благодарностей, которые я получаю, – эти уроки помогают.

«Книга д-ра Раковской адресована тем, кто хочет расширить свой словарный запас. Книга состоит из сказок, рассказов и эссе с занимательным сюжетом, каждый из которых содержит большое количество однокоренных слов и выражений. Слова вводятся таким образом, что становится понятным как их значение, так и способ словообразования. Это дает читателю

---

[2] *Барух Кляйн.* Аншлаг на улице Хашмонаим // Вести (Тель-Авив). 23.05.2002.

возможность легко запомнить новые слова, образованные от знакомого корня. Занимательность сюжетов также немало способствует достижению поставленной автором цели, поскольку читателю интересно дочитать сказку, рассказ или эссе до конца, дабы понять их содержание»[3].

Я получаю большое количество писем и телефонных звонков с просьбой выслать книгу. Обращаются самые разные люди: жена слепого архитектора, который слушал «Сказки» по радио и уверен, что они – его единственный путь в иврит, обращаются люди, живущие в СНГ, Германии, США, Канаде и даже в Австралии. Пишут многочисленные слушатели радио РЭКА и читатели газет. Пишут родители, бабушки и дедушки, с большим успехом использующие «Сказки» в качестве семейного чтения.

А что сегодня...

Я по-прежнему руковожу курсом *Корни иврита,* который работает в рамках *Школы языков* колледжа *Микцоан 2000 (Профессионал 2000).* Подготовила преподавателей, работающих по моей методике по всей стране. Разрабатываю новые методики, совершенствую старые. У нас все время возникают новые проекты, новые программы.

Являюсь автором и ведущей уроков иврита на государственном радио *Голос Израиля (РЭКА – русская редакция).*

По заказу Еврейского агентства *Сохнут* пишу большой учебник грамматики *Иврит – как на ладони.*

Работаю над большим корневым словарем. Он будет называться *Иврит-русский корневой обучающий словарь.*

Завершаю работу над учебником «Иврит – это просто. Диалоги. Грамматические тренинги. Грамматические таблицы».

Готовлю Курс иврита через Интернет (On line).

Вообще у меня еще много разных планов в области преподавания иврита.

Было бы только время и средства.

---

[3] *Д-р Барух Подольский.* Факультет иврита и семитских языков Тель-Авивского университета. 2004.

Авторы и редакторы книги

Леонтина Бас (Раввинова) родилась в Киеве в семье музыкантов 6 октября 1928 г. В 1946 г. окончила школу и поступила на историко-теоретический факультет Киевской консерватории; с 1949 по 1952 г. училась в Саратовской консерватории (в классе Л.Я.Хинчина). С 1951 по 1990 г. преподавала музыкальную литературу. Внештатный автор музыкальной редакции Украинского радио, автор издательства «Музична Украина», печаталась в журналах «Советская музыка» и «Музыкальная жизнь». В 1991 г. репатриировалась в Израиль. С 1992 по 2003 г. читала лекции для репатриантов (о русской и зарубежной музыке).

Гидеон Бродский родился в Киеве в 1950 г. Выпускник экономического факультета Киевского ин-та народного хозяйства. Репатриировался в Израиль в 1977 г. Изучив иврит, начал штудировать еврейские первоисточники, параллельно стараясь ознакомить с их переводами на русский язык новых репатриантов, оторванных от еврейских духовных корней. Вел передачи для жителей СССР–СНГ на радиостанции «Голос Израиля» по теме: «Еврейские традиции и праздники». Публиковал статьи в газетах «Наша страна», «Вести», «Новости недели». Автор четырех книг. Лектор-распространитель общества «Шамир», дает уроки по различным темам иудаизма. Выпускает ежемесячник «От сердца к сердцу». Женат. Живет в Иерусалиме.

Хаим Венгер репатриировался из Ленинграда в 1980 г. В Израиле работал литературным редактором журнала «Родина», гл. ред. газеты «Иерусалимский еженедельник». С 1991 г. – спецкор, а затем – постоянный автор газеты «Новости недели». В Израиле увидели свет 9 его книг: четыре – стихов и пять – прозы. Произведения Хаима Венгера публиковались в журналах, альманахах, сборниках Израиля, России, Америки, Литвы. Член Союза писателей и Союза журналистов Израиля.

Александр Гак родился в 1922 г. в Москве. Участник Второй мировой войны, старший лейтенант. Награжден двумя орденами и шестнадцатью медалями. Окончил ист. фак. Московского ун-та в 1959 г. Кандидат наук (с 1972 г.). Проработал 29 лет в Центральном музее революции СССР и ряд лет в Ин-те марксизма-ленинизма. Участвовал в подготовке 21, 25 и 30 томов полного (5-го) собр. соч. В.И.Ленина. Автор ряда книг и многих статей в Российской Федерации. Репатриировался в 1993 г. С 1999 г. – член Союза писателей Израиля. Автор книг: «В боях с фашизмом» (1999); «Семья Розовских» (2002); «Побег» (20003). Опубликовал около 150 статей в центральной прессе Израиля о послеоктябрьской истории России.

Михаил (Золмен-Идэ Хаим) Гольденберг родился в 1948 г. в Молдове. Окончил Бухарестский сельскохозяйственный ин-т, затем политехнический вуз. Занимался природоохранной деятельностью, журналистикой, охраной памятников культуры. Работал инженером-конструктором в Зауралье, на предприятиях министерства среднего машиностроения старшим научным сотрудником. Жил в Москве, с 1990 г. – в США, с 1996 г. – в Израиле. Занимался переводами стихов с испанского, французского и немецкого языков. Написал несколько материалов по истории Российского флота 1900–1917 года. В настоящее время работает радиожурналистом, готовя программы на Америку.

Арон Гройсман родился в 1929 г. в районном центре Копайгород Винницкой обл. С августа 1941 по март 1944 находился в копайгородском гетто. Окончил Киевский политехнический ин-т, получил специальность горного инженера. Работал на шахтах Донбасса, затем в проектном и научно-исследовательском ин-тах Киева. В 1990 г. переехал в Израиль. В Израиле проработал 12 лет в проектной конторе инженером-дорожником. Занимается литературной деятельностью, в частности, переводами поэзии с языка идиш на русский. Руководит клубом идишской культуры г. Бейт-Шемеш и шахматным клубом пенсионеров.

Татьяна Борисовна Друбецкая родилась в Ленинграде в 1952 г. Работала в Русском музее, затем, после окончания Ин-та культуры, с 1975 по 1990 г. – в Норильске в централизованной библиотечной системе, заведовала сетью детских библиотек. С 1991 г. – в Израиле. Главный библиотекарь библиотеки Хайфского ун-та. В 2002 г. в С-Петербургском ун-те культуры защитила диссертацию «Формирование и развитие книгоиздания детской литературы в Израиле после провозглашения Независимости (1948–2000 гг.)».

Леонид Зелигер – см. статью «История одной книги» в настоящем томе.

Зоя Копельман родилась в 1952 г. в Москве, где окончила Ин-т электронного машиностроения. Работала техническим переводчиком и инженером. Более девяти лет провела в отказе. В эти годы изучила иврит и преподавала его детям и взрослым. Приехав в Израиль в 1987 г., поступила в Еврейский университет в Иерусалиме, где получила степень магистра, а потом и доктора по специальности «ивритская литература». Преподает, переводит, занимается исследованиями. Составитель книг: *Вл. Ходасевич*. Из еврейских поэтов. 1998; Опечатанный вагон: Стихи и рассказы о Катастрофе. 2005; Альберт Эйнштейн: Обрести достоинство и свободу. 2006; др.

Рут Корецки-Маймон родилась в 1929 г. в Риге. Родители были преподавателями иврита. Дома они говорили на трех языках – идиш, русском и иврите, были убежденными сионистами. В 1935 г. семья, в которой было двое детей (кроме Рут еще младший брат) уехала в Палестину и поселилась в Иерусалиме. С тех пор в семье говорили только на иврите, и русский язык был утрачен. Училась в школе для детей рабочих, а затем вступила в партию «Ахдут ха-авода» («Единство труда»). По окончании средней школы была мобилизована в Пальмах, службу проходила в киббуце Кфар Блюм, в подразделении Ифтах, 3-й

батальон. После короткого периода работы и тренировок участвовала в Войне за Независимость, была связисткой, оказывала первую помощь, готовила пищу. В декабре 1948 г. демобилизовалась из Пальмаха и вместе с двумя подругами-связистками поехала в киббуц Цора охранять дорогу на Иерусалим. Была в числе основателей киббуца. Вначале работала ответственной за столовую, а затем много лет – бухгалтером. В киббуце Цора, на курсах повышения квалификации для репатриантов из Южной Африки, познакомилась со своим будущим мужем, Монти. Здесь у них родились четверо детей, трое – остались жить и работать в киббуце. У Рут Корецки восемь внуков – уроженцев Цоры.

Сара Лапицкая родилась в 1938 г. в Каунасе в традиционной еврейской семье. Во время Второй мировой войны находилась в детском доме в Кировской области, в котором воспитанники и воспитатели говорили на идиш. Начальную еврейскую школу закончила в Вильнюсе. После закрытия в 1949 г. последних очагов еврейской культуры родители определили девочку в русскую среднюю школу, наняв частного учителя по языку идиш. В 1954 г. поступила в музыкальное училище на хормейстерское дирижерское отделение, которое закончила в 1959 г. С 1956 г. участвовала в борьбе за восстановление еврейской культуры в Литве, в частности, в коллективе самодеятельности «Анахну кан», который и по сей день существует в Израиле. Культуре на языке идиш посвятила жизнь и в Израиле, в котором проживает с 1991 г. Преподавала идиш в ун-те Бар-Илан, Тель-Авивском ун-те, педагогическом колледже им. Левинского и на курсах повышения квалификации учителей. В настоящее время работает координатором клубов идишской культуры, читает лекции на различные еврейские темы. Доктор филологических наук. Член Союза идишских писателей и журналистов.

Эра Мазовецкая родилась в Ленинграде, где окончила Библиотечный ин-т. Там же защитила диссертацию по специальности книговедение (история книги). Репатриировалась в Израиль в 1976 г. С 1977 г. работала в Центральной библиотеке Тель-Авива «Шаар Цион – Бейт Ариэла» и заведовала библиотекой «Яд ле-Ваним». С 1979 г.

руководит научным отделом истории еврейской русскоязычной книги и нелегальных еврейских библиотек в Науч. центре исследования истории советского еврейства «ЗЕЗАМ» (Реховот). Как автор, составитель и редактор участвовала в издании «Сборника статей по еврейской истории и литературе» (4 тома, 1992-94, Реховот). Автор более 50 научных публикаций. В 2001 г. в С.-Петербурге в изд-ве «Академический проект» вышла книга Эры Мазовецкой «Анна Энгельгард». Более 10 лет Мазовецкая руководила курсами Министерства просвещения по подготовке библиотечных работников – новых репатриантов. Как представитель Еврейского агентства и научного центра «ЗЕЗАМ» читала лекции в еврейских общинах Америки, России, Украины, Австрии.

Маша Надра (Трайнина) родилась в 1945 г. в Риге. Выпускница Латвийского государственного ун-та им. Петра Стучки. Преподавала немецкий язык в латышской средней школе и работала внештатным корреспондентом в Латвийском госкомитете по радиовещанию и телевидению. В 1969 г. репатриировалась в Израиль. Окончила филфак Еврейского ун-та в Иерусалиме, получив степень М.А. 35 лет была журналисткой в русскоязычном отделе радиостанции «Голос Израиля»; под псевдонимом Мирьям Нир работала редактором программ, затем редактором новостей. В 1990-х гг., по поручению Еврейского Агентства (Сохнута), возглавила городской штаб г. Бейт-Шемеш по абсорбции новых репатриантов. Одновременно редактировала местную газету «Дом Солнца». В настоящее время на пенсии. Время от времени преподает иврит в ульпанах и исполняет обязанности наблюдателя во время экзаменов при министерстве просвещения. Замужем. Мать четверых детей.

Рена (Бронислава Александровна) Пархомовская (Ирена Штительман) родилась в Ленинграде, откуда была вывезена в конце блокады. После эвакуации жила в Москве. Окончила Московский государственный экономический ин-т. Работала по специальности, но постоянно интересовалась древней историей, историей России и евреев. После переезда в Израиль (1990) работает организатором культурного досуга репатриантов.

Участвовала в рецензировании, редактировании и корректуре статей для 1–6 томов, изданных НИ центром «Русское еврейство в зарубежье». Автор рассказов и статей для русскоязычных газет и радио Израиля, а также книги рассказов «Пожелаю прошлому добра». Иерусалим, 2006.

Михаил Израилевич Пархомовский родился в 1934 г. в Баку. Музыкальное образование получил в консерваториях Баку и Саратова и в аспирантуре Московской консерватории на кафедре проф. Д.Ойстраха. Создатель и художественный руководитель Ансамбля скрипачей Московской филармонии с 1965 по 1978 г. С 1978 по 1990 г. – руководитель Ансамбля скрипачей Сибири. В 1987 г. получил звание Заслуженного артиста России. В Израиле с января 1991 г. Основатель и художественный руководитель Ансамбля скрипачей Израиля «Virtuosi» (1991 – 2001 гг.). За время концертной деятельности (1965 – 2001) вместе с ансамблями дал 2350 концертов в СССР, Израиле, Англии, Австрии, Германии, Греции, Испании, Польше, Португалии, Франции, Шотландии, Югославии, Алжире, Гонконге, Корее, Китае, Тайване, Японии. Записал 14 пластинок и компакт-дисков. Автор книги «По обе стороны Игры» (Израиль, 2004; второе издание вышло в 2005 г.).

Барух Подольский – см. статью «Иврит – моя любовь» в настоящем томе.

Виктор Радуцкий родился в Киеве. Окончил Киевский политехнический ин-т, получив специальность инженера-электронщика. С 1976 г. живет в Израиле. С 1977 по 1993 г. преподавал электронику в колледже ОРТ при Еврейском ун-те в Иерусалиме. Одновременно учился на гуманитарном факультете этого ун-та. В 2001 г. защитил диссертацию о влиянии на украинскую культуру библейской традиции. Удостоен степени д-ра философии. С начала 80-х гг. переводит произведения ивритской прозы и драматургии на русский и украинский языки. В числе 15 книг, переведенных на русский язык, – «Мой Михаэль», «До самой смерти», «Черный ящик», «Сумхи», «Познать женщину», «Повесть о любви и тьме», «Уготован покой» Амоса Оза, а также произведения Г.Х.Андерсена, «Катерина» Аарона Аппельфельда, «Петух искупления» Эли

Амира. На украинском вышли: «До самой смерти», «Мой Михаэль», «Сумхи» А.Оза и «Катерина» А.Аппельфельда. С 1990 г. работает с ведущими израильскими театрами «Габима», Хайфский городской театр и др., – перевел для них несколько десятков драматических произведений. Как публицист выступает в русскоязычной прессе Израиля, Франции, Америки, Украины, России, где напечатаны беседы с рядом ведущих израильских политиков и деятелей культуры. Среди них – Шимон Перес, А.Б.Иегошуа, Аарон Аппельфельд, Амос Оз, Меир Шалев, Иехуда Амихай и др. Выступает с докладами на международных конгрессах и симпозиумах, его работы по славистике печатаются во многих престижных изданиях. Научный сотрудник Краткой Еврейской Энциклопедии (Иерусалим), автор более сотни опубликованных в ней статей.

Рина Раковская – см. статью «Иврит – это просто» в настоящем томе.

Исаак Геннадьевич Резник родился в Москве в 1935 г. После окончания в 1958 г. Московского ин-та стали и сплавов работал на заводе «Серп и молот». В 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 1970 г. преподавал в Московском металлургическом ин-те на кафедре экономики и организации металлургического производства. Получив звание доцента, организовал кафедру экономического анализа хозяйственной деятельности, которой заведовал до отъезда в 1992 г. в Израиль. Соавтор двух монографий и учебника, автор 54 публикаций в различных профессиональных журналах и сборниках научных трудов. В 1987-89 гг. – учёный секретарь секции бухгалтерского учёта и анализа хозяйственной деятельности правления Всесоюзного экономического общ-ва. В Израиле работает в частной фирме.

Абрам Соломоник – см. статью «В четырех шагах от задуманного» в настоящей книге.

Иосиф Усвицкий родился в Москве. После окончания Моск. ин-та электронного машиностроения работал в оборонном научно-исследовательском ин-те. С 1978 г. начал публиковаться в журналах «Знание – сила», «Химия и жизнь», «Наука в СССР», газетах «Неделя» и «Известия». Автор шести научно-популярных

книг. В 1986 г. закончил заочное отделение Литературного ин-та им. А.М.Горького. В 1990 г. репатриировался в Израиль. Со дня основания радиостанции РЭКА (апрель 1991 г.) работает на ней под псевдонимом Йосеф Эйтан. Редактор журнала актуальных событий, автор и ведущий экономического обозрения «Деловая неделя». С 2003 г. руководит отделом новостей радио РЭКА.

Григорий Фурман получил филологическое образование в Черновицком государственном ун-те. По профессии журналист. Работал в городских и областных газетах заведующим отделом и ответственным секретарем. В 1991-94 гг. – советником губернатора Калининградской обл. С 1994 г. – в Израиле. С 1996 по 2002 г. был редактором газеты «Известия Шарон». Живет в Нетании.

Дан Харув родился в Бобруйске (Белоруссия) в 1948 г. В 1973 окончил исторический факультет Могилевского педагогического ин-та. Преподавал историю в школах Бобруйска. С 1977 г. в Израиле. В 1982 г. окончил факультет истории еврейского народа Иерусалимского ун-та. В 1979–1990 гг. работал в Ин-те современного еврейства, Яд ва-Шем и Краткой еврейской энциклопедии научным сотрудником и редактором. Преподавал новую историю еврейского народа на отделении иностранных студентов Иерусалимского ун-та. С 1997 г. – заместитель редактора ежегодника «Евреи на перепутье / Евреи бывшего СССР в Израиле и диаспоре». Специализируется по еврейской историографии, а также демографии, библиографии, истории восточных и локальных общин евреев Советского Союза и истории иудаистики. Опубликовал около 75 статей. Постоянный сотрудник НИ центра «Русское еврейство в зарубежье» с 1998 г.; выступает как автор, редактор и консультант по истории еврейского народа.

Михаил Хейфец родился в 1934 г. в Ленинграде, окончил историко-литературный факультет Педагогического ин-та им. А.Герцена. С 1955 по 1966 г. – учитель литературы и истории в старших классах средней школы. С 1966 г. – профессиональный литератор, член группы литераторов при ЛО ССП. Основная тема – народни-

чество и народовольчество. Публикации в изд-вах «Советский писатель» и «Молодая гвардия», в журналах «Знание-сила», «Вопросы литературы», «Звезда», «Нева», «Костер» и пр. В 1974 г. арестован и осужден на 6 лет (лагеря и ссылка) за написание предисловия к самиздатскому собранию сочинений И.Бродского. В годы заключения написал, переправил за «проволоку» и выпустил в Париже три книги публицистики, документальной прозы и интервью («Место и время», «Русское поле», «Путешествие из Дубровлага в Ермак»). После освобождения в 1980 г. выехал в Израиль. С 1982 по 1990 г. научный сотрудник Центра по изучению и документации восточно-европейского еврейства при Иерусалимском ун-те. В эти годы написал и выпустил в свет семь книг («Глядя из Иерусалима», «Цареубийство в 1918 г.», «Воспоминаний грустный свиток» и др.). В 2000 г. вышло трехтомное «Избранное» в Харькове (изд-во «Фолио») и исследование «Суд над Иисусом: Еврейские версии и гипотезы» (М., Изд-во «Даат-Знание»). В журнале «Нева» (СПб., 2002. №4) напечатана его повесть «Страсти по Меншикову». В настоящее время закончил работу над двумя научно-популярными книгами из серии «Хана Арендт для "чайников"». Всего у него вышло 13 книг.

Александр Цодиков. Родился в 1938 г. в Ленинграде. Родители родом из Невеля, что возле Витебска. Семья больше года находилась в осажденном Ленинграде, откуда была в конце блокады вывезена по Ладожскому озеру и эвакуирована в г. Уральск (Западный Казахстан). В 1945-м возвратился в Ленинград. Закончил 8 классов школы и в 1955 г. поступил в Медицинский электротехнический техникум на рентгенотехническое отделение. В 1959 окончил его и был распределен в Колпинскую флюорографическую станцию рентгентехником. В это время начал искать свои корни, стал самостоятельно изучать сначала идиш, а затем иврит в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (зал литературы народов Зарубежного Востока). С 1961 и до выезда из страны работал старшим техником-конструктором в СКБ РА (завод «Буревестник»). Основным кругом интересов была и осталась история восточно-европейского еврейства, его общественно-политические движения всех направлений, организации, партии, расколы, слияния, личные судьбы общественных деятелей. В Израиле с 1973 г. Работал старшим техником-конструктором в СКБ на государственной службе. С 1991 – на

пенсии, занимается переводами с еврейских языков и поисками нового, хорошо забытого старого.

Владимир Цывкин. Родился в Ленинграде в 1937 г. Институт закончил в 1965 г., став инженером связи. В 1971 г. получил второй диплом – по специальности патентовед. С 1968 г. преподавал еврейскую историю в полулегальных ульпанах. Для углубления своих знаний в этой области в 1969 г. совершил велосипедное путешествие протяженностью 1400 км. по местам еврейской оседлости, включая Межиричи и Меджибож, Бендеры и Кишинев, и завершил его в Одессе. Работал в лаборатории главного конструктора по разработке ракет «вода-земля» и не надеялся быстро выехать в Израиль. Но в 1971 г. получил предложение покинуть СССР. Традиционное в те годы обсуждение на собраниях уезжавших использовал для сионистской пропаганды. Из ОВИРа пришел отказ, и в Израиль приехал только в 1973 г. В Израиле работал патентным экспертом, водил бесплатные экскурсии от Общества охраны природы. В 1986 г. в местном научном престижном журнале «Катедра» была опубликована статья автора об Императорском Православном Палестинском Обществе. Автор ряда книг на иврите, из которых две посвящены патентоведению, одна – «По стопам выдающихся личностей в Иерусалиме». На русском языке выпустил книги «Иерусалим и евреи в древности и ныне – 3000 лет» (Иерусалим, 2000) и «По стопам Иисуса на Святой земле» (Иерусалим, 2005).

Арон Яковлевич Черняк. Профессор, д-р филологических наук, канд. исторических наук. Ближайший ученик историка П.А.Зайончковского. Участник ВОВ. Имеет боевые награды. Родился в 1921 г. в Смоленске. Окончил исторический факультет Московского областного педагогического ин-та в 1949 г. Работал учителем и директором средней школы, затем – в Государственной библиотеке СССР им. Ленина. С 1962 по 1991 г. – в Московском ин-те культуры, где в течение последних 20 лет заведовал кафедрами библиографии и книговедения и истории книги. Читал курсы: *Книговедение и история книги*, *История мировой науки и техники*;

впервые в СССР создал и читал курсы: *Науковедение*, *История научно-технической книги*. Создал научную школу, подготовил 29 канд. наук – работников и преподавателей высшей школы. Автор более 330 печатных работ, среди которых около 20 книг, в том числе вузовский учебник *История технической книги*, одобренный рецензиями в СССР, Германии, Франции, ЮНЕСКО; ряд др. учебников для высшей и средней специальных школ. Опубликовал также несколько книг-биографий: о Н.В.Кулакуцком, А.И.Ульянове, Н.В.Кибальчиче, С.Н.Ванкове. Редактор многих научных изданий. Репатриировался в 1991 г. Опубликовал в русскоязычной прессе Израиля несколько десятков статей, гл. обр. по истории еврейской культуры, теории и истории антисемитизма, русско-еврейским культурным связям, роли прогрессивных деятелей России в судьбах еврейства и т.д. Жизни и деятельности А.Я.Черняка посвящены специальный биобиблиографический указатель (М., 1991. 67 с.) и ряд статей и очерков. Живет в Нешере, близ Хайфы.

Шуламит Шалит родилась в Литве. Дед по матери – раввин Шимон Шалит. Дед по отцу – Григорий Фридберг – военный комиссар Днепропетровска, позднее театральный режиссер. После окончания Литературного ин-та им. Горького в Москве работала журналистом, редактором, переводчиком, была корреспондентом по вопросам литературы, театра и кино в периодических изданиях Москвы, Вильнюса, Риги, Еревана. Опубликовала более 250 эссе и статей по литературе и искусству. Занималась лекционной работой, художественным и синхронным переводом. В Израиле с 1980 г. Закончила двухгодичные курсы библиотекарей. С 1987 г. – заведующая отд. библиографии Центр. библиотеки г. Рамат-Ган. С 1991 г. – автор и ведущая популярной программы «Литературные страницы» радиостанции РЭКА, в рамках которой ею представлены творческие и личные судьбы сотен писателей и поэтов, творивших на русском, иврите, идише. Многие литературоведческие исследования и эссе опубликованы в русскоязычной прессе Израиля, России, США. Шуламит Шалит принадлежит огромная заслуга в открытии в Рамат-Гане Музея русского искусства имени Марии и Михаила Цетлиных. Ее монография «С одним я народом скорблю...», опубликованная к открытию Музея, за короткий срок выдержала два издания и перепечатывалась в

журналах и газетах на всех континентах мира. Новое, углубленное и богато иллюстрированное исследование-эссе Шуламит Шалит «Россия далекая, образ твой помню...» – о семье Цетлиных, их окружении, об истории коллекции и о создании Музея русского искусства в Израиле – опубликовано в красочном каталоге, выпущенном к открытию 7 июня 2003 г. в московской Третьяковской галерее выставки «Коллекция Марии и Михаила Цетлиных». Ш.Шалит является также автором (тома 4 и 5) и одним из редакторов (том 5) сборников «Евреи в культуре Русского Зарубежья» (сост. и издатель – М.Пархомовский).

Указатель имен

Аб Э.А. 265
Авнат Александр 233
Авнер Ури 270
Агадати Барух 26
Агнон Ш.И. 24, 41, 145-147, 176
Айзенберг Лея 107, 117
Айзик Миронович, заключенный 327
Аксельрод Давид 239
Аксенов Василий 150, 154
Александров А. 264
Александрович Синай 117
Алигер Маргарита 163
Алленби Эдмунд 48, 60, 172
Алон Игаль 67, 75
Алмог (Копелевич) Иехуда 87, 230
Альтерман Натан 381
Амер, главнокомандующий в Египте 72
Амин Хадж 136
Амир Эли 399
Амихай Иехуда 399
Амиэль Эстер 106, 117
Андерсен Г.-Х. 398
Анер Зеэв 233
Аппельфельд Аарон 398, 399
Априль А. 117, 258
Арад Натан 116, 117
Арад Цви 154
Аренд Хана 401
Аристова Марина 387
Арлозоров Хаим 180
Аронов, музыкант 291
Аронович Юрий 289-297
Ароновичи 291
Аронсон, раввин 106
Аронсон Яаков 116
Артыков, военврач 97
Ауэр Леопольд 275
Ахад-ха-Ам 26, 29, 32, 38, 41, 45, 46, 79, 80, 176
Ахмадулина Белла 150, 163, 164
Ахматова Анна 124, 150, 163, 164, 286

Байрон Дж. 41, 124
Балцан Лев 361
Балцан Х. 381
Бальфур Артур 8, 9, 109, 132, 203, 211
Балясная Рива 254, 255
Бандес Е. 346, 347
Барабаш Яков 116
Бар-Гиора Шимон 33, 36, 37
Бар-Зоар Михаэль 197
Бар-Кохба 329
Бар-Лев (Браславский) Хаим 73
Бар-Нави Эли 233
Барон Двора 121, 126
Барталь И. 130
Барток Бела 285
Бас Леонтина 277, 393
Бах И.-С. 280, 286, 287
Бегин Менахем 58, 73, 273
Безансон Ален 73
Бейн Алекс 233
Бек Александр 150, 151
Бек (дев. фам. Лойко) Н.В. 151
Бек Татьяна 151
Беки 151
Белинский В.Г. 41

Белкинд Исраэль 52
Бен-Авраам Барух 233
Бен-Гурион Амос 185, 186
Бен-Гурион Давид 9, 11, 12, 15-20, 22, 23, 60-63, 65-70, 73, 87, 89, 90, 101, 116, 166, 169, 173, 174, 178, 180, 181, 185, 186, 187-190, 192, 194, 196-200, 201-208, 212, 217, 220, 223, 226, 228, 233
Бен-Гурион Поля 17, 185
Бен-Иехуда Элиэзер 25, 27-30, 120, 368, 370
Бен-Исраэль 10
Бен-Цви Ицхак 178, 212
Бен-Эзер Э. 146
Бергельсон Давид 308
Бергер Ривка 314
Бергинер-Тавгер Белла-Нава – см. Тавгер Белла-Нава
Бердичевский М.-И. 79
Береговский М.Я. 281
Березовский Шауль 318
Берия Лаврентий 265
Беркли Дж. 239
Берковиц Дж. 379
Беркович И.Д. 368
Берлин Исайя, сэр 230
Бернштейн-Коган Я. 45, 46
Бетховен Людвиг ван 253, 261, 279, 285, 288
Бецалель Моше 130, 145
Бизе Жорж 272
Бин-Нун Иехошуа 187
Бирин Габи 242
Блиндер Наум 285, 288
Блок Александр 124, 126
Блюдз Даниэль 117
Бограшов Хаим 47
Богуславский Виктор 258
Боккерини Л. 285
Большой Александр 359
Боркум Гилель 7
Борохов Бер 216, 225
Брайнин Реувен 79
Бреннер И.-Х. 121, 122, 126, 147, 169, 174
Бродецкая Тина 356, 357
Бродский Гидон 323, 393
Бродский Исаак 401
Бродский Савва 158
Бройер Элиэзер 249
Бруцкус Борис 275
Бубер Мартин 46, 92
Булл Олд 74
Бутман Гилель 267
Быховские 123
Быховский Шимон 122, 123
Бюлов фон 296
Бялик Хаим Нахман 12, 26, 30, 31, 32, 79, 80, 121-123, 133, 134, 176, 370

***Вагнер Игал* 233**
Вагнер Козима (в первом замужестве – фон Бюлов) 296
Вагнер Рихард 272, 295, 296
Валленберг Рауль 105
Вамбери Армин 275
Ванков С.Н. 403
Василевский, сионист 45
Вассерман Белла 7, 8

Вассерман Иоанна 8
Вассерман Лина 8
Вассерман Моше 14
Вассерман Нафтали 7
Вассерман Цви – см. Маймон Цви
Вассерман Элияху 3
Вейнберг П. 275
Вейншал Я. 112, 142
Вейцман Хаим 8, 12, 42, 46, 99, 132, 181
Вейцман Эзер 72
Векслер Сима 230
Венгер Хаим 264, 393
Вивальди А. 280
Вигдорова Фрида 151
Видас Элияху де 248
Видрих Шуламит 233
Виленчук Ицхак 107-110, 112-117
Виленчук Пнина (Паня) 108, 112, 113
Виленчук, супруги 103
Виленчук (урожд. Нурок) Л.Ю. 103-108, 111-117
Виленчук Яков 108
Винокуров Е.М. 163
Витте, род 268
Виханский Илья 240
Вишнев, парторг 325, 328
Вишняк М.В. 110
Вознесенский А. 150, 160, 163
Волконские 268
Вольберг Александр (Алик) 108, 115, 117
Вольберг Иосиф 104
Вольберг Сара 117
Вольтер М.-Ф. 41
Вольф Э. 275
Вудхед, комиссия Вудхеда 181
Выгодский Л.С. 276
Высоцкий Калонимос 80
Вышинский А.Я. 192

***Габироль Шломо* 40**
Гагарины 268
Гадон Шмуэль 233
Гайдар Аркадий 69
Гайдн И. 285
Гак Александр 87, 394
Галили Игаль (Гольдфарб Игорь) 67, 238-240, 245
Галуа Эварист 324
Гальперин Дов 79
Гамзатов Расул 268
Ганди Индира 125
Гарибальди Джузеппе 41
Гаркави Цви, рав 127
Гейгер Аврахам 41
Гейликман Б.Т. 239
Гейне Генрих 41, 256, 275
Герон Ривка 385,386
Герцен Александр 170
Герцль Теодор 25, 26, 41, 45-47, 52, 275, 299
Гершфельд Д.Г. 279
Гесс Мозес 110
Гиварц Йоэль, рав 332
Гивъати Хаим 233
Гилельс Эмиль 291
Гинзбург Л.С. 279
Гисхальский Иоханан 34, 37
Гитл, раббанит 326, 328
Гитлер Адольф 62, 104, 180-182, 205

Гитлер, еврей, похороненный в Ленинграде, 370
Глазунов А. 285
Глик Х. 299
Гликсон Моше 85
Глинка Михаил 285
Глиэр Р. 285
Глозман Иосиф 306
Гнесин Н. 122
Гнессин У.Н. 121, 124
Голинкин Мордехай 77, 111
Голль Шарль де 72
Голомб Элияху 61, 132, 185, 223
Гольденберг Михаил (Золман-Идэ Хаим) 187, 394
Гольдман Нахум 99
Гольдштейн Борис 270, 275, 283, 286-288
Гольдштейн М. 275, 286
Горбачев Михаил 363, 384
Гордер, профессор 181
Гордон А.Д. 169
Горин Иосеф 233
Горький М. 111, 300, 353, 370
Гофштейн Давид 259, 261, 308
Гофштейн Левия 279, 281, 288
Град Э. 379
Граде Хаим 299
Гразовские 368
Гразовский (Гур) И. 368, 370
Гранде Бен-Цион 358, 376
Грец Генрих 40, 41
Гринбойм, сотрудник Сохнута 15
Гройсман Арон 298, 394
Громан Шломо 309
Громыко А.А. 99, 194-197
Гроссман Василий 270, 276
Грюншпан Гершл 181
Губерман Бронислав 317, 318
Гур Батья 82
Гури И. 380, 381, 420
Гури Исраэль 26
Гури Хаим 26
Гутман Нахум 81, 146
Гуц, один из деятелей меньшевизма110
Гюго Виктор 40

***Давид, царь* 22, 187**
Давыдова М. 270, 275
Даллес Джон 207
Дан Ф. 110
Данби, д-р 38
Даргомыжский А.С. 285
Дауд эль-Алами 71
Даян Моше 66, 67, 73, 75, 116, 231
Деканозов В.Г. 191, 192, 194
Дербаремдикер Марк 309
Джиган Шимон 315, 317
Дзюба Андрей 255
Дидро Дени 41
Дизенгоф Меир 131, 133, 136, 137
Добкин С.Ф. 276
Добролюбов 41, 167
Дойл Конан 139
Донат А. 122
Доркам Йоэль 21
Дорсинай, член киббуца Эйн-Харод 220
Дорфман Менахем 149
Достоевский Ф.М. 167
Драбкин Давид 257
Дразнин Меир 357

Дрезнер Соломон 274
Дробовский Евсей 356
Дрор М. 360, 361
Друбецкая Татьяна 148, 395
Друян Нехама 112
Друянов Алтер 76-86
Друянов Борис 86
Друянов Леонид 86
Друянов Элиякум 86
Друянова Ариэла 76-78, 85, 86
Друянова (девичья фам. Гальперина) Браха 77, 79
Друянова Нимрода (Мими) 86
Друянова Тэила 76, 77, 86
Друяновы 77, 85, 86
Дубнов Семен (Шимон) 45, 353
Дудаков С.Ю. 266-270, 275
Дымшиц Валерий 82

Евдокимов И. **270, 275**
Евтушенко Евгений 150, 152-154, 156, 158, 159, 163
Евтушенко З.Е. 152-154
Елин Давид 140
Елина Н.Г. 270, 276

Жаботинский Зеэв **29, 41, 42, 60, 131, 136, 139, 142, 143, 172, 179, 180, 182, 183, 228, 240, 261**
Жирков Иван 118
Жирков Л. 120
Жиркова-Быховская Е.И. (Э.Лишева) – см. Элишева

Завойский Е.К. **324**
Заит Сара 184
Зайончковский П.А. 402
Зайчик З.И. 372
Зайчик Мира 372
Зак Е. 279
Зелигер Дов-Бер 364, 368, 381
Зелигер Леонид 363-381
Зелигеры 365, 381
Зельцер Дуби 318
Зильбер Ицхак 323-332
Зильбер Яков 323
Зильберман Г.Д. 355
Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 110
Зиссерман Артур 281, 282,288
Змора Моше 14
Зрубавел Гилъад 230
Зрубавел (Виткин) Я'аков 92, 95

Ив Тами **293-295**
Идельсон (Илон) А. 108
Идит, правнучка Друянова 85
Иекутиэли Иосеф 130, 135, 140
Иехошуа А.Б. 399
Изхар Ури 233
Ильяшева Феля 106
Имбер Ш. 121
Инбар Эзра 376, 380
Иоффе А.Ф. 264-266, 268, 269, 274
Ишай Йоэль 228, 233

Кабалевский Дм. **285**
Каган Виктор 275
Каган Яков 140
Каганская Майя 273
Каменев (Розенфельд) Л. 88, 110
Камень Иосиф 356, 358
Камень Лида 354, 358

Канари Барух 224, 233
Кан Давид 321
Каневский Э. 276
Капелян И. 258
Капитайкин Эдуард (псевд. Капит) 269, 270, 275
Капица Петр 238, 267
Каплан Элиэзер 114, 115, 185, 189
Капланский Шломо 11, 16, 91-95
Капчис Х. 258
Караян Герберт фон 287, 296
Карлейль Томас 41
Карлибах Ариэль 85, 86
Карпинович Авраам 310-322
Карпинович Давид 311, 313, 320
Карпинович Двора 313
Карпинович Мейлех 311, 313
Карпинович Моше 311, 312
Карпинович Рахель 311
Карпинович Ривка 313
Карпинович Эли 313
Кафкафи Эйял 233
Кахан Яков 32, 123
Кац-Ярдени Рут 23
Кацир (Качальский) Э. 18
Кацнельсон Берл 166-186
Кацнельсон Моше 166, 167
Кацнельсон Т.-Р. 166, 167
Квитко Лейб 308
Керен И. 360
Керенский А.Ф. 110
Керман Дани 84, 85
Кестлер Артур 270, 276
Кибальчич Н.В. 403
Кикоин И.К. 266
Кипнис Григорий 164
Кир, царь 359
Классен В. 275
Клаузнер Иосеф 24-42, 123, 127, 370
Клаузнер Ципора 27
Клаузнеры 41
Клепфиш Г. 305
Клоский Аврахам 233
Кляйн Барух 391
Кляйнбарт Михаил 343
Коган Виктор 205
Коган Л.Б. 291
Кол Моше 256
Колек Тедди 185
Коллонтай А. 111
Коновский Феликс фон 12
Кон-Шербок Дэн 71
Копелевич Иехуда (Алмог) 87, 88, 90
Копельман Зоя 129, 395
Корецки-Маймон Рут 9, 13, 20, 23, 395, 396
Корецки Моти 396
Король Леонид 361
Корчак Януш 301
Котляровский И. 253
Коэн Геула 273
Коэн Роза 26
Коэн Хаим, рав 332
Крейзер Яков 94
Крейны 283, 288
Кресин В. 239, 245
Крестлер Артур 270, 276
Кузнецов А. (А.Анатолий) 148, 150, 154-159, 161
Кук Аврахам 133
Кулакуцкий Н.В. 403

Кульбак Моше 311
Кун Т. 352
Курчатов И.В. 265

Лабадинский М. **108**
Лави (Левкович) Шломо 215-220
Лавон Пинхас 66, 114, 125
Лазар Д. 127
Ландау Лев 238
Лапин С.Г. 292
Лапицкая Сара 310, 396
Ласкер Эмануэль 270, 275
Лассаль Фердинанд 275
Лацис Мартын Ив. 112
Лебенсон Миха 41
Левенбук А. 260
Леванон Мордехай 115
Левидов М. 270, 275
Левита Лева 218, 219, 225, 233
Левитан Исаак 270, 275
Левитины 366
Лельчук Н. 276
Лемель Симон фон 51
Лемстер Моше 321
Ленин В.И. 89, 155-158, 221, 223, 225, 353, 372, 394
Лермонтов М.Ю. 167
Лернер Клара 112
Либер Марк 110
Ливне (Ливенштейн) Э. 200
Лившиц А. 258
Лиза – см. Камень Лиза
Лилиенблюм Моше 45
Лист Ференц 291, 296
Литвинов М.М. (Валлах Меир) 99-101, 188, 193
Лифшиц(айте) Нехама 255, 257
Лозовский С.А. 193
Лойко Н.В. 151
Локер Берл 91
Лондон Ярон 294
Лубанов А. 372
Лунский Хайкл 312
Луццатто Моше 33, 41, 79
Люксенбург Эли 243, 246, 328

Магид Б. **346**
Мазе Яков 112
Мазовецкая Эра 103, 107, 118, 396, 397
Маймон Арион 9, 20
Маймон Арье 10
Маймон Бенцион 10
Маймон Дина 16, 20
Маймон Моше 10, 15
Маймон Натан 10
Маймон Рахель 10
Маймон Рут – см. Корецки-Маймон Рут
Маймон Цви 10, 13-23
Маймон Эммануэль 10
Маймон Эстер 10, 17
Маймон Яков 7, 8, 10-19, 21-23
Маймон-Маринов Рахель 23
Маймонид 54
Маймоны 7, 21, 22
Майский (Ляховецкий) Иван 91, 96, 99-101, 189, 190, 193, 209
Макдональд Д.-Р. 179
Макдональд Малькольм 179, 181
Маккавей Иехуда 187
Мак-Магон Томас 198
Максимов М.А. 192-194
Мангер Ицик 308

Мандельберг Авигдор 92
Мандельштам Осип 150, 163
Мануильский Д.З. 193
Манцони (Мандзони) А. 41
Маор Ицхак 116, 117
Мапу Аврахам 41, 44, 54
Маргалит (Вейцман) И. 106
Маркиш Давид 256
Маркиш Карл 177
Маркиш Наталья 256
Маркиш Нина 256
Маркиш Ольга 256
Маркиш Перец 253, 308
Маркиш Эстер 256
Марта, вторая жена Эвен-Шошана Шломо 163
Мартов Л. (Цедербаум Ю.) 110
Маршалл Джордж 196
Матим Р. 128
Махно Нестор 365
Медалье А. 372
Меир Голда 75, 116, 304, 313, 319
Мейербер Джакомо 270, 272, 275
Мельник С. 275
Менакер Александр 268
Менделе Мохер Сфарим (Мойхер Сфорим) 32, 368
Мендельсон Феликс 272, 296
Меншиков Александр 401
Метман-Коэн Иехуда 52
г-жа Мики 116
Мильштейн Натан 285
Минц Мататьяху 101, 209
Мира, дочь Элишевы 120, 124, 125- 127
Мирон Лея 170, 171, 173, 175, 182, 185
Миронова Мария 268
Михайлов С.С. 93, 94
Михоэлс Соломон 9, 253, 256, 263, 313
Михоэлс Наталья 256
Михоэлс Нина 256
Могилевер Владимир 267
Могилевский С.А. 268, 269
Молотов В.М. 193, 195
Монтефиори, семья 131
Монюшко С. 285
Морисон Давид 344
Мосинзон Бен-Цион 47
Моцарт В.А. 285
Моцкин Л. 46
Мясковский Н. 285

Набоковы **103**
Навон Арье 26
Навуходоносор 359
Наполеон Бонапарт 32, 319, 320
Насер Гамаль-Абдель 70-72, 74, 75
Нашашиби, семья 133
Негев А. 120,124
Нееман Юваль 242-244, 246, 273
Некрасов Виктор 41, 150, 153, 159-161, 164, 255
Неру Джавахарлал 125
Нетанияху Беньямин 41, 69
Нетанияху Бен-Цион 40-42
Нетанияху Ионатан 40, 41
Неттер Шарль 52
Нир Генри 233
Нисанов Цви 214
Ницше Ф. 41

Ной Дов 311
Нора, сотрудница Сохнута 385

Оз Амос **28-31, 38, 41-43, 398, 399**
Окуджава Булат 150, 151, 163
Орен Шифра 106
Оримиан Аарон 77, 111
Орманди Ю. 287
Островский Григорий 260
Островский Яков 329
Оффенбах Жак 272
Ошри-Юдилевич 356

Паганини Никколо **261**
Пайкин Ц.-Б. 288
Пайкович (Аллон) Игаль 184
Пархоменко О. 253
Пархомовская Рена 7, 397, 398
Пархомовский М.А. 108, 284, 288, 404
Пархомовский М.И. 289, 398
Пастернак Борис 163, 297, 303
Паустовский К.Г. 270, 275
Певзнер, автор словаря 354
Пелег Женя 106
Пенсон Б. 258
Перес Шимон 67, 399
Перец И.Л. 32, 301, 302
Пестер Мордехай 278
Петр Великий 268
Петренко Н.А. 93
Пинес И.М. 27
Пинскер Леон 81
Платон 40, 106
Плискин А.Г. 372
Подольский Барух 353-362, 392, 398
Познянский Мика 117
Покрасс Дмитрий 299
Полевой Борис 156, 157, 303
Польский Виктор 357
Померанц Х. 379
Поповский Марк 275
Поппер Иосиф 275
Порозовская Б. 275
Потоцкий Валентин, граф 320
Прилуцкий Н. 300
Прокофьев Сергей 279, 280, 285, 287, 288, 290, 291
Пушкин А.С. 41, 146, 167
Пятигорский И.Г. 159

Рабин Ицхак **26, 69, 72, 73, 246**
Рабинович, евр. историк 370
Равницкий И.-Х. 79, 80, 123
Радомский Б.Я. 155
Радуцкий Виктор 24, 398
Райзе Ефим 82
Райцин Миша 276
Раковская Рина (Инна) 382-392, 399
Рамбам 177
Раппопорт Ада 112
Раскин Александр 151
Ратош Ионатан 26
Рахель, поэтесса 26, 121, 127
Рахлин Натан 230, 290
Рахлин Феликс 150, 159, 162, 163, 165
Рахманинов Сергей 291
Резник Исаак 237, 240, 242-244, 247, 399

Ремез (Драбкин) Давид 92, 95
Ренан Ж.-Э. 41
Репин Илья 300
Риман Александр 242
Рихтер С. 287
Роговой Александр 254
Родионов С.Ф. 264
Роза, дочь Н.Лифшиц 255
Розенберг Леонид 280, 282, 288
Розенталь Залман 282, 283
Розенталь Мария 281, 288
Розенфельд Е.М. 284
Розенфельд Шалом 320
Розенштейн Хаим-Давид 148
Розенштейны 148
Рознер Менахем 233
Розовские 394
Роках Исраэль 114
Роллан Ромен 250, 370
Ростропович Мстислав 287, 291
Ротшильд Э., барон 46, 50, 52, 59
Рубашов Залман (Залман Шазар) 93, 176
Рубенчик Абрам 161
Рубинштейн Антон 275, 283, 284, 287
Рубинштейн Николай 275
Рузвельт Франклин 104
Руппин Артур 169, 174, 190
Руссо Ж.-Ж. 41
Руставели Шота 253
Рутберг Меир 87, 88, 90
Рутенберг Меир 172
Рутенберг П.М. (Пинхас) 110, 111, 114, 174, 175
***Сабурай*, член киббуца Эйн Харод 220**
Савицкий, майор 97
Саде (Ландоберг) Ицхак 230
Салтыков-Щедрин М.Е. 150
Сакциер Б. 258
Самборский Д. 127
Самойлович Рудольф 276
Сарит, сотрудница компании «Мекорот» 117
Сартр Ж.-П. 251
Свирский Григорий 150, 161, 162
Сегал Валерия 253-255, 260
Сегал Лев 252-263
Сегалы 255, 256, 262
Серов А. 285
Сибелиус Ян 290, 291
Сигети Йожеф 288
Симитский Соломон 113
Симонов К.М. 150, 151, 152
Скрябин А.Н. 295
Слуцкий Борис 295
Слущ Наум 24, 140
Смиловский И.В. 191, 192
Смоленскин Перец 25, 41, 54
Соколов Нахум 24, 140
Соловейчик Хаим 78
Солод Даниил 192
Соломон, царь 359
Соломоник Абрам 335-352, 377, 378, 380, 399
Соминская Мириам 265-268, 271, 274
Соминский М.С. 264-276
Сондерс, майор 136

Сорокер (Розенберг) Жанна 280, 282, 283, 288
Сорокер Лейб-Натан 277
Сорокер Роза 278, 288
Сорокер Я.Л. 128, 270, 275-288
Сорокер Фрима (см. Фридман Фрима)
Сорокеры 277, 278, 280, 282
Софроницкий Владимир 292
Спектор Наум 385
Спиноза Барух 39, 40
Ставский Авраам 180
Сталин И.В. 101, 104, 177, 183, 193, 198, 231, 265, 290, 303, 327, 353, 366
Старобинец Борис 274
Стейниц Вильгельм 270, 275
Стеклов (Нехамкес) 110
Стерн Айзек 293
Столярский Петр 275, 278, 285
Стояновский С. 253, 254
Страшун Маттитьяху 300, 312
Стучевский Йоахим 285, 288, 309
Супельведа Луис 298, 309
Суриц Я.З. 193
Сусленский Яков 285, 288
Суцкевер Авраам 298-310, 312-315, 320, 322
Сэмюэл Герберт 77, 174, 211, 368

Табенкин Ицхак **149, 164, 168, 212, 213, 215-221, 225-227, 233**
Табенкины 168
Тавгер Арон 237, 238
Тавгер Белла-Нава 237, 240, 242-245, 247, 257
Тавгер Бен-Цион 237-251
Тавор Иосси 295
Танеев С. 285
Тарнополер Лейбуш 93, 95, 97, 100
Тевет Шабтай 233
Тейтель Яков Львович 269
Темес, один из авторов пособия по ивритской стенографии 10
Тидхар Давид 95, 129-147
Тидхар Моше-Бецалель 145
Тидхар Эстер 145, 275
Тихонов Николай 275
Тодрасович Моше 129, 130
Тодрасович (дев. фам. Нюрнберг) Эстер 129
Толстой Лев 79, 167, 300, 382
Томилин Вс. 286
Топайде Б.Я. 155
Троицкий И.Г. 370
Троцкий Л.Д. 84, 110, 111, 177
Трумпельдор Иосеф 87, 93, 110, 174, 210-212, 229, 230
Тувим Ю. 300
Тургенев И. С. 41, 124
Тух Дина 9
Тюрин Александр 102

Уингейт Ч.-О. **210, 230, 231**
Украинка Леся 253
Улановская Майя 270, 276
Ульянов А.И. 403
Уолли, капитан 131
Усвицкий Иосиф (псевд. Иосеф Эйтан) 166, 399, 400
Усышкин Менахем 8, 132

Файн Вениамин **359**
Файнберг И.М. 276
Файнберг Мирьям 252
Файнштейн Моше 329
Фейнберг Йосеф 140
Фердинаид, император 329
Ферстер Тамара 265, 266
Фефер Ицик 308
Фидельгольц Рахель 237
Филон 35
Фиркович Авраам 359
Фисанович Израиль 94
Фихман Яков 123
Фишер (Ариэль) И. 108
Фишлер Бен-Цион 375, 380
Фишман Яаков 133, 134
Флавий Иосиф 34, 35, 329
Флиер Яков 276
Франк Ц. 282
Фрейд Зигмунд 299
Френкель Ицхак 26
Фридберг Григорий 403
Фридлендер Нили 125-127
Фридлендер Саул 233
Фридман Моше 282
Фридман (Сорокер) Фрима 278, 279, 288
Фришман Д. 122, 370
Фурман Григорий 252, 400
Фуртвенглер Вильгельм 296

Хавкин Владимир **275**
Хавкин Давид 357, 358
Хазан Элияху 354
Хазанович, д-р 54, 55
ха-Коэн Адам 79
ха-Коэн Давид 185
ха-Леви Иехуда 54, 121
Халил, палест. араб 355
Хамеири Авигдор 137, 139
Хаммель Сара 366, 377, 380
Хандошкин И.Е. 285
Харув Дан 400
Харцфельд Авраам 114
Хасан Бей 131
Хасмоней Маттитьяху 22
Хачатурян А. 287
Хейфец Михаил 58, 400
Хемингуэй Эрнест 253
Хенкин Иехошуа 213
Хиндес М. 108
Хинчин Л.Я. 393
Хирам Анна 258
Ходасевич Вл. 395
Хозиас Александр 267-269
Хоне Иехошуа 123
Хорошев, полковник 97
Хренников Тихон 292
Хрущев Н.С. 159
Хусейн, араб 248
Хусейн, король 74, 244, 271
Хшиво Шмерл 364

Цанин Мордехай **305**
Цвейг Арнольд 92
Цветаева Марина 150, 163, 164
Цви И. 114
Цвияк А. 346, 347
Цейтлин А. 300
Цетлины 403, 404
Цизлинг Арон 95, 96, 152
Цинципер (Рафаэль А.) 117
Цодиков Александр 102, 187, 401
Цунц Менахем 41

Цур Зеэв 234
Цывкин Владимир 210, 402

Чайковский П.И. **285**
Чеботарев Н.Г. 323
Чебучев, генерал 366
Чемберлен Невил 181
Чериковер Илья 112
Черниховский Шауль 24, 32, 78, 123
Черноглаз Давид 267
Чернышевский Н.Г. 170
Черняк А.Я. 43, 402, 403
Черчилль Уинстон 104
Чижик Моше 233
Чистяков Б. 253
Чичибабин Б. 150, 163, 164

Шагал Марк **306, 313, 318**
Шадми Менахем 234
Шазар Залман 176, 307
Шайе М. 277, 278
Шалит Шимон 403
Шалит Шуламит 76, 403, 404
Шалов Меир 399
Шальриэль, столяр 249
Шаляпин Федор 111
Шапиро Анита 230, 234
Шапиро Йонатан 222, 224, 234
Шапиро Ф.Л. 260, 358, 360, 369, 376
Шаргородская, составитель пособия по стенографии 10
Шарет (Черток или Шерток) Моше 66, 99, 100, 176, 196, 203, 208
Шарон Ариэль 58, 66
Шафиров Петр 268, 270, 275
Шац Борис 52
Шеба (Шехайя) Ш. 128
Шейнкин Менахем 43-57
Шейнкин Мирьям 44, 47, 56, 57
Шейнкин Цви 43
Шемер Номи 127
Шепитько Лариса 268
Шепс Марк 257
Шерф Зеэв 185
Шефтелева Валерия – см. Сегал Валерия
Шефтелевы 253
Шиллер И.-Ф. 41
Шимановский К. 285
Шимони Д. 32
Шифрин Абрам 357
Школьник – см. Эшкол
Шленский Авраам 123
Шлуш Габриэль 105
Шмошкович И. 95
Шмуклер Сара 170, 171, 173
Шнеур З. 32
Шолем Гершом 185
Шолом-Алейхем 175, 253, 254, 257, 261, 300, 301, 318, 353, 368
Шопен Фридерик 285
Шор Дорель 261
Шостакович Д.Д. 283, 287, 288, 292
Шоу Уолтер 179
Шофман Г, 121
Шохат Исраэль 221, 222
Шохат (Вильбушевич) Маня 95, 96
Шпринцак Иосеф 306

Штейн Б.Е. 192, 193
Штейнберг И. 121
Штейнберг О. 370
Штейнберг Яков 123
Штейнман Элиэзер 121
Штереншис М. 67
Штерн Авраам (Яир) 142
Штернхал Зеэв 223, 226, 234
Штильман Артур 270, 276
Штыбель Авраам 370
Шубников Л.В. 239
Шуман Р. 282, 366
Шумахер Исраэль 315
Шур Шимон 233
Шухман Володя 249
Шухман Элиэзер 249

Щеборин А.Д. **191**
Щербаков Ю.А. 371

Эвен Абба **66**
Эвен-Шошан Авраам 148, 149, 164, 360, 368
Эвен-Шошан Марта 163
Эвен-Шошан Цви 148, 149
Эвен-Шошан (Розенштейн) Шломо 148-165
Эйнштейн Альберт 176, 242, 299, 395
Элиав Лева (Арье) 64
Элишева (Жиркова-Быховская Е.И., Э.Лишева) 118-128
Эль-Кадар Абад (Саадья) 132
Элькинд Менахем 217, 230
Энгель Йоэль 127, 128, 281, 284, 288
ЭнгельгартАнна 397
Энеску Дж. 277, 283, 286, 288
Эпштейн С.С. 372
Эпштейн Шахно 94, 190
Эрем М. 95
Эренбург Илья 94, 153, 238, 298, 302, 303, 309
Эткинд Ефим 162
Эшкол (Школьник) Леви 58-75, 114

Юдин**, секретарь комиссии 193**
Юдина Мария 292
Юм Давид 41
Юниверг Леонид 274
Юнович Иехуда 40
Юрис Леон 357

Явиц (Ябец) З.В. **27, 30**
Ямпольский Абрам 276, 280
Янай Ахарон 234
Ясинский О. 309
Яффе Лев 121, 123

Oistrakh David **288**
Tidhar D. 133

Аннотации

Рассказ о братьях Цви и Якове Маймонах (Из истории создания ивритской стенографии и добровольческого движения). ***Рут Корецки-Маймон (Киббуц Цор'а). Перевод с иврита Рены Пархомовской.*** С.7-23. Цви и Яков Маймоны – уроженцы города Либава (Лиепая) Курляндской губернии России. После репатриации в Израиль Яков Маймон, в детстве изучавший немецкую стенографию, применил знакомый ему метод для создания стенографии на иврите. Работа оказалась успешной, способ записи по методу Маймона до сих пор применяется на заседаниях Кнессета. Цви помогал Якову в работе, был правительственным стенографом и личным секретарем Бен-Гуриона с 1942 по 1948 год. В начале 50-х годов Яков Маймон стал инициатором и первым организатором добровольческого движения в помощь новым репатриантам. Цви Маймон во многом помогал становлению киббуца Цора, которому он подарил свое собрание книг, ставшее основой фундаментальной библиотеки-читальни. Библиотека носит имя Цви Маймона.

Его девиз – «Иудаизм и человечность»: Штрихи к портрету Иосефа Клаузнера. ***Виктор Радуцкий (Иерусалим).*** С.24-42. Клаузнер – философ, историк, лингвист. Владел 15 языками. Вместе с Ш.Черниховским и Н.Слущем основал общество «Сфатейну итану» («Наш язык с нами»). В 1897 г. был делегатом еврейских студентов на 1 Сионистском конгрессе. В Эрец-Исраэль – с 1919 г. Ученый секретарь и редактор Ученых записок в Комитете языка иврит. В 1925 г. возглавил кафедру ивритской литературы в Еврейском ун-те в Иерусалиме. Литературно-критические работы Клаузнера: 3-томник «Творцы и создатели», 6-томная «История новой литературы на иврите». С 1944 г. возглавлял кафедру истории Второго Храма, и эта тема стала главной в его исследовательской работе. Клаузнер автор книг: «Язык иврит – язык живой», «Когда нация борется за свободу», «Иисус из Назарета», «От Иисуса до Павла», «Философы и мыслители», работ о Спинозе и Платоне, которые переведены на многие языки, словарей, в их числе «Разговорные слова», четырехъязычный карманный словарь. Под его руководством вышла первая в Эрец-Исраэль Всеобщая Энциклопедия в 6 томах. В 1958 г. получил Государственную премию Израиля.

«Когда-то эти улицы были живыми людьми»... (Менахем Шейнкин). ***Арон Черняк (Хайфа).*** С.43-57. Шейнкин, видный сионистский деятель, создатель первой сионистской организации в Одессе – Бней-Цион. С 1906 г. – в Палестине, где возглавлял Палестинское бюро. Один из организаторов Еврейского легиона. Глава департамента алии при правлении Сионистской организации. Выезжал в Россию и США для пропаганды сионизма, сбора средств на алию и привлечения капитала в Эрец-Исраэль. Сторонник частного предпринимательства, автор фундаментальной работы о социально-экономическом положении Эрец-Исраэль и культурной жизни в Палестине. Один из основателей Тель-Авива.

Первый «израильский бульдозер». ***Михаил Хейфец (Иерусалим).*** С.58-75. Третий премьер-министр Израиля Леви Эшкол (Леви Школьник) приехал в Палестину в 19-летнем возрасте. Был членом молодежной организации «Ха-Поэл ха-цаир». Во время I мировой войны служил в британской армии, в Еврейском легионе. Создатель коммуны «Дгания-бет». Сыграл решающую роль в создании единой социал-демократической партии Палестины – Мапай. Знаток экономики и финансов, участвовал в решении практических хозяйственных вопросов. Содействовал репатриации в Израиль евреев Германии, во многом повлиявших на расцвет палестинской экономики. Возглавлял компанию «Мекорот» (водоснабжение и ирригация). Во II мировой войне был в составе командования вооруженными силами ишува, отвечая за их финансирование, закупку оружия и тайные мастерские по его производству. В первом правительстве Государства Израиль на посту генерального директора министерства обороны закладывал основы израильской оборонной промышленности, позже отвечал за поселенческую деятельность. В правительстве Бен-Гуриона был министром сельского хозяйства, затем – финансов. С 1963 до 1969 г. возглавлял правительство Израиля. Осуществил масштабные национальные проекты – строительство портов в Ашдоде и в Эйлате, орошение долины Иордана и др. Организатор блестящей победы в Шестидневной войне.

Шутка – душа народа (Алтер Друянов, 1870–1938). ***Шуламит Шалит (Тель-Авив).*** С.76-86. Друянов – сионистский деятель, писатель, публицист, собиратель фольклора на идиш. Был послан обществом «Ховевей Цион» в Палестину для обследования еврейского поселений. Автор фундаментального труда «Записки по

истории Хиббат Цион и заселения Палестины», книги о зарождении сионизма «Пинскер и его поколение», автор публицистических статей. Составитель 3-томной «Книги анекдотов и острот», переведенной с идиш на иврит и сохранившей для поколений неповторимый еврейский юмор.

Евреи Палестины – организаторы помощи Красной армии (1941 – 1945). ***Александр Гак (Нетания).*** С.87-102. Руководство еврейского ишува начало налаживать контакты с СССР еще во времена британского мандата. Организаторами этих отношений были Ш.Капланский, Л.Тарнополер, А.Цизлинг, Я.Зрубавел, И.Копелович, М.Рутберг и др. В 1941 г. был создан Общественный комитет помощи СССР в борьбе с фашизмом, а в 1942 г. – Лига «Ви» («Победа»). Во главе движения стоял Ш.Капланский. Его помощник А.Цизлинг руководил отправкой Красной армии санитарных машин, медоборудования, вакцины против сыпного тифа и т.д. Через советского посла в Лондоне И.Майского передавались деньги «на бомбовозы и танки». С ним в 1943 г. в киббуце «Маале ха-Хамиша» Бен-Гурион беседовал о судьбах будущего еврейского государства. В 1946 г. на основе Лиги «Ви» было создано Общество дружеских связей с СССР (председатель Л.Тарнополер), помогавшее закрепить в сознании советского руководства важность появления Государства Израиль на Ближнем Востоке.

Супруги Виленчук. ***Эра Мазовецкая (Тель-Авив).*** С.103-117. Лидия и Ицхак Виленчук внесли значительную лепту в развитие ишува. Они вырастили, каждый в своей сфере, плеяду специалистов, инициировали жизненно необходимые проекты в ряде отраслей хозяйства. Лидия Виленчук, уроженка С.-Петербурга и выпускница Берлинского политехнического ин-та приехала в Эрец-Исраэль в 1932 г. Во время II мировой войны добровольно пошла служить в Британскую армию. После войны работала инженером-строителем, затем организовывала библиотечное дело, создала системы информационно-библиографической службы. Ицхак Виленчук, участник сионистского движения в России и свидетель Октябрьского переворота, после прибытия в Эрец-Исраэль работал главным инженером Электрической компании Пинхаса Рутенберга, затем главным инженером в компании «Мекорот», положил начало созданию промышленных зон в пригородах Тель-Авива и по всей стране. Возглавлял Союз инженеров и архитекторов, многие

его разработки легли в основу развития ведущих отраслей хозяйства Государства Израиль.

Элишева. ***Эра Мазовецкая (Тель-Авив).*** С.118-128. Необычна судьба русской поэтессы Елизаветы Ивановны Жирковой. Печаталась в Москве под псевдонимом Э.Лишева. Изучила иврит и идиш, первые стихи на иврите вышли в 1920 г. в Москве. Переводила на русский язык стихи ивритских поэтов И.Штейнберга, И.-Х.Бреннера, Г.Шофмана, У.Гнесина, с идиш – стихи Ш.Имбера, переписывалась с Х.-Н.Бяликом. В 1925 г. вместе с мужем Ш.Быховским, издателем и распространителем книг на иврите, уехала в Эрец-Исраэль. Здесь писала только на иврите стихи и прозу, знакомила ивритского читателя с творчеством А.Блока, А.Ахматовой, издала автобиографический роман «Симтаот», переводила с английского на иврит «Письма из тюрьмы» Джавахарлала Неру дочери Индире Ганди. В Израиле поменяла литературный псевдоним на Элишеву. Скончалась в 1949 г., похоронена на кладбище Киннерет, рядом с известной израильской поэтессой Рахель.

Давид Тидхар – воплощение сионистского мифа? ***Зоя Копельман (Иерусалим).*** С.129-147. Родился в семье выходцев из России. Занимался спортом, входил в оргкомитет первой в стране Маккабиады. Сражался в рядах Еврейского легиона. Был членом масонской ложи. Служил в уголовной полиции, был начальником полиции Иерусалима, в 1926 г. открыл частное сыскное бюро. Несколько лет работал в полиции Египта, где цензурировал корреспонденцию на идиш и иврите. Публиковался в газете «Дор ха-йом», которую редактировал Жаботинский. Вместе с М.Дизенгофом создавал в Тель-Авиве Музей искусств. Поддерживал связи с боевой подпольной организацией ЛЕХИ. Инициатор создания «Дома Зеэва Жаботинского». Автор книги «Преступники и преступления в Стране Израиля» и серии детективов. Издатель 19-томной Энциклопедии пионеров ишува и его строителей (1947–1970).

Памяти Шломо Эвен-Шошана: К истории русско-израильских литературных связей. ***Татьяна Друбецкая (Хайфа).*** С.148-165. Шломо Эвен-Шошан (1910–2004) – младший из трех братьев Эвен-Шошан, оставивших добрую память в истории Израиля. Уроженец Минска, он в течение всей своей долгой жизни проявлял интерес к русской классике и советской литературе, переводил на иврит произведения русских и советских писателей и по-

этов (по подсчетам само переводчика – не менее 200). Значительная часть статьи посвящена дружбе Шломо с Анатолием Кузнецовым – автором романа «Бабий Яр» и Виктором Некрасовым.

Берл Кацнельсон. ***Иосиф Усвицкий (Иосеф Эйтан), Иерусалим.*** С.166-186. За свою короткую жизнь много сделал для Государства Израиль. Один из руководителей комитетов сельскохозяйственных рабочих Галилеи и Иудеи. Инициатор вступления молодежи в Еврейский легион. Организатор объединения рабочей партии Мапай. Создатель первых филиалов больничной кассы (куппат холим). Журналист и публицист. Главный редактор газеты «Давар», основатель книжного издательства «Ам овед». С 1920 г. – делегат всех конгрессов Всемирной сионистской организации, член ее правления и дирекции Еврейского Национального фонда. Сотрудничал с Х.Вейцманом и З.Жаботинским. Вместе с Бен-Гурионом организовывал подпольную деятельность против британских властей, инициатор создания радиостанции «Коль Исраэль». Входил в группу политиков, требовавших немедленного создания еврейского государства. Похоронен в киббуце Киннерет, созданном на основе организованной им коммуны.

Между Сциллой и Харибдой: Определение Бен-Гурионом внешнеполитического курса Государства Израиль. ***Михаил Гольденберг (Хайфа), Александр Цодиков (Нетания).*** С.187-209. О некоторых малоизвестных страницах биографии Бен-Гуриона, связанных с израильской дипломатией. Как перед провозглашением Государства Израиль, так и в первые годы его существования, политика Бен-Гуриона диктовалась необходимостью балансирования между сверхдержавами. Нужно было наращивать военную мощь с помощью Запада, защищаясь от арабского окружения и «советизации» региона, с одной стороны, с другой, – сохранять отношения с Восточным блоком – тогда единственным источником иммиграции.

У гор Гильбоа, возле источника: история «русского» киббуца Эйн-Харод (1921 – 1953). ***Владимир Цывкин (Хайфа).*** С.210-234. Эйн-Харод – одно из первых поселений, где воплотилась в жизнь идея создания на земле предков больших коллективных хозяйств – киббуцев. Киббуц Эйн-Харод возник в 1921 г. как палаточный городок, став впоследствии Объединенным киббуцом и своеобразной столицей киббуцного движения. Первыми поселенцами были 35 членов Рабочего батальона во главе с Цви Нисановым

(выходец из Кавказа). В истории развития киббуца, в формировании его идеологии решающую роль сыграли выходцы из Российской империи – Ицхак Табенкин, уроженец Бобруйска, Лев Левита, минчанин, Шломо Лави, родившийся в Плоньске, автор идеи крупных хозяйств, сочетающих сельское хозяйство с промышленностью и ремесленным производством. До сих пор Эйн-Харод называют русским киббуцем.

Бен-Цион Тавгер и его Хеврон. ***Исаак Резник (Бейт-Шемеш).*** С.237-251. Родился в семье, соблюдавшей еврейские традиции. Учился в Московском ун-те, где его учителями были П.Капица и Л.Ландау. Окончил Горьковский ун-т. Сделал научное открытие, названное «Магнитная симметрия». Работал доцентом кафедры теоретической физики. Организовал подпольный сионистский кружок. В 1969 г. защитил докторскую диссертацию. В Израиле с 1972 г. Работал в Тель-Авивском ун-те, пытался создать ин-т физики твердого тела в Кирьят-Арбе, которую выбрал местом жительства. В 1974 г. оставляет ун-т и занимается восстановлением памятников еврейской культуры в Хевроне. С крошечной группой помощников, работая кладбищенским сторожем, восстанавливал разрушенные надгробья старого еврейского кладбища. Без всякой поддержки со стороны государства организовал раскопки синагоги XVI века «Авраам авину», реставрированной и открытой в 1981 г. Скончался в 1983 г. Именем Б.-Ц.Тавгера названа площадь в Хевроне.

Еврейская Атлантида в скульптуре Льва Сегала. ***Григорий Фурман (Нетания).*** С.252-263. Сегал родился в Белой Церкви, жил в Киеве. Автор многих чеканных портретов и скульптур, в том числе Шолом-Алейхема, Э.Хемингуэя, Н.Паганини, З.Жаботинского, Д.Гофштейна, др. Представлял их на коллективных выставках в Киеве и Москве (Манеж), где был удостоен диплома. В Израиле с 1973 г. Несколько лет жил и работал в деревне художников Са-Нур. Участник всех коллективных выставок (около 20) объединения художников Нетании. 35 выставок были персональными, в их числе в доме президента Израиля, во Франции, Германии. Чеканный портрет Михоэлса находится в Национальной библиотеке Израиля. Скульптуры «Скрипач на крыше» и «Клезмеры» установлены на улицах Нетании и стали основными достопримечательностями города.

Монус Соминский – ученый, литератор, человек. ***Хаим Венгер (Иерусалим).*** *С.*264-286. Уроженец Кронштадта. Окончил Ле-

нинградский политехнический ин-т. С 1936 г. работал в Ленинградском физико-техническом ин-те, изучал атмосферную оптику, был зам. директора. В годы Второй мировой войны занимался размагничиванием кораблей. Работал под руководством А.Ф.Иоффе. Защитил докторскую диссертацию, автор 136 научных работ. В 1969 г. вступил в сионистскую организацию, за что был исключен из партии и уволен с работы. 9 лет добивался разрешения на выезд из СССР. В Израиле с 1980 г. Работал по специальности, был консультантом проекта самолета истребителя «Лави». Создал серию книг «Евреи в мировой культуре» (выпущено 27 сборников), собрав коллектив прекрасных авторов, в их числе Э.Капитайкин, С.Дудаков, Н.Елина, Я.Сорокер, М.Улановская. Часть книг изданы на личные средства Монуса Самуиловича. В 1991 г. опубликовал монументальную работу (652 с.) «Антисемиты и антисемитизм», работал над книгой о Теодоре Герцле, но закончить ее не успел.

Личность светлая, прекрасная, талантливая... Яков Львович Сорокер (1920 – 1995). ***Леонтина Бас (Иерусалим).*** С.277-288). Скрипач, музыковед-аналитик, педагог, библиограф, редактор и лектор-популяризатор Сорокер окончил Московскую консерваторию по классу скрипки. Ученик, а затем и многолетний друг Д.Ойстраха. Защитил диссертацию «Скрипичные сонаты Бетховена». Работал в Кишиневе, Алма-Ате, Дрогобыче, сочетая концертную деятельность с преподавательской. С 1976 г. – в Израиле, где до выхода на пенсию был альтистом в Иерусалимском симфоническом оркестре. Организовал камерный квартет, в котором выступал как скрипач. Автор книг «Давид Ойстрах» и «Борис Гольдштейн», музыкально-библиографического «Лексикона» в двух частях и многочисленных музыковедческих работ, опубликованных в израильской и зарубежной печати. С 1984 г. сотрудник КЕЭ, а с 1992 – автор и редактор серии книг «Евреи в культуре Русского Зарубежья».

Дирижерской палочкой он творил чудеса (Юрий Аронович). ***Михаил Израилевич Пархомовский (Ашкелон).*** С.289-297. Аронович родился в 1933 г. в Ленинграде. После прорыва блокады был вывезен на Большую землю. Окончил дирижерский факультет Ленинградской консерватории. Работал в Саратовской филармонии, затем главным дирижером Ярославского симфонического оркестра. Участник VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. В 1964 г. возглавил симфонический оркестр Всесоюзного радио и телевидения. В 1972 г. репатриировался в Израиль. Работал вторым

дирижером Иерусалимского симфонического оркестра, главным дирижером Кельнского «Герцених-оркестра», затем Шведского королевского оркестра. Дирижировал в оперных театрах Лондона, Чикаго, Парижа, Будапешта. Родным городом считал Иерусалим, где ежегодно давал концерты. Скончался в Кельне в 2002 г. Похоронен в Иерусалиме на кладбище Гиват-Шауль.

Золотая цепь (Еврейский поэт Авраам Суцкевер). ***Арон Гройсман, (Бейт-Шемеш, Израиль).*** С.298-309. Родился в 1913 г. в Виленской губ. Стихи начал писать в 14 лет. Член литературной организации «Юнге Вильне». Первая книга стихов «Лидер» вышла в 1937 г. Узник гетто и один из организаторов боевого отряда сопротивления Виленского гетто. В гетто написал поэму «Кол нидрей». В 1944 г. бежал в партизанский отряд, откуда по ходатайству И.Эренбурга был переправлен в Москву. Участник первого послевоенного Сионистского конгресса. С помощью Г.Меир в 1947 г. нелегально въехал в Палестину. В 1949 г. создает журнал на идиш «Ди голдене кейт» («Золотая цепь»), главным редактором которого является и сегодня. В 50-е гг. опубликовал поэму «Сибирь» с иллюстрациями М.Шагала. Автор «Зеленого аквариума (Стихотворения в прозе)». Один из составителей антологии произведений расстрелянных еврейских писателей. Автор ряда сборников стихов на идиш. Награжден премией им. И.Мангера за лучшее произведение на идиш; в 1985 – премией Государства Израиль, в 1976 – премией Главы правительства. Почетный гражданин Тель-Авива.

Авраам Карпинович – народный писатель. ***Сара Лапицкая (Тель-Авив).*** С.310-322. Известный идишский писатель, журналист и общественный деятель, начал публиковаться в лагере для перемещенных лиц на Кипре. Там получил свою первую литературную премию, учрежденную Джойнтом. Чтобы попасть в Эрец-Исраэль бежал, но его поймали и заключили в тюрьму. После провозглашения Государства Израиль был освобожден и смог туда уехать. Работал в театре «Мататe» («Метла»), администратором в Израильском филармоническом оркестре, куда прошел по конкурсу благодаря знанию семи языков. Автор книги о скрипаче Бронславе Губермане и либретто для мюзикла по мотивам повести Шолом-Алейхема «Стемпеню». Постоянный автор журнала «Ди голдене кейт» («Золотая цепь»). Теме довоенного Вильно посвятил шесть книг. Его герои – люди, оказавшиеся на обочине социальной среды. Израильская тема прозвучала после войны Судного дня в книге

«День войны». Последняя книга писателя – «Цур фус кейн Эрец-Исроэл» («Пешком на землю Израилеву»). Читал лекции в Оксфорде, Москве, Варшаве, Биробиджане, на Украине. Член Всемирного совета по идишской культуре. Лауреат премий Менделе Мохер Сфарима, Ицхака Мангера, Хаима Граде в США, в Мексике, Главы правительства Государства Израиль. Его произведения переведены на многие языки мира, включены в ряд антологий.

Рав Ицхак Зильбер. ***Гидеон Бродский (Иерусалим)***. С.323-332. Ицхак Зильбер родился в семье раввина, подвергавшегося преследованиям при советской власти. Окончил Казанский ун-т, став любимым учеником акад. Чеботарева. Никогда не порывал с еврейской традицией, даже в лагере, куда попал за свои убеждения. Оказывал духовную и финансовую поддержку единомышленникам. В Израиле (с 1972 г.) преподавал математику в учебном центре Кирьят Ноар, помогал новым репатриантам осваивать основы иудаизма. Получил звание раввина. Главной своей задачей считал поддержку людей, попавших в беду. Заслужил любовь и восхищение своими уроками нравственности, учил «быть человеком», независимо от того, кто ты – атеист или верующий.

В четырех шагах от задуманного. ***Абрам Соломоник (Иерусалим).*** С.335-352. Автор, живя в Ленинграде, разработал методики преподавания иностранного языка взрослым. В Израиле применил их и развил систему преподавания иврита репатриантам. Составил грамматику иврита для русскоязычных и пособия для учителей и инспекторов; инициировал оснащение ульпанов мини-лабораториями с магнитофонами, проекторами и наглядными пособиями. Обозначил процесс обучения ивриту не как второму языку, а как языку своего народа. В 1990 г. организовал Конгресс для лингвистов из стран с возрождающимся языком, стал членом Европейского лексикографического об-ва. Подготовил и издал 7 словарей. Редактировал словари профессиональной лексики. Автор исследований в области семиотики – науки о знаках и знаковых системах.

Иврит – моя любовь. ***Барух Подольский (Тель-Авив).*** С.353-362. Рассказ д-ра Б.Подольского о своем пути к ивриту, который начался в подростковом возрасте в России и продолжался в заключении, затем в годы борьбы за выезд из СССР. Специалист по семитским языкам, он стал автором многих учебных пособий по ивриту, двухтомного иврит-русского и русско-ивритского словаря,

профессионального словаря «С газетой на ты», словаря на компакт-диске (около 50 тыс. слов), двух иврит-амхарских словарей, идиш-русского на 25 тыс. слов (в интернете) и др. Редактор «Суперсловаря». Работает на кафедре семитских языков в Тель-Авивском ун-те.

История одной книги. ***Леонид Зелигер (Иерусалим)***. С.363-381. Рассказ о книге, которая «репатриировалась» в Израиль раньше своего автора – Л.Зелигера, инженера-электрика по специальности. Книга предназначалась преподавателям иврита и могла служить справочным пособием для изучающих иврит самостоятельно. Она представляла собой первую попытку объединить под одной обложкой все материалы для изучения основ иврита. После репатриации в Израиль при участии Зелигера вышел трехъязычный иврит-русско-английский «Современный словарь» (под редакцией д-ра И.Гури) и «Электротехнический словарь»; совместно с Х.Балцаном Л.Зелигер подготовил «Практический словарь».

Иврит – это просто (Или «Смотри в корень»). ***Рина Раковская (Тель-Авив)***. С.382-392. Обладая опытом преподавания русского языка иностранцам, в Израиле (с 1991) начала обучать русскому языку израильтян. Автор учебника «Последние трудности – первые трудности» и книги «Грамматические сказки для взрослых и детей. Корни иврита», которые выдержали три издания. Вела курс иврита в Сохнуте. С 1997 г. работает в колледже «Микцоан 2000» («Профессионал 2000»), где руководит курсом «Корни иврита», создавая альтернативную систему преподавания языка. Ведет уроки иврита и еврейской истории на радио РЭКА и курс иврита через Интернет, пишет учебники и словари.

Abstracts

The story of Zvi and Jacob Maimon brothers (From the history of creation of Hebrew stenography and establishment of the volunteer movement). ***Ruth Koretski-Maimon (the Zor'a kibbutz). Translated from Hebrew by Rena Parkhomovsky.*** P.7-23. Zvi and Jacob Maimons were born in the city of Libava (now Liepaja), the Province of Kurlandia, Russia. At an early age, Jacob studied German stenography and upon repatriation to Israel, he developed Hebrew stenography. Jacob Maimon's stenography is still used in Knesset sittings. Zvi helped Jacob to introduce his innovation. Later, Zvi served as a government stenographer and as Ben-Gurion's private secretary from 1942 to 1944. In the early 1950s, Jacob founded the volunteer movement to help newcomers. Zvi was one of the founders of the Zor'a kibbutz. He donated his book collection to the kibbutz public library, which was named in his honour.

His slogan was Judaism and Humanity. Some features of Joseph Klausner's personality. ***Victor Radutski (Jerusalem).*** P.24-42. J.Klausner was a philosopher, historian, and linguist who knew 15 languages. Together with S.Chernikhovsky and N.Sloosh, he was the founder of a Society entitled "Our language is with us". In 1897, Klausner was the delegate of Jewish students at the First Zionist Congress. In Eretz Israel, he was the academic secretary and editor of Proceedings published by the Committee on the Hebrew language. In 1925, he became the Chair of the Department of the Hebrew University in Jerusalem. From 1944, he served as the Chair of History of the Second Temple and this subject prevailed in his research and studies. He published several monographs, including "Creators and founders", "History of modern Hebrew literature", "When a nation is fighting for freedom", "Jesus of Nazareth", "From Jesus to Paul", and "Philosophers and thinkers". He also published a dictionary entitled "Conversational Words" and a four language pocket dictionary. His works on Spinoza and Plato were translated to many languages. He was the editor of the first six-volume Universal Encyclopedia published in Eretz Israel. In 1958 Klausner was awarded the State Prize of Israel.

"Once upon a time, these streets were like living people..." (Menachem Sheinkin). ***Aron Cherniak (Haifa).*** P.43-57. Sheinkin was a prominent Zionist, the founder of Bnei Zion in Odessa. In 1906, he immigrated to Palestine and headed the Palestinian Bureau. He was one of the founders of the Jewish Legion and head of the Department of Aliah at a Zionist Organization. Sheinkin visited Russia and the USA in order to organize fundraising for aliah and create investment opportunities for Eretz Israel's economy. He was an advocate of a private enter-

prise and the author of books on social and economic issues and the cultural life in Palestine and Eretz Israel. Sheinkin was one of the founders of Tel-Aviv.

The first "Israeli Bulldozer". ***Mikhail Heifets (Jerusalem).*** P.58-75. The third Prime Minister of Israel, Levi Eshkol (born Lev Shkol'nik), came to Palestine when he was 19 years old. He was a member of the Youth Labour Organization in Eretz Israel. During WWI, he served in the Jewish Legion of the British Army. Eshkol was a founder of the Dgania-bet kibbutz. He played a significant role in establishing Matai, the united social democratic party of Palestine. Eshkol actively promoted aliyah of German Jews to Eretz Israel, which made a significant impact on the development of the local economy. He was the Chief Executive of "Mekorot", Israel's national water supply and irrigation company. During WWII, he was one of the high commanders of Haganah, responsible for its financing, weapon production and supply. In the first government of the State of Israel, Eshkol was the Director General of the Defense Ministry. In this capacity, he made significant efforts in developing the national defense industry. In the Ben-Gurion government, he served as the Minister of Agriculture until 1952, when he was appointed as Minister of Finance. From 1963 to 1969, Eshkol was the Prime Minister of Israel. Several large scale national projects were taken under his leadership, including the construction of sea ports in Ashdod and Eilat, irrigation of the Jordan Valley, etc. Under his leadership, Israel defeated Egypt, Jordan, and Syria during the Six Day War.

The joke is the soul of the people. (Alter Druyanov, 1870-1938). ***Shulamit Shalit (Tel-Aviv).*** P.76-86. Druyanov was a prominent Zionist, writer, publicist, and Yiddish folklorist. He was sent by Hovevei Zion ("Lovers of Zion") to Palestine to inquire about Jewish settlements. He wrote a comprehensive monograph entitled "Notes on the history of Hibbat Zion and the settling of Palestine". He also published a book entitled "Pinsker and his time", as well as many articles. Druyanov also compiled the three-volume anthology of Jewish humor ("The book of jokes and wit"), which was translated from Yiddish to Hebrew and continues to be read to this day.

Palestinian Jews – organizers of assistance to the Red Army (1941–1945). ***Alexander Gak (Netanya).*** P.87-102. Leaders of Jewish settlers in Palestine established some contacts with the USSR before WWII. These contacts were initiated by S.Kaplansky, L.Tarnopoler, A.Cizling, M.Ruthberg, and others. The Public Committee was established in 1941 to help the USSR to fight fascism and the League "V" ("Victory") was established in 1942. The latter was headed by S.Kaplansky. His deputy A.Cizling was in charge of delivery of ambulances, medical equipment, and vaccines to the Red Army. The League

transferred money to the Soviet ambassador in London, I.Maisky, in order to purchase bombers and tanks. In 1943, Ben-Gurion met I.Maisky in the "Maale ha-Hamisha" kibbutz and discussed with him the future of the State of Israel. In 1946, the League "V" was reorganized into "The Society for friendly relationships with the USSR", headed by L.Tarnopoler. One of the purposes of this society was to convince the Soviet leadership of the importance of establishing the State of Israel.

The Vilenchuk spouse. ***Era Mazovetskaya (Tel-Aviv).*** P.103-117. Lidia Vilenchuk was born in Saint-Petersburg. She graduated from the Berlin Polytechnic Institute and came to Eretz Israel in 1932. During WWII, she served in the British army. After the war, she worked as a construction engineer. Later, she organized the public library's network. In particular, she developed information systems for the bibliographical services. Her husband Itzhak Vilenchuk participated in the Zionist movement. Upon arrival to Eretz Israel, he worked as a chief engineer at P.Ruthberg's electricity company. Later, he was assigned as the chief engineer at "Mekorot". He actively participated in developing industrial zones around Tel-Aviv and in other parts of the country. I.Vilenchuk was the president of the Association of Engineers and Architects and made an important impact on the development of the Israeli economy.

Elisheva. ***Era Mazovetskaya (Tel-Aviv).*** P.118-128. The Russian poetess Elizabeth Zhirkova (pen name E.Lisheva) studied Hebrew and Yiddish. In 1920, she published her first poems in Hebrew in Moscow. She translated from Hebrew to Russian various poems by I.Steinberg, J.H.Brenner, G.Shofman, and U.Gnesin. She also translated from Yiddish to Russian poems by S.Inber and corresponded with H.N.Bialik. In 1925, Zherkova and her husband S.Bichovsky, a publisher of books in Hebrew, moved to Eretz Israel. There, she took on a new pen name, Elisheva, and wrote prose and poetry only in Hebrew. Her stories and poems were almost all published in the Hebrew journals of that time. She translated from Russian to Hebrew poetry by A.Block and A.Akhmatova. She also translated "Letters from prison" by Jawaharlal Nehru to his daughter, Indira Gandhi. Elisheva died in 1949 and was buried at the Kinneret cemetery, near the resting place of the famous Israeli poetess Rachel.

David Tidhar – is he a personification of the Zionist myth? ***Zoya Kopelman (Jerusalem).*** P.129-147. David was born to parents who emigrated from Russia. He was deeply involved in sport and was a member of an Organizing Committee for the first Maccabi Games. David joined the Jerusalem police force and eventually became the Chief of the Jerusalem police. In 1926, he founded a private detective bureau. He published numerous articles in a Hebrew daily newspaper "Doar Hayom", which was edited by Z.Jabotinsky. He was one of the founders of "The Jabotinsky House" and also founded an art museum in

Tel-Aviv together with M.Dizengof. Tidhar wrote a book entitled "Criminals and crimes in Israel" and a series of detective stories. He was also a publisher of the nineteen-volume Encyclopedia of Yeshuv (pre-state Jewish community) pioneers (1947–1970).

In Memory of Shlomo Even-Shoshan: The history of Russian-Israeli literary connections. ***Tatiana Drubetskaya (Haifa).*** P.148-165. Shlomo Even-Shoshan (1910–2004) was born in Minsk. Throughout his long life, he was a prominent advocate of Russian classical and Soviet literature. He translated the works of many Russian and Soviet writers and poets from Russian to Hebrew. Shlomo was a friend of Victor Nekrasov and Anatoly Kuznetsov, who wrote the novel "The Babi Yar".

Berl Katznelson. ***Joseph Usvitsky (Yosef Eitan), Jerusalem.*** P.166-186. Throughout his short life, B.Katznelson contributed considerably to the social and political life in Israel. Berl was one of the leaders of the Zionist labor movement in Judea and the Galilee. He was also one of the founders of the Mapai labor party. Katznelson helped to initiate the Kuppat Holim healthcare fund. He was the editor-in-chief of the Histadrut newspaper "Davar" and the founder of the publishing company "Am Oved". He served as the executive of the World Zionist Organization and the Jewish National Fund. Together with Ben-Gurion, he organized Haganah and initiated the establishment of the "Kol Israel" radio station. He is buried in kibbutz Kinneret, which was established through his efforts.

Between Scilla and Haribda: The foreign policy of the State of Israel formulated by Ben-Gurion. ***Michail Goldenberg (Haifa), Alexander Tsadikov (Netanya).*** P.187-209. In his foreign policy, Ben-Gurion balanced between two super powers. On the one hand, he established close ties with the West in order to defend the State of Israel from the hostile Arab states. On the other hand, he made significant efforts to maintain good relations with the East European countries, which remained the main source of aliyah.

Near the Gilboa Mountains, near the spring: the story of the "Russian" kibbutz Ein-Harod (1921-1953). ***Vladimir Tsyvkin (Haifa).*** P.210-234. Ein Harod was the first large kibbutz in Eretz Israel. It was founded in 1921 as a tent settlement and gradually became the epicenter of the kibbutz movement. Its first settlers were 35 members of the Labor battalion, headed by the Caucasian Zvi Nisanov. Natives from the Russian empire (Itzhak Tabenkin, Lev Levita, Shlomo Lavi) played an important role in the development and rise of Ein-Harod, which is still called the "Russian" kibbutz.

Ben-Zion Tavger and his Hebron. ***Isaac Reznik (Bet-Shemesh).*** P.237-251. Ben-Zion's family followed the observance of Jewish tradi-

tions. He attended the Moscow University together with P.Kapitsa and L.Landau. He graduated from the Gorky University and discovered the effect of "magnetic symmetry". He got a PhD in Physics in 1969. In Gorky, Tavger organized an underground Zionist group. He immigrated to Israel in 1972 and worked at the Tel-Aviv University. In 1974, he left the University and devoted his time to the restoration of the old Jewish cemetery and the "Avraam Avinu" synagogue in Hebron. Tavger died in 1983. A square in Hebron is named in his honor.

Jewish Atlantis in Lev Segal's sculptures. ***Gregory Furman (Netanya).*** P.252-263. Segal was born in Bely Tserkov and lived in Kiev. He created engraved portraits and sculptured of Sholom Aleichem, E.Hemingway, N.Paganini, Z.Jabotinsky, D.Gofstein, and others. His works were exhibited in Kiev and Moscow. Segal immigrated to Israel in 1973 and lived in the Sa-Nur artistic community for several years. He exhibited his works in Israel, France, and Germany. His engraved portrait of S.Michoels is on display at the National Library of Israel. His sculptures "The Fiddler on the Roof" and "Klezmers" were erected in Netanya and soon became the landmarks of the town.

Monus Sominsky – a scholar, writer, human being. ***Haim Wenger (Jerusalem).*** P.264-286. Sominsky was born in Kronshtadt, Russia. He graduated from the Leningrad Physics and Technology Institute and worked as its deputy director. He obtained a PhD in Physics and published 136 scientific articles. After joining the underground Zionist group in 1969, he was expelled from the Communist Party and lost his job. He came to Israel in 1980 and worked as a consultant for a team designing the "Lavi" fighter jet. Sominsky was a publisher and a sponsor of a twenty-seven volume series entitled "Jews in the world's culture". Among its contributers were E.Kapitaykin, S.Dudakov, N.Elina, Y.Soroker, and M.Ulanovkaya. In 1991, he published a monograph entitled "Anti-Semites and anti-Semitism". During his last years, he worked on a book about Theodor Herzl but did not finish it.

The radiant, beautiful, talented person... Yakov L'vovich Soroker (1920–1995). ***Leontina Bas (Jerusalem).*** P.277-288. Soroker was a musicologist, teacher, bibliographer, and lecturer. He studied violin with D.Oistrach at the Moscow Conservatory and graduated from it. His PhD was devoted to violin sonatas of Beethoven. After immigrating to Israel in 1976, he played in the Jerusalem Philharmonic Orchestra. Soroker published monographs entitled "David Oistrach" and "Boris Goldstein", a two-volume bibliographical "Lexicon" about Russian-Jewish musicians, and numerous articles. Soroker contributed to the Concise Jewish Encyclopedia. He was also a contributor and editor of the book series entitled "Jews in the Culture of Russia Abroad".

He made miracles by his baton (Yuri Aronovich). ***Mikhail Israilevich Parkhomovsky (Ashkelon).*** P.289-297. Aronovich was born in Leningrad in 1933. He graduated from the Leningrad Conservatory and worked as a conductor with Saratov and Yaroslavl' Symphonies. In 1964, he was appointed as a chief conductor of the USSR radio and TV Symphony. Aronovich immigrated to Israel in 1972 and worked with the Jerusalem Symphony. He also worked with orchestras in Cologne and Stockholm and conducted in the opera houses of London, Chicago, Paris, and Budapest. He died in Cologne in 2002 and was buried at the Gival-Shaul cemetery in Jerusalem.

The golden chain (The Jewish poet Avraham Suckever). ***Aron Groisman (Bet-Shemesh).*** P.298-309. Suckever was born in 1913 in the Vilno Province. He wrote his first poems at the age of 14. His first book of poetry, entitled "Leader", was published in 1937. Suckever was the prisoner of the Vilno ghetto when he wrote the "Kol Nidrei" poem. He escaped the ghetto in 1944, joined a resistance group and eventually was airlifted to Moscow. Suckever was the delegate of the Zionist Congress in 1946. With the help of G.Meir, he illegally went to Palestine in 1947. Two years later, he established the Yiddish magazine "The golden chain" and he is still its editor-in-chief. In the 1950s, he published a poem entitled "Siberia" with illustrations by M.Chagall. Suckever compiled an anthology of executed Jewish writers and published several books of his own poetry in Yiddish. He was awarder the Manger Prize, the State of Israel Prize, and the Prime Minister Prize. He received the title of the honorary citizen of Tel-Aviv in 1976.

Avraam Karpinovich – the people's writer. ***Sara Lapitskaya (Tel-Aviv).*** P.310-322. Karpinovich is a well known Yiddish writer, journalist, and public figure. While being detained in a DP camp in Cyprus, he got his first literary award from the American Jewish Joint Distribution Committee. After the establishment of the State of Israel, he was freed from the DP camp and came to Israel. He worked in the Matate Theatre, and later obtained a position as the administrative manager of the Israeli Philharmonic Orchestra. He wrote a book on the violinist B.Guberman and libretto for the musical based on Sholom Aleichem's "Stempenyu" story. Karpinovich is the permanent contributor to "The golden chain" magazine. He wrote six books on the life in pre-war Vilno and a book on the Yom Kippur War. He lectured in Oxford, Moscow, Warsaw, Birobijan, and Ukraine. Karpinovich is a member of the World Council on Yiddish culture. He was awarded numerous literary prizes in Israel, Mexico, and the USA. His works were translated into several languages and included in some anthologies.

Rabbi Itzhak Silber. ***Gideon Brodsky (Jerusalem).*** P.323-332. Itzhak's father was a rabbi persecuted by Soviet authorities. Itzhak graduated from the Kazan University. Due to devotion to Jewish tradi-

tions, he was sent to the labor camp. Silber came to Israel in 1972 and taught mathematics in the Kiriat Noar learning centre. He became a rabbi and helped newcomers to study Judaism. He was loved and respected for his moral lessons and for his readiness to help those who needed help.

Nearly within the reach... ***Abram Salomonik (Jerusalem).*** P.335-352. In Russia, Salomonik developed the methodology of teaching foreign languages to adults. In Israel, he continued working on it and introduced the methodology of teaching Hebrew to newcomers. Salomonik compiled Hebrew grammar for Russian and English speaking students and prepared manuals for Hebrew teachers. He also published and edited several general and professional dictionaries, as well as the results of his study in semiotics.

Hebrew is my love. ***Baruch Podolsky (Tel-Aviv).*** P.353-362. Podolsky is a recognized specialist in Semitic languages. He is the author of several Hebrew manuals, two-volume Hebrew-Russian and Russian-Hebrew dictionaries, the Internet Yiddish-Russian dictionary, the compact disc dictionary, two Hebrew-Amkhar dictionaries, and others. Podolsky works at the Faculty of Semitic Languages at the Tel-Aviv University.

The history of one book. ***Leonid Zeliger (Jerusalem).*** P.363-381. The electrical engineer Zeliger was the author of a book entitled "Hebrew", the textbook for self-instruction in the language. In Israel, he contributed to the Hebrew-Russian-English "Modern Dictionary" (ed. Y.Guri) and "Electrical Technical Dictionary". Together with H.Balsan, he published "The Practical Dictionary".

Hebrew – it is simple (or "Look into the root"). ***Rina Rakovskaya (Tel-Aviv).*** P.382-392. After coming to Israel R.Rakovskaya taught Russian. Then she taught Hebrew in the Sochnut and published a textbook entitled "The last difficulties-the first ones" and a book entitled "Grammatical tales for adults and children. Roots of Hebrew". From 1997, she teaches Hebrew at the "Professional 2000" College. She also broadcasts lessons on Hebrew and Jewish history for Russian speaking listeners. Rina teaches Hebrew through the Internet, writes textbooks and dictionaries.

Содержание

Всё начинали с нуля 5

Рассказ о братьях Цви и Якове Маймонах (Из истории создания ивритской стенографии и добровольческого движения). *Рут Корецки-Маймон (Киббуц Цор'а). Перевод с иврита Рены Пархомовской* 7

Его девиз – «Иудаизм и человечность»: Штрихи к портрету Иосефа Клаузнера. *Виктор Радуцкий (Иерусалим)*..... 24

«Когда-то эти улицы были живыми людьми...» (Менахем Шейнкин). *Арон Черняк (Хайфа)*..... 43

Первый «израильский бульдозер» (Леви Эшкол). *Михаил Хейфец (Иерусалим)*..... 58

Шутка – душа народа. (Алтер Друянов, 1870–1938). *Шуламит Шалит (Тель-Авив)*..... 76

Евреи Палестины – организаторы помощи Красной армии (1941–1945). *Александр Гак (Нетания)*..... 87

Супруги Виленчук. *Эра Мазовецкая (Тель-Авив)*..... 103

Элишева. *Эра Мазовецкая (Тель-Авив)*..... 118

Давид Тидхар – воплощение сионистского мифа? *Зоя Копельман (Иерусалим)*..... 129

Шломо Эвен-Шошан: К истории русско-израильских литературных связей. *Татьяна Друбецкая (Хайфа)*..... 148

Берл Кацнельсон (1887, Бобруйск, – 1944, Иерусалим). *Иосиф Усвицкий (Иерусалим)*..... 166

Между Сциллой и Харибдой: Определение Бен-Гурионом внешнеполитического курса Государства Израиль. *Михаил Гольденберг (Хайфа), Александр Цодиков (Нетания)*..... 187

У гор Гильбоа, возле источника: история «русского» киббуца Эйн-Харод (1921 – 1953). *Владимир Цывкин (Хайфа)*..... 210

Дорогу осилит идущий 235

Бен-Цион Тавгер и его Хеврон.
Исаак Резник (Бейт-Шемеш)..... 237
Еврейская Атлантида в скульптуре Льва Сегала.
Григорий Фурман (Нетания)..... 252
Монус Соминский – ученый, литератор, человек.
Хаим Венгер (Иерусалим)..... 264
Личность светлая, прекрасная, талантливая…
(Яков Львович Сорокер). *Леонтина Бас (Иерусалим)*..... 277
Дирижерской палочкой он творил чудеса (Юрий Аронович).
М.И.Пархомовский (Ашкелон)..... 289
Золотая цепь (Авраам Суцкевер).
Арон Гройсман (Бейт-Шемеш)..... 298
Авраам Карпинович – народный писатель.
Сара Лапицкая (Тель-Авив)..... 310
Рав Ицхак Зильбер. *Гидеон Бродский (Иерусалим)*..... 323

Вначале было слово... на иврите 333

В четырех шагах от задуманного.
Абрам Соломоник (Иерусалим)..... 335
Иврит – моя любовь.
Барух Подольский (Тель-Авив)..... 353
История одной книги.
Леонид Зелигер (Иерусалим)..... 363
Иврит – это просто (Или «Смотри в корень»).
Рина Раковская (Тель-Авив)..... 382

Об авторах и редакторах книги 393
Указатель имен 405
Аннотации 419
Аннотации на английском языке... 429
Содержание 436
Аннотации на иврите ..... I–XII (441–452)

Contents

Everything was started from Zero 5

The story of Zvi and Jacob Maimon brothers (From the history of creation of Hebrew stenography and establishment of the volunteer movement). *Ruth Koretski-Maimon (the Zor'a kibbutz). Translated from Hebrew by Rena Parkhomovsky.* 7

His slogan was Judaism and humanity. Some features of Joseph Klausner's personality. *Victor Radutski (Jerusalem)*..... 24

"Once upon a time, these streets were like living people"... (Menachem Sheinkin). *Aron Cherniak (Haifa)*..... 43

The first "Israeli bulldozer". *Mikhail Heifets (Jerusalem)*..... 58

The joke is the soul of the people. (Alter Druyanov, 1870–1938). *Shulamit Shalit (Tel-Aviv)*..... 76

Palestinian Jews – organizers of assistance to the Red Army (1941–1945). *Alexander Gak (Netanya)*..... 87

The Vilenchuk spouse. *Era Mazovetskaya (Tel-Aviv)*..... 103

Elisheva. *Era Mazovetskaya (Tel-Aviv)*..... 118

The David Tidhar – is he a personification of the Zionist myth? *Zoya Kopelman (Jerusalem)*..... 129

In Memory of Shlomo Even-Shoshan: The history of Russian-Israeli literary connections. *Tatiana Drubetskaya (Haifa)*..... 148

Berl Katznelson. *Joseph Usvitsky (Yosef Eitan, Jerusalem)*... 166

Between Scilla and Haribda: The foreign policy of the State of Israel formulated by Ben-Gurion. *Michail Goldenberg (Haifa), Alexander Tsadikov (Netanya)*..... 187

Near the Gilboa Mountains, near the spring: the story of the "Russian" kibbutz Ein-Harod (1921–1953). *Vladimir Tsyvkin (Haifa)*..... 210

Only those who is walking is able to get through the road 235

Ben-Zion Tavger and his Hebron.
Isaac Reznik (Bet-Shemesh)..... 237
Jewish Atlantis in Lev Segal's sculptures.
Gregory Furman (Netanya)..... 252
Monus Sominsky – a scholar, writer, human being.
Haim Wenger (Jerusalem)..... 264
The radiant, beautiful, talented person...
Yakov L'vovich Soroker (1920–1995).
Leontina Bass (Jerusalem)..... 277
He made miracles by his baton (Yuri Aronovich).
Mikhail Israilevich Parkhomovsky (Ashkelon)..... 289
The golden chain (The Jewish poet Avraham Suckever).
Aron Groisman (Bet-Shemesh)..... 298
Avraam Karpinovich – the people's writer.
Sara Lapitskaya (Tel-Aviv)..... 310
Rabbi Itzhak Silber. *Gideon Brodsky (Jerusalem)*..... 323

First was a word... in Hebrew 333

In the vicinity of thoughts. *Abram Salomonik (Jerusalem)*..... 335
Hebrew is my love. *Baruch Podolsky (Tel-Aviv)*..... 353
The history of one book. *Leonid Zeliger (Jerusalem)*..... 363
Hebrew – it is simple (or "Look into the root").
Rina Rakovskaya (Tel-Aviv)..... 382

About Contributors and Editors 393
Index of Names 405
Abstracts in Russian 419
Abstracts in English 429
Abstracts in Ivrit ..... I–XII (441–452)

עברי, בן שני כרכים, מילון מקצועי "להבין עיתון", מילון-תקליטור (כ-50,000 מילים), שני מילונים עברית-אמהרית, מילון יידיש-רוסי (כ-25,000 מילים, באינטרנט) ועוד. עורך המילון "רב-מילים". מלמד בחוג לשפות שמיות באוניברסיטת תל אביב.

תולדות ספר אחד

לאוניד זליגר (ירושלים), עמ' 363-381

סיפור על הספר "עברית", אשר "עלה" לישראל לפני מחברו, לאוניד זליגר, מהנדס חשמל במקצועו. הספר נועד למורי העברית וגם שימש כספר עיון ללומדי העברית באופן עצמאי. הספר היה ניסיון ראשון לאחד תחת עטיפה אחת את כל החומר ללימוד יסודות העברית. אחרי עלייתו ארצה השתתף זליגר בהכנת "מילון ההווה", הכולל עברית, אנגלית ורוסית (בעריכתו של ד"ר יוסף גורי) ו"מילון לטכנאות חשמל". יחד עם חיים בלצן הכין "מילון מעשי".

עברית זה פשוט (או "הבט בשורש")

רינה ראקובסקיה (תל אביב), עמ' 382-392

בהיותה מורה מנוסה להוראת הרוסית לזרים בברית המועצות, החלה המחברת אחרי עלייתה ארצה (1991) ללמד את הרוסית לוותיקים. מחברת ספר הלימוד "קשיים אחרונים – קשיים ראשונים" וספר "מעשיות דקדוקיות לילדים ולמבוגרים: שורשי העברית", אשר יצא לאור בשלוש מהדורות. לימדה את קורס העברית בסוכנות היהודית. מ-1997 מלמדת במכללת "מקצוען 2000", שבה מנהלת את הקורס "שורשי העברית", היוצר את השיטה האלטרנטיבית של הוראת הלשון. מנהלת את שיעורי העברית וההיסטוריה היהודית ברדיו רק"ע ואת קורס העברית באינטרנסט, מחברת ספרי לימוד ומילונים.

הקדיש שישה ספרים. גיבוריו הם אנשים, אשר נקלעו לשולי החברה. הנושא הישראלי הופיע אחרי מלחמת יום הכיפורים בספר "יום המלחמה". ספרו האחרון של הסופר הוא "צור פוס קיין ארץ ישראל" (ברגל לארץ ישראל). הרצה באוקספורד, מוסקווה, בירוביג'אן, אוקראינה. חבר המועצה העולמית לתרבות יידיש. חתן פרסי מנדלי מוכר ספרים ואיציק מאנגער, פרס ראש הממשלה, חיים גראדע בארצות הברית וגם פרס במקסיקו. יצירותיו תורגמו לשפות רבות, נכללו לשורת אנתולוגיות.

הרב יצחק זילבר

גדעון ברודסקי (ירושלים), עמ' 323-332

יצחק זילבר נולד במשפחת הרב, אשר נרדף בתקופה הסובייטית. סיים את אוניברסיטת קאזאן, תחת הדרכתו של חבר האקדמיה צ'בוטארוב. מעולם לא ניתק את עצמו מן המסורת היהודית, אף במחנה, אליו נקלע עקב דעותיו. הגיש סיוע רוחני וחומרי לחבריו. עלה ארצה ב-1972, לימד מתמטיקה ב"קריית נוער", עזר לעולים חדשים ללמוד את יסודות היהדות. הוסמך לרב. כמטרתו העיקרית ראה עזרה לאנשים, אשר פגע בהם גורל. זכה לאהבה ולהערצה עקב שיעורי המוסריות שלו, לימד "להיות איש", בלא קשר להיותך אתאיסט או מאמין.

בארבעה צעדים מן הגות הלב

אברהם סולומוניק (ירושלים), עמ' 335-352

המחבר, בהיותו מתגורר בלנינגרד, פיתח את השיטות של הוראת שפות זרות למבוגרים. בישראל הוא השתמש בהן ושכלל אותן לשם לימוד העברית לעולים. הוא חיבר את דקדוק העברית לדוברי רוסית וספרי עזר למורים ולמפקחים, יזם את ציוד האולפנים ברשמקולים, מקרני שקופיות ועזרים חזותיים. הטעים, כי בהוראת העברית יש לנקוט את העיקרון: לא ללמד אותה כלשון שנייה, אלא כשפת האם.
ב-1990 ארגן את קונגרס הבלשנים מארצות בעלות שפה מתחדשת, נבחר חבר האגודה האירופית ללקסיקוגרפיה. ערך ופרסם שבעה מילונים. ערך מילונים מקצועיים. מחבר המחקרים בתחום הסמיוטיקה – מדע על סימנים ושיטות סימנים.

עברית, אהבתי

ברוך פודולסקי (תל אביב), עמ' 353-362

סיפורו של ד"ר ברוך פודולסקי על דרכו אל העברית, אשר החלה בגיל הנעורים בברית המועצות, נמשכה במאסר, ולאחר מכן בשנות המאבק למען העלייה. מומחה לשפות שמיות, הוא חיבר ספרי עזר רבים לעברית, מילון עברי-רוסי, רוסי-

סאראטוב. השתתף בפסטיבל העולמי השישי של נוער וסטודנטים. ב-1964 הועמד בראש התזמורת הסימפונית של הרדיו והטלוויזיה של ברית המועצות. ב-1972 עלה ארצה. היה המנצח השני של התזמורת הסימפונית של ירושלים, המנצח הראשי של תזמורת "הרצניך" (קלן), המנצח הראשי של התזמורת השוודית המלכותית. ניצח באופרות של לונדון, שיקגו, פריס, בודפשט. ראה את ירושלים כעירו, שבה נתן קונצרטים כל שנה. נפטר בקלן ב-2002. הובא למנוחות בירושלים.

שרשרת הזהב (המשורר אברהם סוצקבר)

אהרון גרויסמן (בית שמש), עמ' 298-309

אהרון סוצקבר נולד ב-1913 בסמורגון, פלך וילנה. החל לכתוב את השירים בגיל 14. חבר החוג הספרותי "יונגע וילנע" (וילנה הצעירה). הספר הראשון של שירים, "לידער" (שירים), יצא לאור ב-1937. אסיר גטו וילנה ואחד ממארגני קבוצות ההתנגדות בו. בגטו כתב את הפואמה "כל נדרי".

ב-1944 נמלט מהגטו והצטרף למחנה הפרטיזנים, ולאחר מכן, לפי בקשתו של איליה ארנבורג, הועבר למוסקווה. השתתף בקונגרס הציוני הכ"ב (1946), הראשון אחרי מלחמת העולם השנייה. בעזרתה של גולדה מאירסון (מאיר) עלה ארצה באופן בלתי לגלי ב-1947. ב-1949 ייסד את הרבעון ביידיש "די גאלדענע קייט" (שרשרת הזהב), ועד עצם היום הזה הוא משמש כעורכו הראשי. בשנות החמישים פרסם את הפואמה "סיביר", עם איוריו של מרק שגל. מחבר "האקווריום הירוק (שיר בפרוזה)". אחד מעורכי האנתולוגיה של סופרי יידיש שנרצחו בברית המועצות. פרסם שורה של קבצי שירה ביידיש. הוענקו לו פרס איציק מאנגער לספרות יידיש, פרס ראש הממשלה (1976), פרס ישראל (1985). אזרח לשם כבוד של העיר תל אביב.

אברהם קארפינוביץ' – הסופר העממי

שרה לאפיצקיה (תל אביב), עמ' 310-322

סופר יידיש ידוע, עיתונאי ואיש ציבור, החל לפרסם במחנה העקורים בקפריסין. שם קיבל את הפרס הספרותי הראשון שלו, מיסודו של הג'וינט. ניסה לעלות לארץ ישראל באופן בלתי לגלי, אך נתפס ונכלא בבית סוהר. אחרי הקמת מדינת ישראל שוחרר ועלה ארצה. עבד בתאטרון "מטאטא", בתזמורת הפילהרמונית כמנהלן, אליה התקבל במכרז, הודות לידיעתו של שבע שפות. חיבר ספר על הכנר ברוניסלב הוברמן וכתב את תמליל המחזמר, לפי רומן "סטעמפעניו" מאת שלום עליכם. מחבר קבוע בכתב העת "די גאלדענע קייט" (שרשרת הזהב). לווילנה שלפני השואה

מונוס סומינסקי – מדען, סופר, אדם
חיים ונגר (ירושלים), עמ׳ 264-276
יליד קרונשטאדט (על ידי סנקט-פטרבורג). סיים את חוק לימודיו במכון הפוליטכני בלנינגרד. מ-1936 עבד במכון לפיזיקה שימושית (לנינגרד), חקר את תורת האור האטמוספרי, היה לסגן מנהל המכון. בשנות מלחמת העולם השנייה עסק באלמגנוט (ביטול כוח המשיכה המגנטי) של ספינות. עבד תחת הדרכתו של אברהם יופה. כתב את עבודת הדוקטור, פרסם 136 עבודות מדעיות. מ-1969 נתפס לרעיון הציוני, סולק עקב כך מן המפלגה הקומוניסטית ופוטר מן העבודה. תשע שנים נאבק, כדי לקבל את אישור היציאה מברית המועצות. עלה ארצה ב-1980. עבד במקצועו, היה יועץ בתכנית בניית מטוס קרב "לביא". יזם את סדרת הספרים "יהודים בתרבות העולמית" (יצאו 27 ספרים) ואסף סביבו קבוצת מחברים נפלאה, ובין השאר: אדוארד קאפיטייקין, שאול דודקוב, נינה ילינה, יעקב סורוקר, מאיה אולאנובסקיה. חלק מהספרים מימן מכספו האישי. ב-1991 פרסם את עבודתו המונומנטלית (652 עמודים) "האנטישמים והאנטישמיות", עבד על הספר "תאודור הרצל", אך לא נסתייע הדבר...

אישיות זכה, נפלאה, כישרונית... יעקב סורוקר (1920-1995)
לאונטינה בס (ירושלים), עמ׳ 277-288
יעקב סורוקר – כנר, חוקר-אנליטיקן של מוסיקה, פדגוג, ביבליוגרף, עורך ומרצה-פופולריזטור. סיים את האקדמיה למוסיקה של מוסקווה במגמת הכנרות. תלמידו, ולאחר מכן ידידו במשך שנים רבות, של דוד אויסטראך. כתב את עבודת הדוקטור "הסונטות לכינור של בטהובן". עבד בקישינוב, אלמה-אטה, דרוהוביץ׳, כאשר הוא משלב בין הפעילות הקונצרטית להוראה. ב-1976 עלה ארצה, וכאן היה, עד צאתו לגמלאות, נגן אלט בתזמורת הסימפונית של ירושלים. ארגן את הרביעייה הקאמרית, שבה היה כנר. מחבר הספרים "דוד אויסטראך" ו"בוריס גולדשטיין", "לקסיקון" מוסיקלי-ביבליוגרפי בשני חלקים ועבודות רבות בתחום חקר המוסיקה, אשר פורסמו בישראל ומחוצה לה. מ-1984 עבד באנציקלופדיה יהודית קצרה בלשון הרוסית, ומ-1992 היה מחבר ועורך בסדרת הספרים "יהודים בתרבות הפזורה הרוסית".

בשרביט המנצחים הוא חולל נסים (יורי אהרונוביץ׳)
מיכאל פרחומובסקי (אשקלון), עמ׳ 289-297
יורי אהרונוביץ׳ נולד ב-1933 בלנינגרד. לאחר הבקעת המצור פונה מזרחה. סיים את פקולטה למנצחים באקדמיה למוסיקה של לנינגרד. עבד בפילהרמונית של

עולים מהאימפריה הרוסית ומברית המועצות, ובין היתר: יצחק טבנקין, יליד בוברויסק, לובה לויטה, אשר נולד במינסק, שלמה לביא, יליד פלונסק, אשר הגה את הרעיון של משקים גדולים, המשלבים יחד חקלאות, תעשייה וחרושת. עד עצם היום הזה מכונה עין חרוד "הקיבוץ הרוסי".

בן ציון טאווגר וחברון שלו

יצחק רזניק (בית שמש), עמ' 237-251

נולד במשפחה, אשר שמרה את המסורת היהודית. למד באוניברסיטת מוסקווה, ובין מוריו היו פטר קאפיצה ולב לנדאו. סיים את חוק לימודיו באוניברסיטת גורקי (עתה ניז'ני נובגורוד). עשה את התגלית המדעית החשובה, המכונה "תואם מגנטי". היה מרצה בכיר בקתדרה לפיזיקה תאורטית. ארגן את החוג הציוני המחתרתי. ב-1969 קיבל את תואר הדוקטור לפיזיקה. עלה ארצה ב-1972, עבד באוניברסיטת תל אביב, ניסה להקים מכון לפיזיקה של גופים מוצקים בקרית ארבע, שבה התיישב. ב-1974 עזב את האוניברסיטה והחל לעסוק בשיקום שרידי התרבות היהודית בחברון. עם קבוצה זערורית של עוזרים, כאשר הוא עצמו עובד כשומר בית הקברות, שיקם את המצבות ההרוסות של בית הקברות היהודי העתיק. ללא כל תמיכה מצד המדינה ארגן את החפירות של בית הכנסת העתיק (המאה הט"ז) "אברהם אבינו", אשר שוקם ונפתח ב-1981. נפטר ב-1983. שמו של בן ציון טאווגר נושאת כיכר בחברון.

אטלנטיס היהודית בפסליו של לב סגל

גריגודי פורמאן (נתניה), עמ' 252-263

לב סגל נולד בבלאיה צרקוב (שדה לבן), התגורר בקייב. הציג את יצירותיו בתערוכות בקייב ובמוסקווה (מאנז'), שבה זכה לתעודת הוקרה. ב-1973 עלה ארצה. פיסל והטביע פסלים ודיוקנות מוטבעים רבים, בין היתר של שלום עליכם, ארנסט המינגווי, ניקולו פאגאניני, זאב ז'בוטינסקי, דוד הופשטיין ואחרים. כמה שנים התגורר בכפר האמנים שא נור. השתתף בכל התערוכות (כ-20) של התאחדות הציירים של נתניה. הציג ב-35 תערוכות אישיות, בין השאר בבית הנשיא, בצרפת, בגרמניה. דיוקנו המוטבע של שלמה מיכאלס, פרי יצירתו, מוצג בבית הספרים הלאומי בירושלים. פסליו "כנר על הגג" ו"כליזמרים" הוצבו ברחובות נתניה והיו לאתרי התיירות העיקריים של העיר.

לעברית מיצירותיהם של סופרים רוסים וסובייטיים (לפי חשבונו של המתרגם עצמו, לא פחות מ-200). חלק ניכר של המאמר מוקדש לידידותו של שלמה אבן שושן עם אנטולי קוזנצוב, מחבר הרומן "באבי יאר", וויקטור נקראסוב .

ברל כצנלסון

יוסף אוסביצקי (איתן, ירושלים), עמ' 166-186

מורה ומנהיג תנועת העבודה הציונית, הוגה דעות וסופר (1887-1944). מזכיר "ועד פועלי החקלאות בגליל" ולאחר מכן מזכיר "ועד הפועלים החקלאים ביהודה". עודד את הצעירים להתגייס לגדודים העבריים. מארגן האיחוד של תנועת העבודה הציונית והקמת מפא"י. מקים הסניפים הראשונים של קופת החולים הכללית. עיתונאי ופובליציסט. העורך הראשי של עיתון יומי של פועלי ארץ ישראל "דבר", מייסד הוצאת הספרים ההסתדרותית "עם עובד". מ-1920 ציר כל הקונגרסים הציוניים, חבר ההנהלה הציונית והנהלת קרן קיימת לישראל. שיתף פעולה עם חיים וייצמן וזאב ז'בוטינסקי. יחד עם דוד בן גוריון צידד בהחרפת המאבק נגד ממשלת המנדט, יזם את שידורי "קול ישראל" המחתרתי. ברל כצנלסון הצטרף לתובעי מדינה יהודית לאלתר (כתום המלחמה), אפילו תוך חלוקת הארץ. הובא למנוחות בבית הקברות שבקיבוצו כנרת.

בין המצרים: ניווטו של בן גוריון את ספינת מדיניות החוץ של מדינת ישראל

מיכאל גולדנברג (חיפה), **אלכסנדר צדיקוב** (נתניה), עמ' 187-209

על דפים בלתי ידועים בפעילותו הדיפלומטית של בן גוריון. הן לפני הקמת מדינת ישראל, הן אחריה, הוכתבה מדיניות החוץ של בן גוריון בצורך לשמור על שיווי המשקל ביחסים עם מעצמות העל. מחד גיסא, מדינת ישראל נזקקה לעזרת המערב, כדי להתעצם ולהתגונן נגד המצור הערבי ו"הסובייטיזציה" של האזור, אך מאידך גיסא, היא נדרשה לשמור על יחסים טובים עם הגוש המזרחי, אז המקור היחידי של העלייה.

לרגלי הגלבוע, ליד המעיין: תולדות הקיבוץ "הרוסי" עין חרוד (1921-1953)

ולדימיר ציבקין (חיפה), עמ' 210-234

עין חרוד הוא אחד הישובים הראשונים, שבו התגשם רעיון הקמת המשקים השיתופיים הגדולים, הלא הם הקיבוצים, בארץ האבות. קיבוץ עין חרוד הוקם ב-1921 כמחנה האוהלים והפך במרוצת השנים למרכז הקיבוץ המאוחד ול"בירת" התנועה הקיבוצית. המתיישבים הראשונים במקום היו 35 חברי גדוד העבודה. בתולדות התפתחות הקיבוץ ובעיצוב האידאולוגיה שלו מילאו תפקיד מכריע

בראש אגודת המהנדסים האדריכלים, תרם תרומה מכרעת להתפתחות הענפים המובילים של המשק הישראלי.

אלישבע

ארה מאזובצקיה (תל אביב), עמ׳ 118-128

מפליא הוא גורלה של המשוררת הרוסית יליזאווטה ז׳ירקובה. היא החלה לפרסם את שיריה במוסקווה בשם א׳ לישבה. למדה עברית ויידיש ופרסמה את שיריה העבריים הראשונים ב-1922. תרגמה לרוסית מיצירותיהם של יהודה שטיינברג, יוסף חיים ברנר, ניסן גנסין וגרשון שופמן, ומיידיש שיריו של שמואל יעקב אימבר, התכתבה עם חיים נחמן ביאליק. ב-1925, יחד עם בעלה שמעון ביחובסקי, מוציא לאור של ספרים בעברית, עלתה לארץ ישראל. כאן פרסמה בעברית סיפורים ושירים, כתבה על יצירות של אלכסנדר בלוק ואנה אחמטובה, פרסמה רומן אוטוביוגרפי ״סימטאות״, תרגמה מאנגלית לעברית את ״המכתבים מבית הסוהר״ מאת ג׳וואהארלאל נהרו אל בתו אינדירה גנדי. נפטרה ב-1949, הובאה למנוחות בבית הקברות של כנרת, ליד רחל.

דוד תדהר – התגלמות המיתוס הציוני?

זויה קופלמן (ירושלים), עמ׳ 129-147

דוד תדהר נולד במשפחת יוצאי רוסיה. עסק בספורט, היה חבר הוועד המארגן של המכביה הראשונה. לחם בשורות הגדודים העבריים. היה חבר לשכת הבונים החופשים. שירת בבולשת, היה מפקד משטרת ירושלים, ב-1926 פתח משרד בילוש פרטי. כמה שנים עבד במשטרת מצרים, שם צנזר את החומר בעברית וביידיש. פרסם בעיתון ״דואר היום״ בעריכתו של זאב ז׳בוטינסקי מאמרים מפרי עטו. יחד עם מאיר דיזנגוף הקים בתל אביב את מוזיאון האמנות. קיים קשרים עם לח״י. יזם את הקמת ״בית ז׳בוטינסקי״. מחבר הספר ״פושעים ופשיעה בארץ ישראל״ וסדרת ספרי הבלשים. הוציא לאור ״אנציקלופדיה לחלוצי הישוב ובוניו״ (1947-1970, 19 כרכים).

לזיכרו של שלמה אבן שושן: פרק בתולדות הקשרים הישראליים-רוסיים הספרותיים

טאטיינה דרובצקיה (חיפה), עמ׳ 148-165

שלמה אבן שושן (1910-2004), יליד מינסק, היה הצעיר בין שלושת האחים לבית אבן שושן, שהשפיעו כה רבות על חיי התרבות בארץ ישראל ובמדינת ישראל. במשך כל ימי חייו הארוכים גילה עניין מיוחד בספרות הרוסית והסובייטית, תרגם

הבריחה – נפש העם (אלתר דרויאנוב, 1870-1938)
שולמית שליט (תל אביב), עמ׳ 76-86
דרויאנוב היה עסקן ציוני, סופר, פובליציסט, מלקט הפולקלור של יהודי מזרח אירופה. ב-1900-1905 שימש מזכיר ״הוועד לישוב ארץ ישראל״ באודסה, ובשנים 1906-1909 ישב בארץ ישראל. ערך אוסף התעודות החשוב ״כתבים לתולדות חבת-ציון וישוב ארץ ישראל (3 כרכים), חיבר ספר ״פינסקר וזמנו״ ומאמרים פובליציסטיים רבים. אסף וערך את אוסף בדיחות העם היהודיות ״ספר הבדיחה והחידוד״ (3 כרכים), אשר משמר לדורות את ההומור היהודי המיוחד.

יהודי ארץ ישראל – מארגני הסיוע לצבא האדום (1941-1945)
אלכסנדר גאק (נתניה), עמ׳ 87-102
הנהגת הישוב היהודי בארץ ישראל החלה לבוא במגע עם פקידים סובייטים עוד בשנות השלושים. יזמו את היחסים הללו שלמה קפלנסקי, אליעזר טרנופולר, אהרון ציזלינג, יעקב זרובבל, יהודה קופלוביץ (אלמוג), מ׳ רוטברג ואחרים, ב-1941 הוקם הוועד הציבורי לעזרת ברית המועצות במאבקה נגד הנאציזם, וב-1942 – ליגה ו׳ (הליגה למען הניצחון). בראש התנועה עמד שלמה קפלנסקי. סגנו, אהרון ציזלינג, היה אחראי למשלוח לצבא האדום אמבולנסים, ציוד רפואי, נסיוב נגד טיפוס הבהרות. דרך השגריר הסובייטי בלונדון, איוואן מאיסקי, נמסרו תרומות למפציצים וטנקים. דוד בן גוריון שוחח עם מאיסקי ב-1943 בקיבוץ מעלה החמישה על המדינה היהודית העתידה לקום. ב-1946 הוקמה על יסוד ליגה ו׳ אגודת הידידות עם ברית המועצות (יושב הראש – אליעזר טרנופולר), אשר סייעה לבצר את חשיבות הקמתה של מדינת ישראל בתודעתה של המנהיגות הסובייטית.

בני הזוג וילנצ׳וק
ארה מאזובצקיה (תל אביב), עמ׳ 103-117
לידיה ויצחק וילנצ׳וק תרמו תרומה אדירה להתפתחות הישוב היהודי בארץ ישראל. הם העמידו, כל אחד בתחומו, פמליה מזהירה של מומחים, יזמו מפעלים חיוניים בשורת ענפי המשק הארץ ישראלי. לידיה וילנצ׳וק, ילידת סנקט-פטרבורג ובוגרת המכון הפוליטכני בברלין, עלתה ארצה ב-1932. בעת מלחמת העולם השנייה התנדבה לצבא הבריטי. לאחר המלחמה עבדה כמהנדסת בניין, ואחר כך ארגנה מערך ספריות והקימה מערכות שירותי מידע וביבליוגרפיה. יצחק וילנצ׳וק, חבר התנועה הציונית ברוסיה ועד ההפיכה הבולשביקית, עבד לאחר עלייתו ארצה כמהנדס ראשי של חברת החשמל מיסודו של פינחס רוטנברג, ואחר כך כמהנדס ראשי של חברת ״מקורות״. עסק בהקמת אזורי תעשייה בגוש דן ובכל הארץ. עמד

הקתדרה לתולדות הבית השני, ואז פרסם את ספרו המונומנטלי "היסטוריה של הבית השני". קלוזנר חיבר עוד: "הלשון העברית לשון חיה", "כאשר אומה נלחמת על חרותה", "ישוע הנוצרי, זמנו, חייו ותורתו", "מישו עד פאולוס", "פילוסופים והוגי דעות", עבודות על שפינוזה ואפלטון, אשר תורגמו לשפות רבות, מילונים, כולל "מילים מדוברות" ומילון כיס בן ארבע שפות. קלוזנר היה העורך הראשון של "האנציקלופדיה העברית", מייסודה ועד שנת מותו (כרכים א'-ח'). ב-1958 הוענק ליוסף קלוזנר פרס ישראל.

"בשכבר הימים היו הרחובות הללו אנשים חיים"... (מנחם שיינקין)

אהרון צ'רניאק (חיפה), עמ' 43-57

מנחם שיינקין היה מנהיג ציוני ידוע. ייסד את החוג "בני ציון", הארגון הציוני הראשון באודסה. ב-1906 עלה לארץ ישראל, ובה עמד בראש לשכת העלייה ולשכת המודיעין של "חובבי ציון" ביפו. אחד ממארגני הגדודים העבריים. ראש לשכת העלייה של ההנהלה הציונית. יצא בשליחויות לרוסיה וארצות הברית למען הפצת הציונות, איסוף התרומות לעלייה ומשיכת ההון לארץ ישראל. היה חסיד בניין הארץ ביוזמה הפרטית. כל כתביו יצאו לאור בכרך אחד ב-1935. אחד ממייסדי תל אביב.

"הרחפור הישראלי" הראשון

מיכאל חפץ (ירושלים), עמ' 58-75

לוי אשכול (שקולניק), ראש הממשלה השלישי של מדינת ישראל, עלה ארצה בגיל 19. היה חבר מפלגת "הפועל הצעיר". בשנים 1918-1920 שירת בגדוד העברי. ב-1920 היה בין מייסדי קבוצת דגניה ב'. מילא תפקיד מרכזי בהקמת מפא"י. מומחה לכלכלה וכספים, עסק בסוגיות משקיות רבות. סייע לעליית יהודי גרמניה לארץ ישראל, אשר השפיעו כה רבות על פריחת הכלכלה הארץ ישראלית. עמד בראש חברת "מקורות". בעת מלחמת העולם השנייה היה חבר מפקדת "הגנה", ושימש כאחראי לרכש ולמפעלים ביטחוניים. עם הקמת המדינה היה מנכ"ל משרד הביטחון, הניח יסוד לתעשייה הביטחונית. שימש שנים רבות כראש מחלקת ההתיישבות החקלאית של הסוכנות היהודית. באוקטובר 1951 נתמנה כשר החקלאות והפיתוח, וביוני 1952 כשר האוצר. בין השנים 1963-1969 היה ראש ממשלת ישראל. עמד בראש הביצוע של המפעלים הלאומיים החשובים: בניית הנמלים באשדוד ובאילת, הקמת המוביל הארצי ועוד. מארגן הניצחון המזהיר במלחמת ששת הימים.

הספר הזה מוקדש ליהודים, אשר עלו לארץ ישראל ולמדינת ישראל מרוסיה ובריתּ המועצות. הגברים והנשים הללו תרמו תרומה עצומה לחיים הפוליטיים, התרבותיים והמדעיים של הארץ, ולעתים אף קבעו את אופייה. אחדים מגיבורי הספר לא מוכרים מספיק, או אף כמעט ונשכחו מן הלב. מטרת הספר היא אפוא העלאתם מתהום הנשייה.

תודה מיוחדת אני חייבת לראש המרכז לחקר יהודי רוסיה בפזורתם, מיכאל פרחומובסקי אישי, על עזרתו ביצירת הספר: עבודת הנמלים בעריכתו, בנייתו ועיצוב דמותו. ללא שיתוף הפעולה שלו ספק אם הספר היה מגיע לידי הקורא.

רנה פרחומובסקי,
עורכת הספר

תקצירים

מעשה באחים צבי ויעקב מימון (מתולדות הקצרנות העברית ותנועת ההתנדבות)
רות קורצקי-מימון (קיבוץ צרעה), תרגום מעברית: רנה פרחומובסקי, עמ׳ 7-23

צבי ויעקב מימון נולדו בעיר ליבאווה (לייפאיה), פלך קורלנד. לאחר עלייתו ארצה חיבר יעקב מימון, אשר למד בילדותו קצרנות גרמנית, את השיטה הנפוצה והמקובלת ביותר של הקצרנות העברית. עבודתו הצליחה, ושיטתו משמשת עד עצם היום הזה ברישום דיוני הכנסת. צבי מימון עזר לאחיו בעבודתו, היה הקצרן הממשלתי ומזכירו האישי של דוד בן גוריון בשנים 1942-1948. בראשית שנות החמישים יזם יעקב מימון וארגן את תנועת ההתנדבות לעזרת העולים החדשים. צבי מימון עזר להקמת קיבוץ צרעה. הוא נתן במתנה לקיבוץ את אוסף ספריו, אשר הונח ביסוד הספרייה העשירה, הנושאת את שמו.

סיסמתו: 'יהדות ואנושיות' – קווים לדמותו של יוסף גדליה קלוזנר
ויקטור רדוצקי (ירושלים), עמ׳ 24-42

יוסף קלוזנר הוא היסטוריון, מבקר ספרות וחוקר הספרות העברית. ידע חמש עשרה שפות. היה חבר אגודת "שפתנו אתנו", יחד עם שאול טשרניחובסקי, נחום סלושץ ואחרים. ב-1897 היה ציר הקונגרס הציוני הראשון מטעם הסטודנטים היהודים. עלה לארץ ישראל ב-1919. היה המזכיר המדעי ואחר כך עורך הפרסומים של ועד הלשון. ב-1925 מונה לראש החוג לספרות עברית באוניברסיטה העברית בירושלים. מחקריו בחקר הספרות העברית: "יוצרים ובונים" (3 כרכים), "היסטוריה של הספרות העברית החדשה" (6 כרכים). מ-1944 עמד בראש

המרכז לחקר יהודי רוסיה בפזורתם

ראש המרכז: ד''ר מיכאל פרחומוסקי

כרך 14

לכו ונבנה את חומת ירושלים

(יהודי רוסיה, ברית המועצות וחבר המדינות העצמאיות בארץ ישראל ומדינת ישראל)

ספר שני: הם עשו היסטוריה

עורכת: רנה פרחומובסקיה

מועצת המערכת: דן חרוב, מאשה נאדרה, אברהם סולומוניק

© כל הזכויות שמורות למרכז לחקר יהודי רוסיה בפזורתם ולמחברי המאמרים (mipar@barak-online.net)

המרכז לחקר יהודי רוסיה בפזורתם ועורכת הספר מודים בלבביות ליפים גורביץ' על סיועו בהוצאת הכרך לאור

מסת"ב 3-911-222-965

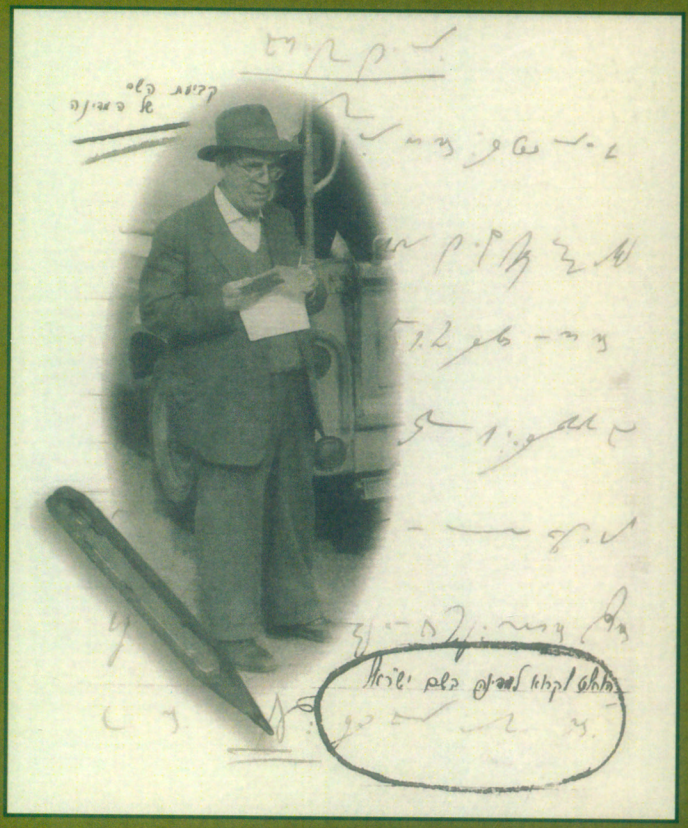
בשער: יעקב מימון על רקע הסטנוגרמה של ישיבת מנהלת העם מ-12 במאי 1948, שבה הוחלט לקרוא למדינה היהודית בשם "מדינת ישראל".

לכו ונבנה את חומת ירושלים
ספר שני: הם עשו היסטוריה

ירושלים,
תשס"ז – 2006

לכו ונבנה את חומת ירושלים

ספר שני: הם עשו היסטוריה

ירושלים,
תשס"ז – 2006